

М.В.ВИШНЯК

Марк Вениаминович
В И Ш Н Я К

В С Е Р О С С И Й С К О Е
У Ч Р Е Д И Т Е Л Ь Н О Е
С О Б Р А Н И Е

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта
А. Б. Усманов

Редакционный совет:

- Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
- И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
- А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
- В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Марк Вениаминович В И Ш Н Я К

В С Е Р О С С И Й С К О Е
У Ч Р Е Д И Т Е Л Ь Н О Е
С О Б Р А Н И Е

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

А. Н. Медушевский,
доктор философских наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
В55

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НПО «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное Собрание /
В55 М. В. Вишняк; [сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушев-
ский]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2010. — 448 с. — (Библиотека отечественной общественной мыс-
ли с древнейших времен до начала XX века).
ISBN 978-5-8243-1199-0

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1199-0

© Медушевский А. Н. составление тома,
вступительная статья, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Марк Вениаминович Вишняк

Публикуемый труд М. В. Вишняка — не только одна из классических работ по истории Учредительного собрания, но и важнейший исторический источник его изучения. В истории всякой нации принципиальное значение имеет так называемый конституционный момент — период, когда в результате мощного национального подъема, связанного, как правило, с крупными социальными потрясениями революционного характера, происходит принятие основополагающих норм и правил — Конституции или Основного закона страны. История знает ряд подобных Конституант — Учредительных собраний, сформировавших не только правовую, но в известной мере и национальную идентичность крупнейших современных демократий. Великие конституанты, принимая конституции, консолидируют нацию (Конвент во Франции, Филадельфийский Конгресс в США, Франкфуртский парламент 1848 г.). Конституционная ассамблея Индии, принявшая конституцию 1950 г., символизировала обретение страной независимости. 1970-е гг. отмечены созывом национальных ассамблей стран Южной Европы (напр., Конституция Испании 1978 г.); 1990-е — конституант Восточной Европы, принявших новые демократические конституции в ходе декоммунизации. Подобное консолидирующее значение институтов учредительной власти реализовалось в ряде развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки последних десятилетий¹.

Данной национальной консолидации и принятия демократической конституции не произошло в России в 1917 г., несмотря на радикальный характер социального переворота, начатого Февральской революцией, продолженного в ходе социалистического эксперимента и завершившегося крушением государства в конце XX в. Респуск Конституанты может состояться либо по завершении ею своей конституционной миссии — разработки и принятия нового

¹ Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

Основного закона, либо в результате государственного переворота². Второй случай имел место в России. Однако, важно выяснить, почему подобное развитие событий стало возможно и что это значило для судеб российской демократии и конституционализма³. Для решения данной проблемы необходимо найти ответы на следующий ряд вопросов: во-первых, в какой мере идея Учредительного собрания объективно составляла основу легитимности политического режима, способного возникнуть и действовать в переходный период; во-вторых, каковы были возможные варианты конституционного развития страны в случае сохранения Конституантой своих прерогатив; в-третьих, каковы были возможные сценарии развития конфликта между Конституантой и временной исполнительной властью и на какой именно стадии была упущена возможность его правового разрешения; в-четвертых, каковы были причины насильственного роспуска Конституанты большевиками; и, в-пятых, в чем заключались последствия роспуска для России в сравнительно-исторической перспективе. Ключевой фигурой в осмыслении данного круга вопросов безусловно стал М. В. Вишняк — видный российский юрист и политический деятель, активно участвовавший в подготовке Учредительного собрания и внесший немалый вклад в освещение его судьбы.

1. Вехи биографии и развитие политических убеждений

Марк Вениаминович Вишняк (2.1.1883, Москва, — 31.8.1976, Нью-Йорк) — известный государствовед, публицист, общественный и политический деятель периода русской революции 1917 г. Он происходил из московской еврейской купеческой семьи, глава которой занимался торговлей тканями. Вишняк достаточно рано заинтересовался политикой

² *Lawvaux Ph.* La dissolution des assemblées parlementaires. Paris, 1983; *Линц Х.* Крушение демократических режимов. Вашингтон, 1993; *Медушевский А. Н.* Технологии конституционных переворотов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3 (56). С. 3–23.

³ Основные публикации документов Учредительного собрания: Учредительное собрание. Стенографический отчет. Пг., 1918; Временное правительство и Учредительное собрание // Красный архив. 1928. Т. 3 (28); Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991; Конституционные проекты в России XVIII — начала XX вв. М., 2000.

и последовательно выражал устремления той части радикальных общественных кругов, которые были представлены партией социалистов-революционеров. По окончании Первой московской гимназии (1901) и юридического факультета Московского университета (1907), Вишняк как ученый и правовед активно выступает в защиту правового положения национальных меньшинств в России. В дальнейшем тема положения национальных меньшинств и прав личности стала одной из центральных в его творчестве. После защиты диссертации «Личность в праве» он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. В 1903–1904 гг. Вишняк изучал медицину в Баденском университете (Германия). С 1908 г. он — помощник присяжного поверенного (Н. Муравьева).

Формирование политических убеждений Вишняка совпало со временем Первой русской революции: в 1904 г. за участие в студенческой демонстрации он был арестован и провел месяц в тюремном заключении. В октябре 1905 г. он становится членом партии социалистов-революционеров (ее Московского комитета), вновь подвергается арестам. Степень вовлеченности Вишняка в революционное движение оказалась чрезвычайно значительной. В декабре 1905 г. он принял участие в вооруженном восстании в Москве, являлся членом редакции газеты «Известия» — органа Московского Совета рабочих депутатов, стал участником I съезда ПСР (декабрь 1905 — январь 1906 г.). В январе 1906 г. арестован в Москве, но в марте бежал из заключения. В 1906–1907 гг. находился в эмиграции в Германии. После нелегального возвращения вновь арестован в Москве в феврале 1907 г., но уже в августе освобожден под залог. В 1910–1911 гг. пребывал в ссылке в Томской губернии. В 1912–1913 гг. проходил срочную службу в армии. В годы Первой мировой войны «оборонец», находился на воинской службе в тыловых частях (1914–1915).

В период между двумя революциями (1905–1917) сформировались радикальные взгляды Вишняка, выражавшиеся им в публицистической форме. В данный период он сотрудничал в известных общественно-политических журналах — «Русское богатство», «Юридический вестник», «Вестник права и нотариата», «Образование», «Книга», а также газетах — «Право», «Сын Отечества», «Русские ведомости». В то же время, он получает уникальную возможность соотносить теоретические конструкции правоведения с опытом реальных политических изменений.

Следует подчеркнуть, что Вишняк получил хорошее юридическое образование, прекрасно знал европейскую и русскую правовую литературу и практику. В рассматриваемый период определяющее значение в юридической мысли получила концепция кризиса права. Кризис целостной системы правовых норм оказывается практически неизбежен в условиях радикальной социальной трансформации: он включает различные фазы — первоначально существующее единство правовых норм; его распад и восстановление системы на новой основе. Теория кризиса призвана ответить на вопросы о том, почему происходит распад целостной системы норм; какие факторы управляют этим процессом; можно ли остановить или замедлить процесс распада; при каких условиях восстановление единства системы норм ведет к восстановлению старого, а при каких — нового права⁴. На рубеже XIX–XX вв. данная проблема стала центральной для таких мыслителей, как Г. Еллинек, П. Лабанд, а позднее М. Вебер, Р. Сменд и К. Шмитт в Германии, А. Эсмен, Л. Дюги, М. Ориу и Р. Карре де Мальберг во Франции, Г. Ласки в Англии, В. Парето и Дель Веккио в Италии, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев и М. Я. Острогорский в России⁵.

Наиболее значительное влияние на теоретические воззрения Вишняка оказало, безусловно, общее учение о государстве Г. Еллинека и, особенно, его концепция конституционных кризисов. В конфликте старого и нового права Еллинек усматривал объяснение кризиса права. Он выделял три возможных ситуации: во-первых, столкновение правовой силы с бессильным правом, когда в результате, например, государственного переворота победа новой силы придает ей характер правосозидающего фактора; во-вторых, столкновение новых правовых идей с действующим (позитивным) правом, составляющее суть дебатов в парламенте и академических кругах; в третьих, столкновение двух правопорядков в одном государстве. Последний вариант особенно интересен, поскольку отражает ситуацию переходных процессов в развитии права⁶.

Еллинек и его русские последователи (Ф. Ф. Кокошкин, В. М. Гессен, Вишняк) констатировали возможность такого противоречия двух

⁴ Медушевский А. Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008. С. 89–111.

⁵ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1998.

⁶ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.

правопорядков в одной правовой системе, при котором конфликт между ними оказывается практически неизбежен, поскольку они опираются на противоположные принципы, но стремятся регулировать одни и те же области права. В соответствии с тем, какой из конфликтующих правопорядков в рамках формально единой правовой системы общество рассматривает как перспективный, решаются вопросы: какой правопорядок становится господствующим, а какой отступает на периферию и сохраняется в лучшем случае в виде правовых пережитков; как интерпретируется проблема соотношения легитимности и законности основных правовых актов; как определяется ситуация пробелов в праве и решается вопрос об их заполнении. Революции, при такой интерпретации, есть выражение целенаправленного изменения конституций путем насильственных переворотов, осуществляемых «снизу» или «сверху», причем «каждая удавшаяся революция творит новое право». Это была именно та концепция конституционной революции, которая получила широкое распространение в русской юриспруденции, как либеральной, так и леворадикальной, хотя эти течения делали из нее различные выводы — в пользу политических реформ или радикального революционного переворота⁷. Данный революционный переворот, по мнению его сторонников, неизбежно означает разрыв правовой традиции и создание принципиально новой правовой системы путем созыва конституирующей власти — Учредительного собрания.

Вишняк, разделяя эти концептуальные установки, обосновывал их в своих политических сочинениях революционного и, особенно, послереволюционного периода, когда (уже в эмиграции) он попытался выстроить ретроспективную модель русской революции, Учредительного собрания и причин его крушения. Эти принципы были положены им в основу политической деятельности кануна и времени Февральской революции 1917 г.

В 1916–1917 гг. Вишняк — секретарь «Известий Главного комитета Союза городов». После Февральской революции 1917 г. он был избран депутатом I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов

⁷ См. напр.: *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912; *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг., 1917; *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998.

(май 1917), вошел в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ВСКД), а также — в бюро Исполкома. Был избран гласным Московской городской думы. Вишняк являлся участником III и IV партийных съездов и 7-го Совета партии социалистов-революционеров (ПСР). Он входил в редакцию центрального органа партии — газеты «Дело народа» (1917–1918). Вишняк был включен партией социалистов-революционеров в состав Особого совещания для изготовления Проекта положения о выборах в Учредительное собрание⁸.

Вишняк принимал участие в работе московского Государственно-го совещания и Демократического совещания в Петрограде. Как представитель исполкома ВСКД входил во Временный совет Российской республики (Предпарламент) (председатель — Н. Д. Авксентьев, секретарь — М. В. Вишняк, товарищи председателя — А. В. Пешехонов от народных социалистов, В. Д. Набоков от кадетов, В. Н. Крохмаль — от меньшевиков)⁹. Большевики во главе с Л. Троцким — покинули Совет. «Предпарламент, — отмечал Вишняк, — был обреченным учреждением, фатально приближавшимся к своему концу, несмотря на всю развитую им деятельность по лучшим образцам западноевропейского парламентаризма. Разгон Предпарламента входил в разработанную большевиками программу захвата власти и был приведен в исполнение в роковой для истории России день 25 октября»¹⁰.

Об активной роли Вишняка в деятельности партии эсеров говорит тот факт, что он подписал «Воззвание группы старых работников партии С.-Р. «К партийным товарищам», где констатировалось существование острых разногласий в партии на пике ее популярности, говорилось о необходимости преодоления популизма, сохранения верности партийной программе и оздоровления партии»¹¹.

⁸ Постановление ЦК Партии социалистов-революционеров по организационным вопросам, в том числе о распределении обязанностей между членами ЦК // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.) М., 2000. С. 653.

⁹ См.: Отчет о заседании Фракции С.-Р. Временного Совета Российской Республики 6 октября 1917 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 827

¹⁰ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 51.

¹¹ Воззвание группы старых работников П. С. Р. «К партийным товарищам» // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 791–799.

Вишняк как представитель партии эсеров принимал участие в работе Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, он также работал в аналогичной комиссии, созданной при ЦК ПСР вскоре после III съезда партии (под руководством В. М. Зензинова). В задачи этой комиссии входило инструктирование партийных организаций в ходе проведения избирательной кампании, руководство составлением партийных избирательных списков, формирование состава фракции в будущем Учредительном собрании, снабжение партийных комитетов агитационными материалами. Вишняк представлял позицию партии по закону о выборах в Учредительное собрание¹².

После октябрьского переворота Вишняк участвовал в антибольшевистском движении. Вместе с другими членами президиума Особого совещания он был арестован ВРК, 23–27 ноября находился в заключении в Смольном. В связи с этим Вишняк не смог принять участие в работе IV съезда партии социалистов-революционеров, где должен был прочесть доклад об Учредительном собрании. Сохранилось письмо Вишняка съезду, в котором он объяснил мотивы своего отсутствия: «Как член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, я арестован большевиками именем «правительства рабочих и крестьян». Нахожусь сейчас в Смольном, обещают (неофициально) перевод в Кресты...»¹³. Однако уже 28 ноября 1917 г. Вишняк выступил на заседании частного совещания членов Учредительного собрания в Таврическом дворце, сообщив сведения, полученные с мест¹⁴. В тот же день он выступил на заседании съезда. Протокол сохранил ремарку: «Председатель доводит до сведения собрания, что в зале находится освобожденный из Смольной тюрьмы тов. Вишняк, которого собрание бурно приветствует»¹⁵.

Деятельность Вишняка по подготовке и проведению Учредительного собрания получила освещение в официальных партийных до-

¹² Отчет о работе VII Совета партии С.-Р. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 715.

¹³ Текст письма включен в документы съезда. См.: Краткий отчет о работах Четвертого съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 56.

¹⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). М., 2000. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 92.

кументах¹⁶, а также в документах фракции партии в Учредительном собрании. Он работал в комиссии по составлению Основных законов и комиссии «первого дня», в задачу которой входила «разработка программы для открытия Учредительного собрания, его первого дня»¹⁷. Его имя фигурировало в кандидатских списках партии: он проходил по Тверской губернии. Став депутатом, Вишняк вошел в бюро фракции эсеров в Учредительном собрании¹⁸.

Вишняк был избран секретарем Учредительного собрания, открывшегося 5 января 1918 г. После его роспуска он был объявлен большевиками «врагом народа» и перешел на нелегальное положение. Именно Вишняку принадлежит заслуга сохранения стенограммы Учредительного собрания. В своих воспоминаниях он описал как похитил стенографический отчет из издательства. Получив отказ заведующего, Вишняк действовал решительно: «Я медленно спускался по лестнице, когда вдруг осенила мысль: вернуться в контору и “свистнуть” матрицу — унести ее без разрешения. Мне посчастливилось: заведующий был в соседней комнате. Взобраться на приставленный к шкафу стул, приподняться на цыпочки и взять матрицу — было делом секунд. Было слышно, как колотится сердце, но я был в полном восторге. “Украденная” матрица была в моих руках, и через несколько дней “Учредительное собрание” вышло одновременно в Петербурге и Москве»¹⁹. Наконец, именно Вишняк сыграл ключевую роль в теоретическом осмыслении феномена Учредительного собрания и оценке перспектив советского режима после Гражданской войны. Он являлся активным противником большевистского переворота и его последующего международного признания.

Бегство из России было трудным. Участие в антибольшевистском движении не оставляло Вишняку возможности остаться в стране.

¹⁶ *Святыцкий Н. Н.* Отчет Комиссии по Учредительному собранию при ЦК партии социалистов-революционеров // *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 230, 233–234, 236.

¹⁷ *Святыцкий Н. Н.* Фракция партии С.-Р. Учредительного собрания и ее деятельность // *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 261, 264, 266, 268, 270.

¹⁸ VIII Совет Партии социалистов-революционеров (7–16 мая 1918 г.) // *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 366.

¹⁹ *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. С. 19.

6 февраля 1918 г. он принимает участие в заседании ЦК партии, на котором обсуждались вопросы тактики фракции эсеров в ЦИК, а также отношение к подписанному Лениным Брестскому миру²⁰. В апреле 1918 г. Вишняк вошел в нелегальный Союз возрождения России. В сентябре 1918 г. с фальшивыми документами он с женой бежал на Украину, где был арестован в Киеве, однако освобожден после полутора месяцев заключения. Затем через Одессу, Севастополь, Пирей и Марсель Вишняк добрался до Парижа (май 1919). В эмиграции он не прекращал политическую деятельность, стремясь сохранить контакты с антибольшевистским подпольем в России²¹. Деление партии эсеров в эмиграции на левых, правых и центр отражало различное видение перспектив русской революции, но одновременно свидетельствовало о расколе внутри партии. Ее лидер, В. М. Чернов, приводя это деление, однозначно относил Вишняка к правому крылу партии²². Вишняк жил в Париже до 1940 г., вел активную научную, общественную и журналистскую работу.

В творчестве Вишняка проблема русской революции занимала центральное место на протяжении всего периода эмиграции. Она раскрывалась по трем основным направлениям: причины крушения старого режима; сравнение Февральской и Октябрьской революций; сопоставление Великой французской и русских революций 1917 г. Постановка этих тем во Франции стала возможна благодаря участию крупнейших французских исследователей. Вишняк упоминает дискуссии историков в «Лиге прав человека», одним из руководителей которой был А. Олар. Несмотря на свою критику якобинцев, Олар считал французскую революцию конца XVIII в. закономерной и говорил то же о русской революции 1917 г. Споры Олара и А. Матъеза о русской революции выявляли идеологические расхождения умеренного и радикального направлений в европейской историографии. В этом контексте исследователей интересовали перспективы русской революции, в частности, проблема

²⁰ Протоколы заседаний и постановления ЦК партии социалистов-революционеров (6 декабря 1917 г. 11 мая 1920 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. — 1925 г.). С. 563.

²¹ См.: Письмо Н. Авксентьева к С.-Р. Юга России // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 411.

²² Письмо В. М. Чернова в ЦК ПСР о положении дел в эсеровской эмиграции в 1921 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 735.

бонапартизма. Возражая Олару, русские революционеры отмечали «величайшую реакцию, которую несет с собой большевизм», и допускали, что народ, «уставший от анархии», вполне способен закончить в России, как ранее во Франции, призывом к «какому-нибудь порядку»²³.

Общественная деятельность Вишняка в эмиграции была посвящена, прежде всего, защите прав национальных меньшинств. Он работал при Комитете еврейских организаций во время Парижской мирной конференции (1919–1920), состоял членом Конгресса еврейских меньшинств, с 1920 г. сотрудничал в парижском еженедельнике «Еврейская трибуна». С февраля 1920 г. входил в ЦК Российского общества в защиту Лиги Наций. Принимал участие в Совещании членов Учредительного собрания (январь 1921 г.), на котором выступал от имени группы социалистов-революционеров и по ее поручению вырабатывал резолюцию и вел переговоры с представителями кадетской партии. Ряд важных тем обсуждался в рамках Парижского института славяноведения. С 1922 г. Вишняк — профессор русского юридического факультета при парижском Институте славяноведения. (L'Institut des Etudes Slaves) Этот Институт, возглавляемый П. Н. Милюковым, развил активную деятельность в области преподавания гуманитарных дисциплин, в частности — юриспруденции. Преподавателями права являлись такие видные ученые как Б. Э. Нольде, Н. С. Тимашев, Г. Д. Гурвич и Б. С. Миркин-Гуцевич. Вишняк читал курс «Русские основные законы и политические идеи первой четверти XIX в.» и вел семинар по русскому государственному праву. Этот курс имел не только историческое, но и социологическое значение: «Здесь, — вспоминал Вишняк, — сопоставлялось бывшее положительное, действовавшее право с правом интуитивным или, в терминах Ф. Ф. Кокошкина, два источника права: официальный закон и общественное провозглашение». Вишняка интересовал процесс формирования основных политических и идеологических течений, которым суждено было действовать в русской революции²⁴. В 1925 г. Вишняк — один из основателей Франко-русского института. Он выступал с университетскими и публичными лекциями перед студентами и слушателями в Париже, Праге, Риге, Ревеле, Печорах.

²³ Вишняк М. В. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж–Нью-Йорк, Stanford, 1970. С. 26–27.

²⁴ Вишняк М. В. Годы эмиграции. 1919–1969. С. 94–95.

Журналистская деятельность Вишняка особенно значительна. В 1919–1940-е гг. он постоянно участвовал в деятельности парижской организации ПСР: выступал докладчиком на публичных собраниях, совещаниях и съездах зарубежных организаций эсеров, писал в партийных органах. Совместно с Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, А. И. Гуковским и В. В. Рудневым занимался изданием и редактированием «Современных записок» — наиболее авторитетного общественно-политического и литературного журнала русского зарубежья (1920–1940). Вишняк, как ответственный секретарь редакции, взял на себя сношения с сотрудниками и выпуск журнала, он также вел постоянный раздел «На Родине», посвященный вопросам российской внутренней политики или так называемое внутреннее обозрение. В эмиграции, признавал он, «самый ценный и самый редкий» источник информации о России — «документы и отзывы прибывающих из России политических деятелей». «Этот источник сугубо ценен: не только по содержанию непосредственно в нем почерпаемого; он ценен и тем, что дает возможность использовать и другие источники, освещая советский хаос и внося поправки в показания других, искажающих правду по умыслу или незнанию»²⁵.

Заметно усилившаяся ориентация журнала на материалы религиозно-идеалистической направленности вызвала протест со стороны Вишняка и привела к постепенному его отдалению от редакционных дел. Среди направлений его критических выступлений: идеи евразийства и социализма, в частности «конструктивного социализма» Чернова, который он оценивал как «просто эволюционный реформизм»²⁶; религиозная философия Н. А. Бердяева, подвергавшаяся критике за отрицание свободы и проповедь социально-политического нигилизма, которые, по мнению Вишняка, имели много общего как с евразийством, так и с фашизмом («бунт против свободы, культуры и истории»)²⁷; наконец, критика фидеизма в целом как избыточного влечения «к граду нездешнему», увлечение религиозностью и мистикой (в сочинениях Ф. Степуна и Н. А. Бердяева). Вишняк справедливо писал о «ложной духовности» и догматизме это-

²⁵ Вишняк М. В. На Родине // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1920. № 1. С. 205–231.

²⁶ Вишняк. Русский социализм и государство // Современные записки. 1925. Т. XXIII. С. 372–393 (Далее — СЗ).

²⁷ Вишняк. Две свободы // СЗ. 1925. Т. 23. С. 333–334.

го направления мысли²⁸. В 1936 г. он отказался от всех технических функций. В своем письме от 23 мая 1938 Вишняк заявил о нежелании продолжать сотрудничество с журналом (формально он числился редактором до конца 1939 г.). В 1937–1939 гг. он был ответственным секретарем ежемесячного журнала «Русские записки», выходившего в Париже под редакцией П. Н. Милюкова.

За несколько дней до занятия немцами Парижа Вишняк покинул город, обосновавшись на юге Франции, а через 4 месяца, в октябре 1940 г., эмигрировал в США и переехал в Нью-Йорк. В 1943–1944 гг. Вишняк преподавал русский язык в ряде учебных заведений: на военных курсах интенсивного обучения иностранным языкам при Корнельском университете (причем в числе слушателей был Р. Пайпс, позднее возглавивший кафедру русской истории в Гарвардском университете.); в 1944–1946 гг. в Морской школе восточных языков при Колорадском университете. В США Вишняк способствовал формированию научной школы изучения России и консультировал политическую элиту по вопросам отношений с Россией. В 1946–1958 гг. он — редактор-сотрудник русского подотдела еженедельника «Тайм» (Нью-Йорк) (с 1958 г. консультант по «русским вопросам»). Регулярно публиковался в «Новом журнале» (1942–1969), «Новом русском слове» (1940–1969). Сотрудничал в журнале нью-йоркской группы ПСР «За свободу» (1941–1947). Входил в инициативную группу образованной в 1949 г. в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу, ставившую основной задачей создание широкого российского демократического фронта для борьбы со сталинизмом. 18 марта 1952 г. Вишняк подписал обращение 14 русских социалистов «На пути к единой социалистической партии», которое рассматривалось как «первый шаг на пути к созданию будущей, освобожденной от большевистского тоталитаризма России единой социалистической партии».

Ряд основных трудов Вишняка завершающего периода творчества имеет автобиографический характер и посвящен осмыслению опыта русской эмиграции²⁹.

²⁸ Вишняк М. Политика и мирозерцание (О «русском социализме») // СЗ. 1927. Т. 30. С. 383–427.

²⁹ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Современные записки. Воспоминания редактора. Блумингтон, 1957; Годы эмиграции. 1919–1969. Стэнфорд, 1970.

2. Старый порядок и революция: Учредительное собрание как легитимирующий фактор переходного процесса

После падения самодержавия идея Учредительного собрания объективно составляла основу легитимности любого политического режима, пришедшего к власти в переходный период. Она, по крайней мере теоретически, закладывала основу договорной модели перехода к новому государственному устройству и создавала тем самым инструмент достижения компромисса между политическими партиями; обеспечивала пусть не юридическую, но идеологическую преемственность различных периодов российской истории и стадий революционного процесса; легитимировала (путем демократических выборов) новые институты государственной власти как внутри страны, так и вне ее — с точки зрения международного права³⁰. Создавалась основа выхода из острого политического кризиса (связанного с войной и революцией) мирным путем, избегая гражданской войны и террора.

Общая концепция русской революции была определяющей для выяснения роли российской Конституанты. Падение абсолютизма, считал Вишняк, было неизбежно в силу цельности этого явления и неспособности вписаться в современную эпоху. «В отличие от всех других политических режимов абсолютизм не терпит степеней или градаций, переходов или компромиссов. Он абсолютен. Частичные уступки противоречат его существу. Самоограничение равнозначно самоуничтожению. И революционная ликвидация абсолютизма является типичной не потому только, что возглавлявшие его люди были недостаточно гибки и дальновидны. <...> И не в финансовом крахе основная причина столь часто катастрофической гибели абсолютизма. Причины — в невозможности для него приспособиться к требованиям жизни, в неспособности внять зову и духу времени, в

³⁰ *Кокошкин Ф. Ф.* Учредительное собрание. Пг., 1917; *Гессен В. М.* Русское Учредительное Собрание и выборы в него. Пг., 1917; *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 1932; *Он же:* Всероссийское Учредительное собрание // СЗ. 1928. Т. 34. С. 363–400; см. также: *Авксентьев Н.* Выборы народных представителей. СПб., 1906; *Дан Ф. (Гурвич Ф. И.).* Всенародное Учредительное собрание. Переработанное и дополненное автором издание. М., 1917.

неосуществимости для него — и только для него — мирного раздела власти»³¹. Этот вывод имеет универсальное, а не чисто российское значение: «Падение русского абсолютизма, — писал Вишняк, — представляет собою исключительное явление мировой истории не только в смысле индивидуальной своей неповторимости, но и по той редкой закономерности, с которой оно почти в материковом масштабе, повторило общеисторические законы падения абсолютизма в других странах»³².

Механизм социального конфликта, управляющего событиями крушения абсолютизма, практически исключает элемент случайности. Этот вывод Вишняка, спорный с точки зрения современных вариативных концепций в истории, опирается на сравнительный материал великих революций. В основу размышлений положена идея Токвиля: самый опасный момент для абсолютистского режима — когда его реформируют. Цепь ошибок — есть проявление закономерности. «Историки Французской революции, в их числе и Жорес, — подчеркивает Вишняк, — единодушно отмечают, что Бурбоны уже после конфликта со страной должны были совершить ряд новых ошибок, одна другой непоправимее, для того, чтобы окончательно погибнуть. Применившись к обществам, став искреннее и последовательнее на путь уступок, они сохранили бы власть. Но могли ли Бурбоны, Стюарты, Романовы не делать ошибок, одна другой непоправимее, даже после во вне обнаружившегося столкновения власти с народом?»³³.

Ключевой проблемой для всей русской эмиграции стал вопрос о том, можно ли было избежать революции или остановить ее развитие на начальной стадии. Положительный ответ на него наиболее убедительно в русской политической литературе того времени аргументировал В. А. Маклаков. Суть его подхода выражалась в противопоставлении двух типов революций — радикальной социальной революции 1917 г. (без разделения ее февральской и октябрьской фаз) и конституционной революции 1905 г., вносившей необходи-

³¹ Вишняк М. В. Падение русского абсолютизма // Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С. 11.

³² Вишняк М. В. Падение русского абсолютизма // Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С. 9.

³³ Вишняк М. В. Падение русского абсолютизма // Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). С. 40.

мую корректировку в порядок государственного управления. Первая модель определяется им как радикальная антилиберальная революция, означавшая спонтанное и неконтролируемое развитие событий, завершившееся Октябрьским переворотом большевиков. Вторая модель, в основу которой положен опыт 1905 г., представляет собой исключительно конституционную трансформацию старого порядка, открывавшую возможность последующих постепенных изменений политической и социальной системы без конвульсивных насильственных действий.

Различие двух моделей усматривалось в отношении к праву. В первом случае — это был сознательный отказ от юридической преемственности, открытый разрыв со старым режимом, апелляция к революционной легитимности. В 1917 г. произошла революция, потому что самопровозглашенные органы власти отвергли свою преемственность с низвергаемой и побежденной старой властью. Во втором случае — имел место скорее конституционный переворот, осуществленный самой властью, озабоченной поддержанием фикции правовой преемственности старого и нового режима. Как ни громадна была перемена, происшедшая в России в 1905 г., она была, по мнению Маклакова, только большой реформой потому, что сделана была законной русской властью. Итогом явилось, в первом случае — крушение государственности, приведшее к коллапсу всего гражданского порядка (1917), и во втором — ее корректировка (1905). Таким образом, Маклаков, исходя из нормативистской концепции права (близкой к той, которой придерживались Г. Еллинек, М. Вебер и Г. Кельзен) — противопоставлял конституционную революцию 1917 г. радикальной конституционной реформе 1905 г. Отсюда — вполне понятна его политическая позиция в отношении Учредительного собрания: он считал его вполне уместным в условиях революции, но отрицал целесообразность в условиях реформы. Именно поэтому Маклаков считал ошибкой позицию большинства Конституционно-демократической партии во главе с П. Н. Милюковым периода Первой русской революции, выражавшуюся в отказе от сотрудничества с самодержавием и призыве к созыву Учредительного собрания³⁴.

³⁴ Маклаков В. А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006.

Вишняк категорически не согласен с такой легалистской или нормативистской интерпретацией конфликта между обществом и государством (предполагающей отождествление права и закона): суть конфликта состояла, по его мнению, не в противоречии правовой преемственности и ее разрыве, а в стремлении общества противопоставить лжеконституционализму власти подлинные гарантии правового государства. Вишняк предлагает другую схему, основанную на опыте радикальных революций: «Революционная драма состоит обычно из трех действий: силовой удар, образование фактического правительства и превращение его в правительство регулярное»³⁵.

Полемика Вишняка с Маклаковым выявила принципиальное различие позиций в отношении Учредительного собрания. Поскольку для Маклакова основная проблема состояла в отказе от юридической преемственности политических изменений в 1917 г., для него различия между Февральской и Октябрьской революциями не выступали как качественные (вторая была продолжением ошибок первой). Напротив, Вишняк противопоставляет эти две революции: «Политическая идеология и приемы управления октябрьского периода русской революции качественно отличны от периода ему предшествовавшего. Даже самые пристрастные противники Февраля не решатся его упрекать в склонности отстаивать власть теми методами, к которым прибегал Октябрь. За отказ от этих методов особенно часто и упрекают Февраль. Здесь один из перерывов в ходе революции. Ибо в прямую противоположность Октябрю Февраль предпочел быть гильотинированным, — лишь бы не гильотинировать. Это можно считать непростительной ошибкой, но это так. В этом Февраль как бы следовал завету Дантона»³⁶.

В трудах Вишняка и во всей его публицистике мы находим признание фундаментального исторического значения Февральской революции в ее противопоставлении Октябрьскому перевороту. «Февральская революция шла под знаком свободы, — раскрепощения, частичного политического, для одних, раскрепощения всяческого — от войны и гнета национального и социального, по мнению других.

³⁵ Суть концепции Маклакова, т.е. легалистский (мы сказали бы — нормативистский) подход; см.: *Вишняк М. В.* Два пути (Февраль и Октябрь). С. 83, 88.

³⁶ *Вишняк М. В.* Два пути (Февраль и Октябрь). С. 195.

Свержение самодержавия, как системы политического деспотизма, объединяло все партии, классы и национальности России. По совпадению во времени множества задач, в других странах разрешившихся разновременно, безмерно отягчало русскую революцию, и, в конечном счете, сломило ее». Но это не означает отсутствия сходства между революциями: «Перед российской революцией 1917 года стояли те же вопросы, что и перед революциями английской в 17 в., французской в 18 в. и германской 19-го в. И еще один, сверх того, труднейший вопрос о скорейшей ликвидации войны». Но для одновременного решения всех этих вопросов Россия не была достаточно социально развита. Революция пришла, может быть, слишком рано и «разделила судьбу всех запоздалых решений». Следствие — временное историческое отклонение (Октябрьский переворот)³⁷.

Специфика социальной природы русской революции определяется слабостью среднего класса. «Как это ни парадоксально по форме, — заключал Вишняк свой сравнительный анализ великих революций, — но именно отсутствие средних классов, «устраивавших» победоносные революции в других странах, послужило одной из причин русской революции. Оно же в значительной мере вызвало и ее срыв и крушение. Русское «третье сословие» не выполнило той исторической миссии по устранению абсолютизма, которая повсеместно выпадала на долю этого «сословия» в других странах. Оно не только было «ничем» в дореволюционной самодержавной России. Оно и не пыталось стать «всем» и во время революции. У него не оказалось ни силы, ни веры в себя, ни в свое будущее. И неблагодарную и трудную повинность по уборке и сноске авгиевых конюшен русского абсолютизма пришлось вести, в числе других повинностей, четвертому сословию — веками вне культуры и государственного сознания пребывавшему, темному, забитому и к государственному строительству неподготовленному»³⁸.

Ответственность за срыв Февральской революции Вишняк возлагает на тех левых социал-демократов, которые сотрудничали с экстремистами (большевиками). Он называет это явление —

³⁷ Вишняк М. Февральская революция // СЗ. 1927. Т. 31. С. 315.

³⁸ Вишняк М. В. Падение русского абсолютизма // Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). С. 239.

«сухановщиной»³⁹, по имени одного из его ведущих представителей: «Если существует вообще историческая ответственность, если можно и должно искать, кто лично и коллективно ответственен за срыв Февральской революции и последующую катастрофу — одну из самых тягчайших ответственностей следует возложить на деятелей, сопричастных сухановщине, причастных политически, независимо от морального лица и принадлежности к той или иной группировке»⁴⁰.

В результате анализа русской революции Вишняк отвергает две крайние позиции в отношении Учредительного собрания — о его ненужности (как считал В. А. Маклаков) и о его превращении во всемогущую революционную Конституанту по образцу Французской революции (к чему склонялись крайне левые). Вишняк выдвигает концепцию двух типов Учредительного собрания: первый означает конституционную реформу, второй — конституционную революцию. «Учредительное собрание, пересматривающее конституцию в нормальном, самую же конституцией предусмотренном порядке, и Учредительное собрание, возникающее в результате экстраординарных событий — обычно непредусмотренного революционного перерыва в жизни государства, — совершенно различные типы Учредительного собрания. В первом случае заранее определены конституцией и общее здание, и объем полномочий, и пределы власти. Во втором — нет фактически и не может быть той власти, которая была бы правомочна ввести Учредительное собрание в определенные рамки, ограничить его задачи, связать его наперед установленными нормами. Ибо если бы такая власть существовала, сохранилась бы не только по имени, но как реальность, — не было бы, может быть, оснований для возникновения и деятельности самого Учредительного собрания»⁴¹.

Либеральные авторы (Ф. Ф. Кокошкин, В. М. Гессен, П. Н. Милюков и П. Б. Струве) выступали в принципе за ограничение учредительной власти, доказывали приоритетность формулы «законодательное собрание с учредительными функциями», ссылаясь при этом на опыт западных государств, а также приводя аргументы государственно-

³⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. М., 1901–1902.

⁴⁰ Вишняк М. Раб лукавый // СЗ. 1923. Т. 15 (II). С. 367.

⁴¹ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932, С. 20–21.

правового, исторического и политического характера. Вишняк выступает с критикой данного подхода: «Произвольно ограничивая и суживая компетенцию Учредительного собрания, новая точка зрения столь же произвольно расширяла до беспредельности полномочия собрания с учредительными функциями. Пределы полномочий были намечены просто; путем арифметического сложения функций учредительных с функциями нормального законодательства. Полученная сумма была присвоена *ad hoc* придуманному учреждению. Так создавалась новая конструкция взамен обычного и до того пользовавшегося общим признанием различия учредительного и законодательного собраний не столько по способу их возникновения, сколько по содержанию и объему их полномочий или функций. Учредительное собрание, осуществляющее функции чрезвычайного законодательства, т. е. полномочия юридически более высокого порядка, естественно включало в себя, как элемент или проявление и функции нормального законодательства. И ни для какого противопоставления Учредительного собрания законодательному, наделенному учредительными функциями при таком понимании не оставалось места»⁴².

Конституционные демократы действительно не хотели реализации полновластной конституанты: на переговорах с Витте Милюков подал совет идти к конституции не через Учредительное собрание, а через «деловой кабинет» и октроированную конституцию — в бельгийском или болгарском варианте⁴³. Вишняк категорически не соглашался с такой стратегией: «Будучи способом построения нового правового порядка и государственности, Учредительное собрание и само по себе было определенной правовой и государственной формой воплощения народоправства и народовластия. Оно в известном смысле уже предreshало, если не форму правления будущей России, то ее политические основы»⁴⁴. Эта дискуссия показывает, во всяком случае, неоднозначность стратегий созыва Учредительного собрания, различие смысла, вкладываемого в это учреждение разными партиями и общественными силами, а также принципиальное расхождение представлений о возможных прерогативах этого института.

⁴² Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 59–60.

⁴³ Милюков П. Н. Три попытки. К истории русского лже-конституционализма. Париж, 1921. С. 12–13, 23–29.

⁴⁴ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 67.

Почему в России не реализовалась модель сильной Конституанты, наподобие французского революционного Конвента при якобинцах? Вклад Конституант зависит от того, какое место уделяется учредительной власти доминирующими силами (партиями) переходного периода; в какой мере возможен договор между политическими партиями (в рамках Конституанты или вне ее), а в какой неизбежен разрыв. Учредительное собрание может выполнить функцию достижения компромисса в том случае, если нет искусственных ограничений партийного представительства. Но в русской революции, как и других крупнейших революциях прошлого, действовала формула последовательной концентрации власти — передачи ее от правых к умеренным и от них к радикалам. Связь большевистского переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г. с реализацией проекта Учредительного собрания заслуживает особого внимания. Осуществление большевистского переворота и его сроки в известной мере определялись предполагаемым созывом Учредительного собрания. Специфическая трудность российского переходного периода заключалась в существовании так называемого «двоевластия», выражением которого становилось, среди прочего, неустойчивое соотношение двух институтов — Учредительного собрания и Советов. Если для либеральных партий и Временного правительства вопрос о приоритете Учредительного собрания как формы конституирующей власти решался вполне однозначно (отсюда и название правительства как «временного»), то для левых партий решение вопроса не было столь очевидно, для них первоначально была характерна мысль, что «задачи Советов и Учредительного собрания не исключают существования друг друга». Советы должны играть роль организационную, а Учредительное собрание — быть строителем «нового государственного строя». Поэтому, полагали они, «в борьбе за Учредительное собрание следует прибегать лишь к парламентским способам борьбы, к широкой пропаганде в массах для выяснения роли и значения Учредительного собрания, бороться должно только силой убеждения, а не силой штыков»⁴⁵.

⁴⁵ Цитируется выступление представителя Совета рабочих и солдатских депутатов Коплана. Резолюция «Рабочей конференции Союза защиты Учредительного собрания». (Участвовали представители комитетов социалистических партий (26 представителей); заводских коллективов (69), профорганизаций

Одна из стратегий большевистского переворота состояла в использовании этой ситуации (двоевластия). Большевики преуспели прежде всего в том, что заменили один тип Конституанты (Учредительное собрание) другим (II съездом Советов). Затем они сфальсифицировали волю съезда, представив дело так, что он одобрил их действия.

3. Основы конституционного строя: инструментальная или социальная конституция?

До последнего времени в литературе не рассматривался вопрос, каковы были возможные варианты конституционного развития страны в случае сохранения Конституантой своих prerogativ. Но он важен для понимания альтернативных моделей политического устройства страны. Суммируем содержание дискуссий по этим вопросам, имевших место в период подготовки Конституанты.

В теории конституционного права одним из направлений классификации конституций по юридическим признакам является их подразделение на инструментальные и социальные. Первые регулируют лишь структуру государства, его органы, порядок осуществления государственной власти, права человека и не содержат или почти не содержат социальных положений. Вторые — социальные конституции, уделяющие существенное внимание социальным правам. В условиях революции основной проблемой становится соотношение узкой (инструментальной) и более широкой (социальной) моделей основного закона: если первая выражает классический либеральный подход (реализованный в конституции США), то вторая — социал-демократический (реализованный в Веймарской конституции 1918 г. или Конституции Соединенных Штатов Мексики 1917 г.). Противоречия двух подходов связаны как с характером социального представительства (политического, сословного, национального, религиозного и т. д.), так и с различием теоретических установок, допускающих

(16); военных организаций (13), районных дум (8) Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (4)) // Бюллетень Всероссийского союза защиты Учредительного собрания. № 2 (1917, 20 дек.). С. 1.

меньший или больший объем государственного вмешательства в социальные отношения.

Обсуждение концепции прав человека (в связи с предполагавшейся к принятию Декларацией прав гражданина) выявило два различных подхода — инструментальный и популистский. Русские либеральные деятели, считая необходимым дать такой документ во вводной части Основных законов, опирались преимущественно на опыт конституционного строительства Европы и США, в котором четко разделяются два типа конституционных гарантий — негативные и позитивные. Первые характерны для англо-саксонской традиции общего права: они исходят из того, что всеми правами человек наделен от рождения (откуда и их название — «естественные права»), а задача конституции — оградить общество и индивида от неправомерных действий государства. Вторые характерны для континентальной, или кодифицированной, традиции права, сформировавшейся в Европе еще в период господства абсолютизма: они исходят из того, что реальным действием обладают лишь те права, которые зафиксированы в конституции. С этим связана тенденция к позитивации прав — перенесению их из сферы правосознания в действующий Основной закон. С этих позиций государственное вмешательство ограничено декларацией прав, определяющей рациональные границы свободы: индивид «должен считаться с тем, что имеются такие области жизни, куда может вторгнуться только закон или суд, а не отдельные лица. Иначе будет нарушено правило о взаимности прав свободы, без которой не мыслим ни один свободный строй»⁴⁶. Выход — не в самосуде, а в защите гражданских прав — как экономических, так и политических.

Дискуссия развернулась по вопросу о том, следует ли включать в российскую декларацию прав только традиционные политические права личности или также социальные (право на труд, землю, образование, страховку, медицинское обслуживание и т. д.). Столкновение двух позиций (соотносящихся с конституциями Франции 1791 и 1793 гг.) отражало реальный выбор между классической либеральной парламентской демократией и социальным государством. В ходе обсуждения будущей «Декларации прав гражданина» в Юридическом

⁴⁶ Люблинский П. И. Основы гражданской свободы. Пг., 1917. С. 8–9.

совещании (заседание 17 октября 1917 г.) развернулась принципиальная дискуссия о соотношении негативных и позитивных прав. Вопреки сторонникам включения в Декларацию всей совокупности позитивных прав (социальных и экономических, а также права каждого на достойное существование), на чем настаивали эсеры, Гессен, являвшийся членом и активным участником работы Особой комиссии по разработке проекта Основных законов, стремился остановить эту волну популизма⁴⁷.

Содержательные параметры дебатов учредительных конституционных собраний включают, как правило, следующие вопросы: характер гарантий прав и свобод личности (в том числе гражданские права и права собственности); тип государственного устройства (унитаризм, федерализм или автономизм); организация законодательной власти — структура парламента (однопалатный или двухпалатный) и роль референдумов; форма правления — монархия или республика; тип политико-правового режима (парламентский, президентский и смешанный); место главы государства в политической системе (роль президентской власти); определение масштабов и целей предстоящего конституционного регулирования (основные вопросы конституционного устройства, административная и судебная реформы; местное самоуправление и административная юстиция; порядок изменения конституции; вопросы ее ратификации). С этих позиций рассмотрим альтернативные подходы к решению основных вопросов, выносимых на Учредительное собрание (получившие отражение в программах партий, проектах законодательных актов, а также юридической литературе периода подготовки и проведения Учредительного собрания).

В процессе обсуждения проекта «Декларации прав гражданина» в заседании Юридического совещания 17 октября 1917 г. (под председательством Н. И. Лазаревского) Вишняк, исходя из того, что декларация для включения в текст Основного закона, «будет создана не только для сегодняшнего дня, а для более или менее продолжительного будущего времени», предложил внести в нее «указание на право каждого человека на достойное существование»⁴⁸. Далее он выступал за

⁴⁷ *Выступление В. М. Гессена в Юридическом совещании* // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–32.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–32.

внесение прав позитивного статуса, отводя возражения указанием, что в текст первых французских конституций права эти не могли быть внесены, ибо еще не были завоеваны рабочими, а конституция 1875 г. принималась в неблагоприятных условиях. Он подчеркнул, что «пределы, которыми будут ограничены в жизни социальные права, в настоящее время неизвестны и будут вполне зависеть от состава Учредительного собрания». Наконец, «М. В. Вишняком было высказано мнение, что в декларацию могло бы быть включено также и указание на право человека на землю, причем была приведена та точка зрения, что в праве на землю нет ничего более неприемлемого, чем, напр., в праве рабочего на страхование. В развитие этой мысли оратор указал, что лозунг: «вся земля всему народу» принимается в настоящее время большинством политических партий и различие между платформами отдельных партий заключается лишь в том, как провести эту реформу; ввиду этого, по мнению М. В. Вишняка, не представляется невероятным, что в Учредительном собрании, в особенности, если состав его будет «народническим», земельный вопрос будет разрешен в положительном смысле»⁴⁹.

В результате Комиссия, «не встречая принципиально возражения против включения в декларацию позитивных прав, полагала, однако, что помещение всех прав этого рода может оказаться не имеющим практического значения»⁵⁰.

4. Территориально-политическое устройство государства: унитаризм, федерализм и автономизм

Принципиальная проблема национально-территориального устройства вызывала дискуссию о самом типе будущего государства. Обсуждались проекты унитарного государства, государства, построенного на началах федеративного государства и автономии. Обратимся прежде всего к теориям сохранения унитарного государства (правые партии и кадеты). Существенное значение при этом имела трактовка таких понятий, как автономия и федерация. Постановка вопроса о соотношении принципов автономии и федера-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

⁵⁰ Там же. Л. 37.

ции относится к дореволюционному периоду. Наиболее адекватно с юридической точки зрения вопрос был рассмотрен теоретиками кадетской партии, в частности Ф. Ф. Кокошкиным⁵¹. В своей концепции государственного права Кокошкин уделял особое внимание тем проблемам, которые были актуальны для России при переходе от абсолютной монархии к представительной системе правления, а именно — государственно-правовые формы федеративных отношений, государственный суверенитет, теория разделения властей, права и политические свободы индивидов. В результате он отказался от федеративного проекта в пользу проекта децентрализации (в форме автономизации), согласно которому регионы должны были получить статус не государственной, а лишь провинциальной автономии⁵². Децентрализация, полагал он, может при известных условиях служить средством национального самоопределения, но она «не является единственным средством для этой цели и служит не только для национального самоопределения, но и для удовлетворения других потребностей народной жизни». Создание федерации по национальному признаку представлялось ему ошибочным и неэффективным путем, поскольку данная модель «в своем последовательном развитии привела бы к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)»⁵³.

⁵¹ Ф. Ф. Кокошкин являлся одновременно крупнейшим теоретиком кадетской партии по проблемам конституционализма, федерализма и автономизации и официальным организатором работ по подготовке Учредительного собрания. Это отражено в материалах его архивного фонда. См.: Указ Временного правительства Сенату о назначении Кокошкина председателем Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание и удостоверение Московской столичной по выборам в Учредительное собрание комиссии на имя Кокошкина в связи с избранием его членом Учредительного собрания ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 8.

⁵² Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906; см. также: Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Доклад на Восьмом съезде Конституционно-демократической партии 9–12 мая 1917 года // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917 гг.). М., 2000. С. 555.

⁵³ Кокошкин Ф. Ф. Тезисы к докладу «Автономия и федерация» // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917 гг.). С. 580–581.

Теоретическое отрицание федерализма, но уже с позиций марксизма, было характерно для идеологов левых партий. Федерализм, полагали они, разделяет трудовой народ, ведет к созданию двухпалатного парламента, усиливает представительство регионов, противоречит представлениям крестьянства о единстве страны (если отказаться от него — «вернемся к царизму»). Задача Учредительного собрания, поэтому, — демократическая республика с однопалатным парламентом, но не федеративная всероссийская республика⁵⁴. То же говорится о федерализме в другой работе: необходима демократическая республика, но не федерализм. «Федеративной же республики нам не надо, потому что за ней скрывается господство богатых классов», причем имеется в виду двухпалатность⁵⁵. В то же время, некоторые левые были готовы пойти на уступки в направлении федерализма, связав его с решением национального вопроса на путях национального самоопределения. Правда, другие левые авторы, как, например, М. Рейснер, писали о федерализме очень неопределенно: национальный вопрос разрешается свободой; свобода включает союзное устройство, автономию и самоуправление. «Союзная республика освобождает все национальности»⁵⁶.

Данная проблема была рассмотрена меньшевистской фракцией Учредительного собрания в Комиссии по выработке Основных законов по докладу Я. М. Магазинера «Вопрос об автономии и федерации» и в ходе прений по нему. Исходя из марксистского тезиса об «интересах пролетариата», докладчик четко формулировал свою приверженность идее централизма государственной власти. Жесткую позицию в отношении федерализма занимал также Н. А. Рожков. «Я, — говорил он, — определенно скажу, что я глубоко убежден, что федеративное устройство сейчас в России было бы огромным вредом». Теоретически более привлекательной представлялась идея автономии как более соответствующая логике единой классовой воли.

Тем не менее, принцип автономии (скорее из тактических нежели из теоретических соображений) был принесен в жертву принципу федерации как единственному способу предотвратить распад госу-

⁵⁴ *Рожков Н.А.* Задачи Учредительного собрания (Лекция, читанная в Петрограде). Ростов-на-Дону, 1917. С. 23.

⁵⁵ *Рожков Н.А.* О формах народного представительства. СПб., 1905. С. 13.

⁵⁶ *Рейснер М.* Революция и федерация. Пг., 1917. С. 32.

дарства. Исходя из этого была предложена особая конструкция парламента, одна из палат которого — «федеральная палата» — должна строиться по принципу «равноценности областей, а не численности населения». Одновременно объявлялись недопустимыми какие-либо ограничения местной власти со стороны центральной, «ибо это противоречит самому принципу федерации»⁵⁷.

Остановимся на проекте «Российской Федеративной Демократической Республики», призванной объединить «в неразрывном союзе народы и области России, во внутренних своих отношениях суверенные»⁵⁸. Проект исходит из необходимости правового разграничения конституционных полномочий федеративного центра и регионов. В общероссийской конституции должны быть закреплены основные демократические принципы — права человека и гражданина, полное гражданское равенство и уничтожение сословий, политические свободы (слова, совести и веры, союзов, собраний и стачек, а также отмена смертной казни). Специально оговаривается общность принципов общероссийской и «областных» конституций: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, а также «публичные права языков, на которых говорят народные массы России, охрана по всей территории Российской республики прав национальных меньшинств». Этот радикализм проекта, связанный скорее всего с тактическими соображениями, значительно умеряется в последующих разделах, где речь идет о конкретном соотношении общероссийского и местного законодательства. Достаточно посмотреть, какой круг проблем отнесен к компетенции федерального центра: внешняя политика и руководство вооруженными силами; регулирование основ финансовой, таможенной и хозяйственной политики, монетного, железнодорожного и почтово-телеграфного дела страны с целью «сохранения и развития России как великого единого хозяйственного организма»; основные меры социального законодательства (охрана труда и социальное страхование); общие основы уголовного и гражданского законодательства, торгового и вексельного права; общие основы аграрной реформы «на основе трудового землепользования и пользования недрами земли»; руководство делом народного просвещения.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 44. Л. 5–8.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 317–317 об.; Обсуждение вопросов федерализма; см. также: РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 311–311 об. («Проект Шаскольского»).

В конечном счете проблема верхней палаты не получила разрешения в законопроектах в связи с неясностью вопросов о федерализме, о форме правления и месте главы государства, которые были оставлены открытыми⁵⁹. Считалось, например, что теоретически возможный выбор Конституанты в пользу монархии будет одновременно означать отказ от федерализма и сохранение верхней палаты (в виде Государственного совета или в какой-либо иной форме). Разработка проблемы имела место главным образом в связи со статусом Временного правительства и порядком его работы в переходный период.

В контексте этих дискуссий проясняется позиция Вишняка. На III съезде ПСР (25 мая — 4 июня 1917 г.) он выступил с докладом «Основные принципы государственного устройства России (республика, автономия, федерация)»⁶⁰. В вопросах государственного устройства будущей России Вишняк являлся последовательным сторонником принципа «всесторонней децентрализации управления и законодательства». При этом он считал различие этих двух понятий (автономии и федерации) не принципиальным: автономное устройство в случае своего наивысшего развития переходит в федеративное. Различие между автономией и федерацией — не в их организации, а в характере учредительной власти. Концепция автономизации трактовалась чрезвычайно широко, поскольку при демократической системе «каждое территориальное единство имеет право на автономию, на управление и законодательствование»⁶¹. Само федеративное устройство, как показывает опыт многих стран (США, Германии, Швейцарии), может быть основано на различных принципах, наделяя субъекты федерации большими или меньшими правами — от близких по объему прав к автономии до положения фактических государств внутри государства. Вишняк придерживался динамической концепции федерализма: автономию и федерацию можно рассматривать как различные стадии развития демократического государства — от

⁵⁹ Милюков П. Н. Демократизм и вторая палата. М., 1905; Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. Двухпалатная система // Русские ведомости. 1905. № 152.

⁶⁰ Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров (25 мая — 4 июня 1917 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.) М., С. 156; текст доклада: С. 408–422.

⁶¹ Там же. С. 416, 418.

развития децентрализации (в виде полноценных автономных образований) к федеративному построению государства. Следовательно главная проблема заключалась в определении того реального объема полномочий, который необходимо предоставить автономным образованиям. Отсюда взвешенная формула Вишняка: «Я принципиально являюсь сторонником развития всех федеративных отношений, т. е. возможно большего расширения той автономии, которая дается тому или другому территориальному единству. Я являюсь сторонником этого, но заранее не могу сказать, что на началах именно такого федеративного устройства должна быть осуществлена организация государственной власти в России»⁶².

В тезисах к докладу идея федерализма представлена более отчетливо: «Территориальная децентрализация управления и законодательства в своем последовательном осуществлении и принципиально, и фактически допускает возможность развития Российской республики в республику федеративную (Bundesstaat, federation), на началах федеративной связи между целым государством и его частями, признанными за единства, близкие по своей правовой природе к государствам и напоминающие отношения Канады или бургских республик к современной Великобритании, Хорватии — к Венгрии, австралийских штатов (колоний) — к австралийской федерации и т. п.»⁶³ Самостоятельная сторона вопроса — связь административно-территориального деления с решением национального вопроса. Вишняк не соглашается с теми теоретиками партии, которые (как П. Сорокин) утверждали, что понятие нации имеет конструированный характер, включает различные параметры (территория, язык, раса, культура), но в действительности не сводима к ним, а потому не существует в реальности. Напротив, Вишняк усматривал необходимость установления связи между самоопределением наций и административно-территориальным делением. Но он не считал, что эта связь должна иметь автоматический характер. При этом он ссылаясь на положение евреев, которые, будучи нацией, не имели определенной территории и которые, в случае введения областной

⁶² Там же. С. 419.

⁶³ Основные принципы государственного устройства. Тезисы по докладу М. В. Вишняка // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 613.

автономии, везде оказались бы в меньшинстве. «Самым лучшим выходом, — полагал Вишняк, — является областная территориальная автономия, с безусловным обеспечением прав национального меньшинства и пропорциональным участием в бюджете муниципальном и областном». В тех случаях, когда территориальная консолидация нации отсутствует, «для ограждения интересов национальных меньшинств и обеспечения прав на самоопределение отдельных наций начала национально-территориальной автономии необходимо выполнить признанием персонально «национальной автономии». Это понятие означало, что «все части данной нации, всякий человек по своему заявлению входит в широкий, по всему государству распространенный союз данной нации, который имеет своей целью заведение отдельными областями»⁶⁴.

Предметом дискуссии на съезде стала проблема структуры законодательной власти. Вишняк получил записку из зала: «Как вы предполагаете осуществление федеративной республики при однопалатной системе?». В ответ он обосновал принципиальный отказ от верхней палаты как консервативной надстройки над демократическим парламентом. Он считал, что «народное представительство России должно существовать на основе однопалатной системы», поддерживая, по существу, идеи Руссо о недробимости народного суверенитета: «воля народа, если она будет повторена в верхней палате, — она будет лишней, если же она будет отличаться от этой воли всех граждан российского государства, она будет вредна. Так же и по отношению главы государства»⁶⁵.

Позиция Вишняка по проблеме федерализма, достаточно гибкая уже в период революции, была конкретизирована в эмиграции, в частности, с учетом анализа национальных проблем. На Берлинском совещании ПСР (декабрь 1922 г.) Вишняк сформулировал концепцию решения национального вопроса, в основе которой лежала идея кооперации, объединения, с последующим федерированием национальных и территориальных единств»⁶⁶. С одной

⁶⁴ Основные принципы государственного устройства. С. 426–427.

⁶⁵ Там же. С. 418

⁶⁶ Проект резолюции по национальному вопросу М. В. Вишняка // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. 1925 г.). С. 943.

стороны, полагал он, разделение страны таит угрозу национальных конфликтов, с другой — уменьшение ее территории до пределов Великороссии «увеличивает риск торжества в ней бонапартистской реакции, милитаризма, шовинизма и «воли к победе», угрожающих миру всего мира прежде всего на границах России». Необходимость интеграции наций на новой основе подтверждает «опыт отделившихся от России территорий, с наглядной убедительностью показавший всю относительную самостоятельность, так называемых, лимитрофов в современной международной обстановке и вместе с тем всю агрессивность самоопределившихся наций в отношении к домогающимся такого самоопределения и особенно по отношению к обреченным пребывать на положении национальных меньшинств»⁶⁷.

Констатируя позитивность воссоединения отдельных национальных государств с Россией, Вишняк подчеркивал, что данный процесс должен иметь лишь мирный и добровольный характер. Исключая завоевательные войны, он выдвигал в качестве перспективы создание конфедерации с последующим превращением ее в федерацию путем постепенной экономической интеграции и заключения двусторонних договоров. В случае стремления народов к государственной самостоятельности, подобная возможность должна быть им предоставлена «при условии соглашения о соблюдении жизненных интересов России»⁶⁸. В ходе интеграционных и дезинтеграционных процессов, полагал Вишняк, «национальность наделяется всем тем комплексом прав, которые предусмотрены и гарантированы новейшими международными актами в целях охраны и развития прав национальных, расовых, лингвистических и исповедных меньшинств»⁶⁹.

Национально-культурная автономия стала предметом внимательного анализа Вишняка в эмиграции. Вишняк, отмечал С. И. Гессен, «является защитником системы национально-культурной автономии, считая, что последняя только способна реальным образом

⁶⁷ Проект резолюции по национальному вопросу // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. — 1925 г.). С. 943–944.

⁶⁸ Там же. С. 944.

⁶⁹ Там же. С. 945.

оградить право меньшинств на свободное самоуправление. При этом он справедливо подчеркивает самостоятельный характер этого права, т. е. невозможность обеспечивать его ни как рефлекс права большинства — «право оппозиции как потенциального большинства», ни как производное от прав индивида. Право меньшинства есть не только сумма одинаковых прав отдельных индивидов, составляющих меньшинство, сколько особое совокупное право всей социальной меньшинственной группы как целого. Постольку оно есть своего рода корпоративное право, и проблема права меньшинств тесно связана с более общей проблемой социального права, как независимого от государства права разнообразных общественных союзов»⁷⁰. Опираясь на теории Л. Дюги, О. Гирке, Г. Зиммеля, идеологов французского синдикализма, а также практику защиты меньшинств Лигой Наций, Вишняк видел необходимость корректировки современной ему теории демократии, необходимость «органических поправок» к демократии с точки зрения защиты прав меньшинств. В частности, его интересовал актуальный ныне вопрос о защите русского меньшинства в лимитрофных государствах.

Национальный вопрос предполагалось решить в правовой плоскости. «Советская действительность, — подчеркивал Вишняк, — есть диктатура не только над народом, но и над народностями. Она насилует не только экономическую и политическую жизнь, но и национальную. Ей чуждо не только конфедеративное или надгосударственное объединение народов, — она не мирится и с федеративным, сочетающим единство целого со множественностью частей, фактически и разных, но одинаково самоценных. СССР это — строй унифицированного и централизованного государства, в котором «народностям на местах» предоставлена ограниченная бытовая и культурная автономия развивать свой язык, письменность, прессу, театр, — поскольку они не вступают в конфликт с видами и намерениями правящей верхушки ВКП»⁷¹. С этих позиций рассматривался тезис о связи демократии в России с самоопределением народов,

⁷⁰ Гессен С. И. Рец. на кн.: Вишняк М. В. Право меньшинств. Париж, 1926 // СЗ. 1927. Т. 30. С. 592–595.

⁷¹ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание // СЗ. 1928. Т. 35. С. 450.

давался разбор взглядов Жордания и других сепаратистов. В принципе это была общая демократическая позиция в русской эмиграции, поддерживавшаяся различными ее направлениями от либерального до умеренно-левого⁷².

5. Форма правления и тип политического режима

Вопрос о форме правления — монархии или республике — разделял все политические партии на две непримиримых группы — сторонников той или другой формы. Левые партии — однозначно выступали за республику, правые — до последнего момента отстаивали монархию. Вопрос о форме правления был постоянным предметом споров в либерально-конституционном движении между правыми и левыми кадетами (соответственно выступавшими за монархию или республику). Первоначально желательной формой правления для России кадеты программно признали парламентскую (или конституционную) монархию, которая рассматривалась ими как известный компромисс двух чистых принципов или форм правления в виде монархического абсолютизма и народного суверенитета. Данный компромисс признавался необходимой исторической переходной ступенью к полному осуществлению народоправства. Эту позицию разделял Кокошкин: история показывает, считал он, что прямые скачки от абсолютизма к народоправству редко проходили совершенно благополучно; что они часто вызывали рецидивы личной власти в той или иной форме. Введение республики, сравнительно легкое в новых странах, в традиционных является чрезвычайно трудным. Для России, по его мнению, «потребуются потоки крови для водворения республики»⁷³. Парламентская монархия была именно такой переходной формой, через которую переход от абсолютизма к народоправству мог бы совершиться с наименьшими социальными затратами. Однако в 1917 г. конституци-

⁷² Вишняк оценивал взгляды Милюкова по национальному вопросу как верные, но схематичные: См.: Рецензия Вишняка на кн. Милюков П. Н. Национальный вопрос. 1925 // СЗ. 1926. Т. 28. С. 523–525.

⁷³ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 года // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1 (1905–1907). М., 1994. С. 154.

онные демократы изменили свою позицию, признав необходимость перехода к республике. После революции 1905–1907 гг. российская монархия, считали они, оказалась перед выбором: постепенно двигаться в направлении конституционных монархий западного типа или продолжать борьбу за восстановление прежней абсолютистской системы. Выбрав второй путь, подчеркивал Кокошкин, она потерпела поражение и должна уступить место республике.

В рамках республиканской формы правления дискуссия касалась типа политико-правового режима, который, согласно современной классификации, мог быть определен как парламентский, президентский и смешанный. В рассматриваемый период фигурировали следующие образцы: парламентский режим (реализованный в британской конституционной монархии и французском режиме ассамблеи — Третьей республике); президентская республика (США), а вскоре появилась и необычная смешанная модель (по крайней мере, некоторые специалисты именно так интерпретируют Веймарскую республику по конституции 1918 г., а затем и Финскую республику по конституции 1919 г.). Выбор определялся политическими предпочтениями. Левые партии практически не разрабатывали проблему политико-правового режима, ограничиваясь констатацией необходимости демократической республики. Их первоначальный идеал — демократическая республика без прилагательных. Учредительное собрание, считали они (Милютин), должно высказаться за демократическую республику, выразительно определяемую согласно программе РСДРП как «самодержавие народа»⁷⁴. Причем в это понятие вкладывался различный смысл: если одни публицисты имели в виду стандартную парламентскую республику, то другие — так называемую «советскую демократию» или «республику советов», усматривая ее исторический аналог в политическом строе Парижской Коммуны, практическая реализация которой не имела ничего общего с принципом разделения властей. Приоритетное внимание к социальному содержанию республиканского строя (как демократического) делал менее значимым принцип разделения властей и бессмысленным рассуждение о преимуществах президентской и парламентской республики. Рожков, например, противопоставлял парламентской республике «демократи-

⁷⁴ Милютин В. П. О демократической республике. Пб., 1917.

ческую республику» и на этой основе критиковал двухпалатный парламент (верхняя палата которого — есть признак «недемократичности»)⁷⁵. Демократическая республика для ее левых российских адептов есть однопалатный парламент, формируемый путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (всеми гражданами и гражданками) на основе пропорциональной системы избирательного права.

Либералы считали оптимальной моделью правления ту, которая установилась во Франции при Третьей республике. «Россия, — говорил Кокошкин, — должна быть демократической парламентарной республикой; законодательная власть должна принадлежать народному представительству; во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства»⁷⁶. Именно по докладу Кокошкина эта конструкция, идеалистический характер которой не вызывает сомнений в свете современного исторического опыта, была единогласно включена в новую редакцию программы партии народной свободы. Известное противоречие либеральной позиции в период революционного кризиса 1917 г. очевидно: принятие модели парламентской республики с ограниченными полномочиями президента, с одной стороны, и введение военной диктатуры как способ преодоления анархии и создания условий для созыва Учредительного собрания — с другой. Военная диктатура, трудно совместимая с правовым выходом из конституционного кризиса, была, однако, решением проблемы двоевластия. Она позволяла реализовать в России модель выхода из революционного кризиса, осуществленную во Франции в 1848 г. генералом Кавеньяком. Отрицательно относясь к его методам, А. де Токвиль считал их, тем не менее, логическим следствием самой революции⁷⁷. Политическое

⁷⁵ Рожков Н. А. Задачи Учредительного собрания (Лекция, читанная в Петрограде). С. 18.

⁷⁶ Кокошкин Ф. Ф. О пересмотре партийной программы в вопросе о государственном строе. Доклад на Седьмом съезде Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 года // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917 гг.). С. 377.

⁷⁷ Tocqueville A. de. Souvenirs. Paris, Gallimard, 1964 (Воспоминания о революции 1848 г.). Подробнее о русском бонапартизме: Медушевский А. Н. Бонапартистская модель власти для России // Вестник Европы. 2001. Т. 1.

разрешение кризиса русские конституционалисты усматривали также в бонапартизме. Вишняк расценивал перспективу бонапартизма как вполне вероятную. «Трудно сказать, — отмечал он, — кто сильнее ненавидел Временное правительство, возглавлявшееся Керенским, правые ли, сочувствовавшие Корнилову, или большевики. Но большевики отдавали себе отчет в обстановке и, отменив назначенное ими выступление, подставили под удары Корнилова вместо себя ненавистное им правительство Керенского. Корнилов же не понимал политического положения. <...> В итоге — поражение Корнилова сказалось победой не столько для правительства, сколько для третьего радующегося, для большевиков»⁷⁸.

Рассмотренные подходы влияли на определение масштабов и целей предстоящего конституционного регулирования. Конституционная повестка дня, как можно видеть из проведенного анализа, во-первых, не была единой для разных партий, во-вторых, включала различные подходы к определению одних понятий, в-третьих, предполагала различные социальные ожидания. Согласно либеральному подходу Учредительное собрание рассматривалось как единственный полномочный институт переходного периода, способный обеспечить создание конституции и легитимного правительства. В центре внимания конституционных работ должны были находиться вопросы защиты основных прав человека и гражданина: «В конституции, — говорит В. М. Устинов, — должно быть изложено, какие свободы должны быть отныне ненарушимо признаны принадлежащими всем русским гражданам (свобода слова, собраний, союзов, веры, передвижений, труда, стачек и т.д.) и какими способами эти свободы должны быть охраняемы государственной властью. Далее, в конституции должно быть установлено, какая форма правления отныне будет в России, иначе говоря, быть ли России республикой, как теперь, или должна быть восстановлена монархия, как было до революции. Затем в конституции должно быть определено, как будут впредь издаваться законы и как будут впредь назначаться, увольняться и привлекаться к ответу и суду министры. Наконец, в конституции должно быть указано, как должны быть устроены всюду суды и

⁷⁸ Вишняк М. Политика и история в «Истории русской революции П. Н. Миллюкова // СЗ. 1927. Т. 31. С. 451–452.

как должно быть устроено управление местными делами в волостях, уездах, городах, губерниях и, может быть, и округах, охватывающих несколько губерний, с тем, чтобы это управление было всецело в руках местных выборных людей, и, независимо от петроградских чиновников, как было до революции»⁷⁹.

Наконец, либеральный подход к Учредительному собранию предполагал четкую фиксацию правовых институтов, разделения властей и юридической преемственности передачи власти. В России 1917 г., полагал В. М. Гессен, созыв Учредительного собрания (на основе пропорционального голосования по системе связанных списков) должен означать, во-первых, роспуск альтернативных центров власти, в частности, такого «суррогата государственной власти, как советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»; во-вторых, последовательное проведение разделения властей — прекращение полномочий Временного правительства; создание стабильного правительства общественного доверия с фиксированным механизмом ответственности министров перед Собранием, утверждение независимости суда и несменяемости судей; в-третьих, ограничение прерогатив Учредительного собрания разработкой и принятием основного законодательства — демократической конституции, законодательства о местном управлении, земельной реформе и реформе рабочего законодательства, а также правовым регулированием вопросов переходного периода — войны и мира, финансовой стабилизации и возрождения сельского хозяйства, национального самоопределения, создания национальной гвардии для собственной охраны⁸⁰. Очевидно, что эти принципы, начавшие робко реализовываться в России лишь в настоящее время, представляли антитезу всем возможным теориям «классовой» и «советской» демократии, выдвигавшимся в 1917 г. и в последующее время. В круг обсуждавшихся вопросов входили административная и судебная реформы; местное самоуправление и административная юстиция; порядок изменения конституции; вопросы ее ратификации. Можно реконструировать политическую модель проектируемого строя, исходя из разработанных законодательных проектов. Очевидно, что это модель республи-

⁷⁹ Устинов В. М. Учредительное собрание. М., 1917. С. 13.

⁸⁰ Гессен В. М. Русское Учредительное Собрание и выборы в него. Пг., 1917.

ки с умеренно-сильной президентской властью. Политическая власть в ней должна была первоначально перейти в руки Учредительного собрания и избранного им президента и правительства. Затем, по мере подготовки и принятия Основных законов, вопрос о форме правления должен был получить окончательное разрешение. Поиск шел по той же линии, что и в Веймарской республике: как совместить сильные парламентские институты с фигурой президента, способного осуществлять политические решения через голову парламента и политических партий. Однако опасение восстановления монархии или утверждения бонапартистской диктатуры останавливало последовательное движение в этом направлении.

Напротив, для левых партий смысл учредительной власти состоял не столько в создании новой конституции — выработке норм и правил будущего политического устройства, сколько в решении инструментальных задач переходного периода. Задачи Учредительного собрания этим и определяются: законодательное подтверждение равенства и отмены привилегий; установление отношений между республикой и отдельными ее частями на основании «широкого самоуправления и автономии»; рассмотрение вопроса об организации властей; разработка конституции — Основного закона — и переходных положений к ее введению в действие (окончательное упразднение старого режима при сохранении порядка, распределение имущества, принадлежащего бывшему царствующему дому; конфискация земель в пользу крестьян; установление отношений государства и церкви; организация народной армии; изгнание из России царствующего дома). Сравнивая Учредительное собрание с революционным Конвентом, представители левых партий подчеркивали неограниченный характер власти будущей Конституанты (точнее доминирующего партийного большинства), связь ее с решением задач социальной революции (а вовсе не стабилизации), и только на последнее место ставили разработку конституционного законодательства⁸¹.

Позиция Вишняка, хотя и следует за популистской логикой левых партий, характеризуется добросовестным поиском адекватной

⁸¹ Рейснер М. Российское Учредительное Собрание и его задачи. Пг., 1917; Он же. Всенародное голосование и Учредительное собрание (Конституции Франции, Северной Америки, Швейцарии и Австралии). Пг., 1917.

юридической основы будущего политического строя. В целом он отдавал предпочтение модели республиканского устройства⁸². Демократическая республика, говорил он, выступая с докладом на III съезде ПСР (25 мая — 4 июня 1917 г.), являлась той политической формой государственного устройства, которая была достаточна до революции. В условиях революции необходима конкретизация этого понятия. В качестве примера рассматривались три типа демократических республик — американская, французская и швейцарская, опыт которых был критически проанализирован с позиций магистральной идеи народоправства. Американская модель президентской республики отвергалась в связи с тем, что она сосредоточивает всю полноту исполнительной власти в руках президента, полномочия которого оказываются больше, чем у английского монарха. Французская модель парламентской республики признавалась более соответствующей идеалу народоправства, поскольку наделяла наиболее существенными prerogative законодательную власть (парламент), ослабляя тем самым власть президента. Однако и эта модель, при всех преимуществах парламентаризма для сохранения демократического порядка, признавалась недостаточной, поскольку включала институт президента, наделенного значительными prerogative в области исполнительной власти и использования вооруженных сил. В качестве наиболее предпочтительной формы выступала модель швейцарской конституции. В России 1917 г. идея заимствования швейцарской модели многим представителям левых партий представлялась целесообразной по трем причинам: существования в этой стране формы непосредственной демократии (в чем усматривали отрицание парламентаризма и известное сходство с системой советов); возможности для народа непосредственного участия в управлении (через систему «прямого народоправства» референдумов и народных инициатив); наконец, отрицания института единоличного главы государства. Сам факт существования швейцарской конституции показывал возможность организации государственного управления без создания института единоличного главы государства, т. е. президента,

⁸² Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров (25 мая — 4 июня 1917 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 156; текст доклада: С. 408–422.

избираемого на длительный срок и концентрирующего в своих руках существенные властные полномочия (что рассматривалось всеми как опасность восстановления монархии).

В результате проведенного анализа, Вишняк приходил к идее комбинирования различных форм. Политическая необходимость, заявлял он, заставляет нас «властно отказаться от того принципа построения исполнительной власти, который существует в Америке, и от того типа, который существует во Франции, взяв из французского типа то положительное, что в нем все-таки заключается, а именно режим парламентского управления или осуществления государственной власти». Это побудило его «защитить тип демократической республики, приближающийся, но не во всем совпадающий с типом существующей демократической республики в Швейцарии»⁸³. В данной системе парламент (а точнее, коалиция политических партий, представленных в нем) назначает правительство и премьер-министра; в случае разногласий между ними «народное представительство» осуществляет самороспуск и проводится народный референдум (или народный опрос), по результатам которого сохраняется прежний или вводится новый политический курс.

Ключевые положения доклада Вишняка — принцип народовластия; парламентаризм, его корректировка в направлении непосредственного народного контроля над исполнительной властью. «Принцип полного и всестороннего народоправства, как логической и исторической предпосылки социализма, заставляет с необходимостью признать, что в Российской республике вся власть, поскольку она не ограничена прямым народоправством (референдумом и инициативой), должна быть сосредоточена в полномочном однопалатном народном представительстве, избранном на основе четырехчленной формулы»⁸⁴. «Организация исполнительной власти на единоличном начале должна быть решительно отвергнута. «Символ» государства, воплощенный в личности президента, будучи пережитком царизма, питал бы монархические чувства и грозил бы самому существованию республиканской формы правления. Всякий президент, как бы ни

⁸³ Там же. С. 413–414.

⁸⁴ Основные принципы государственного устройства. Тезисы по докладу М. В. Вишняка // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль–Октябрь 1917 г.). С. 612.

был он избран, будучи не первым среди равных, а формально главой исполнительной власти, фактически являлся бы главой всего государственного механизма в течение всего срока своего избрания»⁸⁵.

Предусматривались особенности предлагаемой системы для России: «Наличность политической солидарности между органами исполнительной власти и между исполнительной властью и властью законодательной и отсутствие необходимости устанавливать заранее срок, на который избирается правительственная коллегия, отличает проектируемую форму организации исполнительной власти Российской республики от близкого к ней швейцарского типа»⁸⁶. Если обобщить эти высказывания, то можно сделать вывод, что Вишняк являлся последовательным сторонником политической системы, получившей позднее в литературе название «режима ассамблеи». Под ним понимается особая и нетипичная форма парламентского режима, главная особенность которой — абсолютная власть парламента, не подлежащего роспуску правительством ни при каких условиях. Это принципиально отличало данный режим от классического британского парламентаризма, где парламент решает судьбу правительства вотумом недоверия, но правительство, в свою очередь, может распустить парламент и провести новые выборы в него. Режим ассамблеи, существовавшей в Третьей французской республике и в Швейцарии, содержал опасную тенденцию к политической нестабильности, связанную с невозможностью сформировать устойчивое правительство при отсутствии стабильной коалиции политических партий в парламенте. Однако эти особенности режима ассамблеи стали очевидны гораздо позже — в межвоенной Европе, где они способствовали кризису демократической системы и парламентаризма в условиях торжества экстремистских сил правой и левой направленности.

Представляется, что в сложившихся обстоятельствах для России гораздо лучше была бы инструментальная конституция, не фиксирующая социальных прав, которые не могли быть осуществлены на практике. Возобладавшая популистская линия (представленная всеми партиями левее кадетов), отдававшая очевидный приоритет социальной конституции, привела к неопределенности ее положений,

⁸⁵ Основные принципы государственного устройства. Тезисы по докладу М. В. Вишняка // Там же. С. 612.

⁸⁶ Там же.

нечеткости решения вопроса о правах и их экономическом обеспечении. Тот же вывод справедлив и в отношении политико-правового решения вопросов территориального устройства, формы правления, типа политико-правового режима. Сейчас (по окончании коммунистического эксперимента) складывается впечатление, что федерализм (в принятой его асимметричной национально-ориентированной трактовке) отнюдь не был оптимальным решением в многонациональной стране и уступал иным формам децентрализации (автономизации, регионализации и проч.), а сильная президентская власть явно больше подходила к ситуации, нежели слабая исполнительная власть, целиком зависящая от Конституанты или формируемого ею парламента.

6. Кризис демократии в России: причины и интерпретации

Как и Токвиль, Вишняк считал, что кризис демократии должен быть преодолен не отказом от нее, а более полным ее развитием⁸⁷. Сравнительный анализ крупных революций — в России и странах Европы — включал обращение к политическим решениям царя и природе его ошибок⁸⁸, предполагал решение проблемы равенства и этики демократии⁸⁹. Вишняк критиковал Олара за различие критериев оценок французских революционеров и большевиков. В первом случае он оправдывал насилие, во втором — осуждал его. Это, считал Вишняк, как минимум непоследовательно, как и вообще теория прогрессивного насилия⁹⁰. Единство критериев в оценке исторических и современных революционных диктатур, полагал Вишняк, важно не только для отыскания их сходства, но и для установления различий (выявление которых вообще возможно только при наличии целостной социологической концепции этого явления). В отличие от традиционных форм абсолютизма (Петра I, Наполеона, Бисмарка)

⁸⁷ Вишняк М. Оправдание демократии // СЗ. 1923. Т. 16 (III). С. 322–349.

⁸⁸ Вишняк М. Падение русского абсолютизма // СЗ. 1924. Т. 18. С. 231–264.

⁸⁹ Анализ идей Ильина, Бердяева и проч., критика их: Вишняк М. Оправдание равенства // СЗ. 1924. Т. 22. С. 316–335.

⁹⁰ Вишняк М. Рец. на кн.: Олар А. «Теория насилия и Французская революция. Предисл. приват-доц. Б. С. Миркина-Гецевича. Авторизованный перевод с рукописи. Париж, 1924. // СЗ. 1924. Т. 21. С. 425–431.

политический режим, установленный большевиками, имеет утопический характер. «Смысл коммунистического деспотизма весь в будущем. То, что грядет, должно оправдать насилие и произвол нынешней советской «государственности». Но массы не способны жить этим вечно: рано или поздно наступит развязка»⁹¹.

Основная причина того, что большевикам удалось столь легко осуществить насильственный роспуск Учредительного собрания — кризис русской демократии, неспособной защитить себя от экстремизма. Этот кризис Вишняк ставит в общеевропейский контекст, рассматривая его как частный случай европейских тенденций к отказу от либеральной модели организации общества⁹². Переворот Пилсудского в Польше и кризис парламентаризма во Франции — звенья той же цепи. Сравнение стран Западной Европы с Россией 1917 г. оказывается с этих позиций чрезвычайно информативным: демократия не сводится к парламентаризму, она есть форма культуры. Если этой культуры нет, то парламентские формы сами по себе не способны остановить волну экстремизма. В этих условиях нужно отстаивать не разделение властей, но их сотрудничество. В целом Вишняк выступает за поиски новых форм восстановления демократии, имея в виду ее ошибки в прошлом, в частности, в России 1917 г.⁹³

В содержательном отношении кризис демократии в России выражался для Вишняка в противоречиях модернизации — столкновении концепций эгалитарной демократии и либеральных индивидуальных свобод. Как и во многих странах Европы после Первой мировой войны, переход от традиционного сословного общества к гражданскому, т. е. к демократии современного типа, сталкивался с неподготовленностью массового сознания, стереотипы которого отвергали сложный и непонятный для него механизм правового государства и либеральных гарантий индивидуальных свобод. В случае российского Учредительного собрания речь шла именно об этом — проведении предельно демократических выборов в недемократическом обществе и в неподходящих условиях (войны, экономического коллапса и революции). «Для меня, — писал один из активных участников событий, — кажется истиной непреложной, что неумение защитить

⁹¹ Вишняк М. На Родине (Быт и строй) // СЗ. 1923. Т. 17. С. 450.

⁹² Вишняк М. Демократия в Европе // СЗ. 1928. Т. 37. С. 356–374.

⁹³ Вишняк М. Кризис власти // СЗ. 1926. Т. 29. С. 400–432.

Учредительное собрание знаменовало собой глубочайший кризис русской демократии. Это был поворотный пункт. После 5-го января для прежней идеалистически настроенной российской интеллигенции не стало места в истории, в русской истории. Ей принадлежало прошлое»⁹⁴.

В формальном (и институциональном) отношении кризис демократии выражался в очевидном несоответствии тех правовых форм и политических институтов, которые были установлены Февральской революцией и Временным правительством, условиям революционной России. Это относится прежде всего к самой концепции неограниченной власти Учредительного собрания, как института, способного разрешить все проблемы в расколотом обществе в короткое время; далее — к идее формирования Конститутанты путем всеобщих демократических выборов без каких-либо существенных ограничений и цензов; наконец, к представлению временной исполнительной власти о неправомерности какой-либо предварительной подготовки законопроектов к Учредительному собранию и активного участия в их продвижении. Кроме того, это была известная идея «непредрешенчества», выводившаяся из концепций разделения властей и народного суверенитета, господствовавших в период классического парламентаризма в Европе (моделью для русских конституционалистов служила Третья республика во Франции). Концепции правового государства вполне целенаправленно противопоставлялась концепция классового государства и революционного насилия как способа его достижения. «Враги, — говорилось по этому поводу в одном из большевистских листов, — притихли, они не посмели выйти на открытый бой и прикинулись друзьями народа. Улыбались ему, пряча свои волчьи зубы, восхваляя революцию и, в душе проклиная и презирая ее, страшась народного гнева и спасая свои классовые привилегии, они осторожно, как змеи, ползли к власти, опираясь на часть бывших социалистов, и это им удалось. Встав у власти, они начали творить свою волю, и первым делом решили приостановить ненавистное им революционное движение и подорвать доверие к ней [имеется в виду революция — А. М.] широких народных масс, поднять анархию и произвол в стране и тем разъединить революционные

⁹⁴ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного Собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924–1925. Т. 13. С. 16.

силы крестьян, рабочих и солдат»⁹⁵. «Революция, — подвелили они итог, — жестока, но она справедлива. Победивший пролетариат, при помощи революционного суда, будет чинить свое революционное правосудие»⁹⁶.

Наконец, в тактическом отношении поражение демократических сил было связано с неадекватным представлением о самом направлении возможного удара. Сторонники Учредительного собрания длительное время исходили из представления о том, что основная угроза демократическим институтам может исходить только от старого порядка и выражаться в стремлении к реставрации монархии. Возможность переворота, подготовленного и осуществленного левыми экстремистами, серьезно не рассматривалась. Господство в умах либералов и умеренных социалистов классической модели европейского парламентаризма как единственной возможной формы будущего политического устройства, заставляло их предполагать, что конфликт с большевиками может быть разрешен в правовых формах в Таврическом дворце, — ошибка, совершенная позднее элитой Веймарской республики в отношении нацизма. Поэтому Временное правительство и группировавшиеся вокруг него партии, а позднее — Учредительное собрание ничего не смогли противопоставить новой и вполне оригинальной троцкистско-ленинской технологии захвата власти, предполагавшей соединение заговора с использованием квазипредставительных учреждений.

В сочинениях Вишняка находим достаточно внимательный анализ причин поражения Временного правительства и Учредительного собрания в их конфликте с большевизмом. Вишняк отмечает, что идея отложить все крупные вопросы (о форме правления, об аграрной реформе и проч.) до Учредительного собрания приводила к бездействию Временного правительства и стала его ошибкой. Это был гипноз «демократической теории», преклонение перед волей Конституанты. «Возникшее, в частности, для заполнения пробела в праве и государственном порядке, созданного крушением старого строя, Временное правительство осуждалось, таким образом на

⁹⁵ Бюллетень Выборгского Районного Совета Р. и С. Депутатов. Пг., 22 окт. № 1 (1917). С. 2.

⁹⁶ Бюллетень Военно-революционного комитета Р. и С. Депутатов Городского района. 1917. № 6. Суббота 4 ноября. С. 1.

бездеятельность, на длительное выжидание Учредительного собрания. Перерыв и прорыв в праве и государственности от того, конечно, не затягивались, а, наоборот, лишь растягивались во времени и пространстве»⁹⁷. В ходе других европейских революций в Германии, Австрии, Чехословакии, Польше негативный опыт России по проведению Учредительного собрания (затягивание с разработкой закона о выборах и их проведения) был учтен: «правительство, возникшее в порядке революции, брало на себя смелость провозглашать временную форму правления и, в порядке неотложной спешности, декретировать систему выборов»⁹⁸. Вишняк показывает, что со времени установления революционной власти до созыва Учредительного собрания в странах Европы проходило в среднем три месяца, в то время как в России правительство за этот период только приступило к созданию закона о выборах.

Причины этой медлительности в России были разнообразны: «конечно, существенную роль здесь играет превосходство общей культуры западных государств и ряд невыгодных для России геополитических условий: огромная протяженность страны, редкая населенность, плохие и недостаточные пути сообщения, низкая грамотность, и, главное, общая политическая отсталость 90-миллионного избирательного корпуса» плюс «неприобщенность и русского образованного общества к технике государственного управления и русских народных масс — к практике политического самоуправления»⁹⁹.

Можно констатировать феномен завышенных ожиданий, связанных с верой в Конституанту, разбивавшийся при столкновении с действительностью: «Был энтузиазм неискушенной веры в необходимость и возможность безболезненного перехода к новому строю с общего согласия и с соблюдением всех требований справедливости», вступавший в конфликт с политической реальностью (условия военного времени, внутренняя хозяйственная и политическая разруха, вызывавшая «частые министерские кризисы»). Отмечено влияние фактора идеологических стереотипов — Временное правительство рассматривалось только как «избирательная комиссия

⁹⁷ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 69.

⁹⁸ Там же. С. 69.

⁹⁹ Там же. С. 70.

для выборов в Учредительное собрание». Опасение сильного переходного правительства подкреплял прецедент 1905–1906 гг., когда после революции С. Ю. Витте поставил Государственную думу перед уже утвержденными Основными законами и обеспечил переход к «псевдо-конституционализму». Наконец, выборы в Учредительное собрание требовали трудной и долгой работы — реорганизации на демократических основаниях органов местного, земского и городского самоуправления. Все это затягивало выборы и вело к срыву русской демократической революции.

Тем не менее, выборы в Учредительное собрание — огромный шаг вперед в развитии демократических институтов. «Учредительное собрание, — писал Вишняк, — это завоевание революции. Выборы в Учредительное собрание определяют собою исход революции. Выборы определяют направление деятельности Учредительного собрания». Разработка закона о выборах, в составлении которого видную роль играл Вишняк, продвигалась чрезвычайно медленно, однако результаты рассматривались современниками как вполне качественные. Вишняк отслеживал основные фазы этой работы по мере ее продвижения: «Мы знаем уже не только план всего здания, мы имеем перед собой не только фундамент, но и контрфорсы, мы видим уже возведенные стены, поперечные балки и стропила, контуры фасада и крыши. И мы вправе сказать, что еще ни одна страна, ни один народ в мире не знал в своей истории избирательного закона, который более последовательно проводил бы начала народоправства и народовластия и который открывал бы более широкий простор к обнаружению воли народа, чем наш закон о выборах в Учредительное собрание»¹⁰⁰.

7. Вариативность моделей выхода из кризиса и политического устройства переходного периода

Вариативность моделей политического устройства переходного периода и определение вектора развития после Октябрьского переворота 1917 г. выражались в выборе из трех возможностей: а) создание и конфронтация (или, наоборот, комбинирование) двух центров конституирующей власти — Учредительного собрания и съездов Советов

¹⁰⁰ Вишняк М. В. Закон о выборах в Учредительное собрание. Пг., 1917. С. 28.

(модель их объединения в виде двухпалатного парламента); б) развитие конфликта между конституирующей властью Учредительного собрания и новой исполнительной властью (Совет народных комиссаров) в правовых формах (тот факт, что эта возможность гипотетически не исключалась, подтверждается фактом созыва Учредительного собрания уже после большевистского переворота); в) насильственный роспуск Конституанты вооруженным путем с последующим началом массового террора (возможность, которая реализовалась на практике). Выбор одной из этих моделей определялся следующими факторами: соотношением теории и практики; правовых и неправовых форм противостояния; стабильности или нестабильности режима.

Прежде всего, возникает вопрос, чем в большей степени руководствовались В. И. Ленин и Троцкий в своем отношении к Конституанте — доктринальными постулатами марксизма или анализом текущей политической практики? При ответе на этот вопрос исследователи обратились к анализу «Апрельских тезисов» и задались вопросом: были ли тезисы последовательно реализовавшимся теоретическим планом переворота или они не влияли на технологию захвата власти. Одни отстаивали тезис о спонтанности действий большевиков, подчеркивали непоследовательность и колебания в их политике. Так думал, например, Э. Х. Карр. В течение всего периода от Февральской до Октябрьской революции 1917 г., по его мнению, большевики вместе с другими левыми партиями требовали созыва Учредительного собрания и осуждали Временное правительство за промедление в решении этого вопроса, закрывая глаза на несовместимость этого требования с лозунгом всевластия Советов. «Если бы были проанализированы причины этой непоследовательности или невозможности выбора, — отмечал Э. Карр (склонный в изложении этой проблемы следовать за логикой Ленина), — это могло бы пролить свет на истоки расхождений внутри партии по поводу Апрельских тезисов. Но в этот период подобная непоследовательность свидетельствовала не о различии мнений, а о неуверенности и отсутствии определенности у руководителей партии, включая Ленина, по вопросу о характере текущего революционного процесса»¹⁰¹. Подобный подход, объяс-

¹⁰¹ Карр Э. История советской России. Большевистская революция 1917–1923. М., 1990. Кн. 1. С. 87.

няющий события революции спонтанно складывающейся расстановкой сил, иногда приводит к вполне апологетическим концепциям, доказывавшим, что все действия большевиков, в том числе роспуск Учредительного собрания, были predetermined предшествующей логикой революции.

Другая точка зрения, напротив, усматривает в действиях большевиков признаки последовательно реализуемой стратегии. Придерживающиеся ее исследователи говорят не о непоследовательности, а напротив — о вполне последовательном использовании демократических лозунгов Учредительного собрания и советов для захвата власти партией. Противопоставляя Учредительному собранию съезд Советов, а съезду — вооруженное восстание, Ленин, следовательно, осуществлял программу, сформулированную в Апрельских тезисах. «В октябре, — отмечает последовательный сторонник данной точки зрения Р. Пайпс, — произошел классический государственный переворот, захват государственной власти меньшинством, проведенный в угоду демократическим условиям того времени, с видимостью поддержки и участия в нем большинства населения, но на деле без привлечения масс. Номинально захват власти был осуществлен как временная мера и от лица Советов, в действительности же постоянную власть получила партия большевиков»¹⁰².

Вторая точка зрения фактически принадлежит Вишняку, лекции которого, как отмечалось, слушал Пайпс. Тактика большевиков, по мнению Вишняка, выглядела следующим образом: от требования Учредительного собрания — до его затягивания и попытки подменить советскими институтами. После переворота, считал он, Ленин надеялся, что Учредительное собрание даст победу большевикам и мотивировал переворот необходимостью его скорейшего созыва. Но когда ситуация прояснилась, демократические формы были отброшены. Левые внутри партии большевиков (Н. И. Бухарин) хотели созвать Учредительное собрание для превращения его в Конвент, но Ленин с самого начала стал тормозить эту идею. Он выступил сначала за условную поддержку Учредительного собрания (если оно поддержит большевиков), а затем — за разгон. Анализ цифровых итогов выборов в Учредительное собрание приводил Вишняка к выводу, что

¹⁰² *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 56.

оппозиция большевикам в нем составила минимум 70 процентов¹⁰³. Разгон Учредительного собрания предстает у Вишняка как выражение реализации большевиками намеченного плана и рассматривается в сравнительной перспективе с судьбами других Конституант крупных революций — Долгого парламента, разогнанного Кромвелем и восстановленного после его смерти (он существовал более 20 лет с 1648 до 1660 г., пережил все перипетии смены власти) и китайского парламента, избранного в 1912 г., но подвергнувшегося чисткам при выработке конституции и избрания президента (Юаньшикая). Этот ряд нетрудно продолжить и более современными примерами.

Элемент импровизации, следовательно, определялся не колебаниями в реализации общего замысла, а зависел главным образом от решения тактических задач. Почувствовав реальную возможность опрокинуть демократические институты, Ленин сделал это опираясь на аморфный съезд Советов, который, как показано в современной литературе, собственно, никого не представлял, был инспирирован и проведен специально для легитимации планируемого переворота, объективно направленного против Учредительного собрания как легитимного института общенационального представительства. Отметим, что противники ленинского курса на восстание внутри «демократического» лагеря, в том числе внутри партии большевиков, аргументировали свою позицию, также исходя из необходимости признания новой власти Учредительным собранием. Альтернативой восстанию они считали возможность вхождения большевиков в Учредительное собрание в качестве сильной оппозиционной партии и создание на его основе нового «комбинированного» государственного учреждения, включающего Учредительное собрание и Советы на правах равноправных палат. Однако идея подобного гибридного парламента, очевидно, не устраивала инициаторов переворота — Ленина и Троцкого.

Помимо теоретических и психологических аргументов, существенное значение при определении политического вектора в условиях революционного кризиса приобретали тактические и конъюнктурные соображения: количество голосов, полученных большевиками на выборах в Конституанту; возможность и готовность

¹⁰³ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 92.

к достижению компромисса с другими партиями левой части политического спектра; общая степень устойчивости большевистского режима, а также представления его лидеров о перспективах мировой революции.

Вопрос о том, почему большевики все-таки допустили созыв Конституанты, проясняется при обращении к сводкам иностранных наблюдателей (многие из которых фигурируют в книге Вишняка), отражающим колебания большевиков сразу после переворота 25 октября 1917 г. Неустойчивость нового режима была связана, во-первых, с возможностью восстановления прежней власти вооруженным путем. По мнению оппонентов режима, успех большевиков в Петрограде «является эфемерным и не может продлиться более недели», поскольку будет прекращен войсками, которые Керенский снимет с фронта и направит на Петроград. Посол Франции в России при Временном правительстве Ж. Нуланс, приводящий это свидетельство, был более осторожен в прогнозах, предлагая учитывать возможную реакцию «человека с ружьем» — «неизвестно, какое впечатление произведет на армию успех большевистского переворота и, особенно, предложение немедленного перемирия, которое они выдвинули»¹⁰⁴.

Во-вторых, шаткость новой власти усматривалась в существовании раскола внутри партии большевиков, часть которых стояла на позициях Ленина-Троцкого, в то время как другая была настроена на компромисс с партиями левого фланга и, соответственно, не видела смысла в роспуске Конституанты¹⁰⁵. В-третьих, эта неустойчивость связывалась с хаотичностью экономической политики большевиков, ведущей к разрушению производительных сил страны: введение рабочего самоуправления (фабрично-заводских комитетов) расценивалось как огромный обман, ведущий в перспективе к кризису экономики, безработице и дезорганизации производства¹⁰⁶. Первые действия новой власти подтверждали эти опасения: ограничение частной собственности; введение распределительной системы; твердых цен, принудительного труда; рабочего контроля, вообще меха-

¹⁰⁴ Телеграмма Нуланса от 8 ноября 1917 // Archives Nationales. 94/AP/ 187.

¹⁰⁵ Бюллетень Скобелевского Союза рабочих печатного дела (Среда, 15 ноября 1917 г.).

¹⁰⁶ Донесение Петита из Петрограда от 11/24 января 1918 г. // Archives Nationales, 94/AP/ 189.

низма тотального контроля (в виде контрольных комиссий на производстве) — стали демонстративными знаками отрицания правового выбора.

Колебания режима в отношении Конституанты определялись и факторами международной политики: было ясно, что односторонний призыв к заключению сепаратного мира, являясь удачным популистским шагом внутри страны, не будет поддержан другими воюющими державами (как врагами, так и союзниками России в Первой мировой войне), а потому способен привести страну к военному коллапсу. Эта акция, во всяком случае, нуждалась в дополнительной легитимации со стороны Конституанты. Не случайно сообщения о принятии Декрета о мире на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. дополнялись в средствах массовой информации сообщениями о выборной кампании в Учредительное собрание¹⁰⁷.

Однако главным источником колебаний большевиков в первые недели после переворота была неопределенность ситуации в других регионах страны и в армии. Именно в это время начинается Гражданская война, фиксируется раскол в армии, в частности, начало противостояния солдат и казаков. Призывы генералов «сохранять спокойствие» и «прекратить беспорядки», вступают в конфликт с осознанным стремлением экстремистов к эскалации конфликта — распространению «беспорядков» на новые территории и слои населения, прежде всего — армию.

Созыв Учредительного собрания в этих условиях мог привести как к негативным, так и к позитивным последствиям для нового режима. Вращаясь в кругах левых политических элементов и будучи близок к большевистскому руководству, французский авантюрист Ж. Садуль зафиксировал противоречивость умонастроений в отношении Конституанты. В меньшевистских кругах речь шла о неизбежности консервативной реакции на большевистский переворот, основным проявлением которой в ходе выборов в Учредительное собрание в деревне может стать новая Вандея — волна антибольшевистских настроений крестьянства, а в городе — «объединение мелкой буржуазии и консервативных служащих вокруг каде-

¹⁰⁷ Бюллетень Минского Совета Р. и С. Депутатов № 2 (Воскр. 29 окт. 1917 г.)

тов». Данный прогноз не признавался в то время большевиками, которые, по свидетельству Садуля, верили в повторение логики Французской революции и считали, что «сельский пролетариат разделится между социалистами-революционерами и большевиками», в результате чего эсеры постепенно будут «вовлечены в русло большевизма»¹⁰⁸.

Когда стало ясно, что большевики не только не получают убедительного перевеса над другими партиями, но, напротив, будут вынуждены уступить им в Учредительном собрании, идея превращения русской Конституанты в революционный Конвент периода якобинской диктатуры была отставлена. На вооружение, как подчеркивал Вишняк, была взята бонапартистская технология удержания власти. Выбор между правовыми и неправовыми формами развития политического кризиса определялся общими психологическими установками революционного экстремизма, которые чрезвычайно быстро переводились на язык действий. Все формирующиеся авторитарные режимы раньше или позже вступают в конфликт с институтами парламентаризма. Кромвель, Наполеон, Муссолини, Кемаль Ататюрк — пошли на роспуск Конституант до завершения ими своих полномочий по созданию или планируемому изменению конституций. Стадии и технологии противостояния Учредительного собрания и большевистского правительства отражали вышеотмеченную тенденцию.

8. Роспуск Учредительного собрания большевиками и его оценка политическими партиями революционной России

Основной причиной роспуска Учредительного собрания, согласно Вишняку, являлось несовершенство правосознания общества. Русская общественность отвернулась от Собрания, не считаясь с тем, что оно было «единственным правовым источником власти, что вне

¹⁰⁸ Письмо Ж. Садуля от 25 октября/7 ноября 1917 г. и последующие // Archives Nationales (94 /AP/ 184). К сожалению, свидетельства Садуля отражают главным образом точку зрения Троцкого, а не Ленина. Он отмечает, что Ленин, присутствовавший при некоторых беседах Садуля с Троцким, не принимал участия в беседе из-за недостаточного знания разговорного французского. При общем сходстве позиций Троцкого и Ленина, между ними существовали тактические разногласия, в частности, по вопросу об отношении к другим партиям.

и взамен него может существовать и длиться только хаос, произвол и усмотрение диктаторов коллегиальных или единоличных»; русская общественность недооценила факт существования Собрания для «сохранения целостности и единства российской державы»¹⁰⁹. Однако, несмотря на свою слабость и противоречивость, Собрание означало «стройное и непримиримое отрицание большевистской тирании»¹¹⁰.

Описание событий Вишняком имеет характер ценного исторического источника, поскольку выполнено не только активным участником событий, но и человеком, имевшим несомненный опыт работы в представительных учреждениях предшествующего времени: «Избранный секретарем Учредительного собрания, — вспоминал он, — я на своем опыте ощущал, что значит занимать эту должность, не обладая даже минимумом реальных возможностей для осуществления связанных с должностью обязанностей. Я не имел в своем распоряжении не только «приставов» для поддержания элементарного порядка в зале. Я не имел никакого аппарата для обслуживания заседания и ведения даже записи. Самую стенограмму заседания — ныне переизданную с проредактированного мною издания 1918 года — удалось получить лишь в порядке личных отношений, установившихся с персоналом Канцелярии еще в бытность мою секретарем, так называемого, Совета Республики или Предпарламента»¹¹¹.

Вишняк быстро оценил обстановку нарастающей конфронтации, осмыслил возможные варианты развития событий и выбрал единственно верный — максимально использовать первое заседание, которое, как он и предполагал, оказалось последним. «Мы и раньше предвидели, что разговаривать, убеждать и спорить с большевиками в самом заседании Собрания не придется, будет бесполезно. Единственно важное — провести первое заседание, которое могло стать и последним, так, чтобы оно укрепило позиции для последующей борьбы с большевиками. Учредительное собрание могло быть распущено до своего открытия. Учредительное собрание могло быть вовсе не открыто за отсутствием «кворума»: за фактическим отсутствием достаточного числа избранных и зарегистрированных де-

¹⁰⁹ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание // СЗ. 1928. Т. 34. С. 396.

¹¹⁰ Там же. С. 398.

¹¹¹ Там же. С. 373.

путатов и за умышленной неявкой в заседание большевиков и левых эсеров. Собранию могли не дать даже «конституироваться» и выбрать президиум. Нас могли «занять» выборами «президиума» и убить на это все заседание. Нас могли сорвать и взорвать на любой мелочи: на споре о порядке дня так же легко, как и на личной вспышке отдельного члена Собрания. Мы могли перестать жить до того, как дать жизнь Учредительному собранию. Еще хуже того было бы, если бы начавшаяся жизнь была столь краткосрочна и бессодержательна, что от нее не осталось бы ничего для будущей борьбы с большевиками, для будущего устройства России»¹¹².

Противники Учредительного собрания, большевики, выстраиваются в галерею преступных типов — Ленин, «сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся в кресле и вскоре исчезнувший», предводитель революционных матросов Дыбенко — жгучий брюнет с цепью на груди, похожий на содержателя бань, будущие следовательницы и чекистки, толпа солдат и матросов во главе с преторианцем Железняком, от скуки бравшая на мушку сидящих в президиуме¹¹³. Их цели, теперь вполне известные по другим источникам, были правильно поняты Вишняком в момент развития событий: «прежде, чем насильственно упразднить Учредительное собрание, — писал он, советская власть предложила ему добровольно капитулировать, — согласиться на превращение в совещательное при Совнаркоме учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства»¹¹⁴. Вишняком хорошо передана «напряженность военного лагеря», а также зловещая театральность происходящего: «красный смех нарастал, становился все наглее»¹¹⁵.

Разгон Учредительного собрания, считал Вишняк, «имел свою положительную сторону: он закрепил «расстановку» общественных сил и тем самым прояснил общую политическую обстановку. И прекраснодушные уже не могли больше отрицать, что гражданская война налицо и начали ее, а потом стали прославлять большевики»¹¹⁶. «После циничного разгона Учредительного собрания Ленину было не к

¹¹² Там же. С. 369–370.

¹¹³ Там же. С. 367.

¹¹⁴ Там же. С. 370–371.

¹¹⁵ Там же. С. 379.

¹¹⁶ *Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора.* С. 19.

чему больше скрывать то, что он раньше всячески оспаривал и маскировал. На протяжении всего периода Февральской революции Ленин пугал гражданской войной, обвиняя противников в том, что они ее готовят. Теперь он распоясался, сбросил маску и стал похвастаться своей предусмотрительностью»¹¹⁷.

Роспуск Учредительного собрания, действительно, был сразу оценен как русскими, так и иностранными наблюдателями как государственный переворот. Все те, кто присутствовал на первом заседании Конституционной ассамблеи, сообщал Нуланс, испытал «чувство кошмара». Отмечая насилие со стороны большевистских депутатов и сочувствующей толпы их сторонников, выкрики угроз и оскорблений, раздававшихся из толпы вооруженных солдат и матросов, присутствовавших в самом зале заседаний, он констатирует чрезвычайное хладнокровие и героическое спокойствие эсеровского большинства до последней минуты заседания¹¹⁸. Как вспоминал впоследствии В. М. Чернов, эта уверенность покоилась на результатах выборов, давших эсерам многократное превосходство над большевиками. Следствием этого явилось идеалистическое представление о возможности мирного, «морального» преобладания над большевиками, власть которых основывалась лишь на «формальном» военном перевесе в Петрограде¹¹⁹.

Важнейшими следствиями роспуска Учредительного собрания стали утрата легитимности правительством большевиков, оказавшимся в полной политической изоляции, и начало Гражданской войны. Все политические силы, участвовавшие в русской революции 1917 г., были вынуждены определить свое отношение к факту разгона, попытались консолидироваться, но не смогли сделать этого по причине внутренней слабости и разобщенности. Состояние политических партий после роспуска Учредительного собрания, весной 1918 г. отражено в записке ->Note sur la Situation des Partis d'opposition a Moscou vers le 15 avril 1918», составленной (19 апреля) на основе непосредственных наблюдений французских резидентов, лично поддерживавших контакты с лидерами оппозиционных

¹¹⁷ Там же. С. 18.

¹¹⁸ Телеграмма Петита от 20 января 1918 (воспроизводится телеграмма Нуланса) // Archives Nationales, 94 /AP/ 190.

¹¹⁹ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 357–360.

партий¹²⁰. Данный обзор представляет значительную ценность, поскольку четко фиксирует не только формальные линии межпартийного деления, но и сдвиги внутри партий, обозначившиеся главным образом под влиянием роспуска Учредительного собрания, как реакция на него. Это — «моментальная фотография» быстро меняющегося положения фракций и их лидеров на ключевом этапе начала Гражданской войны. В основу классификации партий и внутрипартийных фракций положены три критерия: социально-политическая направленность (левые, центр и правые); отношение к правительству большевиков (причины его неприятия и возможные методы борьбы с ним); решение вопроса о возможности продолжения войны (проблема циммервальдизма и патриотизма).

Наиболее трудным вопросом для выработки единой оппозиционной программы и создания блока оказывался вопрос об устройстве будущего правительства. Речь идет не столько о форме правления, которая лучше подойдет для будущей России (республика или монархия), сколько об определении того органа, который должен немедленно заменить правительство народных комиссаров и который составит основу нового правительства. Социалисты в целом, суммирует документ, являются республиканцами, большинство кадетов — конституционные монархисты, но и те и другие в настоящий момент заняты прежде всего одним вопросом — об Учредительном собрании. Социал-демократы-оборонцы, социалисты-революционеры и народные социалисты выступают за превращение распущенной Конституанты в орган регулярной передачи власти представителями народа новому правительству. Левые кадеты, поддерживая идею Конституанты, не хотят, однако, обращения к распущенной Конституанте (в старом составе), поскольку одним она представляется «уже пройденным этапом», к которому нельзя вернуться, а, другие, полагают, что введение всеобщего избирательного права оказалось преждевременным в России. Правые кадеты и «общественные деятели» в целом склоняются к неизбежности установления временной диктатуры. Представители различных партий, полагают авторы документа, ищут договоренности на базе коалиционного правительства, проистекающего частично от прежней Конституанты и призванного сгруппиро-

¹²⁰ Note sur la Situation des Partis d'opposition à Moscou vers le 15 avril 1918 (19 avril 1918): Archives Nationales, AJ/62/66, 62.

вать не столько партии, сколько ценных людей. Это правительство будет опираться вначале на старые организации муниципалитетов и земств.

Вишняк был в курсе основных направлений оппозиционного движения: «Вслед за эвакуацией советского правительства, — отмечал он, — переместились в Москву и все антибольшевистские центры и штабы, политические и военные. Здесь же стали зарождаться и новые политические организации: Союз возрождения России с ориентацией на союзников во внешней политике и на Учредительное собрание и коллективную директорию — во внутренней; так называемый Правый центр — с ориентацией на Германию и единоличную военную диктатуру; и вскоре выделившийся из Правого центра Национальный центр, с ориентацией на союзников и трехчленную директорию и решительным отрицанием какой-либо власти за Учредительным собранием»¹²¹.

Более детальная информация о поляризации сил внутри оппозиции представлена в письмах французских резидентов в России (А. Мазона), поскольку они поддерживали непосредственные контакты с лидерами оппозиционных групп и влиятельными представителями либерального общественного движения¹²². Эти консультации были необходимы французскому правительству для определения устойчивости большевистского режима, зондирования возможности создания для борьбы с ним коалиционного антибольшевистского правительства и организации при его поддержке военной интервенции союзников. Шансы большевиков представлялись в то время небольшими именно по причине роспуска Конституанты: по мнению А. Мазона (донесение 11 апреля 1918 г.), возрастающая слабость СНК объясняется сужением его социальной базы (рабочих и крестьян) и параллельным усилением репрессивных функций режима. Он определяет правительство Ленина как преторианский режим, вынужденный силой подавлять народные восстания и, в силу этого, опирающийся исключительно на штыки — Красную гвардию (*garde prétorienne*), которую большевики с помощью набора добровольцев стремятся превратить в армию.

¹²¹ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. С. 22.

¹²² Archives Nationales: AJ/62/ 66 и 62.

9. Природа и эволюция советского политического режима

Вишняк должен быть признан одним из создателей теории тоталитаризма, поскольку он своевременно указал на качественное отличие большевистской диктатуры от других исторических форм авторитаризма. Советский режим, подчеркивал он, не просто неограниченная власть, наподобие монархического абсолютизма или военной диктатуры. Разбирая концепцию Миркина, развивавшего теорию «советского абсолютизма», Вишняк видит ее основной недостаток в сведении дела к юридическим вопросам, в ущерб анализу политических и моральных аспектов режима. «Сами советские правители и юристы, — отмечал он, — не перестают подчеркивать, что советское государство — не правовое государство, а учреждение социальное и политическое; что веления формального права чужды советской власти; что советы стоят и падают вместе с пользующейся монополией власти единой и единственной партии коммунистов и т. д.»¹²³.

С этих позиций Вишняк полемизировал с выводами другого известного ученого — Н. С. Тимашева, о соотношении права и власти в Советской России. Изучая эволюцию советской системы, Тимашев проследил процесс подмены крестьянских сходов и советов партийными комитетами, сделав заключение, что партийные органы выхолостили формальные идеалы конституционного устройства¹²⁴. Далее, он пришел к выводу о существовании в Советском Союзе полицейского государства¹²⁵. Вишняк усомнился в исходной посылке данного анализа — представлении о советском законодательстве как праве в аутентичном понимании. «Советское правотворчество, — подчеркивал Вишняк, — чрезвычайно рудиментарно. Оно основывается не на общих правилах, а на казусах и исключениях. Оно как бы насквозь пронизано убеждением, что право, может быть, и украшает государственную власть, но отнюдь не безусловно для нее необходи-

¹²³ Вишняк М. Рецензия на кн.: Mirkine-Guetzevitch B. La Théorie Générale de l'Etat Soviétique. Paris, 1928 // СЗ. 1928. Т. 37. С. 550–551.

¹²⁴ Тимашев Н. С. Крестьянство и советы: к 10-летию октябрьской революции // СЗ. 1928. Т. 34. С. 482–497.

¹²⁵ Вишняк М. Рецензия на кн.: Timaschew N.S. Grundzuge des Sovetrussischen Staatsrechts. Breslau, Osteurope-Institut // СЗ. 1926. Т. 27. С. 596–598.

мо». Данная система в принципе исключает юридические критерии для оценки своего функционирования, молчаливо принимая как данность, «что не разграничена компетенция советских властей, что не определено относительное значение актов различных органов; что не известно, чем отличаются друг от друга советские декреты, законы, декларации, постановления, резолюции, циркуляры и т.д., что законодательствует и Всероссийский Съезд, и ВЦИК, и его Президиум, и Малый Президиум последнего, и Совнарком и СТО и Центральный Совет Профсоюзов и всяческие Исполкомы; что все власти РСФСР одинаково не ставят ни во что свои же собственные советские законы, даже самые «основные», что все они зато с исключительной чуткостью прислушиваются ко всякого рода веяниям в Ц. К. коммунистической партии, а в особенности в ее «Политбюро»¹²⁶. Критический разбор новых кодексов и Конституции СССР приводил его к выводу, что в их основе лежит диктатура и деспотия. С точки зрения Вишняка, советское право представляло собой особый исторический феномен, который едва ли может быть определен как право в общепринятом смысле слова, а потому невозможно интерпретировать существо эволюции советской политической системы как смену конституционных форм или, наоборот, отказ от них. Этот вывод имел следствием поиск в литературе последующего времени понятий, адекватно отражающих существо данного феномена в качестве квази-права, лжеконституционализма, имитационной демократии, или, наконец, номинального конституционализма. Стремление внести порядок в этот хаос не может опираться на формально-юридические аргументы, но должно привести к анализу особых политических механизмов режима.

Суть политического режима сконструированного большевиками, усматривается Вишняком в особом коллективистском типе политического доминирования, который ранее (в предшествующих революциях) был представлен лишь спорадически. Два типа диктатуры выявили себя в ходе Гражданской войны: одна — диктатура большевиков — «безличная, классовая». Большевизм — «это аппарат для гражданской войны, последовательно перемещаемый из русского города в деревню, а оттуда — на мировой простор». Другой тип дик-

¹²⁶ Вишняк М. На Родине // СЗ. 1923. Т. 14 (I). С. 371–372.

татуры (белого движения) определяется как «персональный», причем «в ее наиболее отталкивающей форме военного диктатора». Ответственность за него возлагается на либералов: «Почти три года культивировали к-д. идею спасения России через посредство удачливого диктатора. Они успели привить эту идею довольно широким слоям буржуазии и интеллигенции. Вера в диктатора заставила сибирских кадетов накануне омских событий подстрекнуть колеблющихся совершить переворот в пользу адмирала Колчака, побудила их открыто заявить себя «партией государственного переворота». Та же идея единоличного военного диктатора, ведающего и все судьбы гражданского управления, кружила и туманила головы деятелей к-д. партии на юге России; в частности, тем из них, которые в начале 19 года в Одессе принимали участие в переворотах т. н. «четырёх бюро»»¹²⁷.

Первый тип «коллективистской» диктатуры, по мнению Вишняка, проявил себя наиболее полно в системе Советов как протодемократических институтов, доступных манипулированию со стороны политических партий в силу своей социальной незрелости. Вообще, свободно избранные Советы, считал он, теоретически могут сыграть существенную роль в переходный период. Традиционные учреждения способны нести новые функции в революционные эпохи: «Так было в революционной Англии XVII в. с Долгим Парламентом. Так случилось во Франции XVIII в. с Генеральными Штатами. Так было в России 1917 г. с IV Государственной Думой, которая 27 февраля решала вопрос: объявить ли Думу Учредительным собранием, передать ли власть Совету Старейшин или образовать для того Особый комитет»¹²⁸. Советы в этом смысле не исключение, а скорее подтверждение общего правила: «Советы всегда служили суррогатом необходимых, но отсутствовавших в нужную минуту политических учреждений. Они вызывались к жизни потребностями переходного времени, в порядке революционной спешки, требовавшей немедленной, хотя бы и несовершенной, организации. Исторически Советы предшествуют Демократии, и процесс идет, конечно, от Советов к Демократии, а не наоборот. Пример тому не только советы рабочих депутатов начала 1917 г., но и советы крестьянских депутатов в Германии эпохи Фомы

¹²⁷ Вишняк М. На Родине // СЗ. 1920. № 2. С. 268–297.

¹²⁸ Вишняк М. На Родине (Кронштадт) // СЗ. 1921. № 4 (С. 347–372). С. 361.

Мюнцера или советы солдатских депутатов при Кромвеле в Англии. Вопрос в том, что включается в это понятие «Советы» — правительство класса или общенародное, но в любом случае курральная система ведет к застою»¹²⁹.

Кронштадтское восстание явилось, с точки зрения Вишняка, проверочным тестом для большевистского режима. Он считал требования восставшими демократических прав и свободных выборов в Советы (а не в Учредительное собрание) вполне обоснованными, хотя рассматривал их как признак политической незрелости. Кронштадт выступает для него как «третья революция» (термин участников восстания) против коммунистов. Вишняк считал восстание «подлинной революцией»¹³⁰.

Основную причину поражения демократических сил и установления в стране «коллективистской» диктатуры Вишняк усматривал в отказе от верности правовому выбору, измене левых эсеров, которые вступили в сговор с большевиками по срыву Предпарламента и Учредительного собрания. Ошибка левых эсеров — в том, что, в отличие от большевиков, они всерьез восприняли Советы как орган власти. Эти заблуждения владели ими и в эмиграции. Разработанный ими Конституционный проект (при несколько большем демократизме, чем принятая советская конституция), отмечал Вишняк, противоречив, основан на идеях Л. Дюги, но не профессионален¹³¹. Вывод Вишняка заключался в признании тактического искусства большевиков, оказавшихся способными использовать предрассудки левых эсеров для своих целей: «Там, где большевики откровенны до цинизма и последовательны до бесчеловечности, там левые эсеры, половинчатые и прикровенные, стыдливые и совестливые до того, как пасть, становятся восторженными энтузиастами и морально-эстетическими апологетами своего и чужого падения, после того, как оно случилось»¹³². Отказ эсеров от правового выбора имел следствием привлечение их к суду в 1922 г.: «В ряду идеологических причин

¹²⁹ Там же. С. 359.

¹³⁰ Там же. С. 354.

¹³¹ Вишняк М. Рецензия на кн.: И. Штейнберга «От Февраля по Октябрь 1917 г.», Б. Камкова «Органический недуг» и Шрейдера «Федеративная Советская республика» (Проект конституции и объяснительная записка) // СЗ. 1921. № 4.

¹³² Вишняк М. На Родине (Кронштадт). С. 389.

срыва русской революции, — отмечает Вишняк в статье о процессе эсеров, — одна из причин лежит в условности признания демократического принципа»¹³³.

Установление одного типа диктатуры — «коллективистского», не исключает возможности ее перерастания в другой — «персоналистский» тип или военную диктатуру. Вишняк обсуждал в связи с НЭП вопрос о перспективах русского бонапартизма, отказавшись видеть в нем позитивное решение проблемы. Он выразил это формулой отрицания обеих крайностей — не нужно ни террористов, ни роялистов¹³⁴. С этих позиций Вишняк критиковал политические концепции евразийства, сменовеховства, в частности, поворот Устрялова к оправданию большевизма — «легенды о том, что власть в России возможна либо царская, либо большевистская»¹³⁵. В истории революционной России, полагал он, авторитарная модель власти, в частности в форме военной диктатуры бонапартистского типа, доказала свою бесперспективность в борьбе с большевизмом. «Уже не раз пробовали применять по отношению к большевикам ту меру, которую Вольтер рекомендовал применять к римскому папе: лобызать ему ноги, но связывать руки. Жестокая необходимость заставила сибирскую демократию попытаться обуздать большевизм, став перед ним на колени. Жизнь не оправдала той высшей жертвы, которую сибирская демократия принесла во имя любви к родной земле»¹³⁶. Вишняк поэтому был не согласен с теми, кто считал диктаторский режим по образцу адмирала Колчака выходом из тупика большевистской диктатуры.

Перспективы свержения большевистского режима связывались скорее с его внутренней трансформацией, нежели с воздействием извне. Подводя итоги пятилетнего правления большевиков, он писал: «Если ставку на приобщение Европы к русскому опыту считать для ближайшего будущего окончательно битой, остаются только две возможности: либо преобразование большевизма, либо его сверже-

¹³³ Вишняк М. На Родине (Партия с.-р.) // СЗ. 1922. № 12. С. 311.

¹³⁴ Вишняк М. На Родине (Судьбы революции) // СЗ. 1921. № 5. С. 329–358; Рецензия Вишняка М. на кн.: Устрялов Н. «В борьбе за Россию». Харбин, 1920.

¹³⁵ Вишняк М. На Родине // СЗ. 1921. № 3.

¹³⁶ Там же. С. 306.

ние. Либо за «Экономическим термидором» последует термидор подлинный, политический; либо воссоздадутся предпосылки — прежде всего субъективные — для революционного свержения большевиков»¹³⁷. Вишняк давал в целом негативную оценку положения страны к 1925 г., хотя и отмечал некоторое оживление и преодоление в известной мере голода¹³⁸. В то же время он, в отличие от Устрялова, не допускал возможности трансформации однопартийной диктатуры в результате «перерождения» правящего класса. «Коммунисты верны себе, не перерождаются и не могут переродиться, что бы они ни делали и как бы ни называли свои и чужие дела. Этому порукой их душа, настоящая на сто-процентном растворе ядовитого ленинизма»¹³⁹. Борьба группировок внутри коммунистической верхушки есть не содержательный выбор социальных слоев и стратегий, а скорее — перемещение функционеров по законам естественного отбора.

Динамичным элементом русского общества Вишняк считал постреволюционную эмиграцию, с которой связывал надежды на преобразование страны в будущем. Эти надежды сохранились и после лишения эмигрантов российского гражданства¹⁴⁰. «Истоки большевистской ярости, — писал он по этому поводу, — в чувствах палача к случайно ускользнувшей из его рук жертве; в бессильной злобе против тех, кто обходя моря и земли вопиет и не только в пустыне, и не только к небу — о деяниях большевиков; в психологии перманентной гражданской войны, которая, за отсутствием видимого противника, ищет и фиксирует его на расстоянии, хотя бы за пределами досягаемости, за рубежом; наконец в тщеславных отзвуках бывшего высокомерия, убежденного в том, что мир спасается большевизмом, а России, кроме большевиков, и подавно никого не нужно...»¹⁴¹ Вопрос о признании Западом большевиков решался Вишняком однозначно негативно: он считал, что большевизм падет как всякая диктатура¹⁴²

¹³⁷ Вишняк М. На Родине (Пятилетие) // СЗ. 1922. № 12. С. 263.

¹³⁸ Вишняк М. На Родине и на чужбине (Пятилетние итоги) // 1925. Т. 26. С. 378–404.

¹³⁹ Вишняк М. На Родине (От утопии к утопии) // СЗ. 1926. Т. 27. С. 504.

¹⁴⁰ Подробнее: Сабенникова И. В. Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. см.: Тверь, 2003.

¹⁴¹ Вишняк М. На Родине (Мы и они) // СЗ. 1922. Т. 10. С. 325–326.

¹⁴² Вишняк М. На Родине // СЗ. 1922. № 9. С. 346–372.

и последовательно выступал против международного признания Советской России¹⁴³.

Мессианские цели большевизма, согласно Вишняку, не могли быть реализованы в стране с запаздывающим развитием: «Неповторимое своеобразие большевизма — в анти-историческом замысле его в рамках национальной революции вместить задания мировые и сверхнациональные; в попытке именно русскую революцию, запоздалую и в самых тяжких условиях мировой войны случившуюся, сделать исходным пунктом для универсального освобождения всего, в т. ч. и наиболее передового, политически и экономически, мира; в решимости рискнуть судьбами великой, но «провинциальной» революции, а заодно и страной, раз призом может стать революция вселенская»¹⁴⁴. Вишняк констатирует в большевизме элементы социального утопизма, волюнтаризма и склонности к насилию: «И большевистское насилие над демократией только степенью превосходит аналогичное насилие Робеспьера или Петра Великого, Муссолини или Стамболийского, Хорти или Кемалю». Нет, поэтому, ничего удивительного, что Ленин и Троцкий говорят об Октябрьской революции как о чуде: они удивлены, что не нашлось никого, кто немедленно (после переворота) выкатил бы их на тачке.

Исторический итог большевизма оказался связан с формированием мифа об Октябрьской революции и его преодолением. «Для переживших Октябрь не со стороны и не извне, в пооктябрьском пепле нет и отдаленных следов божественного пророческого огня. Для них Октябрь не золотой сон, а злая явь, кошмарная и тягучая, для которой нет подходящего уголовного термина, поскольку она результат «плановой» выдумки, и которая требует медицинского обследования, поскольку в ней изуверство безумцев, уверовавших в свою, и только свою «правду святую»¹⁴⁵.

Сопоставление большевистских планов с практическими результатами их деятельности приводит Вишняка к пророческим выводам: «Провал Великого Октября, — писал Вишняк в связи с его 10-летним юбилеем, — троякий. *Моральный*, — ибо он оказался бездушнее само-

¹⁴³ Вишняк М. Патриотические страсти и интересы России // СЗ. 1927. Т. 32. С. 380–400.

¹⁴⁴ Вишняк М. Миф Октября // СЗ. 1927. Т. 33. С. 369.

¹⁴⁵ Вишняк М. Миф Октября // СЗ. 1927. Т. 33. С. 368, 383–384, 385.

державия: это о нем возведено Заратустрой — «Некогда они мечтали стать героями; сластолюбцами стали они теперь; позорен и ужасен им теперь герой». *Экономический*, — ибо он взрастил анархию и нищету горше капиталистической. Наконец, *политически* он кончает ликвидацией того, ради чего начал свое историческое деяние и что составляло его смысл и основание»¹⁴⁶. Размышления Вишняка об итогах большевистского эксперимента выглядят вполне современно после падения советского режима.

10. Значение Учредительного собрания в истории и современности

Труд Вишняка чрезвычайно актуален, поскольку ставит проблемы, сохраняющие значение для всех обществ переходного типа на стадии их радикальной модернизации. Она может пойти разными путями — революция и реформа, разрыв правовой традиции или ее сохранение, обеспечение договора между политическими партиями о базовых ценностях перехода или отказ от него во имя идеологического и политического доминирования. Вариативность моделей разрешения революционного кризиса и политического устройства государства в российской переходной ситуации связана с общей судьбой Конституанты. Во-первых, возможны были различные юридические и политические конструкции Учредительного собрания (как и его предшественников — Демократического совещания и Предпарламента), способные облегчить или затруднить достижение компромисса между умеренными политическими силами, стоящими на позициях правового решения. Во-вторых, конфликт конституирующей и конституционной власти мог пойти (как показано ранее) по трем разным сценариям — по линии создания двух непримиримых центров конституирующей власти (Конституанта и Советы), разворачивания конфликта с временной исполнительной властью (практически неизбежного в условиях быстрой революционной ломки) и, наконец, закончиться прямой узурпацией власти правительством с последующим подавлением Конституанты. В-третьих, политика нового режима в отношении Конституанты, в целом абсолютно враждебная, не

¹⁴⁶ Там же. С. 366.

была постоянна и подвергалась корректировке в связи с изменением политической ситуации: выборы Учредительного собрания и его созыв, объявленные Временным правительством, произошли уже после его свержения в результате большевистского переворота 25 октября 1917 г.; невозможность для нового режима легитимировать себя через Учредительное собрание заставила его обратиться к силовому решению конфликта (причем эрозия легитимности советской власти определила ее трудности до конца существования в 1991 г.)¹⁴⁷.

Все эти нюансы, которые Вишняк анализирует на протяжении всей жизни, в случае их правильного использования оппозицией, давали гипотетический шанс на исправление ситуации: теоретически (а как показывает современная литература по конституционным технологиям, и практически) существовала возможность создать Учредительное собрание на основе Государственных дум прежних созывов или, во всяком случае, не прибегая ко всеобщим выборам в условиях войны; сделать это гораздо быстрее, используя «конституционный момент», возникший на волне национального подъема сразу после Февральской революции (и, тем самым, упредив большевистский переворот), принять временную конституцию инструментального типа, отложив на будущее сложные вопросы социальных прав, национального самоопределения и федерализма; создать на этой основе сильное дееспособное правительство (вопреки той неэффективной конструкции парламентской ассамблеи, которая довлела над разработчиками русской, а позднее Веймарской Конституанты); наконец, решить на этой основе два центральных политических вопроса — выхода из войны и подавления левого экстремизма (даже ценой бонапартистского переворота, который в этой ситуации выступал, несомненно, как меньшее зло).

Однако то, что кажется рациональным с позиций современных политических технологий, могло не казаться таковым в момент анализируемых событий. В конечном счете Вишняк, всегда подчеркивавший приверженность рациональному подходу к революции, отказывается от него в исторической ретроспективе. Недостаток классического труда о русской революции П. Н. Милюкова он видит именно

¹⁴⁷ Медушевский А. Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.

в том, что он «страдает излишней рационализацией, внесением в историческую стихию политического смысла и разума по образцу и подобию того, что кажется осмысленным Милюкову-историку и что казалось таковым еще в 17-м году Милюкову-политику»¹⁴⁸. Задачи историка, в противовес политику, он видит в реконструкции событий, социально-психологических условий революции, определении ее общего исторического значения. Такой подход выводит нас на системные обобщения.

Важнейшими следствиями большевистского переворота 25 октября 1917 г. и роспуска Учредительного собрания следует признать: кризис легитимности всего переходного процесса и революционных институтов власти (легитимирующая функция Конституанты навсегда перешла к оппозиции, а затем русской эмиграции, затруднив международное признание советского режима); отказ от возможности компромисса партий и создания коалиционного правительства национального доверия для выхода из кризиса (что подрывало стабильность режима на протяжении всего XX в.); отрицание социально-политической модернизации в правовых формах и торжество правового нигилизма (что закладывало социальную основу для последующих «революций сверху»). Внешнеполитическая изоляция и утрата возможных внешнеполитических приобретений, связанная с односторонним и не правовым выходом России из войны, а также публикацией секретных соглашений — стала еще одним заметным результатом большевистского переворота и роспуска Учредительного собрания, равно как и последовавший за этим раскол международного социалистического движения (связанный с одной стороны, с общим осуждением большевизма, а с другой — с созданием особого III Интернационала, присягнувшего на верность ленинизму). Роспуск Учредительного собрания, следовательно, означал полную внутреннюю и внешнюю изоляцию режима; разрушение всех инструментов социального примирения (от партийных компромиссов до роли церкви); Гражданскую войну и интервенцию, многомиллионную эмиграцию; отчуждение большевистской власти от общества и возможность ее сохранения лишь с помощью террора и репрессий по отношению к инакомыслящим.

¹⁴⁸ Вишняк М. Политика и история в «Истории русской революции П. Н. Милюкова // СЗ. 1927. Т. 31. С. 439–440.

Это предполагало запуск механизма всех радикальных революций — делегирование власти от консерваторов к умеренным и радикалам, что вело к установлению однопартийной, а затем личной диктатуры Ленина.

В целом, Учредительное собрание — упущенный шанс достижения национального примирения в условиях острого национального кризиса. Его насильственный роспуск — срыв этого исторического шанса. Результатом стал системный кризис национальной идентичности, который не преодолен вполне до настоящего времени. Его проявлениями (как раз в связи с судьбой Учредительного собрания) стали: разделение на Старую и Новую Россию; раскол общества на «белых» и «красных» в период Гражданской войны; раскол внутри белого движения и эмиграции на сторонников правового развития — Учредительного собрания и его противников, выступавших за диктатуру. Современный политический раскол, ставший следствием крушения советской системы и однопартийной диктатуры в 1991 г., вновь поставил проблему общенациональной Конституанты. Распад СССР оказался продолжением кризиса начала 1918 г., а Учредительное собрание, словно тень Банко, настигла и погубила коммунистического Макбета. Идея Учредительного собрания как основы национального примирения, однако, снова не получила развития из-за непреодолимого противоречия политических сил, отстаивавших демократический и антидемократический векторы развития, а также стремления действующей власти не утратить контроль над ситуацией в переходный период. Этот конфликт достиг высшего проявления в условиях конституционной революции 1993 г., заставив общество отреагировать на взаимоисключающие консервативно-коммунистические и либерально-демократические ориентиры.

Сравнительный подход позволил Вишняку увидеть главную особенность российской модели революционного процесса, которая заключалась в отсутствии сил, выступавших в поддержку правового выхода из кризиса: в России ни правые ни левые не опирались на идею Учредительного собрания (т. е. не было ни Кромвеля ни Монка). Напротив, неприятие Учредительного собрания оказалось объединяющим параметром всех сил, рассматривавших Конституанту исключительно инструментально — как средство захвата и легитимации власти, но не как цель. Идеал политического переустройства страны на основе права Вишняк переносит в будущее. Идея Собрания, счи-

тает он, должна быть реализована, если страна хочет избавиться от диктатуры, развиваться в правовом русле и оставаться целым государством, а не сохраниться исключительно в исторических границах Великороссии. Этот прогноз подтвердился только в негативном отношении. Подтвердится ли он в позитивном?

*А. Н. Медушевский,
доктор философских наук, профессор*

М. В. ВИШНЯК

ВСЕРОССИЙСКОЕ
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ

Посвящается жертвам борьбы
За Всероссийское Учредительное Собрание

Предисловие

Предлагаемая книга — исторического, юридического и политического содержания.

Она касается истории идей и истории учреждений; права бывшего и права будущего; политических устремлений и политических актов, или политики в узком смысле и в более глубоком и общем смысле творческого права.

В множественности сюжетов методологический ригоризм может усмотреть серьезный и непоправимый недостаток. Нам, наоборот, казалось бесплодным искусственно выделять отдельные элементы из того, что в жизни слито и только в слитном виде реально и существует. Теоретически можно, конечно, отвлечь все от всего. Но предметное знание вовсе не требует «отвлечения» от подлинного, искусственного разложения сущего и произвольного воспроизведения реально бывшего.

Историческая по материалу, по фактам и документам, в ней приводимым, работа эта — не только исторического порядка. По глубокому убеждению автора, предмет, трактуемый в ней, неотделимо связан, если не с злободневным в России, то с её неотменимым будущим. Живые и легко нащупываемые нити связывают былую политическую борьбу за Учредительное Собрание эпохи царского абсолютизма с борьбой, которая предстоит России за освобождение от пореволюционного деспотизма¹.

Отсюда и трактовка предмета не бесстрастно-эмпирическая, которую диктует чисто исторический подход к отошедшему в безвозвратное прошлое, а действенная, правно-политическая, апологетическая в одних случаях, осудительная — в других. Задание, может быть, поставлено и неправильно. Во всяком случае, не случайно и не по оплошности книга составлена не в призрачно-беспристрастном или мнимо-объективном стиле.

«Всероссийское Учредительное Собрание» — не только сказание о том, что было, но и призыв к тому, чтобы сбылось, наконец, то, что ещё не было.

I. ПРОБЛЕМА УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Идея учредительной власти в историческом развитии. — Американская практика и европейская теория. — Доктрина французской революции. — Конституанта и Конвент. — Дух и стиль 18-го века и современное правосознание в учении об учредительной власти. — Общественное провозглашение, как первичная норма права и как источник учредительной власти. — Внезаконное преобразование государства, как принцип французского публичного права и как факт русской истории. — Учредительное Собрание, как порядок преобразования фактической власти во власть регулярную и правовую.

1

Идея учредительной власти стара, как влечение человека к лучшему будущему, как извечное его стремление к активному переустройству своего общежития. Общежития учреждались и переустраивались, конечно, и до того, как осознаны были проблема и существо учредительной власти. Но в этом сказалось общее правило развития людских учреждений: человеческая речь и логическое мышление возникали и развивались до того, как появлялись соответствующие учения о них, системы логики и грамматики. И учредительная власть осуществлялась уже за много веков до того, как сложились соответствующие учения о ней.

Античная эпоха не ставила вопроса о *правомерности* государственной власти, об *основании* к политическому властвованию и принуждению. В этом отношении Аристотель² не отличался от Платона³ и Цицерон⁴ от Полибия⁵. Все они одинаково принимали политическую власть, как факт, и говорили о реальных условиях управления и осуществления «общенародного дела» (*res publica*) или об идеальных формах общежития. Однако, и древние писатели различали между обыкновенными законами и чрезвычайными, конституционными*. И в критические моменты своей государственной жизни римляне об-

* Отсюда — от *rem publicam constituere* — и термин «конституция», в смысле государственного устройства, вошедший в общее употребление лишь в

лекли своих чрезвычайных магистратов особыми, неограниченными полномочиями для соответствующего изменения государственного строя.

Античная демократия была не только политическим учреждением, но и религиозным. Древнегреческое государство (Polis) мыслилось, как творение богов, почитание коих признавалось первойшей обязанностью и граждан, и власти. Связанное таким образом с язычеством, государство древнего мира допускало, однако, множественность культов. Лишь с идеей единобожия пришедшее разделение на правоверных, еретиков и неверующих привело к различению и между учреждениями и порядками властвования — на праведных и неправедных*. И здесь ветхозаветная теократия — еврейское государство в изображении библии — власть, *учрежденная* «общественным договором» между Иеговой, его пророками и еврейским народом, остается на долгие века образом и образцом, к которым обращены взоры последующих строителей нового града. К старому завету и «завету», заключенному Израилем с Богом, обращаются и христианские сознания, и совесть, не мирившиеся с новым, апостольским заветом — (Omnis potestas a Deo)**.

18-м столетии. — Ср. у *Г. Еллинека*: Общее учение о государстве. — Изд. 2-ое. 1908 г. — С. 371.

* Там же. С. 220.

** Ср. *Алексеев Н. Н.*: Идея «земного града» в христианском вероучении. — Журнал «Путь», № 5. Париж. 1926. С. 25.

Русский исследователь «Законодательства Моисея» А. П. Лопухин был в 1882 г. «невольнo поражен» сходством политического устройства в моисеевом государстве и федерально-республиканской организации управления Соединенных Штатов Северной Америки... Израилевы «колена по своей административной самодеятельности вполне соответствуют штатам, из которых каждый представляет демократическую республику». В Палестине, оказывается, уже в эпоху Судей образовалась «союзная республика, в которой самостоятельность отдельных колен доведена была до степени независимых государств»...

В этом уподоблении, преувеличенном до карикатуры, истинное зерно сводится к тому, что строившие американские штаты пуритане действительно вдохновлялись библейскими образами и в их лице — и чрез них — новая и новейшая история идеи и организации учредительной власти связывается с историей древнейшей. См., например, ссылки на «Книгу Исхода XXIV, 3, 4; первую книгу Паралипоменона XI, 3 и четвертую Книгу Царств XI, 17» в договоре, заключенном 19-ю поселенцами из Провиданса при основании в 1638 г. второй колонии Род-Айленда — Эквиднек. — *Г. Еллинек*: Декларация прав человека и гражданина. — 3-е русское издание. 1906. С. 52.

С момента зарождения сомнения в неподвижности установленного порядка и в истинности положения — «Всякая власть от Бога» предreshено было рождение нового строя идей и нового порядка осуществления власти. Ибо за сомнением: *всякая* ли власть от Бога? — неминуемо следовало: если не всякая, то *какая*? А, может быть, власть вообще *не от Бога*? Тогда от *кого*? От Дьявола? От человека? От одного, от некоторых, от всех? Отныне дело было лишь во времени и сроке, которые понадобятся для того, чтобы эти индивидуальные сомнения и вопросы о правомерной власти (*potestas legitima*) приобрели всеобщую значимость.

Возникнув в среде верующих и томившихся вопросами о зле и грехе на земле, о праведном служении Богу и сопротивлении Дьяволу, проблема возникновения и оправдания власти переступила пределы религиозных кругов, в которых сосредотачивалась главная масса духовной энергии и духовных исканий средних веков. В богословии 12 и 13 веков заложены истоки тех идей, которые впоследствии взорвали средневековые и проложили путь к тому *новому* миру идей и вещей, которые борются за своё утверждение и по сей день. И в такой же мере, в какой современная демократия идейно исторически связана с французской и английской революцией, — последняя неотрывна от Реформации.

Схоластическое в своей основе разграничение *принципа* власти (от Творца всех вещей) и *способа* осуществления власти (от народа, единственно уполномоченного дать себе организацию соответственно своим целям), это разграничение было освящено величайшим авторитетом средневековья, Фомой Аквинским⁶ и в течение веков оно оплодотворило не одно только католическое правосознание. Когда «Теологическая Сумма» доказывала: «Тираническое правительство несправедливо потому, что оно стремится не к общему благу, а к частному благу того, кто правит, и потому восстание, поднятое против такого правительства, не имеет мятежного характера... Мятежником является скорее сам тиран», — она закладывала основы учения и тираноборцев (монархомахов) 16 и 17 веков⁷, и «договорного» происхождения власти⁸, народного суверенитета⁹.

Идея происхождения власти от народа — от Бога власть проистекает лишь *косвенно*, а от народа *непосредственно*, учил Суарец¹⁰ в начале 17-го столетия, — и законности не только восстания против мятежного тирана, нарушившего свой неписанный договор с народом, но и прямого уничтожения тирана, была воспринята у католических писателей

протестантскими. Последние, со своей стороны, внесли значительную лепту в развитие и завершение теории «Отмщения тиранам или законного властвования князя в отношении к народу и народа в отношении к князю», как озаглавлено известное сочинение неизвестного автора (подписанное Стефаном Юнием Брутом и приписываемое Дюплесси-Морнэ)¹¹. Истребление протестантов в варфоломеевскую ночь¹² и убийство Генриха III¹³ католическим монахом Жаком Клеманом жизненно свидетельствовали о волновавших тогдашние сердца страстях. Они наглядно иллюстрировали, как серая и отвлеченная теория переходит в «кинетическое» состояние — из аккуратного выписанных богословских фолиантов в разнузданные выкрики уличной толпы.

Парадокс — или диалектика — истории выразились в том, что тираноборцы, будучи ненавистниками того или другого исторически данного тирана, оказывались в то же время борцами против восходившего на историческую авансцену абсолютизма. В этом отношении, являясь силой, противоборствующей прогрессу, они вместе с тем много способствовали положительной постановке вопроса о правомерности власти, об её истоках и взаимоотношении между властью и её «дарителем» — народом. Все, что волновало и вдохновляло взошедшую на религиозных дрожжах английскую революцию 17 века и что практически привело в 17-м веке к Петиции прав¹⁴, Habeas corpus¹⁵ и Биллю о правах¹⁶, в своей основе было подготовлено развитием идей предшествующей эпохи.

С трактатами Джона Локка¹⁷ о государственном управлении вопрос об ограничении королевского произвола и разграничении властей народа и короны приобрел более общий характер. Локк указал *безусловные* границы всякой власти, вытекающие из самой цели государства. Он отметил *изначальные* и *неотчуждаемые* права народа, условия, при которых народ освобождается от всякого повиновения по отношению к власти и, возвратив себе первоначальную свободу, имеет право учреждением новой, ему угодной законодательной власти позаботиться о своей собственной безопасности. «Народ всегда сохраняет суверенную власть на самоосвобождение от деяний всякого рода лиц, даже своих *законодателей*, если они становятся настолько безумны или злонамеренны, что умышляют против свободы и собственности подданных»*.

* John Locke: Two treatises of Government. — London, 1688. P. 297.

У английского философа неотчуждаемых прав и изначального ограничения властвования учились те, кому впоследствии довелось практически формулировать основы нового порядка и идею учредительной власти в Новом Свете и на европейском континенте. Из трактатов Локка — как и из «Духа законов» Монтескье¹⁸ — черпали свою мудрость одинаково авторы Деклараций прав отдельных штатов северной Америки и Декларации независимости Соединенных Штатов¹⁹ и творцы, так называемой, доктрины французской революции, в частности, её учения об учредительной власти.

2

Прологом к новой постановке проблемы учредительной власти, как и ко всей новейшей политической истории, явились «заветы», учредительные акты и поселенческие договоры, которые заключали выходцы из Англии, в поисках религиозно-чистой и свободной жизни, эмигрировавшие в Америку.

Теория происхождения общежития из добровольного стовора людей и правомерности принудительной власти только в том случае, если, исходя от всех, власть обопрется на волю и согласие каждого, получила жизненное воплощение в колониях Новой Англии. Из мира отвлеченных идей и спорных предположений возможность создания нового общежития становилась здесь «самоочевидной», — как говорится в Декларации независимости американских штатов.

Первый акт такого рода заключен был 11-го ноября 1620 г. «отцами-пилигриммами» перед тем, как они покинули своё историческое суденышко «Ландыш» (*Mayflower*), доставивший их из Плимута²⁰. В этом документе прибывшие — всего 102 человека — заявляют: «предприная во славу Божию, для распространения христианской веры и в честь короля (Якова)²¹ и отечества, путешествие, чтобы основать первую колонию на севере Виргинии, настоящим торжественно и взаимно, в присутствии Бога и каждого из нас, объединяемся в одно политическое и гражданское целое для лучшего управления, самосохранения и выполнения указанных выше целей. Вследствие этого мы учреждаем и устанавливаем время от времени справедливые и хорошие законы, предписания, акты, конституции, и исполнителей, которые покажутся нам подходящими и пригодными

для общего блага колонии, и обещаем им все нужное подчинение и повиновение»*.

Скрепленный 41 подписью документ этот приобрел значение символа того, *как* надлежит устанавливать «справедливые и хорошие» законы, когда время от времени возникает потребность в их пересмотре, и *на чем* должна зиждиться возникающая с этой целью новая власть. За 142 года до «Общественного Договора» в жизни, а не в доктрине, общежитие возникло из договора, и в основу его положена была воля «совокупного я», *moi commun*, как требовал Руссо²². В течение ряда поколений после этого, на собственном жизненном опыте, приучались творцы заатлантической республики положительно расценивать учредительные акты своих далеких предков и в воле всех видеть единственно — правомерное основание политического властвования.

При небольшой численности новоселов вначале — в 1640 г. в Нью-Плимуте было всего 3 тысячи человек, в Коннектикуте — менее 2 тысяч — решения принимались всеми членами колонии на особых сходах (*town meetings*). В представительных органах нужды не было. Но и в последующем, когда с ростом населения возникла необходимость представительства для отдельных штатов и для Соединенных Штатов в целом, — народ, как единственная основа и источник всех властей, остается непреложным для американского правосознания. «Мы, народ (отдельного) штата», и «Мы, народ Соединенных Штатов», остаются неизменно средоточием всей власти. «Мы» издаем и учреждаем эту конституцию для Соединенных Штатов Америки, как и для отдельных штатов Пенсильвании, Георгии, Виргинии и т. д. От «нас» исходят все полномочия, которыми наделены или которые сообщены конституцией отдельным органам власти, и только «мы» в праве видоизменять самую конституцию и вносить в неё поправки, причём все, что «нами» не передано Соединенным или отдельным штатам, сохраняется по-прежнему за «нами», т. е. за народом в целом.

Идея неограниченной учредительной власти, принадлежащей совокупности суверенных граждан и осуществляемой ими по своему усмотрению, получила широкое распространение благодаря евро-

* *E. Hazard: Historical collections. Vol. 1. Philadelphia. 1792. P. 118.*

пейским теоретикам, так называемого, естественного права, в первую очередь — Локку, Пуффендорфу²³ и Вольфу²⁴. Но практическое своё воплощение эта идея нашла раньше всего в Северной Америке: в Декларациях прав отдельных штатов, в Декларации независимости и в конституции Соединенных Штатов²⁵.

В обладании американскими образцами — теорией и практикой американской учредительной власти — подошла к своей великой революции Франция. Эти образцы встретились здесь с могучим влиянием идей Жана-Жака Руссо. С развитием революции влияние это все более возрастало, сказывалось на выработке всех идей и документов эпохи, с тем, чтобы после 1793-го года исчезнуть и перейти в историю в качестве главного источника вдохновения Конвента. Если за деяния террористов [17]93 года²⁶ историческая вульгата²⁷ возложила главную

* Ср., например, первую по времени Декларацию прав человека и гражданина, составленную «представителями доброго народа Виргинии в полном, свободно избранном конвенте» 12 июня 1776 г. Здесь в п. II провозглашалось, что «всякая власть поκειται в народе и, следовательно, исходит от него; должностные лица — его поверенные и слуги и всегда ответственны перед ним». А в п. XIV: «народ имеет право устанавливать единое правительство, и, следовательно, — наряду с правительством Виргинии в пределах его властвования не должна действовать или учреждаться никакая другая власть независимая или отдельная от него».

В Декларации прав штата Массачусетса от 2 марта 1780 г. говорится во Введении: «Государственный союз установлен по добровольному соглашению отдельных его членов; это — общественный договор, по которому весь народ вступает в соглашение с каждым и отдельным гражданином и каждый гражданин со всем народом о том, чтобы все они управлялись по определенным законам к общему их благу».

В Декларации независимости 7 июля 1776 г.: «каждый раз, когда существующее устройство правительственной власти будет препятствовать достижению этих целей (обеспечению неотчуждаемых прав), народ в праве изменить или отменить его, поставить новое правительство и учредить его на таких основаниях и так распределить его власть, как это представится наиболее целесообразным и лучше всего обеспечит счастье народа».

Конституция 1787 г. предусматривает порядок своего изменения путем внесения «поправок», сохраняющий силу и сейчас. И сейчас при возвышении американской «территории» до уровня штата (специальным постановлением конгресса) — государственное самоопределение нового штата происходит уже волею «народа» этого штата, проявленной в Учредительном Собрании. — Эта практика не ограничивается американским континентом. Во вновь образовавшемся в Австралии штате «Новая Англия» собравшийся 7 апреля 1931 г. в Учредительном Собрании «народ» дал себе конституцию.

ответственность на *принципы* [17]89 г., то на Руссо та же вульгата с тою же произвольностью возложила двойную ответственность. Руссо объявили одновременно и анархистом — за его «Рассуждения» (О роли наук и искусств в ухудшении нравов и О происхождении неравенства) и «Эмиля», и сторонником крайнего народного абсолютизма — за его «Общественный Договор».

Правда, от Мирабо²⁸ и Шатобриана²⁹ и до наших дней существовал и другой взгляд на Руссо, согласно которому постоянные ссылки на Руссо и аргументация от «Общественного Договора», характерные для деятелей Конвента, отнюдь не решают вопроса о подлинном смысле «Общественного Договора» и облике его автора. Иначе и евангелие могло бы оказаться в ответе за религиозные войны и истребление еретиков, за сожжение Джордано Бруно³⁰ и Иоанна Гуса³¹, за Томаса Мюнцера³² и т. д. Существо «Общественного Договора», конечно, не в договорном происхождении общества, а в поисках *правового* основания и смысла в явлениях общественной жизни, в установлении *начала*, которое возвысило бы фактическое и произвольное до степени внутри — обязательного и «закономерного» (*légitime*), соответствующего разуму и справедливости, и примирило бы противоборствующие интересы части и целого, индивида и общества, каждого и всех. Центральный пункт Декларации прав 1789 г.³³ — понятие о законе, как выражении всеобщей воли (ст. 6), взят полностью из «Общественного Договора», как взято оттуда же и установление законных границ свободы (ст. 4-ая Декларации).

В этом главное отличие французской Декларации прав от предшествовавших ей по времени Деклараций американских. И этим главным — попыткой не просто только констатировать и провозгласить ряд прав, но и определить те условия и границы, в которых политическая власть становится *правомерной*, Франция, а за ней мир, обязаны, прежде всего, гению Руссо.

Было бы неправильно доктрину французской революции отождествлять со взглядами Руссо. Эта доктрина складывалась под воздействием многих и разных идейных и жизненных факторов и влияний. И взгляды Руссо чаще всего сопоставлялись и противопоставлялись воззрению Монтескье. Историки политических идей того времени с полным основанием принимают за доктрину революции некое «среднее учение» — сочетание идей Руссо и Монтескье,

наиболее авторитетным выразителем коего единодушно признается «оракул третьего сословия», аббат Сийес^{34*}.

С именем Сийеса ближе всего связано и учение об учредительной власти в эпоху французской революции, усвоенное общеевропейским сознанием и принятое за образец.

3

На том, что принято называть доктриной французской революции, нетрудно заметить наслоения разных её периодов, — прямые следы событий, которые эта доктрина пыталась осмыслить. Тем знаменательнее, что именно автору «Что такое среднее сословие?», сумевшему, в числе очень немногих, ужиться и приспособиться ко всем режимам революции, именно Сийесу довелось стать как бы систематизатором идей великой революции и идеологом её, как целого.

Что народ или нация — «источник» и «даритель» власти, единственно правомочный устанавливать порядок и законы, это было бесспорной истиной и политической аксиомой для всех деятелей революции. Трудности и споры начинались с того, как *примирить* различные власти, законные и незаконные, в их конкретном воплощении, как сочетать в единство противоречивые воли составляющих его частей: власть монарха с властью генеральных штатов, права третьего сословия с претензиями двух высших и привилегированных, интересы и представительство отдельных «общин» и «провинций» с интересами и представительством страны в целом, власть народа с полномочиями народных представителей и т. п.

И тут учение Монтескье о представительстве и умеряющем значении разделенных властей, когда власть останавливает власть, имело огромное значение. При его посредстве Сийес, Мабли³⁵ и другие смягчали и умеряли крайности Руссо. Как говорит немецкий исследователь «Учения об учредительной власти» эпохи французской революции Эгон Цвейг, — «Сийес применил терминологию Монтескье к мыслям Руссо и тем дезориентировал основательно мир политических понятий»; в учении о «*pouvoir constituant*» нации Сийес нашёл формулу практического осуществления догмата о суверенитете (народа) Руссо»^{36**}.

* Ср. Новгородцев П.: Кризис современного правосознания. Москва, 1909. С. 67.

** E. Zweig. Die Lehre vom Pouvoir Constituant. Tübingen. 1909. S. 137 & 135.

Эта формула Сийеса — «Конституция — не дело учрежденной власти, а власти учредительной». «Нация не только не подчинена конституции, но и не может и не должна быть ей подчиненной, что равносильно тому, чтобы сказать, что она ей и не подчинена». «Нация существует до всего; всё ведёт происхождение от неё. Её воля всегда законна, она сам закон». В случае расхождения отдельных элементов власти верховным судьей (*le juge suprême*) является (*l'ensemble*), нация. Для создания конституции нужно представительство с *чрезвычайными* полномочиями, на некоторое время для выполнения этого *специального* поручения*.

С развитием революционных событий Сийес стал отходить от своей первоначальной точки зрения, более близкой к Руссо. Представляя свой проект Декларации прав, он доказывал: «вовсе не необходимо, чтобы члены общежития осуществляли учредительную власть каждый в отдельности; они могут довериться представителям, которые соберутся для этой одной цели без того, чтобы осуществлять какую-либо из властей учрежденных**».

Делегацию учредительной власти признала и конституция 1791 г.³⁶ (сохранившая монархическую форму правления). «Суверенитет един, неразделен, неотчуждаем и не подлежит давности. Он принадлежит народу; никакая часть народа и никакое лицо не могут присвоить себе его осуществления», — говорится в ст. 1 тит. III. Но, рядом с ней ст. 2-я подчеркивает «представительный характер французской конституции»: «Народ, от которого одного исходят все власти, может осуществлять их *только по делегации*». И ст. 3-я уточняет: «Законодательная власть делегируется Национальному Собранию, состоящему из временных представителей, свободно избранных народом». Соответственно с этим конституция вручает учредительную власть не непосредственно народу, а народно-представительному органу, у которого, в качестве исключения, отнимается право изменять конституцию в течение двух ближайших законодательных периодов, а для последующих требуется, чтобы изменение было предложено единодушно тремя последовательными законодательными собраниями и было вотировано четвертым, специально для того избранным (Тит. VII ст. 1–8).

* *Abbé Sieyès*. Qu'est ce qu'est le Tiers Etat? Paris. 1882. P. 160, 162 et 189.

** *Cf. R. Carré de Malberg*. Contribution à la Théorie Générale de l'Etat. Paris. 1922. T. II. P. 488–489 et 522.

С упразднением монархии последующие конституции того времени приводят гораздо последовательнее принцип народного суверенитета. Конституции 1793³⁷ и III гг.³⁸ признают учредительную власть принадлежащей народу не только в принципе, в её конечном — или первичном — смысле, но и в её непосредственном и практическом осуществлении: конституция должна быть санкционирована голосованием народа — учредителя.

Впоследствии — уже в Конвенте — 2 термидора III г. (20 июля 1795 г.) Сийес приписывал французам и лично себе заслугу установления ещё в 1788 г.* «здоровой и нужной идеи разделения учредительной власти и властей учрежденных». Он считал, что эту идею «будут числить среди тех открытий, которые делают шаг к знанию». Однако, противник и постоянный оппонент Сийеса Лафайет³⁹ с полным основанием отметил, что такое различие было сделано за 2 года до французской революции в текстах конституций отдельных штатов Северной Америки и в общей конституции Соединенных Штатов. Прав был Лафайет и в другом своем указании на то, что среди деятелей французского Учредительного Собрания распространено было «большое невежество относительно американского принципа конвентов». Ибо конвент в американском смысле не есть «ни собрание, осуществляющее все полномочия, — оно не осуществляет ни одного, — ни верховная диктатура». Конвент должен быть определен, как «делегация национального суверенитета для исследования и видоизменения конституции»**. Как формулировал впоследствии Боржо⁴⁰, американский учредительный конвент — простая конституционная комиссия, которой поручено изготовить проект, получающий силу верховного закона только в санкции избирателей***.

Французская Конституанта — и тем более Конвент — действительно осуществляли и нормальные законодательные функции, и экстраординарные, учредительные. Но потому ли, в самом деле, что Учредительное Собрание «предпочитало американским идеям химеры, измышленные учениками Руссо, и в данном вопросе Сийес одержал верх над Лафайе-

* Вышедшая из печати в первых числах января 1789 г. монография Сийеса «Что такое третье сословие?» была им написана в 1788 г., ещё во время собрания Нотаблей.

** *La Fayette. Mémoires, correspondances et manuscrits du général Lafayette publiés par sa famille.* Paris. 1838. T. IV. P. 36 et 201.

*** *Ch. Borgeaud. Etablissement et Révision des Constitution en Amérique et en Europe.* Paris. 1893. P. 221.

том и, смешав учредительную власть с властью законодательной, всё спутал и всё погубил», — как это утверждал Лабулэ⁴¹?!.*

Это утверждение неверно и в отношении к Сийесу, который, как мы видели, сам настаивал на различии и разделении власти учредительной, экстраординарной и специальной, от власти ординарного законодательства. Тем менее справедливо это суждение в отношении к Конституанте в целом и даже к Конвенту. Ибо и конституция, выработанная Учредительным Собранием (1791 г.), и конституции, выработанные Конвентом (1793 и III гг.), тщательно ограничивают чрезвычайную власть учредительных собраний (ст. 342 и 347 конституции III г. предусматривают, в частности, созыв учредительного собрания лишь на короткий срок и считают незакономерными другие занятия, кроме пересмотра конституции, ради которого оно создано).

Самое *различение и разделение* власти учредительной и властей другого рода справедливо признается традиционным для французского государственного права. Что же касается объема полномочий учредительной власти — всевластно ли Учредительное Собрание или ограничено во власти, — и тот, и другой взгляд имеют за собой прецеденты, на которые каждый из них может опереться. Здесь уже приходится говорить не об одной, а о *двух* традициях.

Конституционная и теоретико-юридическая традиция Франции — за ограничение власти учредительных собраний; в её пользу говорят *тексты* конституций 1791, III и 1848 гг. Но рядом с этим существует и другая — *историческая традиция фактов*, которая создалась в результате того, что французские Учредительные Собрания 1789, 1793, 1848 и 1871 гг., собравшись на следующий день после политических потрясений и государственного переворота, практически могли себя рассматривать, и в действительности считали себя облеченными всей полнотой неограниченного суверенитета⁴². Эта фактическая традиция, или «подлинные прецеденты», по выражению Лефевра⁴³, приобрели иную силу в истории Франции, нежели конституционные тексты, оставшиеся «мертвой буквой». Разве вся история Франции не

* По мнению Лабулэ, вся французская теория учредительной власти «покоится на одной ошибке и на одном софизме. Ошибка — в делегации суверенитета, который не делегируем. Софизм же — в отождествлении народа с его представителями, в смешении мандатария с тем, кто дает мандат». — Ed. Laboulaye: Questions Constitutionnelles. Paris. 1873. 398.

свидетельствует громко в пользу неограниченной власти учредительных собраний, — справедливо замечает тот же автор*.

Чрезмерно упрощенным было бы, с другой стороны, утверждение, что американское правосознание, в отличие от французского, покоилось всегда и, безусловно, на отрицании полновластности учредительных конвентов.

Большой знаток этого вопроса Боржо свидетельствует, что американское правосознание покоится не только на принципе принадлежности учредительного авторитета народу, но и на убеждении, что авторитет этот не может быть кем-либо представлен. Осуществление учредительной власти во всех её видах представительным корпусом без специального на то полномочия согласуемо с английской теорией, делающей из парламента всемогущего суверена. Но оно непримиримо с американской теорией, которая заменила всех — и короля, и лордов, и общины — народом.

Практика отдельных штатов в этом отношении различна. Конвент Нью-Гемпшира вступил в подлинное сотрудничество с первичными собраниями своих граждан. Наоборот, конвенты, избиравшиеся, например, Виргинией для войны с Англией, сами издавали верховные законы именем своих избирателей, представителями коих они себя для этой цели считали. Наконец, конвент Массачусетса 1780 года занял в этом вопросе третью, среднюю позицию. Полновластными считали свои конвенты сецессионисты южных штатов эпохи гражданской войны. А до них в разное время защищали тот же взгляд и на конвентах северных штатов. «Сам народ здесь. Он присутствует через своих делегатов», — говорил некий Ливингстон на конвенте Альбана 1821 г. «Мы — суверен, то, чем был бы народ этого штата, если бы он собрался сюда целиком. Мы — то, что себе приписывал Людовик XVI⁴⁴: государство — это мы!», — доказывал на учредительном собрании в Чикаго в 1847 г. Петерс из Иллинойса и т. д.**

Аналогичное случалось и в других странах: в Англии в 1641 и в 1688 гг., в Бельгии в 1830 г., в Испании в 1854, 1868 и 1873 году, в Папской области и Тоскане в 1849 г. Та же сила фактического наделяла учредительные собрания всей полнотой власти всегда и повсюду, где, вопреки предусмотренному законом порядку изменения государ-

* *Lefebvre. Etude sur les lois constitutionnelles* de 1875. Paris. 1882. P. 227.

** См. Боржо. Указ. соч. С. 166–167, 174 и сл.

ственного строя, строй этот изменялся фактически, и новый порядок складывался в результате революционного взрыва, прорыва в конституции и прерыва в праве*. В таких случаях Учредительное Собрание, созданное со специальной целью, для выработки конституции, систематически и неизбежно выходило за пределы поставленной ему задачи, становясь на путь осуществления неотложных функций общего законодательства и управления. И последнее учредительное собрание во Франции, созданное в 1871 г. для решения специального вопроса о войне и мире, фактически не ограничилось этой задачей, а установило ряд актов и законов, до настоящего времени определяющих государственное устройство третьей республики⁴⁵.

Аналогичное произошло и в Центральной Европе в 1919 г., когда в результате революций открылась целая серия Учредительных Собраний — в Германии, Австрии, Чехословакии, Польше, прибалтийских государствах и т. д. Учредительное Собрание в Веймаре, «уставодачный» сейм в Варшаве, Национальное Собрание с учредительными полномочиями в Праге, Вене и т. д. все одинаково были заняты не только выработкой новой конституции, но и осуществлением неотложных функций общего законодательства и управления. Они проводили административные и хозяйственные реформы, иногда столь сложные, как аграрная, заключали международные договоры, определявшие границы государственной территории, положение внутригосударственных национальных меньшинств, репарационные обязательства и прочее. Некоторые из них вели даже войну. Учредительные Кортесы Испании 1931 г. также расширили свои полномочия за пределы установления одной только конституции⁴⁶.

Отвлеченно рассуждая, можно, конечно, вместе с цитированным выше Каре де Мальбером⁴⁷, дедуцировать: «Орган учреждающий не несет в себе полномочий, которые он устанавливает: он обладает только учредительной властью... В известном смысле возможно говорить даже о том, что учредительное собрание не обладает никакой властью, потому что ему не дозволено осуществлять ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной власти» (указ. соч. т. II, с. 550). Но такое рассуждение, оторванное от реальной жизни права и госу-

* Наоборот, «связанными» учредительными собраниями были прусская Палата соглашения, австрийский Учредительный Рейхстаг и Франкфуртский парламент — все в 1848 г. Ср. *Розенталь П. (П. Р-оль): «Жизнь и смерть Учредительных собраний»*. 1918. С. 9.

дарства, только словесно преодолевает неизбежное в иных случаях всемогущество учредительных собраний.

Учредительное собрание, пересматривающее конституцию в нормальном, самой же конституцией предусмотренном порядке, и учредительное собрание, возникающее в результате экстраординарных событий — обычно непредусмотренного революционного прерыва в жизни государства, — совершенно различные *типы* учредительного собрания. В первом случае заранее определены конституцией и общее задание, и объем полномочий, и пределы власти. Во втором — нет фактически и не может быть той власти, которая была бы правомочна ввести учредительное собрание в определенные рамки, ограничить его задачи, связать его наперед установленными нормами. Ибо если бы такая власть существовала, сохранилась бы не только по имени, но как реальность, — не было бы, может быть оснований для возникновения и деятельности самого учредительного собрания.

Это положение настолько неоспоримо, что его вынуждены признать и те государствоведы, которые теоретически отрицают полномочные учредительные собрания, защищая принципиально необходимость ограничения их полномочий. «В неограниченной полномочности Учредительного Собрания таится великая опасность», — писал в 1917 г. покойный В. М. Гессен⁴⁸. «Всякая неограниченная власть — деспотическая власть... С другой стороны, учредительное собрание — не суверенный народ, а орган суверенного народа. Его неограниченность стоит в непримиримом противоречии с идеей народного суверенитета: если орган обладает неограниченной властью, о суверенитете народа не может быть речи». И как вывод, проф. Гессен предлагает: раз русское учредительное собрание не может быть ограничено никем, — оно должно себя ограничить само*.

4

Доктрина французской революции справедливо считается и по сей день «главным оптовым складом европейской политической идеологии», — по выражению Б. Э. Нольде^{49**}.

* Гессен В. М. Русское Учредительное Собрание. Петроград. 1917. С. 21–22.

** Нольде Б. Э. Народное представительство и представительство интересов. // Сборник «Современные Проблемы». Париж. 1922. С. 60.

И в самом деле, когда знаменитый историк Гуилье́мо Ферреро⁵⁰ в наши дни заявляет, что главная задача грядущих поколений вовсе не в накоплении новых богатств для последующего их разрушения, а в ответе на вечный вопрос: «Кто в праве повелевать и в каких пределах имеет он это право? Кто обязан повиноваться и до каких пор он к этому обязан?» — разве он не ставит перед современным сознанием ту же проблему, которая тревожила совесть и обессмертила имя Руссо?

Когда, с другой стороны, виднейший государствовед Ганс Кельсен⁵¹ пишет: «если мы уже должны быть подвластны, мы хотим быть подвластны только себе самим. Политически свободен тот, кто не подчинен ничьей другой, кроме своей собственной, воле. В этом понимании мысль о свободе служит, вместе с равенством, обоснованием демократической идеи*», — разве Кельсен не перефразирует все того же задания Руссо: «найти такую форму ассоциации..., в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе» («Общественный Договор», кн. I, гл. VI)?

Эпоха французской революции была кульминационным пунктом в развитии европейского рационализма, при отрицании веры все же твердо верившего в могущество разума и в возможность активной и сознательной волей преодолеть все законы естества и исторического развития. «Если бы все мыслили истинно, самые большие изменения не представляли бы ничего трудного после того, как обнаруживалась их общественная полезность», — писал тот же Сийес в своей прославленной монографии. И это столь же характерно для аббата Сийеса, как и для общего стиля эпохи.

Естественно, что именно в эту эпоху, когда самую демократию определяли, как политическое выражение разума, сложилось и учение об учредительной власти, как форме сознательного и активного творчества нового, разумного и справедливого права. Столь же естественно, что и мировая реакция против доктрины французской революции направилась прежде всего по линии изобличения самоуверенных попыток рассудочным путем преобразить мир. Берк⁵² в Англии, Жозеф де Местр⁵³ — во Франции, Адам Мюллер, Галлер, Ярке⁵⁴ — в

* *Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen. 1920. S. 5.* — Французское издание 1932 г.: «*La Démocratie. — Sa nature. — Sa valeur*». P. 2.

Германии с одинаковым жаром восстали против святотатственной попытки вмешаться в установленный провидением органический и естественный ход вещей, против несбыточной химеры новейших строителей вавилонской башни — путем бумажных конституций, «сочиняемых, как ода или трагедия» (выражение де Местра), силящихся искусственно создать совершенную политическую власть.

Эти настроения, сопровождаемые иногда буквально той же системой аргументов, дожили до наших дней, сохраняя долю убедительности в той мере, в какой они направлены против крайностей и односторонности рационализма 18 века. Поскольку же они тщатся опровергнуть и современное учение о праве и учредительной власти, как форме творчества нового права, эти настроения со всей своей аргументацией утрачивают последние следы основательности.

Рационализму 18 века нация представлялась, как простая совокупность (*l'assemblage*) индивидов, свободных и равных друг другу. В декларации прав человека и гражданина право союзов было опущено не случайно. Особый закон Лепелетье⁵⁵ положительно воспретил 14 июля 1791 г. образование каких-либо корпораций, профессиональных и иных союзов. Историческое деление Франции на провинции было, согласно предложению Сийеса, заменено механическим подразделением «единой и неделимой» на департаменты. Депутат считался представителем народа в целом, а отнюдь не своих избирателей или округа, от которых не в праве был он получать и инструкции. Не могла ведь «общая воля» подчиниться «воле частной». Задачи депутата и парламента в целом, — отразить волю, как в зеркале или как на географической карте или уменьшенном фотографическом снимке, но не свою или чью-либо частную волю, а волю единую, всенародную.

Новое время покончило со всем этим рационалистическим, как и с поставленным им заданием, неосуществимым и никчемным.

Для современного правосознания нация не возникает сразу из ничего, она создается, рождается, органически растет и иногда преждевременно умирает, как всякое явление истории. Народ — не простая сумма слагаемых и сложенных в одно единство индивидов. Он — сложное соединение, составленное из множества противоборствующих друг с другом и внутри себя единств — хозяйственных, политических, бытовых, исповедных, территориальных и иных. И депутат сейчас — не представитель фиктивного всеединства, а реальных групп и интересов, разумея под ними не материальную только

заинтересованность, но и ценностное отношение к тому, что нужно для целого, для страны и народа. И противоречие между «волями» — частными и общей — снимается в наше время учением о *конкретном*, как единственно возможном выражении и проявлении общего. Как интерпретируют идею Гегеля⁵⁶ новейшие феноменологии, «общее — вид не абстрактного, а универсально-конкретного, — конкретное целое». И задача сводится к тому, как технически определить это «общее»: как организовать формы народного волеизъявления и творческих усилий отдельных лиц и групп (партий, классов и т. д.) в парламенте и вне его, чтобы точнее определилась воля этого «конкретного целого».

В известном смысле можно сказать словами проф. Гессена, — народной воли «нет, и не может быть»: «общая воля, как воля *всех*, невозможна; как воля, направленная на общее благо, общая воля не отражается, а *создается* народным представительством, — создается путем компромиссов и исканий, как *равнодействующая* борющихся социальных сил»*.

XX-й век чужд и враждебен гипотезе о золотом и блаженном состоянии доисторического человека, рожденного свободным и не ведавшего последующих своих цепей. Не ставит он перед собой и вопросов, с которых «в век Руссо» начинался его «Общественный Договор»: «как произошла эта перемена?» и «что может её сделать закономерной (*légitime*)?» — Исчерпание всей жизни права вопросами законности и легитимности находится в полном соответствии со стилем и духом рационалистического века. «Я представляю себе закон в центре необъятного шара... Все зависят от закона», — писал Сийес в своей работе. И конституция 1791 г. обозначает Закон с заглавной буквы, наравне с Нацией и Королем. Сам Робеспьер⁵⁷ накануне своего падения подчеркивал: «не риторическими фразами и не военными подвигами покорим мы Европу, а мудростью своих Законов».

В наше время мета-юридические изыскания «начала всех начал» в праве привели к признанию неминуемого несовершенства и незавершенности права, чередования законного с незаконным, правового и фактического, права, рождающегося из фактов, живущего и отмирающего в силу появления новых фактов. Нет и не может быть

* Гессен В. М. Основы конституционного права. Изд. 2-ое. Петроград. 1918. С. 128.

предопределенного навсегда законного правопорядка. И закон не в силах ни установить, ни обеспечить преемство в праве. Ибо по нужде и закону бывает не только перемена, но и перемена *не=, вне=* и *противо=* законная. Физические силы и фактическое так же способны порождать новое право, как и закон или представление о праве вызывать фактические перемещения и прерывы в правопорядке. Находясь в вечном становлении, не принадлежа всецело ни к сфере чистого долженствования, ни к сфере простого бытия, право относится к «среднему» подвижному миру творящейся культуры. И нет ничего более характерного для современного правосознания, как то, что, вместо поисков закономерного и легитимного, оно озабочено утверждением *правомерного*, выходящего далеко за узкие рамки формального закона и даже официального права.

Конечно, и сейчас старые воззрения не совсем ещё отошли в прошлое, как и в прошлом, — более отдаленном — можно найти зачатки и предвосхищение нынешних идей. Но все же гегемонии закона, как не только самого распространенного, но и высшего, если и не единственного, источника права приходит, несомненно, конец. Кончается «законодательный фазис», по выражению Ориу⁵⁸, в истории права. И вместе с легитимизмом отмирает и отношение к закону, как в фетишу и единственно полноценной форме права. Все отчетливее проступает более широкое понимание положительного права: обязательность и действительность не только формального права, но и интуитивного, — раньше, в стиле века, именовавшегося «естественным», — существование рядом с организованным правопорядком права неорганизованного, неоформленного и «неписанного», только ещё складывающегося и становящегося, «живого», «спонтанного» и «свободного»*.

5

Рядом с общепризнанными формами положительного права — юридическим обычаем, судебной практикой, правом юристов и другими, имеющими силу в пределах, установленных законом и ему подчиненных, — все решительнее пробивается признание новых источников права, равнозначных закону, а иногда и более него автори-

* Cp. *Gurvitch G. Le Temps Présent et l'Idée du Droit Social. Paris. 1932. P. 216.*

тетных и действенных, новых проявлений народного правосознания. С разных сторон и по различным поводам все чаще отмечают, что закон не первичная и основная, а вторичная и производная норма, предполагающая наличие другим, стоящим *над* законом и возникающих *до* него или *вне* его. Как формулировал ещё римский юрист Павел⁵⁹, — Non ex regula jus summat, sed ex jure, quod est, regula fiat.

Не согласно законам складывается право, и из права черпают свою обязательную силу законы, — в том числе и конституционные, определяющие порядок составления законов ординарных. Закон не творит право, а лишь распознает и констатирует право, творимое обществом, с его модой, моралью, семьей, церковью, литературой, трудом, — говорит известный австрийский юрист Е. Эрлих. Не о всемогуществе учредительной власти, а о конституционной её сверхзаконности (*superlégalité constitutionnelle*) говорит Ориу*.

С разными индивидуальными оттенками Еллинек⁶⁰ и Бирлинг в Германии, Гастон Жэз и Франсуа во Франции, Петражицкий⁶¹ и Кокошкин⁶² в России раньше других выдвинули в наше время роль *общественного провозглашения*, как первичной нормы права. Только проходя через психику человека, индивидуальную и групповую, приобретают фактические состояния правовую значимость. Факт преобразуется в право *общественным признанием*, которое и является последней — или первичной — основой всякого правообразования.

Как ни называть общественное провозглашение, *источником* права или *формой* права, но именно на него, как на факт «нормоустановительный» или «нормативный», опираются те, кто, в обладании учредительной властью, призван придать общественно провозглашенному форму официального права. Этот процесс превращения «интеллектуально-эмоциональных переживаний» в право интуитивное и «программное»*, а потом и официальное, становится особенно наглядным в моменты крушения правопорядка и незаконного образования нового права. Слишком резкое расхождение между правом официальным и интуитивным неизбежно кончается революцией, в которой интуитивное право торжествует над официальным. «Бунт фактов против кодекса», как озаглавлена известная книга Гастона

* Hauriou M. Précis de Droit Constitutionnel. Paris, 1932. P. 276.

** Петражицкий Л. И. Теория права и государства. СПб., 1910. Т. II. С. 599.

Морэна, не имеет другой цели, как установить новую систему официального права, с более устойчивым равновесием по отношению к праву интуитивному.

Декреты правительства Национальной обороны во Франции 1870 г., как и постановления самого Национального Собрания, установившего ныне действующий строй третьей республики, не были формально законами в момент их опубликования. Силу правовых норм они получили позднее. Она была сообщена им общественным признанием. То, что было *провозглашено* сначала небольшой группой случайных лиц, не обладавших никакими легальными к тому полномочиями, шло навстречу требованиям жизни, не вызывало против себя серьезных протестов, видимо, совпадая более или менее близко с общественным мнением, и было санкционировано, как обязательная правовая норма. Длительность «конклюдентных действий» подавляющего большинства населения, выразившихся в приятии и выполнении декретов самочинной власти: производство выборов в Национальное Собрание согласно установленному правительством порядку, молчаливое примирение — значит, признание — с фактом расширения Собранием своих первоначальных полномочий и т. д., все эти психологические состояния и претворили незаконные факты и противозаконные действия Жюля Фавра⁶³, Гамбетты⁶⁴, Тьера⁶⁵ и иных в заседании Законодательного Корпуса, а затем и в парижской городской Думе, — в право писанное и официальное.

Новый порядок складывался таким путем не только в сентябрьские дни 1870 г. и не только во Франции. Аналогичным путём протекали события и в 1789 г., и после 10 августа 1792 г., и 18 брюмера, и 3 апреля 1814 г., и в июльские дни 1830 г., и в февральские 1848-го⁶⁶. Незаконный порядок преобразования права настолько характерен для пореволюционной Франции, что Жэз считает его даже «принципом французского публичного права, освященным многочисленными прецедентами». Этот принцип Жэз формулирует так: «лица, овладевшие вследствие революции властью и взявшие на себя управление государством, находят требуемую для законности их актов инвентитуру в почти всеобщем одобрении (*l'assentiment presque de tous*)

* *Jéze Gaston. Les principes généraux du Droit administratif. Paris. 1914. P. 490.*

и в факте мирного осуществления ими своих полномочий*. «Каково бы ни было *происхождение* фактического правительства, всеобщность его приятия является всегда и всюду основанием врученной ему власти. Это основание, или титул — *le titre d'investiture*, — явно необычно, но оно достаточно, поскольку оно реально, т. е. поскольку признание всеобщее. Драма всегда состоит из трёх актов: 1. силовой удар (*coup de force*); 2. превращение в фактическое правительство всеобщим признанием; и 3. превращение в правительство регулярное».

Тем и отличается фактическое правительство от простой узурпации, что оно обретает инвеституру во всеобщем признании, в активном одобрении или пассивном примирении. Жэз правильно отмечает, что всеобщее признание тем легче, инвеститура тем правдоподобнее, чем ближе лица, принявшие фактическую власть, к тем, которые были уже активно причастны к управлению государством. Это не значит, однако, чтобы эти лица входили непременно в действовавшие раньше правительства. Достаточно, чтобы они были народными представителями, находились в оппозиции, или, даже не входя в парламент, даже преследуемые по закону и суду, на нелегальном положении или за пределами отечества, были известны или играли руководящую роль, как общественные и политические деятели. Известная авторитетность лиц, овладевших властью фактически, только облегчает, а не обуславливает последующее правовое признание и санкцию.

Действие того же незаконного преобразования можно отметить и в других странах и не только в связи с революциями. Например, в Бельгии в 1830 г. при её отделении от Голландии, или в Норвегии при её отделении от Дании в 1814 г. и в 1905 г. — при разрыве шведо-норвежской унии**. Незаконное преобразование права может произойти и мирным путем без насильственного ниспровержения существующего строя. Так, конституция Северо-

* «Только чрез последующее всеобщее признание (*Anerkennung*) достигает насильственно установленная норма своей подлинно правовой значимости, только чрез его посредство становится правовое установление (*Rechtssetzung*) законченным актом (*«vollendete That»*, *«fait accompli»*) — говорит Е. В. Bierling: *Juristische Prinzipienlehre*. Freiburg. 1894. II. S. 364.

** Ср. *Кокоршкин Ф.* Лекции по общему государственному праву. Москва. 1912. С. 126 и предыд.

германского союза 1867 г.⁶⁷, на выяснение юридической природы коего немецкие юристы не щадили ни труда, ни изобретательности, возникла без революционного взрыва, в результате победы Пруссии над Австрией, но не в согласии с существовавшими тогда законами. Общегерманской власти, компетентной издать такую конституцию, не существовало, и конституция — плод незаконного «самозарождения».

И на наших глазах судьбы Ирландии, Турции, Греции, Польши, Чехословакии, Италии, Испании, Болгарии, Индии, Китая, прибалтийских стран и т. д. дают бесконечное число самых ярких примеров и самых разнообразных форм и проявлений *общественного провозглашения*, как экстраординарного, но повсеместно действующего и необходимого источника права. Здесь встречаются и случаи насильственного, революционного провозглашения, и случаи мирного и бескровного; незаконное провозглашение «сверху» — правителями, партией или династией — и провозглашение «снизу» — парламентом, толпой, народом, «улицей», или «кварталами»; провозглашения в связи с войной и в мирное время; провозглашение нового социально-политического устройства и провозглашение национальной самостоятельности; смены, в результате общественного провозглашения, глав государств и перемены состава правительства и т. д. И среди провозглашающих обязательность новой нормы можно встретить то известных и раньше общественных и политических деятелей (как Масарика⁶⁸, Венизелоса⁶⁹, Милюкова⁷⁰, Керенского⁷¹); то популярных партийных или народных вождей (как Ленин⁷², Сун-ян-сен⁷³, Муссолини⁷⁴, Пилсудский⁷⁵, де-Валера); то известных военачальников или безвестных офицеров (Кемаль-паша⁷⁶, полк. Гонатас, Пластирас) и т. п.

То, что Жэз справедливо назвал *принципом* французского публичного права по всей справедливости должно быть названо принципом не только *французского* публичного права, но *всякого* публичного права и *права вообще*. Ибо легальное оформление далеко не всегда предшествует жизненным отношениям. Не даром Еллинек во всей истории права видит не что иное, как *историю переворотов в праве*⁷⁷.

* Цитир. соч. С. 232. «Старая законность нарушена, и надо завязать узлы законности новой», — писал проф. Б. Э. Нольде. «Воля Народа» в момент такого потрясения есть единственное средство воссоздать правопорядок. Революци-

Именно такой была и история русского права, в частности и, в особенности, — в текущем столетии. За весьма немногочисленными и сравнительно краткими прерывами Россия шла именно этим, экстраординарным путем образования нового права через отрицание закона и общественное провозглашение новых норм. Вся историю русского государственного права можно представить как два параллельных ряда, из которых один образуют меняющиеся формы официальных законов и учреждений, а другой — предшествующие этой смене *общественные декларации*. Декларации эти далеко не всегда оставались в плоскости одних лишь словесных заявлений: им аккомпанировали и «силовые удары». Однако, в русской «драме», в отличие от французской, как её изображает Жэз, «акты» не всегда следовали установленному для них темпу и порядку, и, например, нынешнее фактическое правительство России пребывает у власти 15 лет без того, чтобы сделаться правительством «регулярным».

«Никакое право, с духом времени несообразное, против всемогущего его действия устоять не может», — писал ещё в 1809 г. Сперанский в своем «Введении к уложению государственных законов»⁷⁸. «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдали движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем, и не народ приспособлял к правлению, но правление к состоянию народа». А век спустя, когда правители русской державы, не учтя «движение общественного духа», продолжали «приспосабливать» не правление к народу, а народ к правлению, — в сущности ту же мысль Сперанского повторил другой государственный деятель Витте⁷⁹, говоря о «нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни».

Не в историческом Докладе, а в менее известной Записке, представленной царю по своей личной инициативе 9 октября 1905 г., Витте в таких выражениях намечал историческое преемство *общественных провозглашений* в России: «Не год назад, конечно, заро-

онное «общее право» спасло современную Германию: имперская и двадцать пять местных революций создали имперскую и десятки местных демократий, единственную основу нынешнего правопорядка в Германии» — Журнал «Современные Записки» № 4. — Париж. 1921 г.

Ср. также S. Gemma: «hes gouvernements de fait». — *Récueil des Cours à l'Académie de droit international*. — Paris. 1925. — T. IV. pp. 318–322 et 328.

дилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине⁸⁰, в бунте декабристов⁸¹, в деле Петрашевского⁸², в великом акте 19 февраля 1861 года⁸³ и, говоря вообще, в природе всякого человека. Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой*.

На этом пути к свободе и праву в России идея учредительной власти и требование Всероссийского Учредительного Собрания являлись основными и определяющими. В течение ряда десятилетий они оставались для всего передового русского общества и наиболее бесспорными, и излюбленными.

* См. «Красный Архив». Т. 11–12. С. 52.

II. ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИИ

Декабристы: «якобинцы» и «демократы». — Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россия» и «Свобода». — Хилиастические чаяния социального переворота и «счастье» России — в отсталости её политического развития. — Проблемски идеи Учредительного Собрания. — Учредительное Собрание в программе «Народной Воли». — Исторические дефекты и заслуги политической идеологии «Народной Воли». — Её наследники. — «Группа освобождения Труда», и программы 1884 и 1887 гг.

В процессе социально-политического развития России идея Учредительного Собрания отчетливую формулировку и последовательное обоснование получила сравнительно поздно. Можно сказать, что на протяжении всего девятнадцатого столетия мы не встречаем такой формулировки и обоснования.

Самая мысль об Учредительном Собрании, не в таких терминах выраженная, не чуждая противоречивых признаков, предносилась, однако, уже некоторым из *декабристов*.

Самый влиятельный и политически наиболее яркий среди декабристов — Пестель, «этот гениальный общественный деятель, далеко опередивший своих современников в России», — по выражению известного русского историка Семевского, — был чрезвычайно далек от идеи Учредительного Собрания. Ничего общего не имеет с этой идеей и проект республиканской конституции, выработанный Пестелем и воспринятый Южным Обществом.

Пестелевская «Русская Правда»⁸⁴ и её конспект — «Конституции Государственный Завет», главные свои надежды возлагают не на «Народное Вече», «в котором обретается вся законодательная власть», и не на «Верховный Собор», которому поручается «верховно-блюстительная власть», и который «не рассуждает о сущности предметов, но смотрит на одни формы». Основной рычаг всей политической системы Пестеля — Временное Верховное Правление. «Русская Правда», должна служить «наказом» Верховному Правлению, которое обязано, ибо только оно в состоянии, осуществить ряд неотложных и подготовительных мер, обеспечивающих новый порядок. «Прежняя верхов-

ная власть довольно уже доказала враждебные свои чувства противу народа русского, а представительный собор не может быт созван» немедленно, потому что «начала представительного верховного порядка в России ещё не существуют». Поэтому Временное Правление должно быть наделено *диктаторскими* полномочиями на восемь, десять, даже пятнадцать лет*.

В отношении к форме правления Пестель истолковывал себя и все движение в «непредрешенческом» духе. Решение должно было быть предоставлено Народному Собранию, которое предстояло созвать примерно через десять лет после революции**.

Проект конституции, написанный Никитой Муравьевым⁸⁵ и принятый Северным Обществом, исходил из заимствованного из испанской конституции положения: «Источником верховной власти — народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя» (Ст. 2-ая Проекта). «Право изменить Устав», т. е. конституцию, принадлежит не нормально действующему законодательному собранию, — «народному вечу», а специальным народному (центральному) и державным (областным) «Соборам».

* См. В. И. Семевского: Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 508–510. см. также с. 452, 463, 472 и др.

Надо признать терминологическим недоразумением, искажающим общую картину, характеристику принципов Пестеля, которую даёт А. Корнилов: «Курс истории России XIX века». Часть I. М., 1912. С. 253, говоря, что «они не отличались либерализмом, но зато демократическое начало было им (Пестелем) проведено в его плане очень глубоко, особенно в экономической области». — Следует утверждать обратное: принципы Пестеля, либеральные по своим целям и наполненные социальным содержанием, были *антидемократичными* или «якобинскими» по методам выполнения.

** «...Нельзя никак удостоверительно сказать, какой образ Правления Союз в самом Деле наконец бы избрал, — показывал Пестель на допросе Следственной Комиссии. — Сие более бы всего зависело от обстоятельств; и вот причина, почему имел я намерение написать главу о Верховной Власти в Двойне: одну Монархическую, а другую Республиканскую... Нам Дело только до того, чтобы Россия пользовалась благоденствием, откуда бы оно не произошло, и в таковом случае готовы совершенно забыть о Республиканских мыслях».

«Он (Никита Муравьев) доставил ко мне часть сей Конституции, извещая, что пишет оную в Монархическом Смысле не потому, чтобы он Монархического правления держался более чем Республиканского, ибо он был в 1820 году один из тех членов, которые наиболее в пользу сего последнего говорили, но для того, чтобы сблизиться с понятиями вновь вступающих в общество членов». (Начертание подлинника. — см. «Восстание декабристов». Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Центархив. 1927. Т. IV. С. 102 и 114).

Вместе с Н. Муравьевым большинство членов Северного общества отвергало предложения Пестеля относительно диктатуры Временного Правления. Так, Рылеев⁸⁶ полагал, что тайные общества вправе только разрушить то правление, которое считают «неудобным для своего отечества». Тот же государственный устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, — сам Рылеев считал наиболее «удобным» для России «областное правление североамериканской республики при императоре, которого власть не должна много превосходить власти президента штатов», — надлежит представить на рассмотрение Великого Собора, как *проект*. Введение его посредством диктатуры Рылеев считал «нарушением прав народа».

Незадолго до восстания фактическое руководство обществом перешло к Рылееву и Трубецкому⁸⁷, с одной стороны, и Сергею Муравьеву и Бестужеву-Рюмину⁸⁸, с другой. Под их влиянием, как отмечает проф. Довнар-Запольский, оба Общества склонились к мысли о передаче вопроса о форме конституции будущему первому собранию народных представителей или великому земскому собору, по выражению Рылеева. Штейнгель⁸⁹ составил проект манифеста о созыве собора, которому предполагалось *предложить* проект конституции.

Но в то время, как Южное Общество имело совершенно определенный план: уничтожить династию и, при поддержке восставшего войска, провозгласить новую форму правления, — Северное Общество готово было ожидать перемены личности государя для того, чтобы от заместителя Александра I⁹⁰ потребовать утверждения конституции*. Н. Муравьев на допросе показал, что он допускал даже возможность «достигнуть нашей цели посредством одного только общего мнения».

Как противоположение «якобинским» взглядам Пестеля и его единомышленников, воззрение Н. Муравьева, Рылеева и других, несомненно, гораздо ближе началам народоправства и народовластия. Но само по себе это воззрение, как программное требование и как метод действий, сочетавшее необходимость переворота и его освящения народным вотумом с возможностью утверждения конституции царем; примирявшее народовластие с принципами монархизма и сословной «аристократии»; подразделявшее народ на *русских*, к которым причислялось все население России в целом, и *граждан*, которые наделялись политическими правами в меру роста имущественного

* См. Довнар-Запольского М. В.: Идеалы декабристов. М., 1907. С. 315–316.

ценза, — такое непоследовательное и противоречивое воззрение является характерным для первого оформления политического самосознания России начала 19-го столетия.

Все декабристы — и республиканцы, и монархисты, «якобинцы» и «демократы»⁹¹ — были одинаково преданными конституционалистами, горячими патриотами и искренними народолюбцами, готовыми не только на личные жертвы свободой и жизнью, но и на сословные и имущественные жертвы в *интересах* народа, для народа*. Но для того, чтобы стать на почву подлинного и последовательного демократизма, чтобы признать начало осуществления всего *через* народ, — одни из декабристов должны были бы отказаться от своих надежд на «Временное Правление», другие — от своей веры в «верховную власть» царя.

После ликвидации движения декабристов политическое развитие России застопорилось на ряд десятилетий. В течение всего периода царствования Николая I⁹² исключена была всякая возможность проявления свободной политической мысли. Только с начала шестидесятых годов получают снова своё литературное выражение слабые проблески признания начал демократизма и связанной с ними идеи Учредительного Собрания. Эти первые проблески единичны, случайны, сбивчивы и недостаточно популярны даже в том кругу, где они время от времени проявляются.

Вышедшая в 1872 г. из кружка Зайчневского прокламация «Молодая Россия»⁹³, бывшая, по свидетельству В. Я. Богучарского**, «самым крупным проявлением революционного настроения в России» до 1866 года, содержала в себе лишь следующие малоопределенные строки: «мы требуем изменений современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний». Национальное Собрание, «составленное из выборных всей земли русской, должно собираться в столице***».

* Пестель говорил Поджио, что не войдет в состав Директории, или Верховного Правления, дабы его не упрекали в своекорыстии; кроме того, — «у меня фамилия не русская» (См. Восстание декабристов. Т. IV. С. 132–133, 182 и 184).

** Богучарский В. Активное Народничество семидесятых годов. М., 1912. Ст. 53.

*** См. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах // Русская историческая библиотека. № 5. Второе приложение к сборникам: Государственные преступления в России, издававшимся под редакцией Б. Базилевского. Париж, 1905. С. 60–61.

Политический смысл высказанного здесь умаляется ещё тем предположением, которое авторы прокламации делают «революционной партии», рекомендуя ей — «захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное Собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав её не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)».

Несколько более определенно высказывается по тому же вопросу воззвание «Свобода» № 1, появившееся в 1863 г. и перепечатанное Герценом⁹⁴ в № 164 «Колокола». «Торжество народных интересов, — говорилось в нем, — ...должно выразиться, прежде всего, в созвании Народного Собрания из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества*.

На всем протяжении политически наиболее бурных десятилетий XIX-го века — 60-х и 70-х годов — политическая идеология русского общества не возвысилась над приведенными выше извлечениями из малозначительных листков и прокламаций. Этот факт тем более поразителен, что он во времени совпадает с другим. Именно в это время русская общественность выделила целую плеяду первоклассных вождей и умов: Добролюбова, Чернышевского, Герцена⁹⁵, Бакунина⁹⁶, Лаврова⁹⁷, Михайловского⁹⁸. Каждый из них был властителем дум и чувств своих современников. Каждый из них стремился сделать свой народ свободным и счастливым. И все они более или менее одинаково оказались сравнительно равнодушны к идеям последовательного *политического* демократизма.

Индивидуальные свойства, различия в темпераментах, в теоретических воззрениях, в приложении сил — нивелировались влиянием господствовавшего настроения. Это настроение, безраздельно владевшее передовыми умами России и частично захватившее всю Европу, некоторыми своими чертами напоминает переживаемые ныне повоенный и пореволюционный кризисы. Передовые люди того времени искренне и глубоко верили и убеждали других в истинности своей веры в то, что в ближайшем же будущем неизбежна социальная революция и с ней вместе — осуществление социализма. Эта вера создавала и соответственное хилиастическое настроение. Твердая

* Там же. С. 92.

уверенность в близком конце, ожидающем все политические учреждения, независимо от их форм и оснований, — исключала всякую надобность в проповеди политического освобождения, не только как самоцели, но даже как пути и средства к грядущему всестороннему освобождению.

Автор «Словаря иностранных слов», Кириллов-Петрашевский полагал, что конституция — «это хваленое правление — не что иное, как аристократия богатства». Самый тот факт, что русский народ «остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации», которая, по мнению Герцена, высказанному в 1851 году*, «дошла в социализме до самоотрицания», самая отсталость России в политическом развитии признавалась её «счастьем», её заслугой и достоинством, обеспечивающими именно ей возможность достигнуть социализма более быстро и безболезненно. «Счастье наше, — писал Добролюбов, — что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни»**. «Как бы широко и, по-видимому, либерально ни развивалось государство, хотя бы достигло самых крайних демократических форм, все-таки оно, государство, есть начало неволи, внешнего принуждения... Ложь лежит не в той и не в другой форме государства, а в самом государстве, — есть ложь... Славянские народы, русский народ по преимуществу, есть народ негосударственный»***.

Так писал в 1856 г. не анархист и атеист Бакунин, а отец и вождь славянофильства, ревнитель православного благочестия и российской самобытности Константин Сергеевич Аксаков⁹⁹. Неудивительно после этого, что «бакунинцы», «марксисты», «ткачевцы», «лавристы», «нечаевцы» и т. д., не взирая на все свои расхождения и взаимные попреки, сходились на одном — на враждебном отношении ко всякой государственности. В «политике» они видели определенное зло и все свои чаяния возлагали на социальную революцию, необходимую для обеспечения свободного развития личности и общества, как думали одни, для обеспечения развития производительных сил, — как на-ходили другие.

* Герцен А. И. Русский народ и социализм (Письмо к Мишле). Т. V. С. 199. Ср. у В. Богучарского: Активное народничество семидесятых годов. С. 14, 19 и 20.

** Сочинения Н. А. Добролюбова. Т. 3. С. 187.

*** Сочинения К. С. Аксакова. М., 1889. Т. I, изданный под редакцией И. С. Аксакова. С. 241–242.

«Самый факт замены самодержавного правительства конституционным, факт «передачи общественных дел в общественные руки», как выражаются либералы, совершенно безразличен для социалистов», — заявлял «орган русских революционеров», «Начало»*. Если после февральской революции 1848 г. даже для Маркса¹⁰⁰ и Энгельса¹⁰¹, — основоположников так называемого научного социализма¹⁰², «не могло быть никакого сомнения, что наступило время великой, решающей борьбы и что эта борьба будет составлять» один сплошной, долгий и полный перемен, революционный период**»; если в 1849 году Маркс доказывал Лассалю¹⁰³, что пролетарская революция во Франции вспыхнет не позднее следующего года; если он уверял в том же позднее Кугельмана (письма 1862 г.) и Зорге (1877 г.); если Бебель¹⁰⁴ в начале семидесятых годов мог публично, в рейхстаге заявить, что немецкие социалисты надеются «осуществить всю свою программу ещё до наступления XX века»; если Энгельс в 1891 г. высказывал уверенность, что «царское правительство этот год уже не протянет, а когда уж в России начнется, — тогда «ура!», — впоследствии, как известно, Энгельс фиксировал срок общественного переворота на 1898 г.; — приходится ли удивляться Лаврову, приводившему в 1876 году «математические» доказательства грядущей социальной революции в России?! Или Михайловскому, писавшему в 1874 г.: «борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета, и падение их есть дело времени. Новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже»***; и даже позднее, в 1879 г., по свидетельству собеседника, «горячо настаивавшему, что политической реформой воспользуются только привилегированные классы и притом во вред народной массе»?!****

* См. Революционная журналистика 70-х годов // Русская Историческая библиотека. № 3. Первое приложение к сборникам: Государственные преступления в России. Изд. под ред. Б. Базилевского. Париж. 1905. С. 88.

** См. «Введение» Фридриха Энгельса к «Классовой борьбе во Франции от 1848 до 1850 гг.» Карла Маркса. С. VII. — Это введение, посвященное изложению того, как и почему «история не оправдала ожиданий» Маркса и Энгельса, написано последним в марте 1895 г.

*** Цит. по В. Богучарскому: Активное Народничество семидесятых годов. С. 121. см. также С. 94 и 118.

**** См. в сборнике статей «Памяти Виктора Александровича Гольцева» под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1910. С. 107–108.

В такого рода психологической атмосфере, естественно, не было места идее Учредительного Собрания. Она не выпала из сознания русской общественности того времени. Она попросту в нём не умещалась. За весь этот период лихорадочных поисков путей и средств общественного переустройства только случайно был обронен самый термин: Учредительное Собрание. По иронии судьбы, то был анархист Бакунин, мимоходом употребивший его в статье «Политика Интернационала», напечатанной в «Egalité» за 1869 год и приведенной в русском переводе в книге «Историческое развитие Интернационала», стр. 62–63, в 1873 г.* Здесь *впервые* в истории развития политических идей в России получило литературное выражение это основное и элементарное понятие.

Если анархисту Бакунину суждено было впервые *назвать по имени* Учредительное Собрание, то либералу — ветерану земского конституционализма И. И. Петрункевичу¹⁰⁵ — суждено было впервые включить созыв Учредительного Собрания, как определенное политическое требование, в число «Ближайших задач земства».

Под таким именно заглавием составлена была Петрункевичем небольшая брошюра «в надежде вызвать движение в широких кругах общества в пользу реформы государственного строя», как то формулировал покойный И. И. в своих сравнительно недавних письмах (от августа 1919 г. к автору настоящей книги). Автор брошюры, рекомендуя себя «стоящим близко к земскому делу и отличающимся подобающей консервативностью», «никак не может согласиться» с той постановкой вопроса, которую ему придало общество в связи с растерянностью правительства после убийства шефа жандармов ген. Мезенцева в 1878 г. Направленная против «пошлых, униженных, вполне ничтожных» адресов, в частности, харьковского и полтавского земств, — брошюра выразительно подчеркивает, что «мы не должны быть фигурантами в конституционной комедии, а, отвергнув всякую конституцию, данную сверху, будем настаивать на созыве Учредительного Собрания».

В сочинении М. П. Драгоманова¹⁰⁶ «Земский либерализм в России» (1858–1883), — а не «Либерализм и земство в России», как неточно называет В. Я. Богучарский, — вышедшем в 1888 г., — а не в 1889 г., —

* См. В. Богучарского: Активное Народничество семидесятых годов. Примеч. к стр. 83.

Драгоманов рассказывает историю печатания брошюры «Ближайшие задачи земства, с приложением ответа черниговского губернского земства на правительственное обращение». Брошюра эта не увидела света, потому что галицкая администрация арестовала лиц, которым было поручено печатание, и захватила самую брошюру. Брошюра не получила никакого распространения. Не имело широкого распространения в России, по свидетельству Петрункевича, и «Вольное Слово», напечатавшее её спустя несколько лет, как «Земский голос из недавнего прошлого времени», скорее в исторических целях*.

Идея, высказанная в русской политической литературе раньше других И. И. Петрункевичем, дошла до общественного сознания только тогда, когда она уже утратила черты оригинальности, приняв форму, по его собственному выражению, «перевернутой страницы исторических материалов». Эта идея не оказала никакого влияния на политическую идеологию близкой автору земской среды. Идея Учредительного Собрания была совершенно чужда практическим устремлениям земцев семидесятых годов. Наиболее «крайним» выражением земского конституционализма той эпохи по справедливости считается мнение черниговского губернского земства, которое, как известно, вызвало даже специальные преследования со стороны правительства по отношению к автору «мнения» — тому же Петрункевичу. Между тем по своему содержанию «мнение» было совершенно невинно и лишено всякого положительного политического содержания. «Думать, что идеи, в том числе и анархические, можно остановить мерами строгости, значит игнорировать историю развития и распространения идей», заявляло земство черниговской губернии и с «невыразимым огорчением констатировало своё полное бессилие принять какие-либо практические меры в борьбе со злом», о чём и «считало своим гражданским долгом довести до сведения правительства**».

* Опубликованный в 1927 г. документ из фамильного архива гр. Воронцовых устанавливает неопровержимо, что конституционное украинское «Вольное Слово», — как, впрочем, и крайне-левая «Правда», и либеральный «Московский Телеграф», — фактически издавались правительственной «Священной Дружиной» с провокационно-полицейскими целями (См. «Красный Архив», № 21).

** См. «За сто лет (1800–1896). — Сборник по истории политических и общественных движений в России». Составил Вл. Бурцев. 1897. Часть I. С. 144 и 146.

Идея народоправства и Учредительного Собрания получила яркое выражение и сравнительно широкое распространение с образованием Партии «Народной Воли»¹⁰⁷. Липецкий съезд в июне 1879 года является поворотным пунктом в истории не только методов революционной борьбы в России, но и содержания политической идеологии. На состоявшемся, сейчас же после липецкого, съезде в Воронеже новое в революционном и социалистическом движении течение одержало решительный верх. Политическая борьба была формально признана совместимой с задачами и идеалами социализма.

«Народная Воля» умела доходить до читателя, она привлекала внимание и друзей, и врагов. Её слова, как и дела, импонировали и имели широкий резонанс. Народовольцы приняли идею Учредительного Собрания, формально включили её в свою программу и в меру своего разума защищали её. И *через «Народную Волю», которая заняла авансцену русского революционного движения с первого же момента своего образования, т. е. с осени 1879 г., идея Учредительного Собрания дошла до сознания сравнительно широких кругов русского общества, сделавшись впоследствии традиционной для всех революционных и социалистических программ.*

«Народная Воля» вышла из Общества «Земля и Воля». Громадное большинство народовольцев были раньше землевольцами. За всем тем народовольчеством, идя навстречу духу времени и практическим нуждам, в некоторых отношениях явилось антитезой народничеству шестидесятых и семидесятых годов.

В первые месяцы образования «Народной Воли» обоснование целесообразности Учредительного Собрания носит ещё условный характер. «Предположим, в самом деле, — читаем мы в № 2 «Социально-революционного Обозрения» «Народная Воля» от 1 октября 1879 г., — что... составляется самостоятельно или по приглашению правительства Учредительное Собрание, снабженное приговорами своих избирателей (вроде *Cahiers* в *Assemblée Constituante*). В этом собрании 90% от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии. Что может постановить такое Собрание? В высшей степени вероятно, что оно дало бы полный переворот всех наших экономических и государственных отношений»*.

* См. Сборник «Литература социально-революционной партии «Народной Воли». 1905. С. 81.

С момента окончательной формулировки народовольческой программы, опубликованной впервые в № 3 «Народной Воли», 1 января 1880 г., — аргументация в пользу Учредительного Собрания теряет свою условность и предположительность. Доводы в пользу правомерности и целесообразности Учредительного Собрания подкрепляются доказательствами его необходимости.

«Мы полагаем, — гласила так называемая «Программа Исполнительного Комитета», — что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма правления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней. Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать её Учредительному Собранию, составленному как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей»*.

И отдельные народовольцы, и Исполнительный Комитет партии пользуются отныне всяким поводом публично исповедовать свою новую веру перед правительством и обществом. В первой же прокламации, выпущенной Исполнительным Комитетом 22 ноября 1879 года по поводу раскрытого покушения на линии московско-курской железной дороги, говорилось: «Если бы Александр II¹⁰⁸..., отказавшись от власти, передал её Всенародному Учредительному Собранию, избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов, снабженному инструкциями избирателей, — тогда только мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления»**. 7 февраля 1880 г. в прокламации по поводу взрыва в Зимнем Дворце Исполнительный Комитет повторил свою угрозу: «Объявляем ещё раз Александру II, что эту (вооруженную) борьбу мы будем вести до тех пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство Всенародному Учредительному Собранию, составленному свободно, снабженному

* Там же. С. 163 и 164. — Пункты 2 и 3 лит. В. «Программы».

** «Да здравствует Народная Воля!» — Исторический сборник № 1. Париж. 1907. С. 4.

инструкциями от избирателей»*. То же требование раздается из уст Квятковского на процессе «шестнадцати» (в октябре 1880 г.);** в частном письме Желябова¹⁰⁹ к Драгоманову (май 1880 г.)***; и, наконец, в заключительном аккорде «Народной Воли» — в Письме Исполнительного Комитета Александру III¹¹⁰ (10 марта 1881 года)****.

В этом, справедливо называемом политическом завещании, оставленном «Народной Волей» последующим революционным поколениям, Исполнительный Комитет «не ставит, а только напоминает» о тех «условиях, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой», и которые «поставлены историей». Наряду с «общей амнистией по всем политическим преступлениям», вторым условием Комитет считает «созыв представителей от всего русского народа (Народного Собрания) для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни, и переделки их сообразно с народными желаниями».

Народовольцы нередко употребляли выражения Земский Собор и Народное Собрание, как равнозначные с Учредительным Собранием. И П. Л. Лавров, составивший для «Календаря Народной Воли» на 1883 год статью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», имел, конечно, основание сказать, что в Письме к Александру III Исполнительный Комитет требовал созыва Учредительного Собрания. Это, с формальной стороны, неправильное утверждение получило, однако, чрез Лаврова, широкое распространение и удержалось до наших дней. Его не раз повторяет, например, такой знаток общественного движения России, каким несомненно являлся автор «Истории российской социал-демократии» и редактор многотомного «Общественного движения в России в начале XX века» Л. Мартов^{111*****}.

Смешением идей и терминов Учредительного Собрания и Земского Собора грешили не одни народовольцы. Смешение понятий и

* Там же. С. 5.

** «За сто лет». С. 182.

*** «Былое» — Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб., 1906. № 3. С. 73–74.

**** Там же. С. 36–37.

***** См., напр., «Искра». — Центральный Орган Российской Социал-демократической Рабочей партии: «За два года». Изд. С. Н. Салтыкова. СПб., С. 202.

терминов, практиковавшееся в текущем столетии, вызывалось явно политическими соображениями: к нему побуждали мотивы тактические. Причины же сбивчивости «Народной Воли» — в новизне самого предмета, в недостаточной политической опытности и юридической зрелости тех, кому приходилось вырабатывать свою программу «под грохот динамитных взрывов», кому в процессе «борьбы на смерть» приходилось согласовывать свою теорию с практикой.

К сожалению, сбивчивость народовольцев не только терминологического порядка, но и в самом существе тех новых идей, которые они несли с собой. «Народная Воля» решительно и определенно признала необходимость политического переворота. Это было её заслугой и громадным шагом вперед по пути развития общественного самосознания и движения в России. Но *как* произойдет самый переворот? Что в этом отношении желательно. К чему стремиться — к заговору и захвату власти «революционным меньшинством» или к революции, совершаемой большинством народа, хотя бы и несущей в себе риск менее крупных, но зато более прочных достижений? На этот вопрос «Народная Воля» не имела определенного ответа. Здесь её идеология двойственна, в ней всегда можно различить два мотива, не сливающиеся во внутренней гармонии, а оспаривающие друг друга.

Народовольцы не могли не быть сторонниками народной революции, ибо они вышли из «народничества» и оставались народниками. Их прежняя вера в социалистические инстинкты трудового народа оставалась непоколебленной. Они предполагали, что в будущем Учредительном Собрании «90%» окажется сторонником «полного переворота всех наших экономических и государственных отношений». Но в то же время народовольцы несомненно были заговорщиками. Их толкала к тому окружающая обстановка. Массы не обнаруживали склонности восставать, а власть исключала возможность открытой пропаганды и широкого движения. Отсюда характерная обмолвка Желябова, в письме к Драгоманову, о том, что «Учредительное Собрание в наших глазах только *Ликвидационная Комиссия*»; отсюда колебания между надеждой на «добровольное обращение» Верховной власти к народу», на соглашение с ней путем «легализации Верховной власти» (Письмо к Александру III), и требованием передать власть «в пользу народа» под угрозой «борьбы на смерть с представителями современного государства» (прокламация 7 февраля 1880 г.); отсюда

неуверенность, что делать после захвата власти: ликвидировать ли только царя и его правительственный аппарат или вместе с тем и «разрушить всю государственную машину», — «устранить государство, и народ устроится, может быть, лучше, чем мы даже можем надеяться» («Воля Народа» № 2); отсюда, наконец, решительный поворот в сторону «захвата власти», совпадающий по времени с упадком революционного движения и с закатом «Народной Воли».

В феврале 1882 г. в № 8–9 «Народной Воли» появилась передовая статья, обнаружившая всю меру неустойчивости идеологических достижений народовольчества. В ней говорилось, что, в случае отсутствия социально-революционной инициативы у самого народа, «временное революционное правительство, рядом с политическим освобождением народа, рядом с установлением новых политических учреждений, производит экономический переворот: уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства. Тогда на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа, освобожденного политически и экономически, и народная жизнь станет регулироваться не подтасованной народной волей»*.

Здесь вместе с термином Учредительного Собрания исчезло без остатка и существо самой идеи. Представления об Учредительном Собрании, как о верховном органе, вышедшем из политического переворота, обладающем всей полнотой власти и начинающем собой новый порядок и новую правовую эру, — как не бывало. Выветрилась самая мысль о подчиненном положении революционного правительства, временно действующего по полномочию народной воли. Временное правительство превратилось в главный действующий орган, имеющий *при себе* «Земский Собор».

На закате революционного движения девятнадцатого века политическая идеология возвращается вспять, к уровню развития 70-х, 60-х, даже 20-х годов. Такое «вечное возвращение» можно отметить на всем протяжении того пути, который пришлось сделать политическому самосознанию России, вплоть до роковых 1917–1918 годов, когда был осуществлен практически якобинский план.

* См. «Литература социально-революционной партии «Народной Воли». С. 495.

Было бы односторонним судить о народовольческой идеологии по её литературному выражению эпохи упадка. Несомненно, однако, что эта идеология была двойственна: исходя из двух различных оснований, она приводила и к двум различным решениям. Народовольчеству не дано было стать на почву принципиального и бесповоротного признания последовательного демократизма. И в этом смысле можно согласиться с Богучарским, который говорит, что «народовольцы даже в лице своих таких замечательных не только деятелей, но и мыслителей, каким был Желябов, не справились с задачей синтеза «социализма» и политической борьбы»*.

Было бы, однако, искажением исторической перспективы и в корне неправильным, сопоставляя идеологию народovolьцев — особенно, периода расцвета — с идеологией их преемников — особенно, ближайших, эпохи 83–87 годов, — сделать вывод, который сделал Богучарский, утверждавший, будто «задачу эту разрешили лишь первые русские социал-демократы, Г. В. Плеханов¹² и его Группа Освобождения Труда»¹³.

Достаточно привести всего несколько иллюстраций, чтобы показать неизгладимую близость и духовное родство, связывавшее эпигонов «Народной Воли» с эпигонами «Черного Передела» и заставлявшее и народников, и марксистов 80-х годов, несмотря на все их принципиальные расхождения, относиться одинаково горячо к началу захвата власти.

В известной, почти «составившей эпоху», брошюре «Социализм и политическая борьба», появившейся в 1883 г., Г. В. Плеханов неоднократно подчеркивал: «Мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собой последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению». И в полном соответствии с такой точкой зрения Плеханов солидаризуется, как с «совершенно справедливым», со взглядом, высказанным в № 8–9 «Народной Воли», относительно возможности экономического переворота, совершаемого временным революционным правительством «ранее

* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. С. 468–469.

созыва Учредительного Собрания». «Лишь в таком перевороте, — думает Плеханов, — гарантия того, что на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа».

Единственное, что отличает бывшего «чернопередельца», ставшего отцом русского марксизма, от современных ему народовольцев, это довольно голословное утверждение, что «диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров разночинцев»*.

«Программа социал-демократической группы «Освобождения Труда» 1884 г., ни словом не упоминая об Учредительном Собрании, считает возможным «уже теперь предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри общества — именно государства, как политической организации, противостоящей обществу и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части». Наконец, «проект программы русских социал-демократов» 1887 г., чрезвычайно в общем близкий к предыдущей «программе», свободен, правда, от его «предсказаний», но содержит в себе следующий тезис: «неизбежным предварительным его (освобождения рабочих) условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран».

Этому тезису суждено было стать символом веры русских марксистов. Он вошёл в их психику, определил их политическое сознание, волю, чувство. Спустя 16 лет он вошёл и в официальную программу российской социал-демократической рабочей партии.

Чтобы по достоинству и исторически справедливо оценить то разрешение «задачи синтеза социализма и политической борьбы», которое дали «первые русские социал-демократы, Г. В. Плеханов и его «Группа Освобождения Труда», нельзя упускать из виду, в частности, и ту разновидность как ни как «русских социал-демократов», которая попыталась вместить и «небо» и «землю»: диктатуру класса сочетать с диктатурой революционеров-разночинцев. Провозглашение «рабоче-крестьянской диктатуры» чрез посредство фактической диктатуры разночинцев-большевиков не является ли достаточно яркой иллю-

* Библиотека современного социализма. Выпуск первый. Женева. Типогр. группы «Освобождения Труда». С. 62 и 63.

страцией всей искусственности принципиального противопоставления захвата власти классом такому же захвату со стороны какой-нибудь группы?

Та несложная философия, которая послужила обоснованием и оправданием захвата власти в России 25 октября (7 ноября) 1917 г., — исторически имеет два идеологических истока, в равной мере её питавших. Это — *народовольчество времен декаданса*, знаменовавшего возвращение к народническому якобинству 70-х и 60-х годов; и это — *марксизм эпохи примитивизма*, датируемой 60-ми и 70-ми годами на Западе и 80-ми годами и вплоть до наших дней в России.

III. ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ НА ПЕРЕВАЛЕ XIX-го ВЕКА

Политическое пробуждение и новые попытки построения программ. — Программа российской социал-демократической партии и её отношение к принципам демократии. — Партия социалистов-революционеров и её программа. — «Освобождение» и «Союз освобождения». — Идеология революции и оппозиции. — Программа конституционно-демократической партии. — Учредительное Собрание, как основной лозунг революционного движения 1905 г. — Попытка монополизации этого лозунга. — Его модификация. — «Законодательное Собрание с учредительными функциями». — Партии, принявшие требование Учредительного Собрания. — Их отношение к этому требованию.

В течение двух последних десятилетий XIX века: в продолжении всего тринадцатилетнего царствования Александра III и первой половины царствования его злополучного наследника — политическая жизнь России замерла. Царила реакция, методически удушая все проблемски независимого слова и мысли.

Лишенная возможности вступать в непосредственное соприкосновение с народными низами, искусственно изолированная от них, политическая идеология вынуждена была на время исчезнуть с открытой поверхности жизни. Ей пришлось уйти в себя, в свою собственную, поневоле ограниченную и мелкую подпольную кружковщину, в которой от недостаточного притока воздуха тускнели и блекли все цветы и краски жизни. Сознание неизбежности грядущего политического освобождения России, владевшее поколением 70-х годов, перестало излучать свой яркий и жертвенный пламень. Этот пламень на время, если не совсем погас, то стал мигать и еле-еле теплиться.

Отдельные попытки, делавшиеся в девяностые годы, для создания «Партии Народного Права» или «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», не возвысились до отчетливого представления о существе последовательной демократии. Эти попытки, равно как и долгая и обостренная полемика против, так называемых, «рабочедельцев», выдвинувших по принципиальным и по тактическим основаниям начало *экономизма* в противовес *политике*, — не встретили

широкого сочувствия и резонанса в окружавшей среде. Им суждено было остаться эпизодами, сохранившими значение лишь в пределах местных интересов и внутренней жизни отдельных нелегальных кружков в России и в эмиграции.

Ещё менее удачной оказалась единственная за это время легальная попытка, со стороны земских кругов, воздействовать на правительство моральной силой общественного мнения. На следующий день после известного окрика Николая II¹⁴, в январе 1895 г., о том, что «в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтами об участии представителей земства в делах внутреннего управления», в Петербурге было распространено «открытое письмо к Николаю II». Оно не прибавило лавров земскому освободительному движению. В ответ на окрик царя авторы письма жалобно оправдывались: «Ни в одном земском собрании не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти, и никто из земцев не ставил вопроса так, как его поставили Вы. Наиболее передовые земства и земцы настаивали или, вернее, просили лишь о единении царя с народом, о непосредственном доступе голоса земства к престолу, о гласности и о том, чтобы закон всегда стоял выше административного произвола»*.

Только на рубеже двух столетий, после некоторого освежения атмосферы, которое принесли с собой прокатившиеся волны экономических стачек рабочих и академического движения студенчества, в процессе своего развития, приобретавшие все более определенную политическую окраску, после эпизодических проявлений крестьянского движения, в начале текущего столетия пробуждается политическая жизнь России. Оживает с ней и политическая идеология. Возникает российская соц.-демократическая рабочая партия¹⁵. Складывается партия социалистов-революционеров¹⁶. Создается нелегальный Союз освобождения¹⁷. Появляются «Искра», «Заря», «Вестник Русской Революции», «Революционная Россия», «Освобождение». Параллельно с всероссийскими органами и организациями создаются и местные территориально-национальные группировки и программы: польские, литовские, еврейские, латышские, украинские, грузинские, армянские и т. д., идущие своими путями, но, в

* См. «За сто лет (1800–1896). Часть I. стр. 264.

общем, программно и тактически совпадающие с тремя основными линиями — социал-демократической, социал-революционной и оппозиционно-либерально — «освободительской»¹¹⁸.

Выпустив манифест о своем формальном возникновении в 1898 г., российская социал-демократия фактически после этого на несколько лет погрузилась в небытие. И только в 1903 г. на так называемом, втором очередном съезде партия приняла программу, подготовленную для неё редакциями «Зари» и «Искры». Признавая «необходимым условием социальной революции диктатуру пролетариата», эта программа ставила ряд «ближайших целей», причем высказывала «твердое убеждение» в том, что «полное, последовательное и прочное осуществление» указанных политических и социальных преобразований «достижимо лишь путём низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом».

Формально программа социал-демократии сочетала социализм с демократизмом, диктатуру пролетариата, как «завоевание пролетариатом политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров», в будущем с требованием Учредительного Собрания для настоящего. И вся программа стоит не только в прямой идеологической связи с воззрениями «Группы освобождения Труда» начала восьмидесятых годов прошлого столетия; она сохранила и личную преемственность благодаря главному автору и защитнику обеих программ — Г. В. Плеханову.

Съезд, на котором обсуждалась и принята была программа социал-демократической партии, был проникнут особым пиэтетом к своему председателю Плеханову, открывшему самый съезд и подчеркнувшему в первом же приветственном слове связь участников съезда с той группой «ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать пять лет тому назад, в 1883 г., впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе»*. Тем больший интерес и значение приобретает понимание взаимоотношения между принципами социальной революции и принципом демократии, авторитетно данное на съезде Плехановым. Это понимание или толкование настолько выразительно и беспримерно по

* См. «Полный текст протоколов. — Второй Очередной Съезд Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии». Изд. Центрального Комитета. С. 19.

своему релятивистическому нигилизму, настолько глубоко связано с господствующими и ныне в марксистских кругах настроениями, что необходимо привести относящийся к этому пункту отрывок из протоколов съезда.

«Вполне присоединяюсь, — начал свою речь Плеханов, — к словам тов. Посадовского»*. А Посадовский между прочим сказал: «нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии (восклицания: «и неприкосновенность личности?»). Да! И неприкосновенность личности! как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели — социальной революции, мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить». (См. «Протоколы» съезда, стр. 169).

В развитие этих слов Плеханов продолжал: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное своё мнение, скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было судить лишь с точки зрения правила: *Salus revolutiae suprema*

* «Тов. Посадовский» — псевдоним участника съезда Бронштейна-Троцкого.

lex. И на эту же точку зрения мы должны были бы встать в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *Chambre Introuvable*, — то нам следовало бы стараться сделать его *долгим парламентом*, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а, если можно, то через две недели» (Там же: «Протоколы», стр. 169).

В этих словах не в зародыше только, а в совершенно законченном и развитом виде дано идеологическое обоснование и оправдание того «слова и дела», которое пятнадцать лет спустя фактически осуществили презренные потомки прославленного отца марксизма и социал-демократии в России.

При этом интересно отметить, что свой релятивизм в отношении к принципам демократии Плеханов сохранил до конца своих дней. Когда в январе 1918 года на деле осуществился «случай», «гипотетически» предвиденный Плехановым пятнадцатью годами раньше, когда, после «неудачных» для себя выборов в Учредительное Собрание, большевики разогнали его даже не «через две недели», как рекомендовал Плеханов в 1903 г., а всего через *семнадцать часов*, — Плеханов имел повод снова подтвердить свою верность прежним взглядам. В «ежедневной рабочей газете» «Наше Единство», выходившей в Петрограде под редакцией Г. В. Плеханова, в полемических фельетонах «Буки аз — ба» редактор авторитетно разъяснил, что «научный социализм о тех или других отдельных правилах политической тактики или, вообще, политики, судит с точки зрения обстоятельств времени и места; он отказывается смотреть на них, как на *безусловные*... Целесообразность — вот единственный критерий его в вопросах политики и тактики». Вместе с этим разъяснением Плеханов снова подтвердил свою верность, «только одному безусловному принципу: благо народа — высший закон. И я не раз пояснял, что, в переводе на революционный язык, принцип этот может быть выражен ещё так: высший закон — это успех революции». («Наше Единство», № 14 и 16. Петроград. Январь 1918 г.).

Полное тождество между политической идеологией Плеханова и идеологией тех, кто разогнал Всероссийское Учредительное Собрание, в этом пункте — неоспоримо. И если одни разогнали Учредительное Собрание во имя «успеха революции» и с точки зрения «выгод» *своей* партии, а Плеханов считал этот «разгон», когда он

совершился, «ступеню к гражданской войне среди рабочих масс России», полагая, что «Собрание, которое разогнали на этих днях «народные комиссары», обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России», и, «разгоняя его, «народные комиссары» боролись не с врагами рабочих, а с врагами диктатуры Смольного Института», — то такое расхождение в практических выводах из одной и той же идеологии, быть может, более всего и ярче другого характеризует самую идеологию. Утверждение «целесообразности» единственным и достаточным критерием для политической оценки оказалось равносильным отрицанию всяких политических оценок, критериев и принципов.

Рядом с таким, более чем условным и относительным, признанием принципов демократии, значительно выигрывало отношение к этим принципам со стороны партии социалистов-революционеров, организационно сложившейся несколько позднее социал-демократической партии.

Ещё в 1902 году, в прокламации по поводу убийства министра внутренних дел Сипягина¹¹⁹ социалистом-революционером Степ. Балмашевым, боевая организация партии заключила серию обычных революционных лозунгов возгласом: «Мы требуем созыва все-народного Земского Собора!»*. И в проекте партийной программы, выработанном редакцией «Революционной России» и опубликованном ею в мае 1904 года, в № 46, на основе проекта, составленного руководителями партии в 1903 г., не совсем оставлен этот термин «всенародный Земский Собор», отождествлявшийся авторами с идеей Учредительного Собрания. Только на исходе бурного 1905 года, когда нелегально на Иматре собрался первый съезд партии социалистов-революционеров, и программа получила окончательную свою формулировку, — в неё было включено отчетливым образом и требование Учредительного Собрания.

Программа заканчивалась обязательством партии отстаивать свою программу «переустройства всех современных порядков в духе установления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда» в Учредительном Собрании. Но

* См. «Да здравствует Народная Воля!» — Исторический Сборник. № 1. Париж. 1907. Стр. 31.

вместе и рядом с этим дается обещание эту же программу «стремиться непосредственно проводить в революционный период». В этой «непосредственности» сказалась шуйца партии, её происхождение и неизжитая связь с унаследованным идеологическим прошлым: якобинизмом «Народной Воли» эпохи её упадка и марксизмом в его примитивнейшей интерпретации. Марксизму была отдана и другая, может быть, скорее словесная дань, наложившая, однако, свою печать на все последующее развитие партии, её идеологии и практики.

Программа партии социалистов-революционеров признавала *условно*, «в случае надобности», возможность «временной революционной диктатуры» рабочего класса «для реорганизации производства и всего общественного строя на социалистических началах». В «диктатуру» программа вкладывала свой особый смысл, который был вскрыт на съезде одним из главных авторов программы и идеологом партии Тучкиным-Черновым¹²⁰. «Диктатура есть такая форма власти, — говорил В. М. Чернов, — которая предполагает исключительные положения и отсутствие нормального функционирования государственно-правовых органов, правильных юридических гарантий и т. п.». «К такой власти может прибегать и большинство против неподчиняющегося сильного меньшинства, и меньшинство против побежденного нечаянным натиском, но готовящегося к реваншу большинства»*.

При таком толковании идея диктатуры, понимаемая обычно в *формальном* смысле, как насилие меньшинства над большинством или как захват власти меньшинством, утрачивала своё антидемократическое жало. Идея диктатуры здесь трактовалась в материальном смысле, по *содержанию* тех полномочий, которыми наделялся носитель диктатуры, и которые по своему объему совпадают, в общем, с тем, что обычно разумеют под термином «сильной власти».

Какой бы смысл ни придавали идеологи партии с.-р. упоминанию в программе диктатуры, как бы ни относиться к предлагавшемуся ими толкованию, — во всяком случае нельзя отрицать того факта, что в то время, когда складывалась партия и вырабатывалась и принималась партийная программа, в рядах партии были численно весьма

* См. «Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров». Заграничн. Издание Центрального Комитета П. С.-Р. 1906 г., стр. 158–159.

значительные элементы, усвоившие принципы народоправства не бесповоротно, а условно: постольку, поскольку эти принципы могли закрепить победу революции, обеспечить за народом землю и волю и приблизить к «реорганизации всего общественного строя на социалистических началах».

В самых протоколах съезда можно найти следы сбивчивого отношения к идее Учредительного Собрания и как бы противопоставление требования Учредительного Собрания — допущению диктатуры, как меры, обеспечивающей завоевания революционного периода.

Так Поморцев-Вишняк, обращаясь к присутствовавшим на съезде будущим основателям народно-социалистической партии Н. Ф. Анненскому¹²¹, А. В. Пешехонову¹²² и В. А. Мякотину¹²³, поставил вопрос: «преклонятся» ли они «перед голосом» Учредительного Собрания, если оно «разорвёт формулу «Земли и Воли» и, закрепив землю за народом, отвергнет или ограничит народовластие?». Отвечавший на этот вопрос Турский-Пешехонов основательно заметил: «Учредительное Собрание, созданное при всех гарантиях на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права, есть для меня верховная инстанция и бунтом против *такого* собрания я не пойду» («Протоколы», стр. 95 и 96)*.

Содержание ответа давало основание заключить о том, что вопрос предполагал возможность «бунта» против правомерно созданного Учредительного Собрания. Такого рода умозаключения в позднейшей партийной полемике фактически и делались. Между тем смысл вопроса, направленного к выяснению разногласий, состоял вовсе не в признании или отрицании права на бунт против Учредительного Собрания, а в выяснении отношения к принципу диктатуры: возможно ли его примирить с требованием Учредительного Собрания? Является ли требование Учредительного Собрания требованием безусловным и единственно возможным или рядом с ним, для обеспечения народовластия допустимо и даже необходимо установление «временной революционной диктатуры?».

* При редактировании Протоколов произошло смешение имен — вернее, псевдонимов — двух участников съезда: Поморцева и Порошина. Вследствие этого некоторые максималистические речи последнего приписаны были первому, так же, как и критические замечания, направленные против Порошина, адресованы ошибочно — Поморцеву.

С того времени партия с.-р. очищалась дважды: от входивших до 1906–1907 гг. в её ряды, так называемых, максималистов и от, так называемых, левых социалистов-революционеров 1917 года. Нельзя, конечно, с категоричностью утверждать, чтобы и после двукратного своего очищения партия с.-р. в целом, вся, без остатка, признавала безусловную и абсолютную ценность демократических принципов, самих по себе, независимо от всех других её политических и социальных оценок. Тем менее могло это иметь место в период идеологического и организационного оформления партии.

Движение либерально-конституционное или, как его предпочитали называть адепты, конституционно-демократическое по преимуществу не революционного, а оппозиционного характера получило своё литературное выражение в редактированном П. Б. Струве¹²⁴ в 1902 году «Освобождении». Идеологически и организационно близкий к этому органу Союз Освобождения появился в 1903 г. И «Освобождение», и Союз Освобождения были нелегальны. Но главное своё внимание и влияние они обращали на земско-городскую среду и открытую оппозиционно-политическую работу, «Освобождение» объявляло себя «партией переворота», но считало, — «с точки зрения исторических и политических соображений», «практически полезным удержать монархическое начало в том строе, который в ближайшем будущем призван сменить русское самодержавие» (№ 44, март 1904 г.).

В октябре 1904 г. состоялась в Париже Конференция «оппозиционных и революционных организаций российского государства», на которой было выработано частичное и временное соглашение между рядом социалистических, демократических и либеральных партий. В этом первом опыте «коалиции», организованном по инициативе финляндцев, приняли участие представители Союза Освобождения, Польской Национальной Лиги (Liga Narodowa), Польской Социалистической Партии (П. П. С.), Партии социалистов-революционеров, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров (Сакартвело), Армянской революционной федерации (Дрошак) и Финляндской партии активного сопротивления. К постановлениям Конференции позднее присоединилась Белорусская Социалистическая Громада, а Российская социал-демократическая партия, социал-демократия Польши и Литвы и Украинская революционная партия прислали мотивированный отказ от участия в Конферен-

ции. Декларация, изданная парижской конференцией, оставляя неприкосновенными программы и тактические приёмы каждого из контрагентов, констатировала, что все названные партии «одинаково признают» одним из «основных принципов и требований»: «замену самодержавного строя свободным демократическим режимом, на основе всеобщей подачи голосов»*.

Революционная и оппозиционная идеология, формулировавшаяся в значительной мере за пределами России, в эмиграции, взяла резко курс на Учредительное Собрание под влиянием тех событий внешних и внутренних, которые пришлось пережить России за время войны с Японией, после убийства Плеве¹²⁵ и подъёма общественного и народного движения.

Ещё в октябре четвертого года проф. Е. Трубецкой¹²⁶ говорил о тех условиях, при которых «нам нечего» будет «бояться ни внешнего, ни внутреннего врага», и славил при этом «престол, собравший вокруг себя землю». (См. «Право» — Ежедневная юридическая газета. — СПб. — № 39 за 1904 г.). Для подцензурной печати и это казалось необычайным. Е. Трубецкому вторили своими постановлениями некоторые земские собрания.

А всего только через месяц, в связи с собравшимся в Петербурге 6–9 ноября «частным совещанием земских деятелей», уже посыпались заявления, категорически требовавшие созыва Учредительного Собрания. Эти заявления, направлявшиеся к «частному совещанию», исходили, правда, от безвестного «собрания киевских общественных деятелей», «собрания в Москве», «слушательниц высших женских курсов» и т. д.** Самое же совещание 106 земцев, несмотря на свой частный характер, не рискнуло включить в свои пункты требование Учредительного Собрания. Мнение большинства — более радикального, чем меньшинство — по существу склонилось к идее Земского Собора. Знаменитый 11-ый пункт резолюции скромно «выражал надежду, что Верховная Власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал

* См. «Протокол конференции» и «Декларацию» в № 56 «Революц. России» от 5 декабря 1905 г. и в № 17 «Листка освобождения» от 2 дек. 1904.

** См. «Земский Съезд 6-го и сл. ноября 1904 г.» — Краткий Отчет. Париж. 1905. Приложение.

права и взаимодействия государственной власти и народа». (Там же, стр. 17 и след.).

Общественное возмущение зашло, однако, к тому времени гораздо дальше того, чтобы остановиться на этой мало определенной формуле, которую позднее, уже задним числом, пробовали интерпретировать, как выражение пожелания Учредительного Собрания. Политическая весна с её бурным половодьем прорывала все плотины и преграды и явочным порядком, вопреки цензурным и полицейским запретам, неудержимо внедряла в общественное сознание идею Учредительного Собрания. 22-го ноября 1904 г. впервые в легальной печати появляется сообщение о том, что в Петербурге на банкете представителей интеллигентных профессий в количестве 676 человек принято было требование «немедленного созыва Учредительного Собрания из представителей всего населения российского государства». С газетных столбцов, из полулегальных собраний и открытых банкетов, из отдельных кабинетов и ресторанов это требование перекачало на улицу. Все манифестации и демонстрации делают его своим.

Возникающее в первые дни 1905 года движение петроградских рабочих первоначально не выходит за пределы экономических требований. Только с развитием движения, в самом процессе стачечной борьбы, оно эволюционировало в сторону политики. Лишь 6-го января стоявший во главе движения священник Гапон¹²⁷ впервые присоединил к экономическим требованиям «пункты» политического характера: амнистию, отделение церкви от государства, всеобщее обучение и «самую главную просьбу» — Учредительное Собрание. В самой «петиции», с которой 9 января петербургские рабочие с их «женами, детьми и беспомощными старцами-родителями», в числе «больше 300 тысяч», пошли к Зимнему Дворцу, пункт об Учредительном Собрании был сформулирован следующим образом: «Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук... Не отталкивай же его (народа) помощь, прими его; повели немедленно сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий... Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов — это самая главная наша

просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны вечно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти».

9-го января был нанесен окончательный удар утопической мечте добиться созыва Учредительного Собрания путем всеподданнейшего ходатайства и полюбовного соглашения самодержавия с народоправством. И уже ночью того же красного воскресенья Гапон «разрешал» «солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить неповинную кровь», и приветствовал «начало народной борьбы за свободу». Революционное движение получило резкий и сильный толчок. После девятого января оно стало развиваться быстрее, шире и глубже. «Девятое января, — писал тогда же В. Г. Короленко¹²⁸, — поднялось над единообразием нашей «равнинной истории», над её буераками и оврагами, над холмиками «доверия» и извилинами бюрократической реакции, — как первый крупный излом нашего горизонта, за которым, быть может, в загадочном тумане уже рисуются другие — и выше, и обрывистее, и круче». («Русское Богатство» за 1905 г. № 1, стр. 167–168).

Движение развивалось под знаком Учредительного Собрания. Этот лозунг с каждым месяцем вербовал все новых сторонников, приобретая признаки требования всенародного, общенационального. Зову времени отдали дань все классы и профессии. Идея Учредительного Собрания, казалось, покорила все умы и вкусы. И отечественная литература, в качестве памятника 1905 года, сохранила такие мало изящные вирши, в которых писательское чутье взяло решительный верх над последними остатками художественной чуткости:

«Долой бесправие! Да здравствует свобода!

И Учредительный да здравствует Собор!»

— восклицал В. Г. Тан, примиря сторонников Земского Собора с защитниками Учредительного Собрания.

В условиях, переживавшихся Россией после девятого января, оставшийся нелегальным Союз Освобождения, естественно, не мог не прислушаться к единодушному голосу страны, все настойчивее требовавшему созыва Учредительного Собрания. В опубликованной впервые в № 69–70 «Освобождения» (от 20/7 мая 1905 г.) программе Союз Освобождения находил, что «тяжёлый, и внешний, и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять разрешение этого кризиса в

свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима». Союз, поэтому, требовал «немедленного созыва Учредительного Собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции». То же требование мы находим в изданном приблизительно тогда же «Основном Государственном Законе Российской Империи» с предисловиями, примечаниями и объяснительной запиской¹²⁹. В первом предисловии за подписью Петра Струве указывается, что текст Закона был установлен несколькими членами Союза Освобождения ещё «в октябре 1904 г., т. е. до январских событий». Под непосредственным влиянием январских событий в нем явился, может быть, лишь отдел XII — «О выработке и приведении в действие основного государственного закона». Здесь определенно и категорически признается «единственным и правильным путем к осуществлению программы... Созыв Учредительного Собрания, свободно избранного всенародным прямым, равным и тайным голосованием... Только в таком случае закон этот будет исходить из соответствующего его значению источника — из воли народа»*.

Притягательная сила идеи Учредительного Собрания оказалась настолько значительной, что она вызвала даже попытку взять патент на этот лозунг для монопольного его использования в партийных и классовых целях.

«Требование Учредительного Собрания, будучи некогда выставлено в письме Исполнительного Комитета Народной воли Александру III**, было первой из ныне действующих политических партий введено в свою программу партией русского пролетариата, в противовес, так легко прикрывавшей собой славянские мечтания, стереотипной формуле «Земского Собора». Так писал социал-демократ Л. Мартов в «Искре» (№ 79 от 1 дек. 1904 г.). Ему вторил Ф. Дан¹³⁰, в той же «Искре» (№ 86 от 3 февраля 1905 г.), утверждавший, что «Социал-демократия одна несла его (лозунг Всенародного Учредительного Собрания) рабочему классу, и, не руководя петербургским движением организационно, она в значительной степени руководила им

* См. «Основной государственный закон Российской Империи». Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения». Париж. 1905. Стр. 33–34 и VII.

** Неточность этого утверждения была отмечена в предыдущей главе.

политически»*. Когда же автор цитируемых строк попытался генеалогически установить преемственную верность социал-демократии идее Учредительного Собрания, ему не оставалось упомянуть ни о чем другом, кроме «Социал-демократа», выходявшего в Женеве в 1890 и 1892 гг. А там, в этом «трехмесячном литературно-политическом обозрении», в статье по поводу голода, написанной Плехановым, нельзя было, увы, найти ничего иного, кроме противоречивого *сочетания* «стереотипной» славянофильской формулы с требованием, якобы впервые введенным «партией русского пролетариата». «Все... честные русские люди..., — читаем мы в этой статье, — должны немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т. е. положить *основы нового общественного порядка в России*» (курсив подлинника: «Социал-Демократ». — *La Démocratie-Socialiste*. — 1892 г. Книга четвертая. Стр. 101).

Если одни вместе с ростом движения пытались монополизировать притягательный для масс лозунг Учредительного Собрания, то другие, едва успев принять этот лозунг, вместе с встрясками и колебаниями, испытываемыми движением, стали колебаться и в правильности только что принятого ими решения. Неустойчивость обнаруживалась не только в моменты неудач и поражений. Она проявлялась и в моменты крайнего напряжения и подъема движения, особенно ярко сказываясь в периоды достижения каких-либо видимых, хотя бы ничтожных или призрачных результатов. Именно тогда резко падала кривая политических устремлений средних, колеблющихся и малоустойчивых, групп и элементов.

Начиная с указа 12 декабря 1904 г., продолжая рескриптом на имя Булыгина 18 февраля 1905 года¹³¹, приёмом земской депутации 6 июня и кончая учреждением Государственной Думы 6 августа, — каждая из этих дат служила новым поводом к тому, чтобы либерально-конституционные круги на столбцах даже таких испытанных органов, как «Русские Ведомости», «Право», даже радикальный «Сын Отечества», — провозглашали наступление «новой эры», «поворотного дня», «новой грани в нашей истории» и т. п. Стоило, однако, пройти всего нескольким неделям вслед за «новой эрой», и те, кто провозглашали её

* См. «Искра» — Центр. Орган Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. — «За два года». Изд. С. Салтыкова. Стр. 202 и 266.

наступление, сами убеждались, что все осталось по-старому. И опять их политические устремления становились более решительными, их оппозиция более яркой и последовательной впредь до следующей «новой эры».

Такая двойственность создала возможность двоякого рода толкования политической идеологии «освободительного» или земско-городского течения, оформившегося в процессе движения 1905 года в самостоятельную политическую партию — конституционно-демократическую, или партию народной свободы.

В июле 1905 г. в «Русских Ведомостях» был опубликован «проект основного закона Российской Империи», выработанный комиссией бюро общеземских съездов¹³². Этот проект отличался от упомянутого выше «Основного государственного закона», спроектированного группой членов Союза Освобождения, тем, что он не обладал «законченностью» последнего, а «как бы следуя установившейся у нас законодательной практике, вливает новое содержание в старые формы, служа дополнением, изменением и отменой существующих законов». (См. редакционную заметку «Русских Ведомостей» № 180). Перепечатывая этот проект за границей, редактор «Освобождения» предпослал ему предисловие, в котором называет проект «политической программой общеземских съездов». Предисловие датировано — «Сентябрь 1905 г.*». Ни одним словом, ни в каком сочетании эта политическая программа об Учредительном Собрании не упоминает.

А через месяц учредительный съезд партии на своем полулегальном заседании 14 октября 1905 г. в Москве, во время всероссийской стачки, объявлял «требования забастовщиков» и среди них — «свободное избрание народных представителей в Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» *общими* с требованиями конституционно-демократической партии¹³³. Заявляя «свою полную солидарность с забастовочным движением», к-д. партия в эти дни видела «вопрос уже не в том, согласятся ли ввести политическую свободу сверху. Вопрос только в том, осуществится ли свобода путем насильствен-

* См. «Материалы по выработке русской конституции. Выпуск третий. Проект основного закона Российской Империи». Выработ. Комиссией бюро общеземских съездов. Издание ред. «Освобождение». Париж. 1905 года.

ным или мирным: путем стихийного взрыва или организованного действия народной силы».

Пятый пункт постановлений, принятых съездом партии на другой день после издания манифеста 17 октября, считал, что «Государственная Дума не может быть признана правильным народным представительством, и задачей конституционно-демократической партии, поэтому, остается достижение поставленной раньше цели — Учредительного Собрания, на основе всеобщего и равного избирательного права, с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания».

Соответственно с этим и депутация, так называемого, «Организационного бюро съездов земских и городских деятелей», в лице Ф. А. Головина¹³⁴, Ф. Ф. Кокошкина и кн. Г. Е. Львова¹³⁵, в беседе с графом Витте, состоявшейся 21 октября, определенно заявила: «Единственный выход из настоящего положения — созыв Учредительного Собрания для выработки основного закона». И В. Д. Набоков¹³⁶ — один из видных участников и земско-городских съездов, и конституционно-демократической партии — мог в то время с бесспорным основанием сказать, что «созыв Учредительного Собрания является непосредственной и ближайшей задачей деятельности партии» («Право», № 41 от 25 окт. 1905 г.).

А всего через каких-нибудь две недели новый съезд земских и городских деятелей, собравшийся почти в том же составе и под руководством тех же политических лидеров, поименным голосованием, большинством 137 голосов против 80 столь же определенно *отверг* предложение включить в резолюцию требование о «созыве Учредительного Собрания».

Участники ноябрьского съезда впоследствии распределились между партиями «мирного обновления», «союза 17-го октября», демократического союза конституционалистов» и т. д. Все правые члены съезда — братья Гучковы¹³⁷, гр. Гейден¹³⁸, кн. Волконский, Стахович и др., естественно, голосовали против включения в резолюцию требования Учредительного Собрания. Но в этом голосовании солидарными с ними оказались и многие члены съезда, принадлежавшие к конст.-демократической партии и входившие в руководившее съездом Бюро. От имени последнего П. Н. Милюков внес и защищал резолюцию, которая и была принята большинством голосов: 204 против 23. Резолюция требовала от правительства «немедленного издания

акта о возможно скорейшем созыве народных представителей всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосов и о формальной передаче первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения Государя, конституции Российской Империи, для переустройства на демократических началах земского и городского самоуправления и для проведения иных мер, необходимых при установлении нового правопорядка»*.

С созывом Государственной Думы¹³⁹, в процессе её борьбы за существование и расширение своих прав, — первая часть этой формулы, вместе со «всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосов», отпала; осталась лишь вторая — *«передача первому собранию народных представителей учредительных функций»* и т. д. Таким образом, видоизмененной формуле в течение революционного периода — конца 1905 и первой половины 1906 гг., суждено было играть роль неофициального выражения программно-тактических взглядов к.-д. партии. Официальная же программа партии, прокламируя в 57 статьях-тезисах основные права граждан и принципы государственного устройства, финансовой и экономической политики и т. д., ни словом не упоминает ни об Учредительном Собрании, ни о передаче учредительных функций первому собранию народных представителей, ни о каком бы то ни было ином пути или методе воплощения в жизнь провозглашаемых партией начал.

Формула о передаче первому народному представительству учредительных функций внесла немало смуты в политическое самосознание русской общественности. По внутреннему своему смыслу она исходила, по существу, из той же точки зрения, с которой кн. Григорий Волконский, ещё в начале 1903 г., излагал свой «Взгляд на современное положение в России». По мнению кн. Волконского, «план русской конституции может быть успешно выработан только Учредительным Собранием, а это законодательное собрание может, в свою очередь, появиться лишь с соизволения Государя Императора, как результат совместной работы Земского Собора и правительства, после того, как этот Собор высказался бы за переход к конституционной монархии»**.

* См. Отчет о съезде в «Правде». № 45–46, ст. 3703.

** Кн. Григорий Волконский: «Взгляд на современное положение в России». Штутгарт. 1903. Стр. 6.

В передаче учредительных функций законодательному собранию одни склонны были видеть отрицание Учредительного Собрания или, во всяком случае, нечто весьма отличное от последнего. «Учредительные функции Думы — это вовсе не равнозначуще Учредительному Собранию», заявил проф. Е. Трубецкой на съезде в ноябре (См. «Право» № 44, ст. 3625). Другие хотели видеть «в учредительных функциях» лишь менее «отвлеченную и доктринерскую» постановку вопроса об Учредительном Собрании, — как выразился П. Н. Миллюков*. «Если члены к.-д. партии вотировали против Учредительного Собрания, то в этом следует усматривать несогласие с названием, а не с сущностью его», — авторитетно разъяснял автор передовой статьи в «Правде» № 45–46. «По существу не предъявляется возражений против Учредительного Собрания, желательно лишь изменить название, в виду того специального характера, который придастся этому понятию партиями социал-демократов и социалистов-революционеров». (Там же, стр. 3662).

Условность толкования новой формулы подчеркивалась зависимостью от того, кто, когда и пред кем её интерпретировал. Так П. Н. Миллюков, обращаясь к общественному мнению не России, а Западной Европы в письме в «Correspondance Russe» писал тогда же: «Я говорил графу Витте, что при современном состоянии кризиса — величайший риск вести Россию к нормальному положению путем тройных выборов: в неправильную Думу, которая составит правильный избирательный закон, потом — в Учредительное Собрание, собранное на основании этого закона, и, наконец, уже — в нормальное законодательное собрание на основании хартии, какую даст Учредительное Собрание. Я говорил, что путь этот слишком длинен, чреват боковыми толчками и катастрофами... и что, при недоверии общества к октроированной хартии, всего лучше сократить путь прямым созывом Учредительного Собрания, как и требует того русское общество»**.

* См.: П. Н. Миллюков Год Борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 123.

** «Год Борьбы», стр. 183–184.

Пятнадцать лет спустя, возвращаясь уже в воспоминаниях к событиям 1905 г., П. Н. Миллюков несколько иначе расценивал «отвлеченную и доктринерскую» постановку об Учредительном Собрании. — Миллюков отмечает, что «разграничительная грань между властью и обществом проходила не на идее Учредительного Собрания, а на самом понятии конституции». Приглашенный

Новой политической формуле было придано и новое обоснование.

Учредительное Собрание, согласно этому взгляду, оказывалось компетентным лишь для выработки конституции и только её одной. Между тем разрешение и других, формально неконституционных, вопросов также не терпит отлагательства. Заниматься текущей законодательной работой, выходящей за пределы выработки основных законов, — Учредительное Собрание не призвано. Ожидать созыва после Учредительного нового законодательного собрания — не позволяет время. Выход из положения — возможность совмещения функций Учредительного Собрания с обычными законодательными функциями — дает законодательное собрание, наделенное учредительными функциями.

В помощь такой конструкции была призвана история. И проф. В. М. Гессен наметил два исторических типа Учредительных Собраний в зависимости от *способа их возникновения*. Одни Учредительные Собрания создаются в результате торжества революции и

к Витте не в качестве официального представителя Бюро земств и городов или к-д-ской партии, а «в качестве частного лица, совета которого просил высший представитель власти», Милюков начал с указания, что «положение слишком сложно, чтобы применять теоретически правильные советы во всей чистоте». Поэтому лидер к-д. подал совет идти к конституции не чрез Учредительное Собрание, а «кратчайшей дорогой»: составить в спешном порядке «деловой кабинет из приличных людей», произнести самое слово «конституция» и октроировать её в том или ином — бельгийском или болгарском — варианте (см. «Три попытки». — К истории русского лже-конституционализма. Париж. 1921. Стр. 12–13 и 23–25).

Такое толкование встречает возражения, делаемые из того же исторического далека былыми единомышленниками Милюкова. Так В. А. Маклаков, всегда находившийся на крайнем правом фланге партии к-д., а ныне сделавший свою специальность из разоблачения её былых грехов и вин, в своих воспоминаниях о прошлом издевается над «la grande pensée du règne» — созывом Учредительного Собрания по четыреххвостке (См. журнал «Современные Записки» № 41. Париж. 1930. Стр. 271–272).

Издевка эта даже не столько над Учредительным Собранием, сколько над «четырёххвосткой», к которой, оказывается, Маклаков никогда не скрывал своего скептического отношения, весьма, конечно, характерна для политического облика к-д-ского Златоуста. Вместе с тем необходимо, однако, признать, что к концу 1905 года левая общественность, действительно, уже не верила в реальность и, потому, не довольствовалась требованием октроированной конституции, а настаивала на созыве Учредительного Собрания, тогда как власть не решалась даже произнести самое слово «конституция».

наделены суверенитетом. Другие созываются иногда, правда, ущербленной в своем престиже, но все же существующей верховной властью, и потому суверенитетом не пользуются; во всяком случае, — не пользуются им безраздельно. Созыв таких Учредительных Собраний предусмотрен почти всеми конституциями в тех случаях, когда возникает вопрос об изменении конституции.

Искусственность этой теории, приспособленной к практическим нуждам времени и места, России 1905 года, была в глаза. Учредительное Собрание, не обладающее суверенитетом, конечно, не есть Учредительное Собрание, начинающее собой новый правовой ряд. И Учредительные собрания далеко не всегда возникают в результате непременно революционного развития событий, как на это указывалось выше, в первой главе. Западно-европейская практика знает примеры Учредительных собраний с заранее точно очерченной компетенцией. Но она знает также, что обыкновенно такие Учредительные Собрания не удерживались в пределах тех вопросов, для разрешения которых они были созваны. Как правило, они выходили далеко за эти пределы.

Произвольно ограничивая и суживая компетенцию Учредительного Собрания, новая точка зрения столь же произвольно расширяла до беспредельности полномочия законодательного собрания с учредительными функциями. Пределы полномочий были намечены просто: путем арифметического сложения функций учредительных с функциями нормального законодательства. Полученная сумма была присвоена *ad hoc* придуманному учреждению. Так создавалась новая конструкция взамен обычного и до того пользовавшегося общим признанием различия учредительного и законодательного собраний не столько по способу их возникновения, сколько по содержанию и объему их полномочий или функций. Учредительное Собрание, осуществляющее функции *чрезвычайного* законодательства, т. е. полномочия юридически более высокого порядка или более широкого объема, естественно, включало в себя, как элемент или проявление, и функции нормального законодательства. И ни для какого противопоставления Учредительного Собрания собранию законодательному, наделенному учредительными функциями, при таком понимании не оставалось места.

Новое обоснование создалось под явным давлением политических соображений, служило оправданием определенного тактического плана.

Не взирая на официальное заявление о том, что вопрос, «согласятся ли ввести политическую свободу сверху», уже не существует, этот вопрос больше других тревожил политическую совесть руководителей партии к.-д. Ответственные лидеры её не расставались с мечтой о «реформе» сверху взамен «ниспровержения» снизу. Отсюда их готовность подчинить решения Учредительного Собрания «утверждению Государя»; отсюда — ограничение компетенции Учредительного Собрания «составлением основного закона» взамен «полноты власти», которую могла бы не «требовать», а «взять», победоносная революция; отсюда — заявление, что «истолкование термина «Учредительного Собрания» в смысле «республиканских» стремлений только что народившейся партии народной свободы» равносильно «клеветнической деятельности»; отсюда, наконец, — подчеркнутое отмежевание от того смысла, который придавался требованию Учредительного Собрания революционными партиями*.

Соблазнившая партию к.-д. мечта не оставляла её, несмотря на все уроки жизни. Ни упорная неуступчивость власти, ни неожиданно блестящая победа партии на выборах в первую Государственную Думу не побудили её отступить от первоначальной тактики. На партийных совещаниях, на публичных собраниях и лекциях, в печати и изустно В. М. Гессен, П. Н. Милюков, П. Б. Струве и другие доказывали предпочтительность формулы «законодательное собрание с учредительными функциями» с точки зрения государственно-правовой, исторической и реально-политической¹⁴⁰.

Самый манифест 17-го октября пробовали истолковать в смысле признания начала народного представительства с учредительными функциями¹⁴¹. «В манифесте 17 октября дальнейшее развитие главного коренного общественного пожелания — «общего избирательного права» — было представлено уже не рассмотрению верховной власти, а суждению Думы. На языке государственного права это значило, что Дума получала «учредительные» функции. Функции эти были ещё расширены прямым признанием правительства, что Думе же принадлежит и окончательное издание законов о «свободах», вместо публикуемых ныне «временных правил». (Там же, стр. 273).

* См. очень выразительные в этом отношении строки у П. Н. Милюкова: «Год Борьбы». Стр. 154–155 и 273–274.

Искусственная тенденциозность такого толкования, принадлежавшего Милюкову, становится особенно рельефной, если вспомнить, что предшествовавшим семнадцатому октября манифестом 6 августа Государственная Дума учреждалась, как «особое законосовещательное установление». 17-го октября Дума была преобразована в установление законодательного характера. И только. Перемена была значительная. Но никаких специальных учредительных функций Думе не было придано. И этого нельзя было прочесть ни «на языке государственного права», ни в тексте манифеста.

Так могуча и неистребима была вера в «учредительные функции» Думы у авторов и апологетов этих функций, что её не поколебали даже акты 20 февраля 1906 г., односторонней волей верховной власти декретировавшие сверху «Учреждение Государственной Думы» и, рядом с ним — «Учреждение Государственного Совета». «Мы указывали уже в нашей газете, — писал П. Н. Милюков в «Речи» в последних числах марта 1906 г., — что даже и законы 20 февраля оставляют полную возможность «реформы», так как не относят подлежащие изменению основы нашего конституционного устройства к неизменяемым «основным законам». До тех пор, пока дело остается в таком положении, — созданном всеми предыдущими актами, — путь «реформы» остается открытым и практика «учредительных функций» Думы ничем и никому грозить не могут... В перечне пунктов, которые должны составить содержание будущей конституции, ни учреждение Думы и Совета, ни избирательный закон, ни законы о свободах не введены. Таким образом, остается надежда, что «учредительные функции» Думы не встретят препятствия в прямом запрещении закона» (Там же, стр. 274–275).

Наконец, и после 23 апреля, когда с изданием «Основных Государственных Законов», забронировавших и Учреждения Думы и Совета, и избирательный закон от каких бы то ни было «учредительных» поползновений с чьей бы то ни было стороны, кроме верховной власти, когда «практика учредительных функций» Думы отпала прежде всего потому, что была распущена самая Дума, — и тогда надежды на то, что путь «реформы» все-таки не окончательно закрыт, не покинули тех, кто «в постановке вопроса об Учредительном Собрании русской интеллигенции» видел лишь много «отвлеченного и доктринерского».

Помимо указанных главных политических партий и программ, существовали и другие. Почти все они датируются 1906 г., когда впервые открылась возможность легального существования партий. Некоторые из них включили в свои программы требование Учредительного Собрания. Так, «радикальная партия» считала «своей ближайшей задачей немедленный созыв Учредительного Собрания на основах всеобщего для всех граждан и гражданок равного, прямого и тайного голосования»*. То же требование, в несколько иной редакции: «созыв Учредительного Собрания, основанного на всеобщей, прямой, равной и тайной подаче голосов всех граждан, достигших 25 лет, без различия национальности и вероисповедания», — заявила и партия свободомыслящих (Там же, стр. 33).

Наконец, летом того же 1906 года выработан был проект программы народно-социалистической партии под лозунгом: «Все для народа и все через народ». Свой съезд партия собрала впервые только в июне 1917 г. Но уже в 1906 году образовался «Организационный комитет» партии. «Главное назначение проектируемой народно-социалистической партии, — писал тогда же один из её основателей и идеологов, — заполнить пробел, неизбежно оставляемый деятельностью существующих социалистических партий», закрытых в силу своей конспиративности для широких масс**. «Открытая и демократически настроенная» народно-социалистическая партия стремилась «собрать» и «включить в рамки» своей легальной организации эти массы, поскольку они не умещались в пределах остававшейся нелегальной партии социалистов-революционеров, из рядов которой вышли первоначальные основатели, идеологи и лидеры новой партии. Программа народно-социалистической партии возлагала свои надежды «не на диктатуру какого-либо одного класса, а на силы и волю всего народа»; она видела «перед собою только одну цель — народное благо, и знала к ней только один путь — через народную волю». «Исходя из основного своего положения, что судьба народа должна быть устраиваема самим народом», народно-социалистическая программа обещала добиваться созыва Учредительного Собрания, которое об-

* См. «Полный Сборник Платформ всех русских политических партий». Изд. 2-е. 1906. Стр. 31.

** См. «Народно-Социалистические Обозрения». Выпуск первый. 1906 г. СПб. Стр. 6. Ст. В. Мякотина: «О народно-социалистической партии».

ладало бы «всей полнотой власти для устройства политической и социальной жизни страны»*.

Организованный Комитет народно-социалистической партии воздержался от включения в свою программу пункта с требованием демократической республики. Формально «за установление в России демократической республики» н.-с. партия высказалась впервые лишь в марте 1917 года**. Такое воздержание от обычного для социалистических и революционных программ требования вызывалось не неверностью демократическим началам, а уклонением от революционного принципа. Оно объяснялось соображениями тактическими: желанием во что бы то ни стало удержаться на поверхности жизни, быть легальной, не уходить в подполье. Если не считать отмеченного уклона, о народно-социалистической программе можно с полным правом сказать, что идеологически она полнее всех других политических партий и программ насыщена началами народоправства и народовластия.

Этим программам практически не суждено было стать достоянием не только широких слоев народа, но и более ограниченных кругов русского образованного общества. Народно-социалистическую программу разделял лишь более или менее узкий кружок профессиональных литераторов и ученых, группировавшихся вокруг журнала «Русское Богатство». О программах партий радикальной и свободомыслящих нельзя сказать и этого. На политической арене, открытой или подпольной, литературной или какой-либо иной, представителей этих партий не было ни слышно, ни видно. Только в анналах 1906 года можно найти самые названия этих партий.

В революционном и оппозиционном движении начала XX-го века содержание и развитие политического самосознания России, по преимуществу, определялись идеологией партий с.-д., с.-р. и к.-д.

На исходе первой фазы русской революции, в 1905–1906 гг., социал-демократия политическое ударение ставила в своей программе не на

* См. «Программа трудовой (народно-социалистической) партии (подлежащая утверждению учредительного съезда партии). Стр. 4, 5 и 14. Слияние Трудовой Группы и Народно-Социалистической партии в общую трудовую Народно-Социалистическую Партию состоялось 21 июля 1917 г. — см. «Спутник избирателя в Учредительное Собрание». Петроград. 1917. Стр. 36 и след.

** См. «Бюллетень Московского Комитета Народно-Социалистической (трудовой) партии». № 1. М. 1917 г. Стр. 11. Примечание.

«демократию», а на то, что ею подразумевалось под частицей «*социал*». Социалисты-революционеры, оставаясь в принципе социалистами и народниками-демократами, свою ударную силу сосредоточили, прежде всего, на *революции*, в расчете через неё придти и к демократии, и к социализму*. Наконец, конституционно-демократическая партия на протяжении всего этого периода сохранила два варианта, аспекта или лика своей идеологии: более ярко выраженный лик конституционный, доверчиво устремленный в сторону единения с монархом, путем реформы сверху; и другой — менее решительный, временами почти конфузливый лик демократический — в сторону единения с народом, и признания начал последовательного народоправства. Это признание, впрочем, все-таки не доходило до того, чтобы открыто и официально включить в свою программу требование Учредительного Собрания.

Политическая действительность российского абсолютизма была полярно противоположна и стихийно враждебна началам народоправства и народовластия. Казалось, только пылкие мечтатели, неисправимые идеалисты и оптимисты, при всяких условиях взыскующие нового града, могли думать и говорить об Учредительном Собрании, как воплощении последовательного демократизма, в годы беспросветной реакции XIX и XX веков. Реальным политикам, трезвым и искусственным, Учредительное Собрание рисовалось настолько отдаленным идеалом, осуществимым, быть может, только в весьма неопределенном историческом будущем, — что идеал этот легко было принять и выдать за идола, которому поклоняется и молится, принося свои жертвенные гекатомбы, свобододолюбивая, но беспочвенная и доктринерская русская интеллигенция.

Пока Учредительное Собрание оставалось в мире идей, мечтой, которой жили и за которую умирали поколения русских народолоб-

* После роспуска первой Государственной Думы Центральный Комитет российской социал-демократии (в неё входили тогда и большевики, и меньшевики) выдвинул лозунг: «Возобновление сессии Думы для созыва Учредительного Собрания», замененный вскоре другим — «Борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного Собрания!». 21 июля 1906 г. межпартийное собрание левых партий, с участием представителей Р. С. Д. Р. П., П. С. Р., Бунда и Исполнительного Комитета Трудовой группы и социал-демократической фракции Государственной Думы, в воззвании «Ко всему народу» выдвинуло лозунг: «Не безвластная Дума, а полномочное Учредительное Собрание».

цев, борцов за право и права народа, оно не получило ни достаточно полного и последовательного обоснования, ни даже всеобщего и бесспорного признания. Политическое самосознание оставалось ещё далеким от того, чтобы признать Учредительное Собрание ценностью безусловной и абсолютной, самой себе доверяющей, независимой ни от каких преходящих обстоятельств и соображений партийной стратегии или тактики.

Чтобы могло родиться и окрепнуть такое сознание, мало было поражения революции 1905–1906 г. Недостаточной, увы, оказалась и победа революции в марте 1917 г.

IV. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Из мира идей в мир вещей. — Универсальная клятва верности Учредительному Собранию. — Непредрешимость воли будущего хозяина русской земли. — Затяжной характер власти Временного правительства и срок выборов в Учредительное Собрание. — Кто виноват? — Объективные причины отсрочек и запоздания. — Повышенные требования и организационно-технические трудности. — Срок выборов, как пункт партийно-политической борьбы. — Особое Совещание по изготовлению закона о выборах в У.С. — Отношение к нему и к его задачам со стороны русской общественности. — Основные начала наиболее демократического избирательного закона в мире. — «Мертворожденный» закон в лимитрофных странах. — Русский прецедент и западноевропейская практика после войны. — Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание. — Всероссийская Комиссия по выборам. — «Обеспечение созыва в срок Всероссийского Учредительного Собрания», как один из лозунгов большевистского переворота. — Легкость переворота и расчет на большинство в У.С. — Цифровые итоги. — Победа оппозиции и перемена позиции. — Советы, как единственно возможная форма диктатуры пролетариата.

1

Февральская революция 1917 г. в своем очистительном вихре сразу перенесла требование Учредительного Собрания из сфер отвлеченных и спорных вопросов на твердую почву реальности. Из мира чистых идей Учредительное Собрание перешло в мир осязаемых вещей. То, о чем раньше лишь мечтали, что было лишь предметом программно-тактической дискуссии и целью борьбы, сразу стало на очередь дня, как факт непререкаемый¹⁴².

С победой революции необходимость Учредительного Собрания стала всеобщей самоочевидностью. Учредительное Собрание победило все сомнения и предрассудки, не встречая ни с чьей стороны возражений. Оно стало общепризнанным, наиболее близким и дорогим для всех слоев и классов, партий и групп народа. В преданности и верности Учредительному Собранию стали соревновать даже недавние и самые ожесточенные его враги.

Пункт о «немедленной подготовке к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны», вошел в число тех восьми «Обязательств», которые приняло на себя Временное революционное правительство, составившееся по соглашению двух самочинно возникших в революционные часы учреждений — Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы и Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это обязательство было оглашено в первом же «Обращении к народу» 2-го марта, за подписью председателя IV-ой Государственной Думы Родзянко, председателя совета министров кн. Львова и членов правительства. Пункт об Учредительном Собрании неизменно фигурировал во всех декларациях и программах, с которыми обращались к народу и общественному мнению сменявшиеся с марта по октябрь 17 года правительства.

К будущему Учредительному Собранию апеллировал 3-го марта и вел. князь Михаил Александрович, отказавшись воспринять «наследие» — верховную власть — от брата своего Николая II. «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял» великий князь «твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского». Одновременно М. А. Романов обращался с «просьбой» ко «всем гражданам державы российской подчиниться Временному Правительству, по почину государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»¹⁴³.

Министры всех составов — социалисты, к.-д., октябристы и иные, при вступлении в должность, присягая на верность службы народу Державы Российской, подкрепляли свою присягу верности клятвой: «Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного Собрания, передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами Правительства временно осуществ-

вляемую, и преклониться пред выраженной сим собранием народной волей об образе правления и основных законах российского государства».

Армия присягала на верность Временному правительству до выполнения им взятого на себя обещания созвать Учредительное Собрание в возможно кратчайший срок. Бесчисленные съезды различного рода организаций профессиональных, национальных, общественных и иных составляли постановления с выражением преданности революции, Временному правительству и «будущему хозяину земли русской» — Учредительному Собранию. Официальные органы православной церкви, размышляя о судьбах православия в обновленной России, высказывали убеждение, что «Учредительному Собранию предстоит лишь закрепить в основных законах те начала, которые с логической последовательностью вытекают из нового порядка вещей... Учредительному Собранию предстоит провести у нас с логической последовательностью свободу совести и культов» («Всероссийский Церковно-Общественный Вестник». Под редакцией петроградской Духовной Академии. № 6. Апрель 1917).

Отдельные слои и группы населения опасались только одного: как бы они не оказались обойденными в праве принять участие в решении стоявших перед миром, Россией и ими, этими отдельными группами и слоями, проблем, как бы их мнение и интересы оказались не представлены в будущем Учредительном Собрании. Не только «русские солдаты и матросы, сражающиеся на полях Франции и в горах Македонии», просят Временное Правительство их «не забыть» и «дать право участвовать в решениях Учредительного Собрания путем выбора нашего депутата». О том же ходатайствуют и специальные делегации от отдельных частей действующей армии на русском фронте. Того же домогаются и делегации от женских организаций, от жителей малонаселенных окраин, от многочисленных разнородных, разноречивых и разноисповедных групп, составляющих в своей совокупности Россию.

В иной политической атмосфере, нежели та, в которой протекала русская революция в марте 1917 г., может быть, такие ходатайства и не возникли бы. В единственно данной истории обстановке начала 17 года эти ходатайства неизменно встречали единодушное сочувствие со стороны всех слоев общества и всего состава Временного правительства.

Столицы и провинция, фронт и тыл, церковь и чиновничество, национальности и профессии, мужчины и женщины, правые, левые, умеренные, все приняли Учредительное Собрание с единодушием и энтузиазмом. Но одни приняли Учредительное Собрание, как *путь*, единственно возможный и оставшийся, к восстановлению прорыва в праве и государственной жизни, который внесла революция: «Созыва Учредительного Собрания должны желать партии, стремящиеся к восстановлению порядка, неизмеримо больше, — писал в «Новом Времени» № 14702 проф. Ал. Пиленко, — чем те партии, которым выгоден беспорядок». Другие видели в Учредительном Собрании не только путь, но и *метод* установления нового правопорядка. Будучи способом построения нового правового ряда и государственности, Учредительное Собрание и само по себе было определенной правовой и государственной *формой* воплощения народоправства и народовластия. Оно в известном смысле уже предreshало, если не форму правления будущей России, то её политические основы. Ибо, как общее правило, можно считать установленным, что Учредительные Собрания никогда не ухудшают, в смысле демократизма, того избирательного закона, на основании которого они созываются. Обычно они его санкционируют, внося только некоторые поправки и усовершенствования.

Такая перспектива, конечно, уже противоречила политическим устремлениям правых. Пуришкевич¹⁴⁴ мог объезжать полки и призывать офицеров и солдат к повиновению Временному правительству, «как единственной власти, существующей в настоящее время в стране до созыва Учредительного Собрания» («Солдатское Слово» № 1 от 4 марта 1917 г. — Листок для войск и народа издается по распоряжению Военной Комиссии). Но он не желал, конечно, чтобы ненавистная «четырёххвостка» легла в основу государственного устройства России навсегда.

Именно те — правые и умеренные — которые считали Временное правительство «единственной существующей властью», которые, видя в нем единственный устой разбившейся русской государственности, облакали его «всей полнотой власти», не только правительственной, но и законодательной и верховной, те самые непоследовательно и противоречиво доказывали, что даже временные и условные решения правительства предreshают волю будущего Учредительного Собрания и являются узурпацией его прав, ограничением его свободного волеизъявления.

Так было при обострении в ходе революции вопросов национального, социального, политического. Предрешением воли грядущего Учредительного Собрания аргументировали те из членов Временного правительства, которые покинули его ряды 2-го июля: заключенный с Украиной «международно-правовой» договор, говорили министры-кадеты, сковывает свободу решений и ограничивает полномочия Учредительного Собрания. Несогласием «поставить Учредительное Собрание перед фактом уже разрешенного вопроса» о земле мотивировал свой уход из правительства первый министр — председатель Временного правительства кн. Львов. Тем же нежеланием, чтобы Учредительное Собрание очутилось пред разрешенным фактически вопросом о земле, диктовался и законопроект о временной приостановке и запрещении частных сделок на землю, который вызвал уход кн. Львова. Подобные ссылки и упреки повторялись и позднее, в частности — когда правительство Керенского, после выступления генер. Корнилова¹⁴⁵, провозгласило Россию республикой*.

Отсюда и тенденция заранее ограничить компетенцию и полномочия будущего Учредительного Собрания установлением только формы, или образа правления и конституции страны. Генетически связанная с представлением об Учредительном Собрании, защищавшимся некоторыми идеологами к.-д.-ской партии в 1905 г., тенденция эта получила официальное выражение в формулировке «обязательств» и в тексте «присяги», которую приносили члены Временного правительства. Выработанная к.-д.-скими юристами и политиками, присяга обещала «преклониться пред выраженной сим (Учредитель-

* И в 1924 г., уже в эмиграции, воспроизводились те же никчемные укоры по поводу того, что «3 сентября 1917 г., совершив величайшее надругательство над идеей Учредительного Собрания, узурпировав основные его права, А. Ф. Керенский со своими 10–12 товарищами провозгласил Россию республикой» (см., например, ст. А. И. Изгоева в издававшейся в Берлине газете «Руль» № 1013).

Рядом с этим любопытно сопоставить мнение иностранца, сумевшего у себя в Чехословакии провести успешно национальную революцию. Э. Бенеш пишет о русских социалистах: «Радикальные в своих лозунгах, они оставались рабами, так называемой, народной воли... Они не решались провозгласить республику, пока их не заставили, не решались издать земельный закон без Учредительного Собрания, не решались ввести смертную казнь в армии или ограничить свободу соответственно требованиям исключительной обстановки. Они явились жертвами демократической теории» («Prager presse» от 2 октября 1927).

ным) Собранием народной волей об образе правления и основных законах российского государства».

Создавалось трагическое и безвыходное положение. Временное правительство наделено было всей полнотой власти: «Власть Временного правительства, если хотите, власть выше самодержавной, — говорил на к.-д-ской конференции входивший в состав правительства Н. В. Некрасов¹⁴⁶, — выше той власти, которой обладал царь и Государственная Дума, в отдельности, потому что эта власть — в полном объеме законодательная и исполнительная». И столь неограниченная власть, оказывается, не должна была никак проявлять своих полномочий, не рискуя вызвать обвинение в покушении на присвоение высшей и единственно правомерной власти грядущего Учредительного Собрания. Прерыв и прорыв в праве и государственности от того, конечно, не затягивались, а наоборот, лишь растягивались во времени в пространстве.

Практика русской революции была не той, какой она была в повстанных революциях Германии, Австрии, Чехословакии, Польши и т. д. Неудача русской практики, заминка с выработкой закона о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание и с самими выборами, как и слишком, может быть, щепетильное отношение к самому порядку не только выборов, но и к порядку выработки закона о выборах, вероятно и послужили некоторым уроком и предостережением для западноевропейской практики. Там правительства действовали смелее, и их решимость не вызывала ни в них самих, ни у их друзей или врагов сомнений в узурпации власти или предрешении воли будущего Учредительного Собрания. Там правительство, возникшее в порядке революции, брало на себя смелость провозглашать временную форму правления и, в порядке неотложной спешности, декретировать систему выборов.

28 октября 1918 г. Национальный Комитет в Праге захватил власть, а Национальный Совет в Париже провозгласил чешскую независимость. А уже 13 ноября, т. е. 16 дней спустя, Национальный Комитет развернулся в Национальное Собрание. — 9-го ноября 1918 г. произошла революция в Германии. 30 ноября «Совет Народных Уполномоченных» уже утвердил закон о выборах в Национальное Учредительное Собрание, 19 января произведены были самые выборы, а 6 февраля 1919 г. открылось и Собрание: 11 февраля Учредительное Собрание избрало Эберта¹⁴⁷ президентом республики, поручившим

Шейдеману¹⁴⁸ образовать первый пореволюционный регулярный кабинет. Между низвержением старого монархического режима и правовым закреплением нового, республиканского прошло всего три месяца. — И в Польше Временное правительство Дашинского провозгласило в Люблине независимость польского государства 9 ноября 1918 г.; меньше чем через 2 недели, 22 ноября, опубликована была временная конституция, а уже 9 февраля открылся «Уставодачный сейм», избранный на основе «пятихвостки», т. е. всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с применением пропорционального представительства. — И в Австрии республика была провозглашена 12 ноября, а Учредительное Собрание выбрано 16 февраля 1919 г. и т. д. Переходные периоды и власть Временных правительств, как правило, не нарушенное и испанской революцией 1931 г., — крах режима 14 апреля, выборы в Учредительные Кортесы 28 июня и самые Кортесы 14 июля, — длятся в среднем *три месяца*.

Конечно, существенную роль здесь играет превосходство общей культуры западных государств и ряд невыгодных для России геополитических условий: огромная протяженность страны, редкая населенность, плохие и недостаточные пути сообщения, низкая грамотность и, главное, общая политическая отсталость 90-миллионного избирательного корпуса¹⁴⁹. Но, на ряду с неопытностью и неприобщенностью русского образованного общества к технике государственного управления, и русских народных масс — к практике политического самоуправления, было и другое. Был энтузиазм неискнутой веры в необходимость и в возможность безболезненного перехода к новому строю с общего согласия и с соблюдением всех требований справедливости.

К хору голосов, отстаивавших необходимость созыва Учредительного Собрания и раньше, до революции, присоединились голоса неопитов и прозелитов. И с ходом революции голоса последних стали звучать все громче и все настойчивее. Одни из них, вместе с Временным правительством и всячески поддерживая его власть, старались «довести страну до Учредительного Собрания». Другие, с немаленькой энергией, старались подорвать власть Временного правительства, мотивируя свои действия той же верностью идее Учредительного Собрания и желанием «обеспечить созыв Учредительного Собрания», якобы «саботируемый правительством».

Так, соревнуя друг с другом в преданности Учредительному Собранию и кланяясь одинаково именем его, шли в процессе револю-

ции к своим собственным и разным целям отдельные классы, партии, национальности и группы России. *История русской революции постепенно сливается с историей изготовления закона о выборах в Учредительное Собрание, с выборами в него и с ним самим.*

2

Роковую для судеб русской революции роль сыграл затяжной характер власти Временного правительства. *Временные* правительства — неизбежное следствие победоносной революции. И другие революции знали отсрочки с выборами в Учредительное Собрание. Но они не знали такой длительной просрочки, какая произошла в России 1917 г. И французская февральская революция 1848 г. столкнулась с необходимостью отсрочки выборов в Учредительное Собрание. Но последнее все же открылось уже 4 мая, т. е. по истечении всего 2½ месяцев после революционного взрыва. В России 1917 г. по истечении 3 месяцев после февральского взрыва приступили лишь к выработке законопроекта о выборах.

Произошло это по многим причинам: общим и специальным, объективного и случайного порядка.

Все, что в другие эпохи в других странах назревало постепенно и разрешалось частично, все это совпало во времени в России начала XX века. Нигде и никогда не бывало, чтобы стране приходилось решать одновременно такое множество сложнейших и насущнейших вопросов — политических, экономических, социальных, национальных, — которые сгрудились со всех концов необъятной и разноплеменной России и, за века тьмы и неволи, настойчиво требовали немедленной постановки на очередь дня. Эти трудности неимоверно осложнялись обстановкой мировой войны, в разгаре коей, не считаясь ни с чьими страхами или надеждами, революция разразилась внезапно, молниеносно.

Условия непроезжей, на три четверти малограмотной страны, лишенной необходимых для выборов правовых и технических средств и органов, впервые в своей истории, и при том в обстановке незавершенной войны, осуществлявшей переход к демократическому порядку, мало благоприятствовали скорой ликвидации переходного периода и связанной с ним неустойчивости власти. Русская революция в силу множественности и сложности своих забот шла от случая

к случаю, отвлекаемая из дня в день насущными, не терпящими никакого промедления нуждами. Процесс распыления и взаимного отталкивания все быстрее стал обгонять положительные процессы творчества и сплочения. Вопросы войны и мира и внутренней хозяйственной и политической разрухи вызывали частые министерские кризисы, отвлекавшие внимание и отнимавшие время и у власти, и у общественности, и у народных низов.

По идее, совершенно отвлеченной и внежизненной, Временное правительство, может быть, и не должно было быть вовсе властью, а лишь «Избирательной комиссией для выборов в Учредительное Собрание», — как на этом настаивает А. М. Кулишер и Юниус (См. «Последние Новости» от 8 дек. 1926 г. и 11 июля 1929 г.). Но реальная обстановка, особенно во время войны, менее всего терпела, хотя бы и временное, безгосударственное состояние, пока «первоисточник» власти — народ-учредитель — вновь затянет образовавшийся пробел в праве и государственности. Не рискуя быть сметенным, Временное правительство никак не могло удовлетвориться одной безобидной функцией подготовительного органа для выборов.

Не могло оно последовать прецеденту, установленному царским правительством в 1905–1906 гг. при переходе к псевдоконституционализму, когда Витте поставил первую Государственную Думу перед *fait accompli* — перед уже утвержденными новыми основными законами¹⁵⁰. Путь Витте для власти, вышедшей из революции, был заказан*. И логическая последовательность, и правовая техника, и общая политическая атмосфера весенней и бескровной февральской революции одинаково требовали, чтобы до выборов во Всероссийское Учредительное Собрание созданы были на местах учреждения, коим население могло бы доверить сложную и ответственную работу по составлению избирательных списков и производству самых выборов. Выборы в Учредительное Собрание предполагали предварительную реорганизацию на демократиче-

* В «Журнале» совета министров план Витте формулирован был так: «отсрочить составление основных законов до созыва думы и произвести пересмотр их при её участии невозможно, что значило бы вместо приступа к деловой, созидательной работе, вовлечь впервые собранных представителей населения в опасные и бесплодные прения о пределах собственных их прав и природе отношений их к Верховной власти» (С. Ю. Витте: «Воспоминания». Берлин. 1922. Т. 2-ой, стр. 260).

ских началах органов местного, земского и городского самоуправления. Это требовало времени, затягивало и отсрочивало на месяцы выборы в Учредительное Собрание. Но в обстановке 17 года казалось самоочевидным для всех, что необходима «честная игра», и, потому, все одинаково были озабочены, чтобы выраженная на выборах воля народа не могла быть оспорена техническими или политическими дефектами её обнаружения.

Запоздание с выборами в Учредительное Собрание признается единодушно одной из главных причин срыва русской революции. Но в объяснении этой причины мнения сильно расходятся.

Слева выдвигалось указание, что «в наших «государственно-мыслящих сферах» немалую силу имела тайная мысль, что с Учредительным Собранием лучше бы дожидаться конца войны... Предпочитали пустить его в ход, когда все уляжется и спадет первое революционное «повышение температуры» (*В. М. Чернов* в сборнике статей различных авторов «Год русской революции». Москва. Изд. «Земля и Воля». 1918. Стр. 51). Выдвигается и более решительное и прямое обвинение против правительства Львова—Милюкова «в замедлении созыва Учредительного Собрания» (*Н. В. Святцкий* в сборнике статей различных авторов «Большевики у власти». Москва. 1918. Стр. III). Или в «преднамеренной медлительности при организации подготовительных работ по выработке Положения о выборах» (*П. Розенталь* в книге «Жизнь и смерть Учредительных Собраний». Изд. «Книга». 1918. Стр. 16).

Действительно, на мартовском съезде к-д-ской партии московский делегат Овчинников предлагал отложить выборы в Учредительное Собрание до окончания войны «в интересах коренного русского населения, находящегося в оккупированных Германией местностях и в интересах русских военнопленных». То же защищал в своих публикациях и московский прив.-доц. И. А. Ильин¹⁵¹. Но эти настроения не были преобладающими среди умеренных кругов русской общественности в первые месяцы революции. В это время лица, входившие в состав правительственных органов, и руководимые правительством «государственно-мыслящие сферы» формально обязывались способствовать созыву Учредительного Собрания в возможно более краткий срок.

«Необходимость возможно скорейшего созыва Учредительного Собрания диктуется всей совокупностью обстоятельств, — писал 25 марта в своем докладе об Учредительном Собрании 7-му съезду к-д. Ф. Ф. Кокошкин¹⁵². Тот режим, которым в настоящее время

управляется Россия, по самому существу своему носит временный характер, и он должен вылиться возможно скорее в окончательные формы при помощи Учредительного Собрания, а с этим закреплением окончательных форм государственной жизни России медлить долго нельзя. Возникают и другие вопросы (о будущем мире), которые настоятельно требуют своего разрешения именно через Учредительное Собрание. Нужно считать созыв Учредительного собрания в возможно скорейшем времени делом не только обязательства Временного правительства, но делом необходимости для всей страны» (См. «Учредительное Собрание». Изд. партии «Народной Свободы». Петроград. 1917. Стр. 4 и 5)*.

С первых же дней революции правительство деятельно работало над созданием организационных и технических предпосылок для выборов в Учредительное Собрание. 30 марта опубликовано было положение об Особом Совещании по изготовлению проекта закона о выборах в Учредительное Собрание¹⁵³. Правительство назначило в его состав «специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и других сведущих лиц», в количестве 13 человек. Вместе с ними был приглашен, согласно указаниям «политических и национально-политических течений России», ряд «политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России». Их было до 70 человек, ибо все хотели принять участие в выработке предрешающего будущее избирательного закона; все хотели убедиться в том, что закон не нарушит ничьих групповых

* В своей «Истории (второй) русской революции» П. Н. Милюков сообщает, что «у первого состава Временного правительства (в который входил и автор) сложилось убеждение, что привлечь к выборам и армию можно лишь в момент затишья военных операций, т. е. не раньше поздней осени» (Т. I. Выпуск 1-й. София. 1920. Стр. 68).

И В. Д. Набоков в воспоминаниях, написанных в момент полного разочарования и раздражения против прошлого, в котором он принимал видное и самое активное участие, писал: «Если бы Временное правительство чувствовало подлинную реальную власть, оно могло сразу объявить, что созыв Учредительного Собрания произойдет по окончании войны, — и это, конечно, по существу было бы единственным правильным решением вопроса после того, как отказ Михаила Александровича сделал необходимой постановку вопроса о форме правления, но временное правительство не чувствовало реальной силы» и т. д. (См. «Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном. Т. I. стр. 72).

интересов и прав*. Впрочем, когда Совецание приступило к практической, в значительной своей части технической и специальной работе, фактических участников Совецания оказалось вдвое меньше первоначального числа его членов и заместителей.

К 15 апреля выработана была реформа городского самоуправления. Утверждение же новых законов о выборах в волостное, уездное и губернское земство задержалось больше, чем на месяц — до 21 мая — из-за затянувшегося правительственного кризиса. Нельзя признать верным утверждение П. Н. Милюкова, будто «все, что вообще было сделано в этой области (коренной реорганизации местного управления и самоуправления на самых широких демократических началах) было уже подготовлено при первом составе Временного правительства», и что к этому времени были выработаны уже и «основные положения» избирательного закона в Учредительное Собрание. Но не более точно и обратное утверждение В. М. Чернова, будто «лишь коалиционное правительство (в которое входил Чернов) провело законы о волостном, а затем об уездном и губернском земствах» и что «после кризиса первого цензового Временного правительства дело (с Учредительным Собранием) пошло быстрее».

* В качестве специалистов были назначены: Кокошкин (председателем), Авинов (секретарь), Аджемов, Водовозов, Гальперн, В. Гессен, Зарудный, Котляревский, Лазаревский, Лаппо-Данилевский, Маклаков, Набоков и Нольде.

Были приглашены: от Совета рабочих и солдатских депутатов — Чхеидзе, Брамсон, Добраницкий, Понтович, Святицкий и Соколов; от Всероссийского совета крестьянских депутатов — Пит. Сорокин, Гуревич, Фокеев, Абрамов, Меркулов и Гордиенко; временные представители от фронта — Фролов и Липеровский; позднее от северного фронта — Герчиков, от западного — Гомбарг, от юго-западного — В. Алексеевский, от румынского — Городищев, от кавказского — Сокольцев; от прогрессивных Националистов — Благоднаров; от земцев-октябристов — Савич; от левых октябристов — Арефьев; от партии центра — Басаков; от прогрессистов — Ефремов; от партии народной свободы — Винавер и заместителем Гронский; от трудовиков — Станкевич и заместителем — Одинец; от организационного комитета РСДРП (меньшевиков) — Цердербан-Мартов и Крохмаль; от партии народных социалистов — Мякотин и Бернштам; от социалистов-революционеров — Вишняк; от центрального комитета РСДРП (большевиков) — Козловский; от еврейских политических партий — Фридман, Грузенберг и Канторович; от латышских политических партий — Гольдман, Гирш и Вальтер; от мусульман — Валит-Хан-Тапачов и Мухамеданов; от поляков западного края — Мейштович и Мацевич; от Сибири — Толмачев и Дзюбинский; от всероссийских кооперативных съездов — Прокопович и Бондарев; от российской Лиги равноправия женщин — Шишкина-Явейн; от украинцев — Ткаченко и Стампницкий; от бурят — Ханкалаев; от грузинских политических партий — Церетели и Гегечкори, а впоследствии — Ш. Элиава; от белорусских — Бруевич и Воронко.

Первое заседание Особого Совещания было назначено лишь на 25 мая. Произошло это в значительной мере потому, что в первые месяцы революции социалистическая и советская демократия недооценивала значения скорейшего созыва Учредительного Собрания. Увлекаемая стихийным потоком событий и все больше переставая ими владеть, она рассеивала своё внимание и силы, отвлекалась от главного. Только в начале мая были намечены её кандидаты в члены Особого Совещания. Не переставая «давить» и «контролировать» Временное правительство, с первых же дней его образования доверяя ему лишь условно, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и левые круги социалистических партий относились опасливо и к созданному правительством Совещанию¹⁵⁴. Остерегаясь численного засилия «цензовых элементов», «революционная демократия» всячески настаивала на увеличении своего представительства в Особом Совещании. Опасаясь, с другой стороны, итогов работ Совещания, она занялась самостоятельным проектированием закона о выборах в Учредительное Собрание. Огромная потеря темпа, обозначившаяся в приступе к изготовлению закона о выборах в Учредительное Собрание, не была наверстана и в дальнейшем. Здесь действовала та же основная причина — обострение социальных черт революции, расхождения и отходы от февральской революции разочаровавшихся в ней и, связанные с тем и другим, перманентные кризисы власти.

По национальным признакам расхождение было сравнительно менее болезненно. Даже самые крайние защитники требований национальностей, ставшие впоследствии непримиримейшими сепаратистами и самостийниками, отталкивающимися от всякой России, коммунистической и царистской так же, как и демократической, — и они в февральскую фазу русской революции тянулись к общему лону России, одинаково рьяно домогались представительства во Всероссийском Учредительном Собрании и участия в выработке закона о выборах. Ни один из народов России, за исключением Польши и Финляндии, не заявлял своей претензии на независимое и сепаратное от России бытие¹⁵⁵.

С ходом революции все решительнее развязывались центробежные и разрушительные силы. Они питались все затягивающейся войной, ухудшением положения с продовольствием, развалом транспорта, промышленности, финансов. Действовали и субъективные факторы. Анархические настроения подхлестывались и разнуздывались

несдержанной демагогией неисправимых фантастов и предателей слева, доктринеров и филистеров, революционеров после революции, ставших условными республиканцами, справа. Революции приходилось отбиваться одновременно на две стороны. Ей приходилось и формальную безупречность выборов в Учредительное Собрание блюсти, и к голосу напивавших на неё нетерпеливых масс прислушиваться. Она должна была и фронт привлечь к выборам, и она не могла не считаться с условиями и положением на фронте¹⁵⁶.

Не искажая самого смысла Учредительного Собрания, не подрывая основ того, что придавало в глазах широких масс именно Учредительному Собранию характер неоспоримо верховного и всеразрешающего органа власти, — нельзя было пренебречь ни одной из гарантий правильности выборов. Но, оставаясь на реальной почве, нельзя было в то же время не считаться и с выведенным из равновесия душевным настроением масс, которое грозило уничтожить всякую возможность созыва Учредительного Собрания, безупречно или небезупречно избранного. Как для псалмопевца, живой пес казался лучше мертвого льва, так и здесь — всякий в жизни осуществленный закон был лучше закона совершенного, но осужденного остаться вне жизни, мёртвым. Правительства всех составов, отдавая дань обоим настроениям, не переставали колебаться между ними. И чем дальше во времени, чем ближе были сроки выборов, тем определеннее проступала и партийно-политическая заинтересованность, у разных групп различная. Умеренные круги и не скрывали того, что время, по их убеждению, работает на них. В сложившихся условиях выборы возбуждали в них тревогу и опасение, и, потому, именно из этих кругов исходили все предложения о назначении выборов на более отдаленные сроки в интересах большей правильности и безупречности*.

* Совершенно фантастическим надо признать утверждение д-ра Крамаржа, будто «петроградский Совет боялся, как бы выборы не дали русского Учредительного Собрания без социалистического большинства, что положило бы конец властвованию петроградского Совета. Буржуазные члены правительства были заинтересованы в скорейшем проведении выборов, а социалисты хотели их оттянуть возможно дальше... Поэтому-то и выборы не состоялись до той поры, когда уже стало поздно»... «Керенский и стоявшие за ним не хотели ни Г. Думы, ни Учредительного Собрания. Для них наивыгоднейшей (!) формой правительства была та, которая создавалась при первой коалиции». (К. П. Крамарж: Русский Кризис. Париж. 1925. Стр. 274).

С другой стороны, на крайнем левом фланге большевики вели и успешно развивали агитацию против «министров-капиталистов», стремящихся отсрочить выборы в Учредительное Собрание и тем самым заведомо злостно срывающих его. В центральном органе большевиков появилась резолюция одной «видной (?) большевистской организации», на которую тогда не обратили должного внимания, но которая в свете дальнейшего полна смысла. В ней говорилось: «Всероссийский съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов вы должны считать даже выше Учредительного Собрания, ибо выборы в Учредительное Собрание будут не через организации, созданные самим народом, а от самых различных классов общества, собранных вместе» («Правда» от 9/22 июня 17 г). Под лозунгом «Долой министров-капиталистов!» большевики назначили на 18 июня в Петрограде уличную демонстрацию, смотр своим силам, которые они могли бы противопоставить Временному правительству. Чтобы вырвать у большевистской агитации её жало и парализовать действие её демагогического яда, отвлечь массы от симпатий к большевикам и предупредить успех уличной демонстрации, за 4 дня до демонстрации правительство фиксировало срок выборов в Учредительное Собрание на 17-ое сентября и самое его открытие — на 30 сентября.

Таким образом, Учредительное Собрание было введено в сферу политического огня задолго до того, как оно реально было избрано и собралось. Вопрос о сроке выборов сделался центром приложения сил, боровшихся против правительства. Оба фланга русской общественности одинаково старались использовать неожиданное назначение срока в своих партийных целях и интересах.

В частном совещании членов Государственной думы 18 июля лидер к-д-ской партии Милюков от имени партии требовал, чтобы правительство отменило своё решение и отсрочило срок выборов, ибо назначение столь близкого срока превращает выборы в комедию. Одновременно с этим Временный Комитет Государственной Думы выпустил «Обращение», в котором подчеркивал, что «впредь до созыва Учредительного Собрания невозможны никакие законодательные акты, вносящие коренную ломку в государственный и социальный строй, и приводящие к ещё большей смуте в правовом сознании населения». Правительство осуждалось за попытку ускоренным порядком выйти из состояния неопределенности переходного периода и в то же время правительство обрекалось на бездействие по наибо-

лее острым вопросам именно вследствие того, что власть его была неустойчива и условна. Центральный орган к.-д.-ской партии «Речь» высказывала недовольство «трезвыми людьми», которые «поддаются гипнозу»; она была недовольна и Временным правительством, «изнемогающим в своей нерешительности» и вынужденным «во что бы то ни стало ускорить созыв Учредительного Собрания» (Передовая от 16 июня; в противоположном смысле — ст. М. Вишняка в «Деле Народа» № 77 от 17 июня). И те же самые круги отлично мирились с тем, что возглавляемое юристами к.-д.: Кокошкиным, Вл. Гессеном, Лазаревским¹⁵⁷, Набоковым, Нольде и др. Юридическое Собрание при Временном правительстве¹⁵⁸, под давлением революционной необходимости и исторической обстановки, соглашалось на введение в действие постановлений законодательного характера по телеграфу, т. е. до и без обнародования их в установленном порядке.

В ответ на приглашение вступить в состав правительства к.-д-ы Н. И. Астров¹⁵⁹, Н. М. Кишкин¹⁶⁰ и В. Д. Набоков в письме на имя министра-председателя Керенского от 18 июля включили в число своих условий: «осуществление всех основных социальных реформ и разрешение вопросов о форме государственного строя должны быть безусловно отложены до Учредительного Собрания», и «чтобы выборы в Учредительное Собрание были произведены с соблюдением всех гарантий, необходимых для выражения подлинной народной воли. С представлением заведывания производством выборов правильно избранным органам местного самоуправления и учреждениям, образованным при их участии, и с обеспечением свободы предвыборной агитации».

Аналогичный смысл имела специальная Записка, поданная правительству Советом Союза казачьих войск, в которой казаки ходатайствовали об отложении выборов на январь 1918 г., в виду того, что «целая треть избирателей» — 15 милл. — находится на позициях, где не может быть сейчас и речи о правильности выборов, транспорт расстроен, телеграфные и почтовые сношения неаккуратны, реформа земства проведена «скороспелая» и твёрдых полномочных органов самоуправления нет и т. д. (См. «Речь» и «Новое Время» от 30 июля 1917 г.).

Лояльнее других отнеслись к назначенному правительством сроку выборов к.-д., входившие в состав особого Собрания. На следующий день после публикации правительства председательствующий Кокошкин заметил, что срок, назначенный для выборов, практически может оказаться несоблюдённым, но «во всяком случае, мы, со своей

стороны, должны сделать все, чтобы он мог осуществиться, и чтобы не могло случиться, чтобы его неосуществление было приписано нам».

Назначение срока выборов выбивало из рук большевиков их отравленное оружие. Но это их не обезоруживало, а побуждало лишь переменить оружие. Борьбу за *время выборов* они сменили на борьбу за *условия созыва* Учредительного Собрания, — кто и какая власть способна *обеспечить* его созыв. Большевики возвращались мысленно к тому, что Ленин предусматривал ещё во время войны, в октябре 1915 г., когда, в совершенно иной политической обстановке, он писал в женевском «Социал-Демократе» № 47: «Лозунг «Учредительного Собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовёт его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 г., ибо его можно было толковать в смысле созванного царём и соглашающегося с ним собрания».

На следующий же день после назначения Временным правительством срока выборов центральный орган большевиков «Правда» № 83 писала: «Нынешнего положения вы не удержите и в течение трёх недель, господа! Необходимо, чтобы вся власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» «Пусть *эта* власть доведет страну до Учредительного Собрания!».

И, действительно, ровно через 3 недели сделана была первая попытка насильственно заставить Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взять «всю власть» в свои руки. Попытка 3–5 июля, как известно, не удалась. Но вместе с Тарнопольским прорывом на фронте большевистское выступление в Петрограде внесло большое расстройство, как в ряды демократии, так и в подготовительную работу по организации выборов в Учредительное Собрание. Застопорилось утверждение правительством уже выработанной части избирательного закона. Затормозились выборы в органы местного самоуправления. Снова пропущены были сроки и утеряно время.

Когда же после всеобщей встряски, восстановления фронта, новой перемены личного состава правительства и нового расслоения демократии, общественное внимание снова вернулось к вопросу о скорейших выборах в Учредительное Собрание, люди оказались перед фактической невозможностью произвести выборы с соблюдением элементарных гарантий в назначенный на 17 сентября срок. Избирательные списки должны были быть опубликованы за 40 дней

до самых выборов, т. е. не позднее 7 августа, чтобы была возможность их просмотреть и исправить в соответствии с ходатайствами и жалобами заинтересованных лиц и групп. Но не раньше конца августа могли organizоваться те органы местного самоуправления, городские, поселковые и волостные, которым избирательный закон, утвержденный, с запозданием на две недели, в его общей части лишь 20 июля, поручил составление списков. К моменту издания закона — 27 июля — к составлению списков нигде ещё не приступили. За 10 дней, остававшихся до 7 августа, это первое условие правильности выборов выполнено быть не могло. Дату выборов, по необходимости, приходилось отодвинуть.

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов был связан циркуляром, с которым он обратился ко всем местным Советам накануне июльского выступления большевиков. Этот циркуляр призывал «революционную демократию напрячь все силы, проявить всю революционную энергию, чтобы обеспечить *безупречную* технику выборов и подготовить свободное и сознательное проявление воли демократии в этом важнейшем акте революции». И 9 августа, с согласия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временное правительство отсрочило выборы в Учредительное Собрание до 12 ноября, а открытие Собрания — до 28 ноября.

Большевики возобновили свою лицемерную кампанию в защиту Учредительного Собрания. «Учредительное Собрание может быть созвано *только вопреки* нынешнему коалиционному правительству, которое делает и сделает все, чтобы сорвать его», — значилось в одном из многих воззваний, выпущенных по этому поводу Центральным Комитетом большевиков. «Контрреволюционеры пойдут на все, чтобы сорвать Учредительное Собрание. Если понадобится, они откроют для этого фронт немецким войскам», — писал «Рабочий Путь» 30/IX 1917 г.

3

Значение, придававшееся закону о выборах в Учредительное Собрание, подчеркнуто было тем, что работы Совещания были открыты главой Временного правительства кн. Львовым. В приветственной речи он подчеркнул, что именно сложность предстоящей Совещанию работы и требует от него «величайшей справедливости по отноше-

нию ко всем частям и группам пестрого состава населения нашего громадного государства».

И Ф. Ф. Кокошкин, переняв у кн. Львова председательство и руководство работами Сопения, со своей стороны, указал, что задача Сопения проста и в то же время трудна. «Нам не приходится, и нет никакой надобности, входить в обсуждение основных политических начал, которые будут положены в основу закона, который мы призваны выработать. Эти начала уже предрешены волею народа, и они провозглашены в заявлениях Временного правительства. Учредительное Собрание должно быть выбрано на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и при том голосования без различия пола. Но, с другой стороны, задачи нелегки: «Нам предстоит разрешить целый ряд вопросов, которые по существу имеют характер технического, но вопросов огромного значения, от того или иного решения которых будет зависеть исход выборов, и которые затрагивают самые существенные интересы различных слоев населения».

Однако вовсе обойти молчанием «предрешенные» революцией основные начала избирательного закона Сопение все же не могло. Оно возвращалось к ним неоднократно: при рассмотрении вопроса об обеспечении военнослужащим на фронте полноты политических прав, при определении условий осуществления активного и пассивного избирательного права, при выборе пропорциональной или мажоритарной системы выборов, при территориально-национальном размежевании округов и т. д.

Закон о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание наиболее последовательно развил основные начала общепризнанного демократического правосознания. Справедливо признанный — иногда с удовлетворением, но чаще с издевкой справа и слева — наиболее демократическим и совершенным законом о выборах, он исходит из принципа личности в его всеобщем и безусловном значении¹⁶¹. К самому народовластию он идет путем гражданственности и народоправства. По его замыслу воля народа имеет решающее значение не потому, что она народная воля, а потому, что она *всеобщая воля равноправных граждан*, от отрицательной свободы *от* насилия возвысившихся до положительного участия в политическом устройстве судьбы, своей личной, групповой и всего коллектива.

В 17-ом году ни справа, ни слева — от земцев-октябристов и до большевиков, свой октябрь только ещё подготавливавших, — не раздавалось возражений против организации народного представительства на основе представительства избирателей — граждан или «атомов», собранных воедино по партийно-политическому признаку и разделенных по нейтральному признаку территориального округа. Тогда ещё никто не защищал получившего впоследствии большую популярность и у левых, и у правых противников демократии, представительства «органического», или «реального», интересов профессиональных — или откровенно классовых — от отдельных курий или групп. Несовершенство советской формы представительства, возвращавшей организацию представительства к средневековым образцам, казалось самоочевидным и бесспорным. Оно лишь оправдывалось обстоятельствами необходимости и революционной спешки. Тогда ещё никто не рисковал утверждать, как впоследствии Ленин и авторы советской конституции¹⁶², что «город не может быть равен деревне», и, потому, «избиратель» в городах должен быть поставлен в более привилегированное положение и наделен численно большим избирательным влиянием, нежели «житель» сел и деревень.

В 1917 г. идея всенародности Учредительного Собрания доминировала над мыслью о представительстве в нем интересов отдельных классов, партий и групп. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование без различия пола, исповедания и национальности было вне спора. Участие в государственном самоуправлении могло быть ограничено лишь физической и психической незрелостью или определенной морально-правовой дисквалификацией. Спор мог идти лишь о пределах всеобщности избирательного права или о том, как быть в случаях столкновения всеобщности со столь же незыблемой основой права — равенством.

Какие уголовно-наказуемые деяния должны влечь за собой поражение избирательных прав? Преступления против собственности? Дезертирство? Отстранять ли от пользования избирательными правами лиц, занимающихся, так называемыми, позорными промыслами? Лишать ли политических прав членов новой администрации, священнослужителей различных культов, ушедших из мира монахов, пользующихся общественным призрением и т. д.? Ограничивать ли членов царствовавшего в России дома в праве выбирать и быть избран-

ными в Учредительное Собрание?* Как быть с призванными в войска для защиты отечества досрочно, до достижения ими гражданского совершеннолетия, и не достигшими установленного для выборов избирательного возраста? Допустимо ли налагать публичные обязанности без предоставления соответствующих правомочий? Не будет ли явным нарушением начала равноправия, своеобразной привилегией для военнослужащих и умалением прав прочего населения, если понизить избирательный возраст для досрочно призванных? Не будет ли проще и справедливее понизить общий избирательный возраст до того уровня, на котором по обстоятельствам военного времени государство сочло возможным черпать кадры своих защитников и требовать от них жертвы свободой и жизнью?

В условиях революции во время войны, армией если не свершенной, то ею, во всяком случае, поддержанной, было бы смешным и вредным доктринерством стоять на том, что армия и флот должны быть вне политики. С другой стороны, и война, которую, несмотря на успех революции, приходилось вести, но уже не обезличенной дисциплиной и несколько обособленной «касте», а вооруженному народу, тоже исключала возможность непредоставления избирательных прав в Учредительное Собрание военнослужащим. Такой вопрос и не ставился. Он был с самого начала предreshен — по мотивам моральным, психологическим и политическим. Армия призывалась

* Это ограничение было отвергнуто большинством членов Совещания. Особое мнение меньшинства было, однако, одобрено Временным правительством — большинством одного голоса — и составило содержание ст. 10-й Положения о выборах. — Интересно отметить, что противники этого ограничения защищали избирательные права дома Романовых тем, что «легальное происхождение нашей власти идет не только от революции, а идет и от некоторых актов царствовавшего дома». Тот же оратор В. А. Маклаков доказывал, что подобное отстранение от избирательных прав возможно, но не сейчас, по соображениям «превенции», в порядке переходного времени и неуставленного режима, а позднее, в порядке нормального законодательства, когда — и если — будет провозглашена республика (См. «Новое Время» от 30 мая 17 г.).

Тот же взгляд защищал и А. С. Зарудный. — Другие противники ограничения — в их числе Кокошкин, Водовозов — полагали, что «сторонники дома Романовых всегда могут сказать: здесь нас, сторонников реставрации, нет в силу насилия»; что такое ограничение «неэстетично», не гармонирует с общим духом закона и т. п.

Мнение меньшинства полностью воспроизведено в московской газете «Труд» № 73 от 15. VI. 1917 г.

к участию в выборах и во Франции. Но в обоих случаях — в 1848 и 1871 гг. — армия не составляла особых избирательных округов. России 1917 г. предстояло впервые в истории произвести выборы от армии и флота в огромном масштабе, с соблюдением, несмотря на военные операции, всех гарантий демократизма. Для стоявшей на позициях многомиллионной русской армии приходилось создавать специальные, по числу фронтов, избирательные округа и, учитывая условия боевой обстановки, предусмотреть возможность переброски воинских частей из одной местности в другую, сокращать одни сроки (для объявления избирательных списков, подачи и рассмотрения жалоб и проч.), и удлинять другие (для подачи голосов) и т. п.

Одним из существеннейших пунктов расхождения между членами Особого Сопещения был вопрос о превращении четырехчленного основания выборов в пятичленное — дополнением пропорционального представительства. Тут справа и слева воспроизводились обычные возражения, повторяемые теми, кому и пропорциональная система распределения голосов не сулит избирательных успехов. Но предпочтительность мажоритарной системы защищалась и бескорыстно-доктринерски и отвлеченно: в интересах почему-то большей авторитетности Учредительного Собрания; по мотивам культурной неподготовленности России и русского народа к столь «тонкой и усовершенствованной» системе выборов; угрозой «партийной гегемонии» и насилия над якобы бессознательными избирателями.

Противником пропорционального представительства оказалось в Особом Сопещании незначительное меньшинство. Подавляющее большинство — 27 голосов против 9, среди которого были не только левые, но и умеренные члены Сопещения, во главе с председателем Кокошкиным, секретарем Авиновым¹⁶³, председателем комиссии по выборам от окраин и национальностей Винавером¹⁶⁴ и др., — определенно отдавало предпочтение пропорциональной системе. Вряд ли кто из сторонников пропорции в 1917 г. разделял мнение Милля¹⁶⁵, уверявшего в своё время, что пропорциональное представительство имеет «достоинства до сих пор почти неслыханные и проводит великий государственный принцип способом близким к идеальному совершенству». Но они решительно отталкивались и от необходимости раскроить территорию России на избирательные округа по числу членов Учредительного Собрания. Как того требовала мажор-

ритарная система. Принятая правительством ещё 15 апреля для выборов в городские думы, пропорциональная система, может быть, защищалась и по соображениям партийно-политической выгоды. Но главным образом — по мотивам справедливости, в целях смягчения предстоявшей избирательной борьбы, для организации выборов в Учредительное Собрание не на началах подавления числом, а путем уравнивания шансов и открытия легального доступа возможно более разнообразным групповым оттенкам организованного общественного мнения и воли.

В условиях России при практическом осуществлении пропорционального представительства приходилось по необходимости остановиться на системе твердых или связанных кандидатских списков, воспрепятствовавшей избирателям вносить изменения — вычеркивать, включать или изменять порядок кандидатов — в список, заявленный и утверждённый заранее. От политических партий и организованных *ad hoc* групп избирателей Положение о выборах требовало самого деятельного участия во всех стадиях избирательной процедуры: начиная с составления списков избирателей и кончая, так называемым, «соединением» списков кандидатов и распределением мест соответственно количеству поданных за тот или иной список голосов. Все исходило и покоилось на самостоятельности и контроле организованных в партии или специальные группы избирателей.

Приходилось предусмотреть и охранить права избирателей на территории, занятой неприятелем; права русского населения в Финляндии и Бухаре. Приходилось считаться с непримиримыми пожеланиями и протестами. Представитель литовского сейма усматривал в предположенном подразделении избирательных округов в северо-западном крае — «новый акт разделения Литвы». Казаки настаивали — и после длительной борьбы настояли — на том, чтобы казачьи войсковые части, где бы они не были расположены, были бы выделены, в отличие от всех других, в отдельные избирательные участки не по техническим лишь соображениям, а по признаку принадлежности к казачеству, как своеобразному социально-групповому единству. Спорных вопросов и всяких осложнений было немало. Но серьезных конфликтов не было. Работа в Совещании шла мирно и дружно. Руководство было компетентное и авторитетное. Председателями комиссий, образованных Совещанием по специальным вопросам — одни с самого начала, другие по мере продвижения работы, — с общего

согласия избирались почти всегда более зрелые по возрасту, культуре и знаниям профессора. Секретарей и докладчиков поставлял преимущественно более молодой левый сектор Совещания. Только по частным вопросам расходились резко фланги. Как правило же, предложения руководителей в общем собрании и в комиссиях встречали сочувствие и одобрение подавляющего большинства.

Значительно позже, когда выяснилась окончательная неудача Учредительного Собрания, и справа, и слева стали раздаваться голоса, отмежевывавшие себя и своих единомышленников от причастности к этому неоправданному жизнью и «мертворожденному», несмотря на все его совершенства, закону. Так уже в эмиграции Ф. И. Родичев¹⁶⁶ поспешил снять ответственность с председателя Особого Совещания «за фантастический характер некоторых постановлений избирательного закона» («Общее Дело» от 10/I 1921 г. Париж). А другой «партиец» Д. С. Пасманик¹⁶⁷ прямо заявил, со слов умершего Кокошкина, будто «его первоначальный проект так изуродован эс-эрами, что он за него никакой ответственности не берет» (в том же «Общем Деле» от 16/VII 1921).

Такое утверждение неверно, прежде всего, фактически. «Первоначального проекта» Кокошкина вообще никогда не существовало. Не было, как уже упоминалось, и резких или коренных разногласий между членами Совещания и его председателем. Можно привести ещё тот факт, что общая солидарность членов Совещания была такова, что уже после окончания его работ некоторые из ближайших единомышленников Кокошкина, входившие во главе с Набоковым в редакцию «Правда», проектировали выпустить ко дню открытия Учредительного Собрания, в честь его, юбилейный сборник. В этом сборнике наиболее активные участники в работах Совещания должны были поместить статьи, посвященные общим и специальным отделам выработанного закона. «Festausbabe» не состоялось, хотя отдельные авторы — Б. Э. Нольде о «Выборах от армии и флота» и М. В. Вишняк: «Общие основания закона» — свои рукописи представили, и они были даже набраны. Победа Октября исключала возможность каких-либо юбилеев и торжеств. Но мысль об издании задуманного сборника не была оставлена. Она возникла вновь в связи с убийством Ф. Ф. Кокошкина 7 января 1918 г. Сборник предполагалось посвятить памяти убиенного. Правда, и этот план не был приведен в исполнение, но менее всего потому, чтобы ближайшие единомыш-

ленники покойного председателя Особого Совещания, вместе с ним вырабатывавшие избирательный закон, считали некоторые из его постановлений «фантастическими», а главного зодчего этого монументального строения — свободным от личной ответственности за плод коллективного творчества.

Конечно, можно считать огромным дефектом закона его совершенство. Но и считая пороком последовательность демократическому принципу, нельзя упускать из виду закона исторической перспективы — тех условий, в которых Положение вырабатывалось, и тех целей, которые ему ставились тогда, когда его вырабатывали. Нельзя забывать и того, что «мертворожденный» оказался способным дать жизнь и государственно-правовое оформление ряду народов и территорий, входивших в состав России и в силу международной конъюнктуры и торжества Октября от неё отделившихся.

Все лимитрофные Учредительные Собрания были созданы на основе Положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, соответствующим образом приспособленного и сокращенного. Достаточно назвать «Положение о выборах в Эстонское Учредительное Собрание» 24 ноября 1918 г., «Закон о выборах в Латвийское Учредительное Собрание» 19 августа 1919 г., «Закон о выборах в Литовский Учредительный Сейм» 30 октября 1919 г., Закон о выборах в Грузинское Учредительное Собрание 1919 г. (См. Wladimir Woytinsky: «La Démocratie Géorgienne». — Paris, 1921. — 193), в Парламент Армении (ср. кн. В. Врациана: «Республика Армения» /на армянском языке/. — Париж. 1929, стр. 249) и т. д. То же Положение взято было в основание «Положения о выборах в Учредительное Собрание Дальнего Востока» (областей Приморской, Амурской, Восточно-Забайкальской, Западно-Забайкальской, Сахалинской, Камчатской и полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги), выработанного в конце 1920 г. для образования независимого демократического «государства-буфера» между советской Россией и Японией.

Основные начала Положения удержаны были и в тех конституциях и избирательных законах, которые приняты были в соответствующих Учредительных Собраниях для последующих выборов в регулярные законодательные собрания. И нынешние парламенты Эстонии или Латвии генетически и по существу неразрывно связаны с «мертворожденным» Положением о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание.

Можно идти и дальше. И не утверждая прямого заимствования и непосредственного влияния, можно все же отметить явное сходство между Положением о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание 1917 г. и радикальнейшей избирательной реформой в Англии 1918 г., когда допущены были к избирательным урнам женщины (с 30 лет) и военнослужащие (получившие право пересылать избирательные бюллетени по почте), и когда английский избирательный корпус, даже в этой искони демократической стране, возрос сразу в два с половиной раза. Можно установить почти семейное родство и с законами о выборах в послевоенные Учредительные Собрания 1918 и 1919 гг. в странах центральной Европы — Чехословакии*, Польше, Австрии и Германии. Есть общее и между Положением о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание и Законом о выборах в Испанские Учредительные Кортесы 1931 г.

Если Положение о выборах на протяжении времени и места представляется сейчас «фантастическим», это происходит благодаря утере перспективы и забвению общей морально-психической обстановки и политического сдвига, который внесла в историю не одной только России, но и всего мира, февральская революция 1917 г. Оказывают своё влияние, вероятно, и обычные для пореволюционного времени настроения упадка и бесплодного разочарования.

4

После многочисленных непростительных опозданий, в которых Особое Собрание, как правило, оказывалось без вины виноватым, выполнено было, наконец, возложенное задание. Проект Положения получил утверждение правительства и стал законом**. На исходе 13-й

* См., в частности, закон и практику «Трибунала по выборам», предусмотренного ст. 19 Конституционной Хартии чехословацкой республики. Здесь политические партии официально, как и в положении о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание, признаны субъектами публичного права. — Ср. *B. Mirkine-Guetzévitch: Les Constitutions de l'Europe Nouvelle. Paris. 1930. P. 27.*

** Положение состояло из 3 разделов и 258 статей. — Ст. 1–54 получили утверждение правительства ещё 20 июля; ст. 55–206 — 11 сентября, и ст. 207–258 — 23 сентября; Правила об участии в выборах некоторых частей армии, «вне войскового района» находящихся совместно с гражданским населением — 30 сентября; Инструкции к выборам от армии и флота — 2 октября, и о выборах в казачьих войсковых частях — 10 октября.

недели корабль был закончен постройкой и оснащён. Оставалось спустить его на воду и доплыть до намеченной гавани.

1-го августа началась эвакуация Таврического дворца советскими учреждениями, занимавшими его в течение 5 месяцев. Дворец стали готовить к занятиям Учредительного Собрания и, прежде всего, — расширять зал общего собрания, соответственно увеличению членов собрания, сравнительно с численным составом Государственной Думы. Ещё до окончания работ Совещания, того же 1 августа, правительство назначило, по представлению Совещания, преемницу последнего — предусмотренную Положением Всероссийскую по делам о выборах Комиссию. Пятнадцатичленная Комиссия* должна была практически осуществить то, что наметило Особое Совещание. В частности, — восполнить пробелы, допущенные Положением, и внести коррективы к тому, что не выдерживало испытаний жизнью. В Комиссии сосредоточились центральное руководство, осведомление и надзор за правильностью выборов. К 1-ому октября сформирована была и Канцелярия Учредительного Собрания, временно остававшаяся в ведении правительства.

Положение исходило из расчета общего состава Учредительного Собрания в 808 человек — один депутат примерно на 219 тысяч жителей в гражданских округах и 100 тысяч избирателей — военнообязанных на фронте. Вся территория была разделена на 73 неравных гражданских округа и 9 специальных — от армии и флота. В отступление от общего правила, в округах Балтийского и Черноморского флотов, русских войск, действующих во Франции и на Балканском полуострове, как и в гражданских округах, избиравших меньше депутатов (таких было всего 9), — применена была мажоритарная система выборов.

В дооктябрьский период русской революции, разоблачая мнимую контрреволюционность Временного правительства, большевики аргументировали именем Учредительного Собрания и выступали якобы во имя интересов последнего. Подозрительно следили они за правительством, яростно нападали на него за его вольные и невольные ошибки и грехи, изобличали неустанно все случайные или

* В состав её вошли: Брамсон, Винавер, Вишняк, Гессен, Гомбарг, Гродзицкий, Гронский, Крохмаль, Лелюхин, Лордкипанидзе, Набоков, Нольде, Понтович, Фокеев, Яшунский и председателем — Авинов.

неизбежные отступления от последовательного демократизма. Правительства всех составов обвиняли они в намеренном саботировании демократического преобразования России, в сознательном затягивании и срыве Учредительного Собрания.

Покидая 7-го октября Временный Совет Республики, так называемый, Предпарламент¹⁶⁸, Троцкий¹⁶⁹ огласил от имени большевицкой фракции особую декларацию, в которой подчеркивалось, что «буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя» (См. *«Архив Революции 1917 г.»*. — Факты и документы. — Петроград. 1918 г. — Стр. 148). Анализируя, того же 7 октября, исход выборов в районные думы г. Москвы, давших крупную победу большевикам, Ленин в статье «Кризис назрел» аргументировал общедемократическими доводами. Он ссылаясь на «глубочайший поворот в общенациональном настроении» и уверял, что «ни тени сомнений быть не может» в том, что вместе с левыми элементами, большевики имеют «большинство и в советах, и в армии, и в *стране*» (курсив Ленина в «Рабочем Пути» № 30). — «Военный разговор есть бланкизм, если его устраивает не партия определенного класса, если на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа», — писал Ленин 20-го октября*.

И самый захват власти большевиками 25 октября был произведен под лозунгом — «Обеспечить немедленный созыв Учредительного Собрания!».

Неожиданная легкость, с которой удался переворот, и сочувствие, которое он встретил не только среди городского пролетариата, но и среди сельского населения, собранного на фронте, побудил боль-

* Такая аргументация направлялась, впрочем, только во вне, к внепартийной среде, которую Ленин хотел убедить в том, что большевики имеют право на власть и сумеют власть удержать. Для «партийцев» эти соображения были излишни. И, защищая перед ними свои взгляды, Ленин исходил как раз из обратного положения. На историческом заседании большевицкого ЦК 10 октября, на котором принято было предложение о немедленном захвате власти, Ленин говорил: «Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу»... — см. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП». Госиздат. 1929. Стр. 100.

шевиков вернуться на покинутые во время переворота демократические позиции и попробовать вновь на них окопаться. Слабость оказанного им сопротивления они приняли за собственную силу. Большевики всерьез уверовали в то, что большинство народа за ними. И чтобы прочнее укрепить свою власть, сломить недоверие скептиков и интимнее связаться с народными толщами, они попробовали было выдать за свои те самые лозунги, с которыми демократия боролась против большевицкого захвата власти. Среди этих лозунгов был — и остался — созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

На следующий же день после переворота «Правда», ставшая правительственным официозом, на первой странице жирным шрифтом подчеркнула: «Товарищи! Вы своей кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской — Всероссийского Учредительного Собрания». А на происходившем в тот же день заседании II-го Съезда Советов, который должен был санкционировать произведенный большевиками на собственный риск переворот, Ленин так защищал Декрет о земле: «Как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за с.-р. и если они даже этой партии дадут в Учредительное Собрание большинство, то и тут мы скажем, пусть так! Жизнь лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем решать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам».

Соответственно этому и принятый тут же «Декрет о земле» начинался словами: «Вопрос о земле во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием». В таком же духе составлены были и другие постановления. За подписью Ленина разосланы были в срочном порядке телеграммы Избирательным в Учредительном Собрании Комиссиям с приказом оставаться на местах, продолжать работу и обязательно в срок произвести выборы («Правда» № 171 от 28 октября)¹⁷⁰.

Таков был *mot d'ordre* власти в те дни, когда она ещё только слагалась и не чувствовала себя настолько твердой, чтобы, не считаясь

ни с какими «предрассудками», сбросить с себя все фиговые листки*. Это продолжалось недолго — до тех пор, пока большевики имели некоторые основания надеяться, что большинство страны окажется на их стороне, и, если не активно, то пассивно пойдёт за победителями, в частности, — крестьянство.

Ленин меньше других склонен был связывать свои расчеты с Учредительным Собранием. Он определенно опасался его. Придя к власти, он тотчас же предложил отсрочить выборы в Учредительное Собрание. Но сочувствия этому плану не встретил даже среди ближайших своих сподвижников. — «Конечно, мы должны создать революционный конвент, — возражал Ленину Бухарин¹⁷¹ в заседании большевицкого ЦК 29 ноября, — но для массы необходимо разъяснение, так как мы полтора месяца работали и трубили о том, чтобы обеспечить созыв Учредительного Собрания» (См. «Протоколы ЦК РСДРП. — Август 1917. — Февраль 1918». — ГОСИЗДАТ. — Стр. 182)**.

* Управляющий делами Совета народных Комиссаров того времени Бонч-Бруевич и в опубликованных, через десять с лишком лет, воспоминаниях защищает ту же официальную, опровергнутую всеми последующими фактами, версию. «Выходило так, что мы, «захватчики», настаиваем на скорейшем созыве Учредительного Собрания, а вчерашние правители страны, правительство Керенского, все эти кадеты, октябристы и все, кто с ними, всеми мерами оттягивали этот созыв... Выходило так, что надо было ждать ещё чуть ли не полгода, покуда будут только разосланы по стране циркуляры, инструкции, карточки и прочие материалы».

** «В первые же дни, если не часы, после (октябрьского) переворота, — вспоминал через 7 лет Троцкий, — Ленин поставил вопрос об Учредительном Собрании. — Надо отсрочить, — предложил он, — надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательные права, дав их 18-летним. Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев-кадетов надо объявить вне закона.

Ему возражали: неудобно сейчас отсрочивать. Это будет понято, как ликвидация Учредительного Собрания, тем более, что мы сами обвиняли временное правительство в оттягивании Учредительного Собрания.

Ленин со своей позицией оказался одиноким. Он недовольно помахивал головой и повторял: ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись. Как бы эта ошибка не стоила революции головы...

Выяснилось тем временем, что мы будем в меньшинстве даже с левыми эсэрами, которые шли в общих списках с правыми и были кругом обмануты.

— Надо, конечно, разогнать Учредительное Собрание, — говорил Ленин, — но вот как насчет левых эсэров?

Иллюзия длилась недолго. По мере того, как выяснялась несбыточность большевистских мечтаний, все определеннее и резче становился окончательный поворот большевизма — практический и идеологический — от демократии и воли большинства в сторону диктатуры возглавляемого Лениным Центральным Комитетом партии. Не прошло и двух недель после переворота, как на столбцах официальной и официозной прессы начинают звучать ноты разочарования и сомнения. Подвергаются обстрелу общие принципы демократии, и, сначала с оговорками, а потом и без них, все решительнее ставится под сомнение и вовсе отвергается Учредительное Собрание.

Уже 5/18 ноября «Правда» предупреждала: «Ожидать от Учредительного Собрания безболезненного решения всех проклятых вопросов не только пахнет парламентским кретинизмом, но и политически опасно... Созыв Учредительного Собрания стоит и падает с советской властью». В переводе на более ясный язык это обозначало *условное* признание Учредительного Собрания — лишь в тех пределах, в каких оно опирается на советскую власть и в каких советская власть его поддержит. А ещё через две недели, как бы в предвидении событий, которым суждено было разыгаться 5–6 января 1918 г., та же «Правда» № 193 писала: «Если линии Советов и Учредительного Собрания разойдутся, если между ними возникнет разногласие, встанет вопрос о том, кто точнее, правильнее и определеннее выражает волю народных масс. Мы полагаем, что Советы, благодаря особенностям своей организации, точнее, правильнее и определеннее выражают волю рабочих, солдат и крестьян... Вот почему Советы должны будут предложить Учредительному Собранию принять в качестве *постоянной конституции* российской республики не ту политическую систему, которая положена в основу его созыва, а советскую систему, Конституцию Республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Нас однако очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал: «А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное Собрание силой».

— Браво! — воскликнул Ленин, что верно, то верно. А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся, — ответил Натансон» («Правда» № 91 от 20.IV.1924).

По подавляющему большинству избирательных округов выборы в Учредительное Собрание произведены были в установленный срок 12 ноября, — в некоторых 19 и 26 ноября. В циркулярном распоряжении Всероссийской по выборам Комиссии накануне выборов отмечалось, что «ход подготовительных работ оказался более благополучным, чем то можно было ожидать при составлении избирательного закона... только в 13 округах (с общим числом членов Учредительного Собрания 85) возник вопрос о допущении отсрочки выборов... Предвиделась возможность произвести 12–14 ноября избрание 626 членов Учредительного Собрания. Что касается 5 фронтовых и двух флотских округов, то в них до 20-х чисел октября подготовительные работы по выборам протекали нормально» (цирк. № 1749 от 11 ноября)*.

И несмотря на то, что, как общее правило, всякие выборы благоприятствуют власти и партиям, их проводящим, несмотря на психологический и иной «нажим» на избирателя, страна все же требуемого большевистской властью доверия не вотировала. Примененный в весьма мало благоприятной обстановке внешней и внутренней войны, закон о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание выдержал испытание с честью. «Урал не оправдал наших ожиданий», — признавался в своем докладе петроградскому комитету большевиков 12 декабря 17 г. Урицкий. «В местах, отдаленных от центра революционной работы, Учредительное Собрание пользуется большой популярностью. Эти иллюзии заставляют нас держаться выжидательной тактики... Созовем ли мы Учредительное Собрание? — Да, созовем. — Разгоним? — Да, может быть: все зависит от обстоятельств» (Доклад приведен Троцким в его «1917». — Собрание сочинений. Т. III. Ч. 2. стр. 364–366).

По 54 гражданским и 7 военным округам был избран ко дню открытия Учредительного Собрания 601 депутат. Из них большевиков оказалось всего 160, а левых эс-эров, вступивших в состав большевист-

* Интересно отметить, что как раз на следующий день после того, как выборы в Учредительное Собрание состоялись по большинству избирательных округов, несмотря на сумятицу и разруху, внесенные октябрьским переворотом, т. е. 13 ноября, Совет народных комиссаров, за подписью Ленина и Бонч-Бруевича, «предложил» Всероссийской Комиссии «сообщить немедленно о мерах, кои принимаются Комиссией, чтобы выборы в Учредительное Собрание протекали в установленные сроки».

ского правительства, — 40. Социал-демократов (меньшевиков) было избрано 11; кадетов — 12; н.-с. — 2; представителей национальных и иных, в том числе казачьих групп — 56; с.-р. — 320*. Среди 106 членов У. С., избранных от округов, где выборы состоялись позднее, или

* До самого последнего времени почти единственной статистической сводкой «Итогов выборов во Всероссийское Учредительное Собрание» оставалась работа Н. В. Святицкого, выпущенная в 1918 г. московским издательством «Земля и Воля». Некоторые дополнительные сведения были опубликованы тем же автором в № 3 «Народовластия» (Сборники статей членов У. С. фракции социал-революционеров. — Москва. 1918).

Захватив власть, большевики захватили вместе с государственными учреждениями и все их «дела», документы и архивы. Захватили они и все материалы, связанные с подготовкой выборов в У. С., самими выборами и их итогами, которые им удалось найти в делах Временного правительства, Всероссийской по выборам Комиссии и в отдельных комиссиях окружных, фронтовых и местных. На основании всего этого материала выпущено было в 1930 г. в издании «Архива Октябрьской Революции» подготовленное к печати И. С. Малчевским и под общей редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева, — «Всероссийское Учредительное Собрание».

В этой книге, наряду с никчемным материалом, — обязательной для всякого советского издания перепечаткой слов Ленина, партийных и советских резолюций и проч., — имеется и ценное. Здесь можно найти стенографический отчет заседания Учредительного Собрания, Постановления им принятые, ряд, правда, разрозненных циркуляров и распоряжений Всероссийской Комиссии по выборам, нигде ещё не опубликованный список членов У. С. и кой-какие «выявленные» составителями дополнения и исправления относительно численности поданных голосов и избранных депутатов.

Данные эти и сейчас неполны. Неизвестно к чему относящиеся «Примечания» в конце книги, конечно, политически тенденциозны и неправильны. Некоторые из них неверны и фактически («руководитель» фракцией с.-р.-ов в заседании Учредительного Собрания избрана была не «тройка», а «пятерка»; эта пятерка избрана была не там и не тогда, когда и где указывают составители. И состояла не из тех лиц, которых они называют. — Вошедшего в историю Железнякова звали не Виктором, а Анатолием; отчество Льва Кроль было не Яковлевич, а Афанасьевич. И т. п.). — Есть и серьезные цифровые «неувязки». Так, на стр. 115 по «основному списку членов У. С.» показано: с.-ров — 320, большевиков — 160 и меньшевиков — 11. А на стр. 210, 211 и 213, «по внесении некоторых исправлений и дополнений на основании материалов, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции, установлено, что партия с.-р. получила по 60 избирательным округам 17.490.837 голосов и провела в Учредительное Собрание 353 депутата», большевики — собрали 9.562.358 голосов и 178 депутатов, и, наконец, меньшевики — 1.248.958 голосов и 15 депутатов (из них 14 по за-кавказскому округу).

Тем не менее, цифры, приведенные в этой книге, надо признать наиболее полными.

не успевших прибыть в Петроград ко дню открытия Учредительного Собрания, оказалось: большевиков — 15, меньшевиков — 5, к.д. — 5, национальных групп — 30, неизвестной партийной окраски — 1 и с.-р-ов — 50. Таким образом, из избранных 707 членов У. С. с.-р-ов оказалось 370, левых с.-р-ов — 40, большевиков — 175, меньшевиков — 16, национальных и иных групп — 86, к.д. — 17, н.-с. — 2, неизвестных — 1 (См. «Всероссийское Учредительное Собрание». — Госиздат. 1930. — Стр. 115).

Выборы не были произведены или не были закончены в Туркестане (7 округов), Степном крае (3 округа) и на Северном Кавказе, в Кубано-Черноморском, Терско-Дагестанском округах. Недоизбранные 100 депутатов должны были представлять преимущественно мусульманское, киргизское и казачье население, менее других настроенное в пользу большевиков. Но если даже ограничиться данными о партийной принадлежности только фактически избранных, становится очевидным, что правящие партии, 175 большевиков и 40 левых, с.-р-ов, составляли лишь 30,4% по отношению к общему составу избранных членов У. С. Оппозиция насчитывала больше двух третей собрания, до 70%*.

* В разгар гражданской войны Ленин обратил внимание на «замечательно-интересную» работу Святицкого и отозвался на неё обширной статьёй «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», напечатанной в «Коммунистическом Интернационале» № 7–8. — Ноябрь–Декабрь 1919 г. — «Данные о выборах в Учредительное Собрание, если уметь ими пользоваться (!)», показали Ленину «ещё и ещё раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе». Оказывается, «большевизм не победил бы буржуазию в 1917–1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903–1917 гг., беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, т. е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов». Анализируя данные о выборах, Ленин отметил три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина голосов в армии и 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Ленин оперирует с данными Святицкого. Из поданных всего 36,26 милл. голосов с.-р-ы получили 16,5 милл., а, если присоединить голоса с.-р-ов украинских, мусульманских и иных, то 20,9 милл., т. е. 58%. Если к этим голосам присоединить голоса других «партий мелкобуржуазной демократии» (меньшевиков. плехановское «Единство», н.-с-ров и др.), то всех окажется 22,62 милл. или 62%. К.-д. и другие «партии помещиков и буржуазии» получили 4,6 милл. голосов, т. е. 13%. За большевиков же, или «партию пролетариата», по характеристике Ленина, подано было всего 9,02 милл., или 25% голосов. Но сколь разные голоса там и

Мало расположенная к положительной оценке выборов сводка «По провинциальным газетам», опубликованная в «Нашей Речи» 17. XI. 1917, свидетельствовала: «Полученные до сих пор сообщения о ходе выборов рисуют почти везде одну и ту же картину. Выборы происходят везде «спокойно», почти без агитации, но, как общее явление, почти и без насилия. Бывают, однако, и исключения». И позднее, подводя итоги и находя, что «в огромном большинстве сельской России выборы воистину были выборами темными», тот же центральный орган разбитой на выборах партии к.-д. вынужден был признать: «В выборах все-таки активно участвовали десятки миллионов людей. Пусть не вполне сознательно и не всегда свободно, они совершили, однако, акт своей воли и облачили своих избранников и своим доверием, и своими поручениями. Люди, избранные населением, «ре-

тут! Голос голосу только формально и арифметически равен. *Политически* же 9,02 м. могут быть и больше 22,62 м.! Доказывается это Лениным очень просто: «Город не может быть равен деревне»...

«Партия пролетариата» разбила «на голову» не только соперничавших с нею меньшевиков, собравших всего 1,4 милл. голосов. Если распределить по областям данные по выборам, то окажется, что «партия пролетариата» получила абсолютное большинство в столичных центрах: в Петрограде и Москве за большевиков — 837 тысяч, за с.-р.-ов — 218 т., за к.-д. — 515,4 т. она же получила относительное большинство и в промышленных областях: северной (40%), центрально-промышленной (44%), и западной (44%). Умеючи «пользуясь» цифрами, Ленин доказывает, что и от армии и флота «большевики получили немалым менее, чем эс-эры»: 1,791 тыс. голосов против 1,885 тыс.

Если сопоставить эти данные о выборах в Учредительное Собрание с ходом двухлетней гражданской войны, они объяснят, по мнению Ленина, успех антибольшевистского движения в крестьянских и «мелкобуржуазных» районах. «Наименее большевицкими» оказались районы: восточно-уральский и сибирский (12% и 10%), украинский (10%) и поволжско-чернозёмный (16%). Именно там «фразы о демократии и «учредиловке» служили на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста».

Отсюда и нужный Ленину политический вывод: «Господа оппортунисты, в том числе и Каутскианцы, «учат» народ, в издёвку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить на основании такого голосования большинства государственную власть и затем уже на этой основе «последовательной» (иные говорят «чистой») демократии организовать социализм. А мы говорим на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, т. е. диктатуру пролетариата, использовать, как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия трудящихся».

комендовались» ему политическими партиями, отвечающими хотя бы несколько за их моральный облик... В сравнении с органами захватными, недемократическими, насильническими, Учредительное Собрание, несмотря на все недостатки своего рождения, становится воплощением народной воли и народного права» (Передовая в «Нашем Веке» от 30. XII. 1917).

К Учредительному Собранию основная толща русского народа относилась со своеобразной мистической верой, и день выборов в деревнях и провинциальных городах был днем праздника и гражданского торжества. Далеко разносился церковный благовест, и, опуская свою избирательную записку в ящик, крестьяне часто осеняли себя крестным знаменем.

Если оставалась ещё надежда на ликвидацию большевистского переворота, она связывалась исключительно с оппозиционным большинством Учредительного Собрания. Надежды эти питали не одни только политические партии и общественные организации, создавшие специальные Союзы защиты Учредительного Собрания. Их разделяли и самые широкие круги русской общественности и обывательщины. Так совещание городских и земских деятелей, собравшееся в Петрограде 9 ноября, опубликовало воззвание, в котором указывалось, что «исходящая муками на фронте и раздираемая междоусобными распрями в тылу, окровавленная родина стоит на краю гибели. И если есть ещё слабая надежда спасти Россию, спасти великую революцию и великий народ от иноземного ига и окончательного внутреннего распада, это — надежда на Учредительное Собрание. Только через Учредительное Собрание, в ближайший срок созванное, может страна возродиться к новой жизни, только в Учредительном Собрании, впитавшем в себя лучшие силы российских народов, может обрести страна верный выход к миру, свету и свободе»*.

Едва ли не наиболее яркой иллюстрацией широко распространенных тогда настроений может служить речь чуткого и восприимчивого Д. С. Мережковского¹⁷² на митинге союза писателей. Мистик

* «У нас осталась одна надежда — Учредительное Собрание», — писал 3. I. 1918. Л. Красин своей жене, рассчитывая, что правительство Ленина обретется на большинство Учредительного Собрания и из правительства фактического превратится в правительство регулярное. — см. Krassine. — Par sa femme Lubov Krassine. — Paris, 1932. P. 67.

и духовед, он с обычной своей гиперболичностью исповедовал публично непрерываемую веру в то, что «огни потушить можно, но как потушить солнце, Учредительное Собрание, — солнце русской земли. Когда оно взойдет — исчезнут все призраки. Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну, чтож, пусть попробует! Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собрании Ленин сломает себе голову!» (См. «Новая Речь» от 28. X. 1917).

Между тем, как раз в эти дни, убедившись окончательно, что большинства в Учредительном Собрании за ним не будет, «упырь» решил обратиться к другим путям и средствам. Он легко сообразил, что меньшинство — величина относительная, находящаяся в прямой и обратной зависимости от численности большинства. И если нельзя увеличить число избранных членов Учредительного Собрания большевиков, можно всегда уменьшить число членов Учредительного Собрания враждебных большевикам фракций. И 26 ноября «Правда» пишет: «Ответственные слуги пролетариата должны открыто обратить его внимание на то, что классовый конфликт имеется не с Учредительным Собранием, как всенародным представительством..., но с кадетами... Теперь ещё рано предрешать, в какой форме Учредительное Собрание совершит этот акт... Но во всяком случае отстранение кадетов в той или иной форме будет неизбежным этапом в развитии революции, как скоро за это выскажется большинство представителей рабочих и крестьян».

На следующий день, не дожидаясь «акта» Учредительного Собрания, власть арестовала прибывших в Петроград членов Учредительного Собрания к.-д.-ов: Павла Д. Долгорукова¹⁷³, Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева¹⁷⁴. А ещё через три дня опубликован был декрет о том, что «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов» («Правда» от 30. XI. 1917 г.). Декрет заканчивался словами: «Спаси страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа». Большевики уточнили, как понимают они «обозначение» созыва Учредительного Собрания. Эффект был достигнут. На заседании Учредительного Собрания 5-го января ни один из избранных к.-д.-ов не присутствовал. Число голосов, вотиновавших в заседании против большевиков, не на много, но все-таки было уменьшено.

Тот же приём проектировался одно время и в отношении к партии большинства членов Учредительного Собрания — с.-р., как контрреволюционеров, «сумевших подстроить выборы так, что их будет большинство в Учредительном Собрании» (См. «Деревенская Правда» № 49). Но осуществить этот план в целом все-таки не рискнули. Арестовали только отдельных с.-р-ов: Н. Д. Авксентьева¹⁷⁵, А. А. Аргунова¹⁷⁶, А. И. Гуковского¹⁷⁷, П. А. Сорокина¹⁷⁸. Вместе с тем стали искать такого, хотя бы и случайного, сочетания обстоятельств, при котором правящие партии, хотя бы на короткий срок, могли собрать большинство для суммарной и мгновенной санкции произведенного.

Начали с того, что арестовали 23 ноября членов Всероссийской Комиссии по выборам, собравшихся на заседание в Таврическом дворце; при этом конфисковали все дела и производство по выборам. Продолжили тем, что постановлением Совета Народных Комиссаров от 26 ноября открытие Учредительного Собрания было отсрочено на неопределенный срок — «до прибытия в Петроград более 400 членов У. С.». Однако, не считаясь с этим постановлением, 28 ноября, в день, назначенный ещё Временным правительством для открытия У. С., в Таврическом дворце появились члены Учредительного Собрания неправительственных фракций — с.-р.-ы, к.-ды и др. Собралось всего 45 человек, которые признали себя «не в числе» и устроили «частное совещание». На нем было установлено, что «целый ряд окружных избирательных комиссий, в силу обстоятельств, вызванных гражданской войной, не успел закончить свои работы и выдать надлежащие удостоверения избранным членам Учредительного Собрания». Собравшиеся сочли, поэтому, необходимым отложить «первое пленарное заседание» Учредительного Собрания до того дня, который назначат члены У. С., признавшие себя «в достаточном количестве».

На это самочинное выступление большевики ответили тем, что закрыли доступ в помещение Таврического дворца; ввели внешний и внутренний караулы; распустили 2 декабря Всероссийскую Комиссию по выборам и потребовали от всех членов Учредительного Собрания предварительной регистрации у назначенного ими Комиссара *над* Всероссийской Комиссией М. С. Урицкого (занявшего впоследствии пост председателя петроградской Че-Ка и убитого студентом Канегисером)¹⁷⁹, — так называемой, «урицизации»; стали пытаться вступить в соглашение с отдельными «национальными» фракциями украинцев и татар.

Ленин предлагал вовсе не созывать Учредительное Собрание, — распустить его, не открывая. Но вынужден был отказаться от этого плана под давлением левых социалистов-революционеров, поставивших условием своего вхождения в состав Совета народных Комиссаров обязательное открытие Учредительного Собрания*.

Параллельно с этими мерами шла и идеологическая обработка и подготовка общественного, прежде всего, большевистского, мнения. Ибо крамола проникла даже в большевистские ряды. Среди членов Учредительного Собрания большевистской фракции «водворились настроения правого крыла и расхождение с мнением ЦК» — к 11–24 декабря. И для борьбы с этими настроениями решено было принять экстренные меры: сместить Бюро фракции, напомнить всем членам фракции пункт партийного устава о подчинении всех представительных учреждений ЦКу, назначить Сокольников¹⁸⁰ и Бухарина политическими инструкторами фракции и, наконец, изложить подлинное отношение большевиков к Учредительному Собранию (См. «Протоколы» ЦК. — Госиздат. 1929. — Стр. 194/5). Эту последнюю задачу взял на себя Ленин. И, как всегда, решительно и откровенно обнажил он сущность того, вокруг и около чего более стыдливые его соратники топтались в нерешительности в течение ряда месяцев.

Ленин опубликовал 26 декабря 19 Тезисов об Учредительном Собрании¹⁸¹. В них Лютер XX-го века¹⁸² признавал Учредительное Собрание «высшей формой демократизма», но — в пределах «обычной буржуазной республики» и в противовес «империалистической республике с Керенским во главе». Требование созыва Учредительного Собрания было «вполне законным в программе революционной социал-демократии», но — только для прошлого. Для настоящего же — «республика советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений, но и *единственной* формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму».

Смысл этих тезисов был аналогичен смыслу тезисов, оглашенных Лениным ещё в апреле и тогда не встретивших сочувствия даже среди ближайших его единомышленников. Между апрельскими и декабрьскими тезисами была только та разница, что апрельские тезисы сопровождались крикливой борьбой *за* немедленный созыв

* I. Steinberg. Als ich Volkskomissar war. — München, 1929. S. 61.

Учредительного Собрания, как якобы уже превзойденной формы демократизма; декабрьским же тезисам сопутствовала такая же борьба *против* Учредительного Собрания.

В самих тезисах содержалась недвусмысленная угроза по адресу Учредительного Собрания на случай, если произойдет расхождение между «волей народа» и волей «трудящихся» к утверждению «республики советов». — «Лозунг Вся власть Учредительному Собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с советской властью, не считающийся с решением Второго Всероссийского Съезда Советов, — такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев¹⁸³ и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение советской власти и что Учредительное Собрание, если оно разошлось с советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть» (тез. 14-ый). «Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное Собрание и воли народа является... безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти, советской революции, её политики в вопросе о мире, о земле и рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-калединской контр-революции» (тез. 18-й).

Нетрудно установить полное совпадение, не только смысловое, но и буквенное, этих тезисов с теми «Тезисами декрета о роспуске Учредительного Собрания», которое составил Ленин одиннадцатью днями позднее в Таврическом дворце, тотчас же после ухода большевицкой фракции из общего зала заседания. Утвержденные Совнаркомом 6 января тезисы эти легли в основу написанного тем же Лениным декрета о роспуске Всероссийского Учредительного Собрания (См. цитиров. «Всероссийское Учредительное Собрание». Госизд. 1930. — Стр. 216). Того же 7 января 1918 г., когда декрет был одобрен советским ВЦИК-ом (Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом), специальным постановлением последнего были включены в его состав члены Учредительного Собрания большевистской и лево-с.-р.-ской фракций — как бы в утешение и в возмещение за утрату звания членов У. С., в награду за лояльный образ действий. Все другие члены У. С., наоборот, в порядке возмездия и кары были окончательно дисквалифицированы и отнесены поголовно к лагерю «кадетско-калединской контр-революции».

V. ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

На улице и в Таврическом дворце. — Правящее меньшинство и оппозиционное большинство. — Гегемония с.-р.-ов. — Речь председателя. — Планы с.-р., большевиков и левых с.-р.-ов. — Зверинец и цирк. — 17-ти часовая Голгофа. — За кулисами Таврического дворца. — Уход большевиков и левых с.-р. — Выступление Железняка. — Постановления Учредительного Собрания. — «Вчерашний день русской революции» или завтрашний день русской истории?

...Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко
Всякий ходок
Скользит — ох, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»...

А. Блок. — Январь. 1918.

1

5-го января 1918 года выдался в Петербурге обычный зимний день. Ничем в природе не отмеченная пятница. Ни солнца, ни ветра. Ни сильного мороза, ни особо прозрачного, «петербургского» воздуха. Много выпавшего давно и неубранного снега на крышах и на улицах.

...Сборный пункт фракции большинства членов Учредительного Собрания с.-р. назначен был неподалеку от Таврического дворца, — ещё Временным Правительством оборудованного для Учредительного Собрания. Собираются к 10 час. утра не то в чайной, не то в столовке. Тесно и суетно. Произвели перекличку. Роздали «розетки» из красного шелка и красные входные билеты, полученные секретарем фракции для всех её членов разом. Билеты за подписью комиссара

над Комиссией по выборам в У. С. — Урицкого. Подсчитались. Обменялись новостями и слухами. Наиболее сенсационное, — что выпущены из заключения члены Учредительного Собрания социалисты: Авксентьев, Аргунов, А. Гуковский, Пит. Сорокин. Неизвестно от кого исходивший слух быстро приобрел характер достоверности. Легко верилось тому, во что верить хотелось. По разному комментировали «жест» большевиков. Частичная ли амнистия или готовность «выявить» подлинную народную волю возможно полнее? Во всяком случае, это явная уступка со стороны ни в чем неуступчивой власти. Ауспиции как будто более благоприятны, чем можно было думать...

В начале двенадцатого выступили. Идут растянутой колонной, человек в двести, посреди улицы. С членами Учредительного Собрания небольшое число журналистов, знакомых, жен, запасшихся входными билетами в Таврический. До дворца не больше версты. И чем ближе к нему, тем реже прохожие, тем чаще — солдаты, красноармейцы, матросы. Они вооружены до зубов: за спиной винтовка, на груди и по бокам ручные бомбы, гранаты, револьверы и патроны, патроны без конца, всюду. Где только можно их прицепить или всунуть. На тротуарах одинокие прохожие при встрече с необычайной процессией останавливаются, изредка приветствуют восклицаниями, а чаще, сочувственно проводив глазами, спешат пройти дальше. Вооруженные подходят, справляются, кто и куда идут, и возвращаются на свои стоянки и бивуаки, под ворота и во дворы.

Шествие серое, и настроение мрачное. Мирным порядком народ к Учредительному Собранию явно не пропустят. Хватит ли у него желания и решимости прорваться силком?.. Идут и гадают. Обмениваются полусловами. Будущий секретарь досказывает будущему председателю подробности порядка дня, плана кампании, председательских функций и полномочий...

Перед фасадом Таврического вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Беспорядочно свалены в кучу пулеметные ленты. Все ворота заперты. Только крайняя калитка слева приотворена, и в неё пропускают по билетам. Вооруженная стража пристально вглядывается в лицо прежде, чем пропустить; оглядывает сзади, прощупывает спину, после того, как пропустит. Это первая

внешняя охрана. Её несут гренадеры, красноармейцы и матросы, бывшие накануне из Гельсингфорса и Кронштадта*.

Пропускают в левую дверь. Снова контроль, внутренний. Проверяют люди уже не в шинелях, а во френчах и гимнастерках. Через вестибюль и екатерининский зал заправляют в залу заседания. По-

* Влад. Бонч-Бруевич описывает так военно-операционную обстановку, созданную большевиками с кануна открытия Собрания: «Для охраны порядка в самом Таврическом дворце... я вызвал команду с крейсера «Аврора»... К этой команде были присоединены ещё две роты с броненосца «Республика», под предводительством хорошо мне известного матроса Железнякова, анархиста-коммуниста, честно и бесповоротно (?) ставшего на точку зрения правительства диктатуры пролетариата и отдавшего себя в полное его распоряжение... В 3 часа ночи я собрал всех начальников отрядов вверенного мне района и каждому вручил в запечатанном конверте специальное задание... Я крепко пожимал руку этому изумительному человеку — герою революции, матросу Железнякову... Весь вытянувшийся, стройный, как тополь, стоял он, устремив в толпу свои пылающие, чёрные, как уголь, глаза. «Братья, товарищи, — зазвенел, переливаясь, его приятный голос, потрясенный, взволнованный». («На боевых постах февральской и октябрьской революции», стр. 246 и 247).

Другой герой тех же дней — Дыбенко — в воспоминаниях, посвященных «другу — соратнику на революционном поприще, тов. А. М. Коллонтай» («Мятежник». — Изд. «Красной Нови». — 1923 г.), рассказывает о том же: «С раннего утра, пока обыватель ещё мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верные часовые Советской власти — отряды моряков... Начальники отрядов — все боевые, испытанные ещё в июле и октябре товарищи. Виктор Железняков со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический Дворец — само Учредительное Собрание. Моряк-анархист, он искренне возмущался ещё на втором съезде Балтфлота, что его имя предложили выставить кандидатом в Учредительное Собрание. Теперь гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет: «Почетное место займу». Да, он не ошибся. Он занял почетное место в истории».

Этот вошедший в историю анархист-коммунист и герой Октября оказался все же не бесповоротно преданным тем, для кого он «творил историю» в ночь на 6-ое января 1918 г.: он был через несколько лет убит большевиками за «бандитизм» в Черниговской губернии. (Звали его, впрочем, не Виктором, а Анатолием).

О других матросах — героях расправы над «самодовольными глупцами, съехавшимися со всех концов России вершить судьбу тех, кто сам творил революцию», тот же Бонч-Бруевич, сообщает дополнительно: «Часть матросов (расквартированных в Военной Академии и на Суворовском проспекте) оказалась не на высоте положения и стала портить инвентарь Академии... Эти буйные элементы (!) тут же, на заре, были отправлены на суда под конвоем своих же товарищей, для того, чтобы списать этих недисциплинированных и разложившихся матросов с кораблей, обезоружить их, обратить в гражданское состояние и отправить на родину, что и было выполнено через несколько дней после Учредительного Собрания» (там же, стр. 246).

всюду вооруженные люди. Больше всего матросов и латышей*. Вооружены, как на улице, с винтовками, гранатами, патронными сумками, револьверами. Количество вооруженных и самое оружие, звуки его бряцания, производят впечатление лагеря, готовящегося не то к обороне, не то к нападению. У входа в зал заседания последний кордон.

Внешняя обстановка не оставляла никаких сомнений относительно большевистских видов и намерений. Выясняется с несомненностью, что весть об освобождении членов Учредительного Собрания из заключения — вымышлена. Запоздавшие коллеги и посторонние передают, что демонстранты в честь Учредительного Собрания рассеиваются воинскими частями; есть уже убитые и раненые; называют имена рабочих Обуховского завода, представителя совета крестьянских депутатов — Логинова. Ведшие в течение последних полутора месяцев усиленную пропаганду среди петроградского гарнизона и специализировавшиеся на организации так называемых «реальных сил» возвращаются с малоутешительными вестями. Семеновцы и преображенцы, на которых возлагались главные надежды, отказываются выступить против демонстрантов, но не хотят и присоединиться к ним: предпочитают держать знакомый ещё с октябрьских дней пресловутый «нейтралитет». Другие части склонны видеть простое недоразумение в противопоставлении советской власти — власти Учредительного Собрания. Они за *прекращение* братоубийственного междоусобия *мирным путём, путём сочетания* обеих властей.

Аналогичное в смысле миролюбивости предложение делают некоторым членам с.-р.-овской фракции члены «соправительственной» партии левых с.-ров. Они предлагают отправиться вместе туда, где происходят вооруженные столкновения, и, в целях предотвращения кровопролития, уговорить манифестантов разойтись. С.-р., конечно, отказываются уговаривать народ, чтобы он во имя Учредительного Собрания не демонстрировал против насильников.

* Л. Троцкий свидетельствует в своих воспоминаниях о Ленине, что тот настаивал на вызов в Петроград ко дню открытия Учредительного Собрания латышских стрелков, ибо «русский мужик может колебнуться в случае чего, — говорил он, — тут нужна пролетарская решимость, и распорядился «о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу» (см. «Правда» от 20. IV. 1924).

В тот момент не многие сознавали, что события, разыгравшиеся вне стен Таврического Дворца и вне воздействия большинства, фактически уже предрешили исход столкновения, которому предстояло ещё произойти в самом дворце. Перевес реальных сил определил отношение большевиков к Собранию. Некоторые из них принимали непосредственное участие в подавлении уличного движения, в разгоне и расстреле демонстрантов. В отсутствии этих людей большевистская фракция медлила с открытием заседания, поджидая пополнения своих рядов и окончательного разгона манифестантов*.

Открытие Собрания было назначено на полдень. Но проходил час за часом, и ничто не предвещало готовности открыть заседания. Из официальных кругов заверяли, что отсрочка случайна и кратковременна, —

* Тот же Дыбенко описывает: «В 3 часа дня, проверив с тов. Мясниковым караулы, спешу в Таврический. В коридоре Таврического встречаю Бонч-Бруевича. На лице его заметны нервность и некоторая растерянность... Около 5 часов Бонч-Бруевич снова подходит и растерянным, взволнованным голосом сообщает: «Вы говорите, что в городе все спокойно: между тем сейчас получены сведения, что на углу Кирочной и Литейного проспекта движется демонстрация около 10 тыс. вместе с солдатами. Направляются прямо к Таврическому. Какие приняты меры?». — «На углу Литейного стоит отряд в 500 человек под командой тов. Ховрина. Демонстранты к Таврическому не проникнут». — «Все же поезжайте сейчас сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Тов. Ленин беспокоится». — На автомобиле объезжаю все караулы. К углу Литейного, действительно, подошла внушительная демонстрация, требовала пропустить её к Таврическому дворцу. Матросы не пропускали. Был момент, когда казалось, что демонстранты бросятся на матросский отряд. Было произведено несколько выстрелов в автомобиль. Взвод матросов дал залп в воздух. Толпа рассыпалась во все стороны. Но ещё до позднего вечера отдельные, незначительные группы демонстрировали по городу, пытаясь пробраться к Таврическому. Доступ был твердо прегражден». — см. «Мятежники». — Стр. 108.

Хорошо осведомленная в большевистских настроениях горьковско-сухановская «Новая Жизнь» сообщала, что «Совнарком провёл в большой тревоге ночь на 5 января. Пришли сведения, что Преображенский и семеновские полки в своем большинстве решили присоединиться к с-р-ам и примут участие в манифестации под лозунгами «Вся власть Учредительному Собранию», что таково же настроение 2-го балтийского флотского экипажа... Тревога из Смольного передалась всем правительственным учреждениям. Во все комиссариаты были вытребованы усиленные наряды красноармейцев. Везде установлены были ночные дежурства. До 5–6 часов утра в Смольном и комиссариатах не смыкали глаз». — Ещё с кануна Совнарком предложил «членам мирных делегаций Германии, Австрии, Болгарии и Турции (находившимся в то время в Петрограде) перейти на 5 января в более безопасное помещение, нежели то, в котором они находились». («Новая Жизнь» № 4 от 6. I. 1918).

какие-нибудь полчаса, может быть, несколько затянувшиеся, но и только. Не желая вызывать конфликта по случайному и внешне малозначительному поводу, большинство терпеливо выжидало все положенные и вновь переотложенные сроки. Но всякому долготерпению приходит конец. После новой отсрочки постановлено было: во что бы то ни стало Собрание открыть в 4 часа. Не откроет его власть, откроет оппозиция.

К четырем часам физический победитель на улице уже определился. Но большинство ещё не сознавало предреши́нности своей судьбы и тщеты своих усилий.

Всей фракцией двинулись в зал заседания. В дверях расписались на листах. Зал чисто убран и декорирован. На покрытых коричневой материей щитах литеры — «У. С.». С.-р-ы заняли весь центр и правый сектор. Правее их только три эн-эса да несколько депутатов «национально-буржуазных» групп: б. депутат Думы латыш Гольдман¹⁸⁴; сионист Ю. Бруцкус, в форме военного врача; эстонец Сельяма. Слева примыкают к с.-р-ам «национальные» депутаты, социалисты — мусульмане и украинцы. В передних рядах несколько социал-демократов. Ещё левее — недавние злополучные товарищи с.-р-ов, с которыми многие из них имели несчастье проходить в Учредительное Собрание вместе по общим избирательным спискам, — левые эс-эры. И, наконец, подлинные герои дня, Учредительного Собрания и всей России главные враги, под заранее приготовленным плакатом — «фракция большевиков». Среди них, как и среди с.-р-ов, несколько женщин. Среди с.-р-ов В. Н. Фигнер¹⁸⁵, А. Н. Слетова¹⁸⁶, О. А. Матвеевская¹⁸⁷. У них — М. А. Спиридонова¹⁸⁸, А. М. Коллонтай¹⁸⁹, будущая следовательница Е. Ф. Размирович¹⁹⁰, будущая чекистка В. Н. Яковлева¹⁹¹. На эстраде — командующая верхушка и служилые люди. Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань, «жгучий брюнет» Дыбенко¹⁹², Стеклов¹⁹³, Козловский¹⁹⁴. В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся на кресле и вскоре исчезнувший*. Троцкого нет, — он в Бресте...

* Владимир Ильич сел в кресло, — вспоминал позднее его лейб-хранитель и обер-церемониймейстер Бонч-Бруевич. Он волновался и был мертвенно бледен, как никогда. В этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась ещё большей, глаза расширились и горели стальным огнем... Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу от края и до края её». («На боевых постах февральской и октябрьской революции», стр. 256).

Ровно в четыре часа дня из рядов большинства поднялся с.-р. Лорд-кипанидзе¹⁹⁵ и предложил, чтобы старейший из членов Учредительного Собрания, не дожидаясь появления отсутствующих большевиков, открыл Собрание. «Старейшим» фактически был Е. Е. Лазарев¹⁹⁶. Но по предварительному соглашению им оказался С. П. Швецов. Не спеша поднимается он на трибуну, сопровождаемый тем, что, раз начавшись, продолжалось уже непрерывно — с интервалами, иногда длившимися только секунды, — в течение всех последующих 12 с лишним часов...

Стенографический отчет кратко и сухо отмечает: «Шум слева. Голоса: «Долой». «Самозванец». Продолжительный шум и свист слева». На самом деле было много ужаснее и томительней. С выкриками и свистом слились воедино вой и урчание, топотание, хлопанье пюпитрами по пюпитрам. Беснующаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко¹⁹⁷, Луначарский¹⁹⁸, Степанов-Скворцов¹⁹⁹, Спиридонова, Камков²⁰⁰. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собой зрелище бесноватых: не то цирк, не то зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, но и пытали и распинали.

Старейший не перестает действовать председательским звонком и сквозь шум и неистовство объявляет Учредительное Собрание открытым. В ту же минуту на трибуне сзади него и рядом появляется ряд фигур. Секретарь ЦИКа, будущий чекист Аванесов²⁰¹, вырывает из рук Швецова звонок и передает его Свердлову. Тот вторично объявляет заседание открытым. Именем ЦИКа Свердлов²⁰² «выражает надежду» на «полное признание» Учредительным Собранием всех декретов и постановлений, изданных Совнаркомом, и на одобрение Собранием декларации «российской социалистической революции», провозгласившей не индивидуальные права человека и гражданина «на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства», а коллективные «права трудящегося и эксплуатируемого народа». Это была та самая нелепая «Декларация», которая потом вошла целиком в первую конституцию РСФСР 10 июля 1918 года, и которая пятью годами позднее была полностью отброшена той же советской властью из конституции СССР 6-го июля 1923 года.

Из ложи правительства Ленин шлёт записку в большевистскую фракцию. И точно по команде поднимается Степанов–Скворцов и предлагает пропеть Интернационал. Все встают. Поют. У левых и правых свои дирижеры. У с.-р.-ов находящийся впереди Чернов, время от времени оборачивающийся лицом к депутатам и широкой жестикующий силящийся их вдохновить и увлечь. Поют, однако, далеко не все. На обоих флангах нестерпимо фальшивят. И не только звуки, шедшие как попало, вразброд, «по франкциям», фальшивят...

Устами председателя ЦИКа Свердлова большевики предъявили категорическое требование — признать «в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставление себя советской власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Задачи же Учредительного Собрания «исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества».

Яснее нельзя было сказать. Обманувшись в расчете, — если выборы в У. С. «делать» будут они сами, то и большинство в Учредительном Собрании будет «своё», большевистское, большевики уже приняли решение осуществлять свою власть, не считаясь с волей Учредительного Собрания, без него и, в случае нужды *против него*. Но прежде, чем насильственно упразднить Учредительное Собрание, советская власть предложила ему добровольно капитулировать, — согласиться на превращение в совещательное при Совнаркоме учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства.

Фракция большинства членов У. С. и раньше предвидела, что разговаривать, убеждать и спорить с большевиками в самом заседании Собрания не придется, будет бесплодно. Единственно важное — провести так первое заседание, которое могло стать и последним, чтобы укрепить позиции для последующей борьбы с большевиками. Опасности подстерегали на каждом шагу. У. С. могло быть распущено до своего открытия. У. С. могло быть вовсе не открыто за отсутствием «кворума»: за фактическим отсутствием достаточного числа избранных и зарегистрированных депутатов или вследствие умышленной неявки в заседание большевиков и левых эс-эров. Собранию могли не дать даже «конституироваться» и выбрать президиум. Учредительное Собрание могли «занять» выборами президиума и убить на этом все заседание. Его могли сорвать и взорвать на любой мелочи: на споре о

порядке дня так же легко, как и на личной вспышке отдельного члена Собрания. Собрание могло перестать жить *до* того, как дать жизнь Учредительному Собранию. Ещё хуже было бы, если бы начавшаяся жизнь оказалась столь краткотечна и бессодержательна, что от неё не осталось бы ничего для будущей борьбы с большевиками, для будущего устройства России. Всячески оберегая Учредительное Собрание — как когда-то «берегли» вторую Думу, — нельзя было упускать из виду цель, ради которой следовало Собрание беречь. Приходилось осторожно маневрировать между бесплодным доктринерством и безыдейным оппортунизмом. Надо было уже *первое* заседание непременно закончить так, чтобы после него что-нибудь осталось. Не столько, поэтому, задумывалась оппозиция о последующем ходе работ У. С., сколько об его первом, может быть, единственном и решающем заседании. Отсюда и специальная «Комиссия первого дня», образованная бюро эс-эровской фракции.

Эта комиссия выполняла задачу главного штаба. Её план был прост. Уступая и отступая перед противником, не принимать ни в коем случае боя на невыгодных позициях, по вопросам, недоступным пониманию широких масс, слишком специальным, тонким или второстепенным. Бой должен быть принят на таких условиях, чтобы непримиримость обоих начал — *демократии* под лозунгом: «Вся власть Учредительному Собранию!» и, так называемой, *диктатуры пролетариата* под лозунгом: «Вся власть Советам!» — проступила возможно отчетливее и резче; чтобы не только в истории, но и в народном сознании, чувствах и воспоминаниях осталась нерушимой связь Учредительного Собрания с народными чаяниями и надеждами. Это в общих линиях был тот же план, что и у первой Думы, распущенной по выигрышному, для закрепления в народном сознании идеи народоправства, земельному вопросу. Разница — и не в пользу Учредительного Собрания! — была в том, что первая Дума, отбивавшаяся, но тоже не отбившаяся, от натиска справа, все-таки уже существовала, успела конструироваться и начать действовать, тогда как Учредительное Собрание, против своих врагов слева, не обладало ничем, желая стать всем. Первая дума *оборонялась*, тогда как Учредительному Собранию приходилось идти *штурмом*, приходилось быть в одно и то же время и *знаменем* и *знаменосцем*.

Особенно крестьяне настаивали во фракции на том, что одно декларативное выражение задач Учредительного Собрания их не

устраивает, — недостаточно и непонятно массам. Необходимо наглядно, в форме закона, показать, чего добивается, и что предполагает осуществить У. С. Они требовали выдвинуть в первую очередь законопроект о земле, дабы в случае, если придется разъехаться по домам, они могли показать избирателям, чего домогалось У. С. и что не дали ему осуществить большевики.

Нет, оппозиция не упускала из виду «реального соотношения сил». Именно потому она и не считала возможным связывать будущность Учредительного Собрания с гадательным успехом уличного выступления демонстрантов. Ближайшей заботой фракции, как фракции, было предотвратить не *физический разгон* У. С., — что было вне её реальных возможностей, как фракции, — а предотвратить *моральный, политический, деловой* провал Учредительного Собрания.*

Обстоятельства заставили фракцию с.-р. играть главенствующую роль в У. С. Это вызывалось, прежде всего, численным первенством фракции. Это вызывалось и тем, что более правые члены Собрания, избранные к 5-му января в числе 64 человек, за немногочисленным исключением представителей, так называемых, национальных групп, не рискнули вообще явиться на заседание. Кадеты были признаны официально «врагами народа» и частью — Кокошкин, Шингарев, кн. Павел Долгоруков — находились в тюрьме**. Не явился никто и из

* Помимо «Закона о Земле», «Обращения к союзным державам» и «Постановления о государственном устройстве России», принятых Учредительным Собранием (полный текст приведен в «Всероссийское Учредительное Собрание» — Госиздат. 1930. Стр. 112 и сл.), в портфеле эсэровской фракции находились подробно разработанные законопроекты об «Организации исполнительной власти», об образовании «Гвардии Учредительного Собрания» и об иммунитете его членов.

** Л. А. Кроль в своих воспоминаниях «За три года» сообщает, что к.-д.-ский «ЦК накануне (открытия У. С.) постановил, чтобы партийные члены Учредительного Собрания в первое заседание его не являлись, а в дальнейшем — поставить вопрос в зависимость от освобождения арестованных членов Учредительного Собрания».

Тот же автор, член Учредительного Собрания от Пермской губернии, пишет, к сожалению, и о том, чего он не видел и не знает. Из его описания зала заседания в Таврическом дворце следует будто: «Кресла в зале были оставлены строго по числу зарегистрированных, а остальные вынесены из зала. Нам места не было. За нас и без нас решали. Очевидно, (?) если бы кто-либо из нас явился, то для него было уготовлено другое место, а не курьезное кресло» (стр. 8 и 9).

Все это фактически неверно. На правом секторе свободных мест было достаточно. Но в отсутствии к.-д. решали, конечно, без них.

представителей «Союза земельных собственников» и других правых, — в том числе и избранный членом Учредительного Собрания от нижегородского округа архиепископ Сергей, заместивший впоследствии блюстителя патриаршего престола.

Но и фракция с.-р. была в значительной мере «обезглавлена». Авксентьев находился в Петропавловской крепости. Не было и Керенского, на котором сосредоточились по преимуществу большевистские клеветы и ярость. Большевистские ищейки разыскивали его везде и повсюду, ночью и днем. Он был в Петрограде, и много усилий потребовалось, чтобы заставить его отказаться от мысли явиться в Таврический дворец для заявления, что он слагает свою власть перед законно избранным и полномочным Собранием. Отважный до безрассудства Гоц²⁰³ явился на заседание, несмотря на приказ об его аресте за участие в юнкерском восстании. Охраняемый близкими друзьями, он был стеснен в активности. Таким же было положение и Руднева²⁰⁴, возглавившего сопротивление Москвы большевицкому восстанию*. Наконец, Чернов, намеченный в председатели Собрания, тем самым выбывал из числа руководителей фракции. Не было *одного* лица, которому можно было бы доверить руководство. И фракция доверила свою политическую судьбу и честь коллективу — *пятерке*. Зарекшись не поддаваться никаким провокационным выходкам, сохранять хладнокровие, чего бы это ни стоило, члены большинства Учредительного Собрания связали друг друга торжественным обязательством воздерживаться от всяких индивидуальных выступлений, следовать установленному плану, а в случае непредвиденном и неожиданном положиться на находчивость, так и интуицию «пятерки».

В плане с.-р.-ов доминировало желание удержать У. С. на известной высоте, не уронить его достоинства, внедрить и углубить его идею в душе народа. И в то же время они вынуждались уступать обстоятельствам и идти на компромиссы. Выжидая, что власть сама обнаружит своё убожество и банкротство, большинство не форсировало дня открытия У. С., не поддавалось легкомысленным увещаниям само-

* «Я осведомил Владимира Ильича о прибытии целого ряда лиц, объявленных правительством вне закона, пишет Бонч-Бруевич; и мы решили считать их неприкосновенными, пока они находятся в Таврическом дворце, но, конечно, не спускать с них глаз. За ними тотчас же было установлено наблюдение» (стр. 255).

чинно открыть собрание, хотя бы и не в достаточном числе и не в Таврическом дворце. И после долгих колебаний оно вынуждено было остановить свой выбор в председатели Учредительного Собрания на В. М. Чернове, отлично сознавая, что и политически и технически его кандидатура мало удовлетворяет требованиям, предъявляемым к этой ответственной из должностей. Решающим было то, что Чернова менее других коснулись большевистская клевета и злословие. «Селянский министр», как называли Чернова и он сам, и его враги, имел больше всякого другого шансов конкурировать с Лениным в популярности, — особенно в крестьянской среде.

Чернов избран был председателем 244 голосами против 151. Конкурировавшая с ним Спиридонова получила соответственно 153 белых шара против 244 «черняков». Председатель занял своё монументальное кресло на эстраде над ораторской трибуной. Между ним и залом образовалось большое расстояние. И приветственная, основополагающая речь председателя не только не преодолела образовавшегося «мертвого пространства», — она даже увеличила расстояние между ним и Собранием. В наиболее «ударных» местах речи Чернова по правому сектору пробегал явственный холодок. Речь вызвала общую неудовлетворенность у руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны самого оратора.

Конечно, большевики всячески «срывали» Чернова, заглушали его речь свистом, оскорбительным улюлюканием и угрожающими выкриками. В этом активно участвовала не только большевистская фракция, но и матросы, красноармейцы и прочая большевистская публика, заполнившая постепенно все ходы и выходы в самом зале заседания и на хорах. Председатель не раз, во время своей речи и речи других, — призывал аудиторию «уважать достоинство Собрания и соблюдать спокойствие»; предлагал «удалиться» «гражданам, не могущим сохранить спокойствие», грозил «поставить вопрос о том, в состоянии ли здесь некоторые вести себя так, как это подобает членам У. С.»; ставил на самом деле вопрос: «угодно ли Учредительному Собранию, чтобы его председатель принял меры к соблюдению тишины и достоинства Собрания?» и т. д. Но его голос и увещания терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Никто не слушал.

Кроме беспомощно тренькавшего звонка, в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неис-

товствовавших и буянивших. При совмещении же в такой аудитории функций оратора с функциями председателя невозможно было удовлетворительно выполнить ни те, ни другие функции. В этом была объективная трудность положения. В том же положении очутился и М. В. Вишняк, избранный секретарем Учредительного Собрания. На опыте легко было ощутить, что значит занимать должность, не обладая даже минимумом реальных возможностей для осуществления связанных с должностью функций. Ни председатель, ни секретарь не имели в своем распоряжении не только «приставов» для поддержания элементарного порядка в зале, они не имели никакого аппарата для обслуживания заседания и ведения даже записи. Самую стенограмму заседания — переизданную большевиками с проредактированного секретарем издания — удалось получить лишь в порядке личных отношений, установившихся с персоналом Канцелярии ещё в прежнее время, в бытность Вишняка секретарем, так называемого, Совета Республики, или Предпарламента.

Фальшивости внешнего положения — председателя суверенного Учредительного Собрания, располагающего лишь звонком для осуществления своей суверенности, — соответствовало внутреннее содержание речи В. М. Чернова. Она была выдержана в интернационалистических и социалистических тонах, порой не чуждых демагогии. Точно оратор умышленно искал общего языка с большевиками, в чем-то хотел их заверить или переубедить, а не возможно резко отмежеваться и противопоставить им себя, как символ всероссийского народовластия. *Это было не то.* Не то, что хоть скольконибудь могло импонировать, задать тон, удовлетворить, хотя бы в скромной мере требованиям и ожиданиям исторического момента. То была одна из многих, будничных и ординарно-шаблонных речей, — далеко не лучшая даже для Чернова. Он утверждал, что «страна показала небывалое в истории желание к социализму»; что «все усталые, которые должны вернуться к своим очагам, которые не могут быть без этого, как голодные не могут быть без пищи», должны быть немедленно заменены «добровольно шествующей под знаменами социализма армией»; что «уже самым фактом открытия первого заседания Учредительного Собрания провозглашается конец гражданской войны между народами, населяющими Россию». Он счел нужным подчеркнуть, что «важнейший (!) пункт социалистической программы — проверочное всенародное голосование», и что «как

только Учредительное Собрание постигнет несчастье разойтись с волей народа, оно должно будет сложить с себя полномочия и немедленно назначить перевыборы».

Во время речи Чернова выкрики слева, обычно злобные и кроважные — «без пули вам не обойтись!» — стали перемежаться презрительными насмешками и издёвкой лично над оратором и его речью. На противоположном секторе эта речь тоже не вызвала энтузиазма. Она не только не создала и не повысила настроения, а, наоборот, понизила его, вызвав раздражение против лидера, с которым было определено условлено о *содержании* его речи, и который, не предупредив, говорил иначе, не импровизируя, а справляясь с записью*.

И то, что не удалось отчетливо и ярко выразить в председательской речи, приходилось кропотливо и частично наверстывать в ходе самого заседания. Вся душевная и политическая энергия уходила на то, чтобы пробиться сквозь кавдинские ущелья большевистской провокации и лево-эсэровского шантажа, подстерегавших на каждом шагу; на то, чтобы выйти из борьбы, не умалив её задач, не предприняв её дальнейших путей, но зато с определенными постановлениями уже не частных лиц, не партийных комитетов, или профессиональных съездов, а *Всероссийского Учредительного Собрания*.

И на другом фланге то, от чего уклонился Чернов, поставили ребром представители партии, захватившей власть. В вызывающей по форме речи Бухарин точно наметил «водораздел, который сейчас

* «Речь Чернова многих и многих не удовлетворила, — вспоминал тогда же, в 18-ом году О. С. Минор, — теми уклонами, которые как бы давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков. В самом деле программная речь В. М. Чернова была построена как бы нарочно для того, чтобы создать какую-нибудь возможность совместной с большевиками законодательной работы» (Сборник статей разных авторов, стр. 128. изд. «Верфь». Москва. 1918).

Двусмысленная горьковская «Новая Жизнь» № 4 от 6-го января 1918 года давала такую оценку избранию Чернова и его речи: «Правое большинство избрало своим председателем Чернова, — фигуру безусловно одиозную для правого сектора и намечавшуюся в «премьеры» значительной частью большевиков после октябрьского переворота, во время соглашательской кампании Викжеля и интернационалистов. Далее, устами избранного председателя, оно провозгласило такую программу, изложение которой прерывалось криками: «это большевистская программа»!

делит все собрание на два непримиримых лагеря: у *нас* — «воля к диктатуре трудящихся классов», к «диктаторскому завоеванию всей политической власти», которая «сейчас закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия»; у *них* же все сводится к воле защищать «паршивенькую буржуазно-парламентарную республику». «Мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике!».

Другие два большевистских оратора, прошедших через трибуну У. С., если не считать бессвязной речи Дыбенко*, развивали ту же тезу. «Как это можно», удивлялся, как марксист, Скворцов-Степанов, «апеллировать к такому понятию, как общенародная воля... Народ немислим для марксизма, народ не действует в целом (а класс? — М. В.), народ в целом фикция, и эта фикция нужна господствующим классам». А Раскольников²⁰⁵, оглашавший заключительное заявление большевиков об их уходе из Учредительного Собрания, конкретно обозначил «партию Керенского, Авксентьева, Чернова», как «вчерашний день революции», «как врагов народа», отвергших, «в согласии с притязаниями буржуазии», предложение «признать для себя обязательной волю громадного большинства трудящихся», якобы воплощенную в декларацию советов.

Большевики оставались себе равными. Удивляться их действиям и словам могли только те, кто ждал от них другого. В этом отношении отвратительнее была тактика, усвоенная их недавними — незадачливыми и недолгими — соратниками, «дурачками», как их назвал Ленин. Левым эс-эрам предоставлено было великодушно доделать то, что большевики сами не хотели — может быть, погнушались — доделать. И на «наркомюста» Штейнберга²⁰⁶ выпала едва ли не самая постыдная роль в действе 5-го января. Постыдная не потому только, что его прошлое к такой роли вовсе не обязывало, но и потому, что и много лет спустя, уже очутившись в эмиграции, он все ещё не оставил своих попечений и декламаций о «Нравственном лике» Октябрьской революции. Хмель революции бросился в голову этому, отличавше-

* Исправляя стенографический отчет о заседании, секретарь Собрания не внес ни одной стилистической поправки, ни слова не прибавил и не убавил, в стенограмму речи Дыбенко. В отمщение красе и гордости октябрьской революции — и в назидание потомству! — она сохранена в неприкосновенности, во всей первобытной бессвязности, с которой вышла из уст красноречивого комиссара.

муся древним благочестием, эс-эру середняку, скромному оборонцу царского времени. И, выполняя политический заказ «товарищей большевиков», он, вероятно, искренно был, а может быть, и остался убеждён, что делал своё, а не чужое дело.

«Величайшее, историческое, революционное достоинство У. С. заключается в том, чтобы оценить, понять и преклониться перед царственной волей народа и заложенной в ней твердыней народной (?), сделать её своей программой и не сметь (!) выходить из пределов этих программ. Если Учредительное Собрание вышло из недр того же самого трудового народа, как вышли и советы рабочих и солдатских депутатов, то конфликта в требованиях, социальных постановках (?) и чаяниях не может быть. Но если этот конфликт намечается, если этот конфликт создают, если его всеми силами хотят здесь создать, то это значит, что У. С. не есть то У. С., которое подчинено воле народной, что Учредительное Собрание чувствует себя — «не ребенком народа», а «отцом народа».

Красиво, но не всегда грамотно говоривший оратор требовал от Учредительного Собрания «подчинения воле трудового народа, изложенной в программе рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Это был единственный оратор, дважды выходивший на трибуну для издевки и изобличений Учредительного Собрания в том, что «оно не посмело сразу восстать против советской власти... не посмело отклонить программу Ц. И. К., но считало для себя возможным и доступным уклониться поставить обсуждение этой программы на повестку дня». Желая сохранить хотя бы видимость своей самостоятельности и независимости от большевиков, хотя бы «оттенок благородства»*, фракция левых эс-эров выразила готовность сделать

* В воспоминаниях, выпущенных б. «накормюстом» Штейнбергом на немецком языке, уже на положении эмигранта, особенно усердно подчеркивается «благородство» левых эс-эров, якобы существенно отличавшее их от аморальных «соправительствовавших» большевиков. Автор и сейчас отстаивает мысль «соединения Учредительного Собрания и Советов» — льда и пламени, которое левые эс-эры предлагали в качестве «компромисса» Учредительному Собранию и большевикам. Автор говорит о заседании 5-го января, как о *трагическом* заседании, выдает Гоцу свидетельство о мужестве за его бесстрашное появление в заседании, тогда же «доставившее удовлетворение» автору. Не воздерживается он и от скорбной ламентации: «Слева от нас — весь штаб старой, увенчанной историческими заслугами социал-революционной партии. В этом штабе — мы, левые социалисты-революционеры, видели все наших учителей, руководителей

«ещё последний шаг», несмотря на своё «совершенное согласие с товарищами большевиками».

«Вы, правая половина (!) нашего состава У. С., которые «сделаете все, чтобы перехитрить народ» и «затемнить сознание трудовых масс», — «будьте добры сегодня, не расходясь, в этом зале выяснить ваше отношение к политике войны и мира, которую ведет наша советская власть. Мы вам ультимативно предлагаем ту часть резолюции ЦИКа, которая касается политики мира... Имейте мужество сегодня, не выходя из этого зала, ответить на это, потому что вы тоже поставили этот вопрос, — присоединяетесь ли вы целиком и безоговорочно к той политике мира, которую ведет нынешняя советская власть или вы от неё отказываетесь»?...

Такое — и не только такое — мужество у Собрания, конечно, имелось. Ультиматум левых эс-эров был отвергнут с той же решительностью, что и угрозы большевиков. От имени «правой половины» Собрания А. Б. Ельяшевич²⁰⁷ заявил, что «мы считаем ниже достоинства Учредительного Собрания, чтобы кто бы то ни было говорил с ним языком угроз. Мы знаем, — вы говорили об этом достаточно откровенно, — что у вас уже все предreshно, что вы, опираясь на штыки, хотите совершить величайшее преступление против верховной воли самого народа»...

Ораторы сменяли друг друга. Центральным было появление И. Г. Церетели²⁰⁸. Встречный необычным даже для этого собрания ревом и воем: — «Изменник!... Палач! Предатель!... Смертная казнь!», — к концу своей речи он сумел заставить себя слушать и большевиков; Зензинов²⁰⁹; украинец Северов-Одоевский; «живописный» крестьянин на костылях Сорокин; социал-демократ Скобелев²¹⁰, будущий сменовец, — вносящий предложение об избрании комиссии для расследования обстоятельств расстрела «без всякого предупреждения», «прямо в толпу», мирно демонстрировавшую в честь Учредительного Собрания и молитвенно певшую революционные гимны под красными знамёнами, которые агенты власти выхватили из рук, бешено рвали на куски и швыряли в огонь уличных костров*... Другой социал-демократ, впоследствии полпред в Японии, Трояновский; мусульманин Цаликов;

и предшественников по борьбе». И в заключение — не то запоздалое раскаяние, не то беспредметное вздыхание: «Как стало возможно, чтобы мечта многих поколений (Учредительное Собрание) рассеялась как сон?» («Als ich Volkskommissar war». S. 60, 61. 71. 74. 87).

* Официально зарегистрировано большевиками за 5-е января по одному Петрограду убитых — 9 и раненых — 22.

эстонец Сельяма; латыш Гольдман, еврей Львович-Давидович. Затаившаяся речь Тимофеева о мире; простецкая речь крестьянина-втородумца Ефремова о «груди говорящего под угрозой браунинга, грудь каждого из вас, народные избранники, открыта... Если здесь в стенах этого высокого собрания решено кому-нибудь из нас пасть жертвой злодейства, это послужит правде, истине, священной обязанности народного избранника»... — И, наконец, недвусмысленная угроза большевиков, покидавших «это Учредительное Собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение об отношении к контрреволюционной части Учредительного Собрания», — к «врагам народа»*. А часом позднее — уже в третьем часу утра — аналогичное

* «Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На выложенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеялся.

Около 11 часов вечера большевистская фракция потребовала перерыва для совещания. Перед нами встал вопрос, что делать дальше? Выступил Владимир Ильич.

— Центральный Комитет предлагает уйти с Учредительного Собрания после оглашения соответствующей резолюции, — предложил Владимир Ильич.

...После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был намечен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в залу заседания.

— Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции? — спросил нас Владимир Ильич.

— Да.

— Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсэров и меньшевиков? — был ответ Ленина.

Многие с ним согласились не сразу. После второй энергичной речи Ленина его предложение было принято. Большевики не вернулись в залу заседаний. Одни разошлись по домам, другие наблюдали сцену с хор, из дверей и т. п. На заседание вернулся один тов. Раскольников, который прочитал декларацию и ушел. На солдат караула она произвела громадное впечатление. Многие из них взяли винтовки на изготовку. Товарищ бывший на хорах, рассказывал мне, что один из солдат даже прицелился в толпу делегатов эсэров. Еще момент, и могла бы разыгаться ужасная сцена.

Знают ли, подозревают ли бывшие депутаты эсэры, что только Ленину они обязаны своим спасением от смерти? — спрашивает в своих воспоминаниях о Ленине один из большевистских Иудушек Н. Л. Мещеряков («Печать и Революция» № 4 за 1924 год — перепечатано в Сборнике воспоминаний «О Ленине», 1 стр. 49).

А в день десятилетнего «юбилея» все позабывшие, кроме лжи, «Известия» писали: «Никто не встречал пушками и пулеметами избранников в день открытия

заявление и левых эс-эров, уходивших из Учредительного Собрания, не желая покрывать «тот грех, которое совершило правое большинство У. С.», решившее заняться в первую очередь вопросом о земле, а не вопросом о мире, как того ультимативно требовали левые эс-эры.

Проходили долгие, томительные часы, пока, не поддавшись «лихому подговору», Учредительное Собрание освободилось от всячески тормозивших его работу враждебных фракций. Давно уже зажглось электричество. Напряженность военного лагеря все нарастала и искала выхода. Красный смех становился все оглушительнее и наглее. С секретарского кресла, лицом к залу, можно было видеть, как вооруженные люди после ухода у большевиков все чаще, чтобы скоротать время, «для развлечения, вскидывали винтовку и брали «на мушку» то кого-нибудь из находящихся на трибуне, то глянцеви́тый череп старика Минора²¹¹... Ружья и револьверы грозили ежеминутно «сами» разрядиться, ручные бомбы и гранаты — «сами» взорваться. Какой-то матрос, признав в Бунакове-Фундаминском²¹² бывшего комиссара черноморского флота, без долгих размышлений тут же у трибуны взял на изготовку ружье. И только исступленный окрик случайного соседа, эс-эра из сектантов, Бакуты: «брат, опомнись!», сопровождаемый ударом по плечу, остановил шалого матроса*.

(“учредилки”). Не было также свалки и скандала... Штыков не было (!), “чернь” на хорах “бунтовала” только в воображении струсившего обывателя, попавшего волею судеб в столь высокое собрание». «Известия» от 19.01.1928).

И позднее большевистский «историк» Н. Рубинштейн писал: «Историк, который рассчитывал бы найти драматические эффекты в день пятого января 1918 г., был бы разочарован. Внешняя обстановка первого заседания У. С. и его роспуска была до нельзя проста». — См. «Историк-марксист» т. 10. — 1929. — Изд. Коммунист. Академии, стр. 56. — Увы, «драматических эффектов» было более, чем нужно самому требовательному историку!..

* Член Учредительного Собрания от таврического избирательного округа Бакута позднее оказался «заагентуренным» большевиками «сексотом» (секретным сотрудником).

И. Штейнберг рассказывает в своих воспоминания о «закулисном» расстреле, произведенном в эти часы матросами в Таврическом саду. — «Совнарком» заседал в б. министерском павильоне. Ленин повесил своё пальто на стену, оставив в нем свой револьвер. Один из часовых, состоявших при народных комиссарах, револьвер присвоил. Обнаружив пропажу, Ленин заявил об этом старшему. И к вечеру, когда приближались часы агонии Учредительного Собрания, — как картинно описывает раскаявшийся в содружестве с большевиками комиссар, — узнали мы, что матросская стража нашла укравшего револьвер. Это был один из них, и они его тут же в саду расстреляли». — (Там же, стр. 159–160). Этот эпизод частично подтверждают и воспоминания Бонч-Бруевича. — (Стр. 259).

Револьверы вынуты и едва не пущены в ход и в другом месте — на лево-эсеровских и украинских скамьях. Действующие лица неизвестны. Видны только мимика, жесты и револьвер, отобранный «старшим» по фракции левых эс-эров Карелиным²¹³. Слышно: «Проси прощения, мерзавец!»... Друзья уводят Гоца, одним своим присутствием вызывавшего непреодолимую ярость на хорах и в самом зале. Заставляют уйти и Руднева, своим именем породившего новый клич российских краснокожих: «рудневцы», — едва ли не чаще всего звучавший в зале, не то как призыв к расправе, не то как возглас победителей, уже опочивших на лаврах и празднующих тризну.

В полукруглом зале сложенные по углам гранаты и патронные сумки, составленные ружья. Не зал, а становище. Учредительное Собрание не только окружено врагами, но во вражеском стане, внутри, в самом логовище зверя. В отдельных группах «митингуют», спорят. Кое-кто из членов Собрания пытается убедить солдат в правоте Учредительного Собрания и преступности большевиков. Доносится:

— И Ленину пуля, если обманет!...

Комната, отведенная под фракцию с.-р.-ов, занята матросами. Из комендатуры услужливо сообщают, что начальство не гарантирует депутатов от расстрела в зале заседания. Тягучая тоска, скорбь и боль усугубляются от сознания безысходности положения и собственного бессилия. Жертвенность не находит для себя выхода. Что делают, пусть бы делали скорей!...

В зале Собрания матросы и красноармейцы уже совсем перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, щелкают на ходу затворами, вихрем проносятся на хоры. Из ушедшей фракции большевиков фактически покинули зал лишь более видные; менее известные лишь перебрались с депутатских кресел на хоры и в проходы и оттуда наблюдают и подают реплики. В публике на хорах тревога, почти паника. Депутаты на местах неподвижны. Большинство Учредительного Собрания изолировано от мира, как изолирован Таврический дворец от Петрограда, Петроград — от России. Кругом шум. А большинство точно в пустыне, преданное и покинутое на волю победителей, чтобы за других — за народ и за Россию — испить горькую чашу. Передают, что к Таврическому высланы кареты и автомобили для увоза арестуемых. И в этом было даже нечто успокоительное, — все-таки некоторая определенность!... Кое-что спешно уничтожают, кое-что передают

близким, в пубlike и в ложе журналистов*. Тюремные кареты не приезжают. Новый слух — большевики распорядились выключить электричество. Через несколько минут хлопотливая А. Н. Слетова уже добыла десяток свечей.

Круг суживался. С уходом левых эс-эров, большинство предоставлено самому себе. Не у всех хватило силы выносить великое томление. Не вынес маяты, в частности, бывалый крестьянин-вологжанин, — сбежал к ранней заутрене наступившего дня Богоявления: «Свечку хочу поставить Николаю Угоднику»... В Таврический дворец он больше не вернулся.

...Был пятый час утра. Оглашали и вотировали заготовленный закон о земле. На трибуну поднялся неизвестный матрос, — один из многих, слонявшихся весь день и ночь в кулуарах и проходах. Приблизившись к креслу председателя, занятого процедурой голосования, матрос постоял некоторое время, подождал и, видя, что на него не обращают внимания, решил, что настал час войти в историю. Обладатель исторического отныне имени, Железняков²¹⁴ тронул председателя за рукав и заявил, что, согласно полученной им от комиссара (Дыбенки) инструкции, все присутствующие должны покинуть зал заседания.

Началось препирательство между В. М. Черновым, настаивавшим на том, что «Учредительное Собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила», и «гражданином матросом», настаивавшим, чтобы «немедленно покинули зал заседания». Физическая сила, увы, была на стороне «анархиста-коммуниста» и победил не Виктор Чернов, а Анатолий Железняков. Быстро заслушивается ряд внеочередных заявлений, и, в порядке спешности, открытым голосованием принимаются, по оглашению, 10 первых статей Основного закона о земле, обращение к союзным державам, отвергающее сепаратные переговоры, и «именем народов, государство Российское составляющих», постановление о федеративном устройстве Российской демократической Республики. В 4 ч. 40 м. утра первое заседание Всероссийского Учредительного Собрания закрывается. Следующее назначается на 5 час. того же дня...

* Среди переданных документов было и заявление — Отчет Всероссийскому Учредительному Собранию членов Временного Правительства, находившихся на свободе.

Медленный поток выносит взволнованную толпу из зала. Спускается со своей вышки В. М. Чернов, свертывая в трубочку бумажки. Проходит к вешалкам с платьем. Караул не останавливает*. Только слышится по адресу Чернова:

— Вот этого бы в бок штыком!...

...Не чувствуется утомления. Грызет тоска и горечь. На душе сумрачно и тревожно. Что готовит грядущий день России? Учредительному Собранию? Его членам?

«Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острая.
Наша молитва устами несмелыми.
Наша надежда и воздыхание —
Учредительное Собрание, —
Что мы с ним сделали?!...»

(З. Гиттис. — Январь. 1918).

* Позднее большевики сообщили, что в конце ночного заседания караулу был дан приказ, подписанный собственноручно Лениным и Урицким: — «Предписываю товарищам солдатам и матросам, не допускать насилия по отношению к контрреволюционным членам У. С. и свободно выпускать всех из Таврического дворца. Никого не впускать без особого приказа» (См. «Всероссийское Учредительное Собрание». — Госиздат. 1930, стр. 207).

Дыбенко в своей книге описывает этот эпизод по своему (называя своего любимого героя уже Железняком): — «Я отдал приказ разогнать Учредительное Собрание уже после того, как из Таврического уйдут народные комиссары. Об этом приказе узнал тов. Ленин. Он обратился ко мне и потребовал его отмены.

— А вы дадите подписку, Владимир Ильич, что завтра не падет ни одна матросская голова на улицах Петрограда?

Товарищ Ленин прибегает к содействию тов. Коллонтай (!), чтобы заставить меня отменить приказ. Вызываю Железняка. Ленин приказывает ему приказа не выполнять и накладывает на мой письменный приказ свою резолюцию:

«Тов. Железняку. Учредительное Собрание не разгонять до окончания сегодняшнего заседания». На словах он добавляет: «Завтра, с утра, в Таврический никого не пропускать».

Железняк, обращаясь к Владимиру Ильичу, просит надпись «Железняку» заменить «Дыбенко». Владимир Ильич полушутливо отмахивается и тут же уезжает на автомобиле. За тов. Лениным покидают Таврический и остальные народные комиссары. При выходе встречаю Железняка.

Железняк: — Что мне будет, если я не выполню приказания тов. Ленина?

Я отвечаю: — Учредиловку разгоните, а завтра разберемся.

Железняк только того и ждал» («Мятежники», стр. 110).

VI. ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Роль идей в гражданской войне. — Два лагеря по признаку признания и отрицания идеи и факта Учредительного Собрания. — «Осколки» Долгого Парламента в Англии 17-го века. — Положительные и отрицательные стороны с.-р-ского возглавления вооруженной борьбы против советской власти. — VIII совет партии с.-р. в Москве и меры «спасения родины и революции». — Восстановление Учредительного Собрания первого созыва или созыв нового Учредительного Собрания? — Программа и тактика с.-р., н.-с., с.-д., к.-д. и Союза Возрождения.

1

Большевики были инициаторами гражданской войны в России. Они сделали войну методом своего политического управления. Но к победе они пришли под самыми пасифистскими лозунгами: во имя ликвидации внешней, «империалистической» войны и для «обеспечения» созыва Учредительного Собрания, который саботирует буржуазия, противящаяся бескровному удовлетворению справедливых нужд народа. Главную же причину затянувшегося октябрьского торжества надлежит видеть в том, что, однажды обманутый, народ уже потерял вкус и веру в возможность устройства своих судеб путем междоусобной гражданской войны. Как бывает в индивидуальной жизни, страх смерти или ужасов гражданской войны оказался «страшнее» или сильнее самой смерти — перманентной войны, синонима и сущности большевизма. «Гражданская война это триумф советской власти», — говорил Ленин, защищая брестский мир и обнаруживая подлинное своё отношение к миру и войне.

Органические и принципиальные ненавистники гражданской войны и большевиков недооценили, однако, всей меры отталкивания от неё русских народных масс. В этом отталкивании, может быть, было меньше от морально-революционного толстовского «неприятия насилия», нежели от примитивного консерватизма, сформулированного ещё Монтэнем²¹⁵ — «Всякое существующее правительство лучше грядущего уже тем, что оно существует»... Может быть, здесь вообще было больше не от разума, а от инстинкта, от недостаточ-

ности гражданского воспитания, шкурной корысти. Как бы то ни стало, но решающий фактор в гражданской войне — народ, народ этой войны упорно не принимал, перестал принимать войну на всех фронтах или принимал её, как исключение, только в редкие моменты и на недолгий срок.

Этот непреложный факт подтверждается неудачами на всех антибольшевистских фронтах. Он подтверждается и постоянством встречных «миграций» красных к белым и белых к красным, в зависимости от обозначившегося местного успеха, и стихийным накоплением «зеленых» и всевозможных «партизан», не принимавших Колчака²¹⁶ или Деникина²¹⁷, но не капитулировавших и перед Лениным.

Успех войны во все времена и у всех народов обуславливался не только живой силой или численностью штыков, а и теми, по убеждению многих, мертвыми и отвлеченными идеями, во имя которых войны велись, — теми *целями*, которые войне ставились.

Эволюция во времени и культуре народов шла в двояком направлении: по линии видоизменения содержания этих идей и целей, их смягчения и усложнения, и по линии большего захвата ими вглубь и вширь воюющих на фронте и в тылу, в увлечении идеями и целями борьбы, в пределе — всей страны. Как правило, выигрывала войну та сторона, у которой сильнее оказывались «нервы» — производное от общего состояния «духа» и «морали» бойцов, от степени их уверенности в своей правоте и неправоте противника.

Ещё существеннее и ясней роль идей и целей в борьбе не с внешним противником, а внутри страны. Здесь они уже не некое идеологическое лишь «сопровождение» к главному, физическому столкновению противоборствующих национально-государственных единств. Наоборот, здесь физическое столкновение сопровождает главное, что составляет смысл и содержание гражданской войны, — борьбу за одни учреждения, системы и методы управления и уничтожение других; за отвращение от одних, мнимых или ложных ценностей и привлечение к другим, подлинным. «Интересы» питают, конечно, и гражданскую войну. Но только «души», определенное состояние сердец и умов, её родят и убивают.

На опыте не завершенной ещё Россией гражданской войны дана была прискорбная возможность проверить правильность этого обобщения.

Фанатически стойко боролись за людские души большевики. Виртуозно использовали они свою систему идей, и как, зачастую, беспомощны оказывались многие из противников большевиков. Они сами в этом позднее признавались. Жалки бывали не только способы агитации и пропаганды, которыми пытались дискредитировать большевистскую идеологию и защищать свою. Беспомощным и лицемерным оказывалось нередко самое содержание антибольшевистской идеологии.

Не один только «Осваг», в качестве органа осведомления и разведки, поставлявший идеи и разрабатывавший идеологию белого движения, не имел в этом отношении что предъявить и не в силах был увлечь не то, что массы, но и самую остепенившуюся и на все заранее согласную общественность. Белое движение в целом, когда оно переставало быть двуличным и двусмысленным и, отказываясь объять необъятное, пробовало давать *свои* ответы по насущно острым вопросам, — даже как «чистая идея» оказывалось безжизненным и в революционных условиях своего времени ирреальным. Ибо не только по своему личному составу, как это впоследствии признал и сам ген. Деникин, в качестве историка возглавлявшегося им движения, армия была определено *классовой*, в своем подавляющем большинстве принадлежавшей к обездоленным революцией классам. Армия была и своим духовно-душевным устремлением обращена не вперед, а назад, не к *разрешению* революционного кризиса, а к насильственному его преодолению, к *истреблению* вместе с ненавистными завоеваниями революции её вольных и невольных служителей, к утверждению утопичнейшей из утопий — бывшее сделать небывшим.

Какими только лозунгами ни прикрывалось — искренне и лицемерно — антибольшевистское движение. Но одни из этих лозунгов были слишком общи: кто не зывал к «народу» и кто не думал, что он радеет об «отечестве»?!* И большевики давно уже смотрят на Россию,

* В «Быховском Альбоме», составленном ген. Корниловым и его сотоварищами, имеется следующая запись видного вождя и «идеолога» белой борьбы ген. Лукомского:

«В июне 1790 г. на одном из заседаний Учредительного Собрания правая сторона возражала против права решать вопросы о конституции страны. Мирабо ответил так: «Вы все помните слова великого человека древности, пренебрегшего законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопрос трибуна, соблюл ли он закон, он отвечал: клянусь, я спас отечество. Господа

как на *свое* отечество, как на родину Советов и всех трудящихся. Другие, слишком явно односторонние, исходили из интересов лишь определенного класса, национальности или партии или только таким интересам шли навстречу.

Правда, ни одна идея, противопоставленная большевизму, не победила. Этим отнюдь не доказана, однако, жизнеспособность или тем более истинность большевизма. Нет, всеобщее поражение доказывает лишь всеобщность ошибок. Но ошиблись все не в большевизме, которого якобы недооценили, а в том, что большевизму было противопоставлено, и что, на самом деле, переоценили. Переоценили и действенность той идеи, которая политически, как принципиальное и предельное отрицание существа большевизма, только и должно было быть ему противопоставлено, — идею Учредительного Собрания.

Большевики сумели сыграть — и выиграть — на влечении к миру во время войны. Сумели они сыграть — и остаться в выигрыше — и на отталкивании от гражданской войны в период повсеместного её торжества. Это не отменяет того, что для ликвидации революции и выхода из хаоса фактических отношений на путь права, гражданской войне может быть противопоставлена по-прежнему лишь система гражданских свобод и политическое самоопределение народа через избранное на демократических началах представительство.

Незаменимость этой идеи никакой другой подтверждается косвенно и тем, что даже закоренелые её враги, испробовав все другие идеи и цели, начав с проклятий и хулы по адресу Учредительного Собрания, как доктринерской выдумки безответственных политиков, кончали тем, что сами к этой же идее обращались, славили её и

(обращаясь к депутатам общин), клянусь, что вы спасли Францию». — Ген. Корнилов и «корниловцы» могут смело сказать: «Клянемся, что в своих действиях мы руководствовались лишь тем, чтобы спасти Россию». — (См. «Белое Дело». — Летопись белой борьбы». Под ред. А. А. Фон-Лампе Т. П.).

Ген. Лукомский видимо и не заметил рискованности не только своего сравнения с Мирабо, но и главного — что «корниловцы», и он в том числе, лишь «руководствовались» тем, чтобы спасти отечество, тогда как римляне фактически его спасли; «корниловцы», и среди них Лукомский, в предвидении неосуществленного ими спасения заявляли о своем «пренебрежении» к законным формальностям, тогда как римляне сначала спасли отечество, а уже потом добивались отпущения своих беззаконий...

Только и вся разница!

благословляли, несмотря на то, что благословение в их устах звучало лицемерной данью, которую порок, с упущением всех сроков, приносил добродетели... Так было на всех фронтах антибольшевистской борьбы: после переворота Чаплина–Пуля, ближе к миллеровской эвакуации на севере; после переворота Михайлова–Пепеляева и Нокса²¹⁸, во второй период правления Колчака в Сибири; при Деникине и Врангеле²¹⁹ на юге; при Родзянке²²⁰ и Юдениче²²¹ после «переворота» ген. Марча на так называемом северо-западном или петроградском фронте.

То была Немезида всех могильщиков свободы и народоправства, обличавшая их внутреннюю фальшь и ничтожество. Одержав над началами народоправства победу физически и внешне, они вынуждены были сами, втихомолку и украдкой, капитулировать перед этими началами морально.

Не надо обманываться относительно популярности идеи Учредительного Собрания в зарубежной или даже Советской России. Выдвигая требование Учредительного Собрания в *итоге* своих неудач и *после* того, как раньше они пробовали обойтись без него, правые круги, спасая себя, только компрометировали идею Учредительного Собрания. С другой стороны, не безгрешны были и левые, пламенные и убежденные защитники У.С. О том и о другом дают представление те из страниц гражданской войны, которые касаются борьбы против большевиков именем и при активном участии членов Учредительного Собрания, исторически данного России 17-го года. Не претендуя давать историю гражданской войны, мы остановимся, поэтому, не на хронике событий, а лишь на той политической линии, которую вели «осколки» Учредительного Собрания в борьбе против тех, кто поднял не него руку.

Победа осталась не за теми, кто защиту своих прав сопрягал с защитой прерогатив Учредительного Собрания не в идее только, но и *in concreto*. Над ними верх взяли те, кто, как и большевики, находили положительное значение в разгоне «неработоспособного», «эсэровского», «черновского», и т. д. Учредительного Собрания. Обстоятельства, вызвавшие и сопровождавшие поражение «учредиловцев» в их борьбе против большевиков, представляются нам поучительными не только исторически, но и политически. Может быть теперь, когда вскрылись не только итоги победы над «учредиловцами», но явными стали и скрытые — и умышленно скрывавшиеся — факты и процессы

борьбы против них, нелицеприятное общественное мнение лучше разберется в том, следовало ли — следует ли по сей день* — пламень своего негодования в самый разгар гражданской войны направлять не против главного врага, большевиков, а против тех, кто их «создал» и вовремя не сумел ликвидировать?

Теперь уже на опыте явлено, что диктатура, даже военная, адмиральская и генеральская, ещё не гарантирует успешной ликвидации большевиков. Теперь уже опытным путем доказано, что ни одна политическая группировка не состоит из одних только праведников, что Слащевы и Ключниковы²²² встречаются в самых крайних антибольшевистских группировках, и что даже в такой немногочисленной и, потому, подобранной партии, как н.-с., диапазон пореволюционного расхождения может идти от И. П. Алексинского²²³, возглавившего самую правую, с участием Маркова 2-го²²⁴, организацию, и до «сменившего вехи» в сторону большевиков А. В. Пешехонова.

В свете нового опыта — не сейчас, так позднее, — не потребует ли объективный или претендующий на объективность исторический подход пересмотра взгляда на тех, кто искони знамя своей политической веры полагали в народовластии и гражданских свободах и этому знамени пытались следовать и в жизни?

2

В первом и последнем заседании Учредительного Собрания, в ночь на 6-ое января 18 года, большевистские ораторы с полной отчетливостью определили создавшееся положение. Вы — по одну сторону баррикады, мы — по другую. «Вы в одном мире, с кадетами и буржуазией, мы в другом мире, с крестьянами и рабочими», — говорил Скворцов-Степанов. «Водораздел, который сейчас делит все собрание на два непримиримых лагеря», это — «воля к диктатуре трудящихся классов», к «диктаторскому завоеванию политической власти». «Во-

* «В нашей революции много страниц страшных, вызывающих чувства ужаса, отвращения, гнева, мести, — писал А. С. Изгоев ещё в 1923 г. («Руль» № 909. Берлин). Но есть в ней и худшие страницы, самые позорные, которые вызывают не ужас, а презрение, не гнев, а пренебрежительную усмешку. Первой и самой яркой такой страницей является однодневное существование Всероссийского Учредительного собрания... Не один, а все (!) русские люди всех (!) партий признают, что более позорной страницы русская история XX века не знает»...

прос о власти революционного пролетариата есть коренной вопрос текущей действительности, который будет решен гражданской войной», — предсказывал Бухарин.

Правильность обрисованной дислокации была тут же признана и представителем другого лагеря или «мира», Церетели. И он констатировал, что «с того времени как вы (большевики) вступили на путь диктатуры меньшинства, линия гражданской войны прошла через сердце демократии». Уходя из Учредительного Собрания, объявив его «вчерашним днем революции», большевики предупредили, в оглашенной Раскольниковым декларации, что «покидают это Учредительное Собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания»...

Война была объявлена официально. Но в течение долгих месяцев огонь шел в одном только направлении, — серьезного сопротивления не было.

Большевики ушли. За ними потянулись левые эсеры. А «Контр-революционное большинство» Учредительного Собрания, в крайней ночной спешке, старалось тут же в Таврическом Дворце закрепить исходные позиции для последующих битв. Запоздалое и тусклое петроградское утро развело враждующие стороны. А на следующий день депутаты наткнулись уже на запертые у дворцовых ворот решетки, как это бывало и раньше. При роспусках врасплох 1-ой и 2-ой Государственной Думы. Ленин в 18-м году лишь повторил столыпинские образцы 6-го и 7-го гг.²²⁵. Находя, что «трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно не совместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих», декрет Центрального Исполнительного Комитета постановил: — «Учредительное Собрание распускается».

От того, что Учредительное Собрание было распущено волей непризнанной власти, этот акт ни в малой мере не становился, конечно, правомерным прежде всего в глазах «контр-революционного большинства» Собрания, а затем, следовало думать, и в глазах всего антибольшевистского «мира». Однако с самого же начала два обстоятельства, способствуя подрыву авторитета Учредительного Собрания, сыграли в руку тем, кто стал оспаривать право большинства Учре-

дительного Собрания считать себя правомочным представителем народного мнения и воли.

Прежде всего — самый факт роспуска или неудачи окрылил противоположными настроениями тех, кто до 6-го января именно в У. С. и только в нем видел единственно возможную преграду большевистскому насилию. Чем сильнее были вера в политическое чудо, надежды и желание, что от одного гласа У. С. падут устои захватнической власти, тем больше было разочарование, тем кощунственнее стало безверие, тем ожесточеннее сделались нападки на потерпевшее поражение Собрание. С первых же дней после его роспуска стало нарастать это чувство недовольства, быстро переходившее в возмущение, ненависть и даже презрение. Эти чувства надолго захватили самые широкие круги русской общественности. И история этой общественности должна зарегистрировать, как проявление крайней растерянности и паники, позорный факт открыто высказанного — и на протяжении гражданской войны не раз повторенного предпочтения «учредиловцам» тех, кто «Учредилку» разогнал.

Было и другое обстоятельство, предрешившее недоброжелательство в отношении к «контрреволюционному» большинству Учредительного Собрания со стороны даже самых активных антибольшевистских кругов.

Так случилось, что подавляющее большинство в Учредительном Собрании принадлежало *одной* партии, окрашивало все учреждение в один эсэровский цвет. И мало кто сумел возвыситься над собственной партийной предвзятостью и примитивным суждением: так как Учредительное Собрание «не мое», не моя партия ответственна за его судьбы, то я могу оставаться к нему равнодушным, могу быть против него. Показательно, что и позднее, уже из исторического далека такое суждение повторялось и даже в обобщенной форме: Учредительное Собрание не только фактически по своему личному составу было партийным оно и не могло стать всенародным, раз главенство в нем принадлежало одной партии.

«Учредительное Собрание при главенстве с.-р. фракции становилось учреждением партийным, а не всенародным», утверждал С. П. Мельгунов²²⁶ в своей книге («Н. В. Чайковский в годы гражданской войны», 1929, стр. 63). Точно всенародность предполагает непременно «коалицию» партий и исключает главенство одной партии! Точно это не зауряднейшее явление повсеместно, а в англосаксонских

странах, в Англии и Соединенных Штатах, — не правило и норма! Точно, если вместе с Мельгуновым считать «зависимость» У. С. «от настроений с.-р. партии достаточным основанием для признания Учредительного Собрания» — «фикцией народовластия» и «делом партийным», не пришлось бы такой же «фикцией» признать и «администрацию» Хувера²²⁷, Кулиджа²²⁸, Вильсона²²⁹ и т. д., и всю систему английского парламентаризма, в частности за время 1924–1929 гг. и в 1931 г., когда главенство принадлежало безраздельно одной партии консерваторов?!

Гораздо более серьезной была цепь аргументов, направленная против необыкновенно парадоксального положения, созданного тем, что левые эсэры, соучаствовавшие в роспуске У. С., прошли в него по общим спискам с распущенным «контрреволюционным большинством». Но и тут антибольшевики только повторили большевиков, на свой лад перетолковали один из ленинских «Тезисов об Учредительном Собрании», опубликованных в декабре 17 года и утверждавших, что «Учредительное Собрание, созванное по спискам партий, существовавших до пролетарски-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания» (Тез. 16-ый)*.

* См. «Тезисы об Учредительном Собрании» в «Правде» от 26. XII. 1917 г.

В последующем большевистские историки за далью времени стали выдавать за исторические факты уже совершенную фантастику и вымысел. Так не худшая из историков гражданской войны В. Владимирова утверждает: «так как Центральный Комитет соц.-революционеров исключил левых эсэров из избирательных (автор, конечно, хотел сказать: кандидатских! — М. В.) списков, свои же они не успели выставить, то все поданные за эсэров голоса пошли в пользу правого крыла. Благодаря стечению всех этих обстоятельств деревня голосовала за правых эсэров. А города дали большинство большевиков и кадетов» (См. «Год службы «социалистов» капиталистам». — Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. Госиздат, 1927. Стр. 111).

Эта фантастика опровергается простым вопросом: если левые эсэры были исключены партией с.-р. ещё из кандидатских списков, каким образом, могли они оказаться избранными в Учредительное Собрание и, в количестве 40 человек, соучаствовать в большевистских бесчинствах 5-го января?

Имеется и печатное опровержение этой фантастики, исходящее от заинтересованной стороны — самих левых с.-р.-ов. Их лидер и оратор в Учредительном

Подготовленное Лениным идеологически получило своё реальное осуществление 6 января. Оно имело и своё продолжение — по обе стороны баррикады.

Идея единства и безусловной общепризнанности У. С. потерпела крушение. У. С. самым непрерываемым образом раскололось. Его бытие или возможность его бытия оказались связаны с определенной частью У. С. Сквозь общезначимое стал проступать момент личный, частичный, количественный. А технические условия ещё усугубили трудности. В разных частях необъятной России, пересеченной многочисленными фронтами внешней и внутренней войны, появились отдельные члены и группы членов У. С., действовавшие то в качестве «Осколков» Учредительного Собрания, то в качестве частных лиц, всячески старавшихся то поднять, то подорвать авторитет этого, по мнению многих, не ко времени собравшегося Учреждения.

И здесь русская революция пошла не тем путем, каким шли её предшественники, в частности, революция английская.

Когда 6 декабря 1648 года было произведено известное «Прайдово очищение» Долгого Парламента²³⁰, и одни руководители пресвитерианской партии были отправлены Прайдом в тюрьму, а перед другими был закрыт доступ в Вестминстер, — народное представительство было унижено, но не уничтожено. Революция при Кромвеле²³¹ развивалась при наличии парламентского «Охвостья» из 60 членов индипендентов. «Очищенное» меньшинство вотирировало предание суду Карла I³² и после его казни провозгласило Англию «республикой без короля и лордов». Когда же Кромвель разогнал силой и «Охвостье» в 1653 году, революция в сущности уже кончилась. То было лишь запоздалое выражение утвердившегося уже давно единодержавия лорда-протектора.

собрании И. З. Штейнберг писал впоследствии: «Организуясь самостоятельно, левое крыло в то же время не считало нужным расколоться (?) окончательно и покинуть старую партию. Оно составило вместе с большинством общие списки кандидатов для выборов в Учредительное Собрание... Имя партии было настолько популярно в массах, что революция была более заинтересована в выпрямлении и оздоровлении линии старой партии, чем в создании новой» (См. «От Февраля по октябрь 1917 года», Берлин. 1921 г. Стр. 91).

Если кому-либо «пошли на пользу», как выражается Владимирова, общие списки, с-р-ов, то как раз не правому крылу, а левому, по признанию самых левых эсэров, «использовавших» положение.

А со смертью протектора, когда революционные настроения вновь ожили, вновь ожило и «Охвостье», призванное, в числе уже всего 42 депутатов, к возглавлению борьбы против сына и наследника Кромвеля — Ричарда. В этой борьбе, закончившейся отречением Ричарда Кромвеля и признанием власти «Охвостья», последнее приобрело большую популярность. Оно увеличилось и численно: в его состав вошло до 120 членов, и свыше 200 ранее исключенных ходатайствовали перед спикером, все тем же Ленталем, о восстановлении в прежнем звании и правах.

Парламент принял решение о самороспуске, назначенном на 7 мая 1660 г., когда истекал год со дня восстановления Парламента. Но естественная или законная смерть никак не давалась Долгому Парламенту. Недовольное офицерство, во главе с «левым» республиканцем Ламбертом, ликвидировало его испытанным способом: 12 октября 1659 г. здание парламента было окружено, и депутатов в него не пустили. Однако, и на этом политическая роль Парламента 1640 года не кончилась. Он снова сделался орудием борьбы и призом в гражданской войне между «правой», шотландской армией Монка²³³, и «левой», английской армией Флитвуда и Ламберта. «Призванный богом и Его народом утвердить власть парламента», Монк оказался победителем, и 26 декабря вновь восстановленное «Охвостье» собралось в Вестминстере. Уступая давлению Монка и других, так называемых, «реальных» факторов, оно согласилось на возвращение в свой состав былого пресвитерианского большинства²³⁴. Одиннадцатилетнее правление индипендентов²³⁵ кончилось. Установленные ими с декабря 1648 года законы были пресвитерианским большинством отменены. 16 марта 1660 г. Парламент объявил себя, наконец, распущенным.

Так кончил свои дни многократно «очищаемый» и вновь восстанавливаемый для нового разгона, многострадальный Долгий Парламент, совершивший полный круг: он пришёл к утверждению того, что с религиозным воодушевлением отрицал и разрушал в течение почти 20 лет*.

* Некоторую аналогию с двадцатилетней жизнедеятельностью Долгого Парламента в эпоху английской революции представляет в современной китайской революции парламент избранный в 1912 г. За 12 лет своего существования он не раз подвергался роспуску и восстановлению, то целиком, то в виде очищенного от вредных примесей «охвостья», для выработки конституции или для избрания президента (Юаншикая), правительства (Сун-Ят-Сена) и т. д.

В России не оказалось ни «левого» Кромвеля, ни «правого» Монка, которые ухватились бы за Учредительное Собрание или его «Охвостье», как орудие борьбы против большевистских целей. И главная к тому причина, думается, не в слабости, неподготовленности и дефектах Учредительного Собрания, которые не приходится, конечно, отрицать, а в политической близорукости и дефектах наших «правых» и «левых», — среди которых не нашлось не только Кромвеля, но даже Монка.

«Чистке» Учредительного Собрания большевики предпочли уход из него; образованию «Охвостья» и опоре на него — образование своей диктатуры под именем «диктатуры пролетариата» и опору на Советы. Известный американский социалист Морис Хилквит, не чуждый одно время симпатий советскому строю, правильно заметил, что если бы большевики получили в Учредительном Собрании своё большинство, а Советы оказались в руках других партий, — политическая судьба того и другого учреждения была бы обратная: распущено было бы не *их* Учредительное Собрание, а *чужие* Советы. И всемирно-известной формой диктатуры пролетариата была бы тогда провозглашена не власть Советов, а власть Учредительного Собрания, именем которого творилась бы, конечно, та же политика насилия, что и именем ЦИКа.

Эту историческую случайность, неблагоприятную для большевиков, недооценили или, во всяком случае, не сумели против большевиков использовать их противники. Диктатура РКП очень быстро переродилась в единодержавие «Ильича» — товарища-протектора русской революции. А в противовес ему справа возникла неизжитая и сейчас белая мечта о замещении многоголовой красной власти белым единоначалием «верховного правителя», «главковерха», «императора», вообще «вождя» — царского или нецарского корня. Не только здесь, но и в некоторых кругах передовой русской общественности создалось равнодушие, а иногда и сочувственное отношение к самому факту разгона Учредительного Собрания, как частному делу взаимостребляющих друг друга социалистических «кузенов».

Здесь водораздел прошёл уже *внутри* противобольшевистского лагеря. «Фронт Учредительного Собрания» был, и все время оставался резко антибольшевистским. И в том его историческое и политическое оправдание, неотменимое никакими частными его изъянами и ошибками. Этот фронт был прорван не только спереди, большевиками, но

и сзади — теми, кто считал себя в силах вести борьбу одновременно на два фронта: и против большевиков, и против «учреждолюбцев», защищавших, со своим «мертворожденным» Учредительным Собранием, вообще «мертвое дело».

Кто возмущается легкомысленной тактикой некоторых левых, пытавшихся направить свои усилия и против Ленина, и против Колчака или Деникина («Ни Ленин — ни Колчак!»), не в праве забывать, что эта тактика не была оригинальна: она была заимствована у хронологически раньше её применивших, против ленинцев и «полуленинцев», *правых**.

3

Захват большевиками власти в октябре поразил своей неожиданностью и, казалось, невозможностью самые широкие круги левой общественности. Едва ли не ещё более неожиданным, несмотря на все происшедшее, оказался для тех же кругов роспуск Учредительного Собрания. Даже самые принципиальные противники гражданской войны, самые упорные защитники мифа о «единстве» рабочего класса и революционной демократии, отстаивавшие раньше соглашение «от эн-эсов до большевиков», и те не могли отрицать наличности — явной, вызывающей — *casus belli*. Вопрос о вооруженной борьбе против большевиков сразу стал практически во всех левых организациях, партиях и учреждениях, не пошедших с большевиками.

И острее всего он стал перед партией большинства в Учредительном Собрании, которой принадлежало большинство и во многих органах земского и городского самоуправления, в крестьянских советах, кооперативных учреждениях и т. д. Серьезного сопротивления большевистскому захвату широкие народные массы не оказали. Не оказали они стихийно-действенной поддержки и Учредительному Собранию. И поддержку, и сопротивление приходилось налаживать и организовывать.

Не приходится пространно доказывать, что для активной гражданской войны в пореволюционных условиях партия с.-р. была плохо

* «Социал-демократы, меньшевики и эсеры нам столь же чужды и представляются нам столь же вредоносными для русского государственного бытия, как и большевики», — вспоминал позднее свои бывшие политические эмоции В. И. Гурко. см. «Архив русской революции», т. XV, 14.

приспособлена. Привнесение этических элементов — *fair play* — в борьбу даже против большевиков, не останавливавшихся перед самыми крайними формами цинизма, предательства и жестокости; «народническое» отношение к массовому движению, — а Октябрь с самого начала был движением не *только* авантюристов, предателей и безумцев; всяческая — личная, организационная, теоретическая — чуждость «военщине»; преданность демократическим формам гласности, коллективности, согласованной самостоятельности и т. д., и т. п., все это безмерно и изначально осложняло эс-эровскую борьбу против большевиков. Это неоспоримо.

Вместе с тем неоспоримо, однако, и то, что только борьба, возглавленная эс-эрами, имела перед собой и за собой совершенно определенную, общедоступную и немаскируемую ничьими и никакими планами политическую идею. Только идея всенародного и всероссийского народовластия могла служить пореволюционным противопоставлением большевистской идее идеей адекватного значения. Одной идее, разумеется, было далеко недостаточно, как бы хороша, ярка и последовательна она ни была. Вопреки мнению противников, в этом никогда не обманывались и самые якобы крайние доктринеры, «эсэровские парламентарии». Но далеко недостаточной была и безыдейная, голая борьба на истребление живой силы большевиков, которую рекомендовала и практиковала другая сторона.

С значительным, правда, опозданием признали это и наиболее искренние и убежденные псалмопевцы «белой мечты».

«Противоположную крайность, излишнюю военщину», водворившуюся в Сибири при «верховном правителе», в своем историческом труде признает и его ближайший сотрудник и биограф Г. К. Гинс, несмотря на весь свой пиетет к покойному Колчаку. Он объясняет эту крайность тем, что «адмирал больше всего ненавидел керенщину» (См. «Сибирь, Союзники и Колчак». Т. I. стр. 4).

С большим запозданием признал это и незадачливый стратег адмирала Колчака ген. Лебедев. Уже отставленный от должности «наштаверха», былой вдохновитель плана свержения многоголовой власти Директории²³⁶ писал «верховному правителю» 1 декабря 1919 г. (т. е. почти ровно через год после переворота 18 ноября): «Я уверен, что нужно искать новых методов борьбы с большевиками, не строя все на исходе чисто военной борьбы» («Борьба за Урал», стр. 352). А в более общей форме и по отношению не только к прошлому, но и к

будущему, признает это сейчас и П. Б. Струве, едва ли не виднейший идеолог и бард белой борьбы и диктатуры. *«Оглядываясь назад, я все яснее и яснее вижу, что слабость белого движения, по сравнению с коммунистически-большевистским натиском заключалась в том, что оно слишком замкнулось в традиционные военные рамки. Но я пойду ещё дальше: никакая революционная борьба не может замкнуться в одни только боевые рамки, точно также, как никакое ведение войны не может ставить задания и производить расчеты чисто и только военные».* (См. его «Дневник Политика» в «России и Славянстве» от 24. VIII. 1929).

Традиционная для эсэров «революционная борьба» не замкнула «в одни только боевые рамки» и вооруженной борьбы против большевиков. В этом было своеобразие этой борьбы, в процессе борьбы воспринимавшееся и толковавшееся друго-врагами справа, как органический, первородный и неискоренимый эсэровский грех и порок.

Роспуск Учредительного Собрания заставил эсэров уйти в подполье ещё глубже, чем это пришлось сделать после неудачных попыток сопротивления большевикам в октябре. Открытые выступления подвергались преследованию. Активно выступавших арестовывали. И Бюро фракции с.-р. и Междупартийный Совет Учредительного Собрания, в который входили, помимо эсэров, представители с.-д., н.-с., к.-д., мусульман, эстонцев, евреев — собирались нелегально. Работу приходилось вести исподволь и осторожно. Надо было преодолеть безразличие и пассивность, заблуждение и шкурничество. Эта работа производилась и до роспуска Учредительного Собрания, для его защиты. Ещё тогда пробовали отбирать из солдатской и офицерской массы сознательных и активных, сколачивать одиночки в группы. Пробовали искать и целые части вне Петрограда. Но все эти начинания кончались неудачей, наталкивались на распространенное «неприятие» войны, на провокацию и насилие большевиков, на отравленную атмосферу петроградского гарнизона.

Тот же кустарный порядок практиковался и в первые месяцы после роспуска Учредительного Собрания. Становилось очевидным, что требуется известное *время* не столько, может быть, для того, чтобы с обескураживающей медленностью накопить сколько-нибудь значительные силы против большевиков, сколько для того, чтобы хоть несколько рассеялся угар навеянных иллюзий и они были бы изжиты наиболее отзывчивыми и активными слоями населения. Нужно

было и иное место, не центральное средоточие большевистских сил и надзора — Петроград, в качестве «плацдарма» для накопления и развертывания антибольшевистских сил.

Междупартийный совет отверг предложение открыть заседания Учредительного Собрания «под охраной рабочих» на Семянниковском заводе. Он отправил эмиссаров на Украину, в Киев и Екатеринослав, в Сибирь и на Кавказ выяснить обстановку, нельзя ли там возобновить работу Учредительного Собрания и развернуть борьбу против советской власти. Приблизительно в то же время движение немецкой армии заставило большевиков вместе со всеми советскими учреждениями покинуть Петроград. В Москву переместились и все антибольшевистские центры и штабы, политические и военные. Там стали зарождаться и складываться организации, которым в последующем ходе гражданской войны пришлось сыграть серьезную роль: Союз Возрождения России²³⁷ с ориентацией во внешней политике на союзников, а во внутренней — на коллективную Директорию и созыв Учредительного Собрания; так называемый, Правый Центр²³⁸ с ориентацией на немцев и единоличную военную диктатуру; выделившийся из «Правого Центра» Национальный Центр²³⁹ с ориентацией на союзников, на трехчленную директорию и несвоевременность самой постановки вопроса об Учредительном Собрании.

На фоне всеобщей растерянности и противоречивой пестроты мнений и настроений активность эсэров выделялась особенно отчетливо. Это следует из показаний таких недругов эсэров справа, как Гурко, Гинс²⁴⁰, Муратов и Деникин, и таких их недругов слева, как большевики.

Большевики считают «характернейшей чертой всех попыток свержения советской власти в начальный период контрреволюции возглавление контрреволюции социалистами», «в основном — социалистами-революционерами». Комитет спасения родины и революции²⁴¹, юнкерское восстание в Петрограде, с участием Гоца и Авксентьева, Союз защиты Учредительного Собрания, «заговор в ставке, «обращенный к массам лицом «левого» лидера социалистов революционеров Чернова», восстания на Волге, в Сибири, в Архангельске — всюду антисоветское движение частично или полностью возглавлялось эсэрами. Именно их «и буржуазия России выдвигает на роль Носке²⁴² попеременно». (См., напр., у В. Владимировой цитир. сочин. Стр. 4).

То же подтверждают и свидетели противной стороны. Так Гурко удостоверяет, что «крайне правые группы в то время находились в полной изолированности и никакими реальными орудиями борьбы не обладали». Для него «ясно, что если московская военная организация страдает от отсутствия общепризнанного авторитетного военного вождя, то петербургская вовсе не существует; имеется лишь небольшой кружок лиц, усердно втирающих очки, что они будто бы что-то представляют и на этой почве извлекающих некоторые личные материальные выгоды». («Архив русской революции», т. XV, стр. 12 и 18).

П. Муратов утверждает, что «бесспорной заслугой оказавшейся в Самаре группы членов Учредительного Собрания, равно как и бесспорной заслугой оказавшейся там в то время группы офицеров, является решимость и тех и других взять инициативу восстания в обстановке сложившейся при выступлении чехов. Этой заслуги отрицать нельзя». («Возрождение» от 30. X. 1930). Гинс свидетельствует, что «из политических организаций наибольшую активность проявили эсеры. На Волге они успешно агитировали в пользу У. С., в Сибири — в пользу сибирского правительства» (т. 1, 59). О том же пишет и Деникин: «Работа партии (социалистов революционеров) в этом отношении (перехода к открытой борьбе с советской властью и «свержению германского насилия») велась с большой энергией в особенности в Заволжье и в Сибири. Повсеместно образованные комитеты с.-р. брали на себя инициативу подготовки восстания. И так как все другие политические организации оставались бездеятельными или склонялись к соглашательству с большевиками, то вокруг эсеров начали группироваться противобольшевистские элементы, зачастую им совершенно чуждые» («Очерки Русской Смуты». Т. III, стр. 94).

Это последнее обстоятельство — группировка вокруг эсеров элементов им чуждых — в дальнейшем оказалось чревато весьма пагубными последствиями. Те самые круги, которые, по свидетельству Деникина, «оставались бездеятельными или склонялись к соглашательству с большевиками» в первый, подготовительный, наиболее трудный период борьбы, позднее, когда этот этап сравнительно благополучно был пройден, свой активистский азарт обратили в первую очередь против тех, кто «брали на себя инициативу подготовки восстания» на севере и на востоке, в Заволжье и в Сибири. А «бездеятельность» и «склонность к соглашательству с большевиками» стали

обычными пунктами обвинения против эсеров со стороны именно тех, кто уклонялись от борьбы с большевиками в первоначальную, наиболее рискованную её фазу.

Мы не можем останавливаться на перечне событий, изо дня в день подготовлявших момент открытого выступления против советской власти. Но достаточно взять любую сводку, хотя бы «Хронику гражданской войны в Сибири 1917–1918», составленную В. Максаковым и А. Туруновым, и выпущенную Госиздатом в 1926 г., чтобы по регистрации более крупных фактов и событий получить представление о характере и величине произведенной работы, — неблагодарной, глухой и невидимой в течение месяцев.

До окраин и в частности до Сибири октябрь докатился с некоторым запозданием и не в столь агрессивной форме сразу*. Уже Учредительное Собрание было распущено, когда в Томске собралась Сибирская Областная Дума, в которой большинство оказалось за теми же эсерами. Правда, весьма скоро и Сибирской Думе пришлось уйти в подполье от преследований советской власти. В её среде произведены были многочисленные аресты. На нелегальном собрании Думы 27 января было составлено «Обращение ко всем трудящимся Сибири», в котором заявлялось, что «отныне вся полнота власти в Сибири принадлежит подлинным избранникам трудящихся и народов Сибири — Временной Сибирской Областной Думе». Для осуществления этой власти было избрано в порядке спешности Временное Сибирское Правительство**. А для организации борьбы против «большевистских палачей» и насилия «ленинских жандармов» через несколько дней созданся «Западно-Сибирский Комисариат» сибирского правительства, в который в качестве «уполномоченных» вошли члены Учредительного Собрания от Томского из-

* В Кубано-Черноморском Округе в г. Екатеринодаре выборы в Учредительное собрание происходили с 2 по 6 февраля 1918 г., т. е. через месяц после официального роспуска У. С. — Уже Учредительное Собрание было распущено, а Березовский совет выражал по телеграфу Тюменскому надежду на скорое открытие Учредительного Собрания. Тюмень ответила Березову кратко: «дураки!».

** В правительство были избраны: Дербер (премьер и министр земледелия), Вологодский (мин. ин. дел), Краковецкий (военный), Новоселов (внутр. дел), Крутовский (здравоохранения), Ив. Михайлов (финансов), Патушинский (юстиции), Серебренников (снабжения и продовольствия), Устругов (путей сообщения), Шатилов и др.

бирательного округа эсэры: Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, М. Я. Линдберг и председатель Томской уездной земской управы В. Сидоров. Центр военной организации намечен был в Ново-Николаевске с опорными пунктами в Иркутске, Томске, Барнауле, Омске, Семипалатинске, Челябинске. Выпущенная тогда же от имени Сибирской Думы «Декларация» устанавливала, что «Все силы и средства Дума отдаст для защиты и скорейшего возобновления работ Всер. Учр. Собрания, признавшего законом о федеративном устройстве Российской демократической республики автономию Сибири и других частей государства».

Необходимо подчеркнуть, что как раз в это время в эсэровских умонастроениях отчетливо зазвучал патриотический мотив, идея общенационального служения и ответственности за государственные судьбы вместе с более трезвым и реалистическим подходом к осуществлению своих задач: если Временное правительство держалось исключительно на моральном признании; если советская власть держится на физическом насилии, то грядущая новая власть должна воссоединить силу морального авторитета с возможностью реального подчинения себя, должна слить воедино момент нравственной и силовой.

Эти умонастроения возникли в известной мере стихийно, под непосредственным впечатлением от Октября и Бреста, как прямая реакция против распада России и всеобщего разложения. В утверждении этих умонастроений значительная роль принадлежала фракции членов Учредительного Собрания и её Бюро, по личному своему составу более «правому», чем возглавлявший партию ЦК, а по условиям момента более него влиятельному*. Эти настроения не покидали партии уже в течение всей последующей борьбы против большевиков. Недостаточно яркие и решительные в дооктябрьский период революции, настроения эти снова поблекли и упали после ударов,

* В избранном фракцией 23 декабря 17 г. Бюро из 25 человек — Чернова, Фондаминского, Руднева, Зензинова, Пумпянского, Коварского, Вишняка, Ельяшевича, Маслова Сергея, Архангельского, Колерова, Тимофеева, Дедусенко, Слетовой, Кругликова, Гендельмана, Сорокина, Аргунова, Гр. Шрейдера, Лихача, Покровского, Лотошникова, Романенко, Быкова и Розенблюма, — только один Чернов был «левым», а остальные, если не считать Романенко и Быкова, устремленность коих неизвестна, — находились тогда на «правом» фланге партии.

нанесенных с тыла, так называемыми, государственно-мыслящими элементами.

Национально-государственного сознания не приходилось искать у большевиков: они отрицали его принципиально и до конца. Оно оказалось, увы, только на языке у тех, кто его именем и во имя него только и хотел действовать. Патриотические усилия правых приложились к космополитическим действиям левых, и «третья сила», молодая, недостаточно опытная, демократическая Россия оказалась вышибленной из седла на долгие годы.

Эти национально-государственные умонастроения эсэров получили своё оформление на партийном, по счету VIII-ом, Совете, собравшемся в полулегальных условиях в Москве в мае 18 года. Совет признал, что — «Основной задачей всей русской демократии является борьба за восстановление независимости России и возрождение её национально-государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых февральской революцией». Бюро фракции Учредительного Собрания вместе с ЦК партии подчеркивали, что «Положение выдвигает на первый план, прежде всего, задачу спасения страны от конечной гибели, возвращение ей единства и самостоятельности в рамках независимой демократической государственности, без которой не может быть места спасению социальных завоеваний революции. Для спасения страны необходимы крайнее напряжение сил всего народа, подъем национального самосознания и концентрации народных сил вокруг задачи спасения родины и революции». (См. «Тезисы», одобренные Бюро фракции с.-р. в «Народовласти» № 2. — Под этим названием выходили в то время в Москве «Сборники статей членов Учредительного Собрания фракции социалистов-революционеров»).

Этот тезис становится главенствующим для всей деятельности партии. Его постоянно варьируют во всех речах и статьях, официальных декларациях и прокламациях, в «нотах» и, позднее, правительственных актах. Он сказывается не только на пропагандистской или идеологической стороне деятельности, но и на практически-организационной: в молчаливом перемирии со всеми, ведущими противобольшевистскую борьбу и в «соглашательстве», готовности «координировать» действия с любыми группировками и организациями, дорожащими национально-государственным единством России и не выступающими агрессивно против Февра-

ля. А согласовывать действия приходилось не только с партиями, но и с беспартийно-политическими объединениями различных народностей, возникавшими *ad hoc* «Союзами», профессиональными организациями, финансировавшими движение кооперативными учреждениями и т. д. Согласовывать действия приходилось и с военно-техническими формированиями, — а кто только не занимался такими формированиями в Москве 18 года!.. Приходилось вести переговоры и заключать неписанные соглашения и с официальными и неофициальными, дипломатическими и военными, представителями союзных миссий.

С помощью военных специалистов, иногда занимавших весьма высокие «оперативные» посты во время войны и эсэрам в большинстве случаев политически чуждых, создана была законспирированная организация из нескольких тысяч вооруженных людей, живших в разных частях Москвы и готовых выступить по сигналу. В организацию входили демократически настроенное офицерство (в меньшинстве), демобилизованные солдаты и рабочие, сохранившие свой боевой пыл или получившие новый его заряд от ноябрьского разгрома Москвы большевиками. Члены организации составляли свои «пятки» и «десятки», входившие в связь с целым через представителей. Большевицкий аппарат и «сексоты» ещё не были вездесущи, и возможна была не только идиллия воинского смотра в церкви во время богослужения, возможно, было и направление якобы для демобилизации небольших воинских частей согласно приказу не центральных советопослушных властей, а непосредственного низшего, настроенного антибольшевистски, начальства.

Представитель саратовской организации с.-р. А. И. Альтовский сообщил на майском Совете, что крестьянское Поволжье поднимается против большевиков. Ещё более конкретны были сведения, доставленные из Вольска поручиком В. В. Соколовым, членом партийной военной организации, и из Самары членом Учредительного Собрания Б. К. Фортунатовым²⁴³. Эсэры потянулись на Волгу.

4

Изложение фактической обстановки и технико-организационной стороны дела, крайне спутанной, но исторически исключительно интересной, не входит в нашу задачу. Следуя более узкому и специ-

альному заданию, мы должны зато остановиться несколько подробнее на том частном вопросе, которому суждено было стать одним из главных политико-идеологических камней преткновения на путях антибольшевистской борьбы. Об этот камень разбились не эсэровские только надежды и упования. Он жестоко отомстил за себя и тем, кто именно в нем видел чуть ли не главную помеху к успешному одолению большевизма. Убранный вместе с эсэрами с широких путей общенациональной борьбы с большевиками, камень этот тянул и увлек за собой в пучину и тех неразумных строителей, которые отвергли его.

Мы говорим о вызывавшем сначала споры, а потом раскол и насильственный переворот, — восстановлении распущенного большевиками Учредительного Собрания.

Такое восстановление не вызывало ни в ком особого энтузиазма. Даже в эсэрах. И они сознавали технические, психологические и политико-правовые трудности, возникавшие на этом пути. Они отдавали себе ясный отчет в том, что перевыборы Учредительного Собрания диктуются всей обстановкой: не только в силу порочности выборов по общепартийным спискам людей, после выборов разошедшихся по разные стороны баррикады; не только вследствие самоустранения из Учредительного Собрания большевиков и левых эсэров — примерно *четверти* всего числа избранных членов У.С.; но и вследствие того, что изменившиеся под влиянием происшедшего воля народа и мнение избирателя требовали «проверки» и исправления.

Однако, при большевиках новые выборы в У. С. были исключены. Исключены были и обычные для мирного времени выходы из положения, и, за отсутствием возможности лучшего, приходилось руководствоваться не тем, что лучшее враг хорошего, а тем, какое зло является меньшим или какое из явно несовершенных благ, — менее несовершенно. И тут, в процессе незавершенной внешней войны и развертывавшейся войны гражданской, при всех неоспоримых дефектах Учредительного Собрания 17 года, оно все же являлось слишком ценным и незаменимым орудием, чтобы защитники интересов России и народовластия могли или должны были добровольно от него отказаться.

Это оказалось бы на руку только большевикам и заключившему договор с ними, а не с Россией, внешнему противнику. Ибо Учреди-

тельное Собрание оставалось *знаменем демократии* и воплощением демократического принципа. Как Всероссийское, оно оставалось и *символом единства России*, залогом реальной связи её народов в будущем. Оно оставалось, наконец, *единственной правообразующей силой*, источником права и власти. Конечно, были пути, которые шли и мимо Учредительного Собрания. Но то были пути голого насилия и произвола.

Все это было настолько самоочевидно, что могло стать общепризнанным, если бы разгоревшиеся партийные страсти, отталкиваясь от эсэров, не стали бы отталкиваться и от того учреждения, в котором у эсэров оказалось большинство; если бы не возник соблазн сказать о политическом противнике, что он потому цепляется за «фикции» и «мифы», потому хочет «гальванизировать политический труп», что этот труп его собственный, эсэровский; если бы хоть задумались над тем, что от того, что было, к тому, что это же неминуемо и будет, нет достаточных оснований ни логических, ни исторических: если Учредительное Собрание не одержало победы над советской властью 6 января, с одного маха, это ещё не значило, что оно вообще непригодно для борьбы против большевиков.

Между тем именно так, не всегда добросовестно, очень редко считаясь с логикой и историей, зато почти всегда исходя из предвзятых политических и даже партийно-политических посылок, рассуждало большинство не заядлых только реакционеров, но и исконных либералов и даже отчаявшихся социалистов. Ученые и публицисты пошли дружным походом против «неисправимых фантазеров, ничего не забывших и ничему не научившихся», неспособных «расстаться со старыми фетишами, как дикарь со старым амулетом», В этом походе торгово-промышленное «Утро России» соперничало с только что народившимся, при участии Бердяева²⁴⁴, Вал. Брюсова²⁴⁵, Белорусова²⁴⁶, Ключникова, Кизеветтера²⁴⁷, Струве, Устрялова²⁴⁸ и др., еженедельником «Накануне»; от них не отставали и демократически-интеллигентские «Русские Ведомости».

Совсем ещё недавно славословивший и революцию, и Учредительное Собрание проф. Устинов поспешил наукообразно доказать, что вообще «народ осуществляет свою учредительную власть лишь медленной многолетней работой, а отнюдь не в едином Учредительном Собрании», и «только неисправимые партийные филистеры могут ещё не сознавать, что в России нет и не было почвы для подлинного Учре-

дительного Собрания*. А Белорусов, возвестив в «Русских Ведомостях» о необходимости «общего пересмотра идеологии», стал доказывать, что «разрушено и пущено насмарку (?) не только выбранное осенью прошлого года Учредительное Собрание, а самая идея, порождение народолюбивой интеллигентской мысли»; «хорошая вещь народовластие, но и его надо применять во благовремени и с разумением»; «нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамоне (!) демократических доктрин и лозунгов**.

Осторожнее других, не все свои корабли окончательно сжигая, подошёл к общему заданию П. И. Новгородцев²⁴⁹. Оговариваясь, — «Да не поймут меня так, будто бы я отрицаю самую идею Учредительного Собрания. Нет, я отрицаю только возможность её осуществления при наличных условиях жизни. Идею Учредительного Собрания, о котором так долго мечтали русские народолюбцы, я признаю великой и привлекательной», — член Учредительного Собрания, проф.

* Не прошло и двух лет, как ни за что не соглашавшийся приять Учредительное Собрание и «неисправимых партийных филистеров» В. М. Устинов с упоением воспринял власть большевиков. В своем показании по делу т. н. «Тактического центра» профессор писал: «Идея рабоче-крестьянской власти водворяется и проводится с такой силой и последовательностью организаторским гением тов. Ленина, впервые в истории России сплачивает народ с властью, делая власть родной стихией народа, выражением его собственной организованной силы... Эта правда советской власти идейно связала меня с ней и сделала поборником и защитником её. Я убежден, что для предвидимого умственным взором будущего, только советская власть спасительна». см. «Суд над русской интеллигенцией» в Сборнике «На чужой стороне», т. III, стр. 155. 1923.

** А. С. Белорусову (Белевскому) довелось дожить до претворения своего слова в дело. Он был очень близок к омскому «Делу» 18 ноября, служа «божественному принципу отечества», воплощенному в режиме адм. Колчака, и всячески разоблачая «мамону демократических доктрин и лозунгов», травя чехов и т. д. (Ср. Л. А. Кроль: «За три года». Владивосток. 1922. Стр. 157–158, 190 и 192). По иронии судьбы — это показательно и для режима — Белорусов оказался в Сибири на посту председателя Комиссии по выборам в Учредительное Собрание (существовала и такая комиссия при адм. Колчаке). Но омской атмосферы не выдержал до конца и этот враг «мамоны». И он стал жаловаться на «беспрограммность» власти, впадать в отчаяние. Гинс передает слова Белорусова за полгода до падения Колчака:

— «Я впал в безнадежность: здесь, в Омске, нет людей воли, есть только люди мысли. Придешь к ним, выскажешься, они согласятся. Проходит время, положение остается прежним. Есть ли какой-либо выход? Я думаю, нужно привлечь чехов на фронт (!), нужно оживить агитацию, укрепить авторитет совета министров... Т. II, 271.

Новгородцев находил, что «Учредительное Собрание в условиях современной русской жизни оказалось не только эфемерным, но и мертворожденным».

Собравшемуся тотчас после роспуска Учредительного Собрания третьему Съезду советов Ленин доказывал: «Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, мы стояли за демократию. Но как только мы увидели в ходе революции первые проблески социализма», так демократия была признана «одной из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма». По существу столь же извилистой, схожей с большевистской диалектикой, была и аргументация А. А. Кизеветтера в «Свободе России» № 25 и «Накануне» № 3. Полагая, что идея Учредительного собрания «в гораздо большей мере кадетская, нежели социалистическая», ученый историк счел возможным и политически противоположить былую тактику защиты Учредительного Собрания, когда «были основания предполагать, что Учредительное Собрание явится действительным хозяином русской земли», — новейшей, «ясной и открытой» борьбе против Учредительного Собрания, которое «теперь ненужно»*.

* В своих воспоминаниях Кроль рассказывал о том, как ставился и разрешался вопрос об отношении к Учредительному Собранию в к.-д.-ском ЦК. Оказывается, все были согласны с меткой характеристикой одного из членов ЦК: «Учредительное Собрание, председателем которого может быть, на выбор, Спиридонова или, в лучшем случае, Чернов, — не Учредительное Собрание». Это «меткое» *bon mot* сопровождалось не менее глубокомысленными соображениями и ссылками на личную психологию и опыт истории. «Привыкшие к чрезмерно серьезному отношению к законодательству, мы просто были неспособны психологически воспринять то, что под видом и именем «земельного закона» было принято в первом и единственном заседании Учредительного Собрания». «Исторический опыт показал, что только редкие из Учредительных Собраний выполнили свою миссию. Тот же исторический опыт говорил нам, что разогнанный орган народного представительства теряет свой моральный авторитет».

Все члены к.-д.-ского ЦК, по свидетельству Кроля, соглашались с тем, что Учредительное Собрание — «труп». Только некоторые полагали, что «бывают покойники, за которыми идет толпа, и, если возможно, надо испытать, не пойдет ли толпа за Учредительным Собранием против коммунистов». — Заслуживает также внимание, что едва ли не самый радикальный к.-д. того времени Кроль, считавший возможным «использовать» (!) Учредительное Собрание, как знамя для борьбы с большевиками, ещё в 18 году в закрытом собрании говорил, а три года спустя во всеобщее сведение опубликовал, что, по его мнению, «для Учредительного Собрания — счастье, что его разогнали. По составу и характеру

Своеобразной была и позиция, которую защищал в «Русском Богатстве» (в запоздавшем выходе декабрьском номере и в № 1–3 за 1918 г.) А. В. Пешехонов. Там доказывалось, что, разгоняя Учредительное Собрание, большевики и левые эсэры действовали по с.-р. программе, противопоставить «диктатуру латышей и матросов — высшему органу народовластия», а партия с.-р., если и стоит за Учредительное Собрание, то только потому, что располагает в нем прочным, своим большинством. Стилизуя и преувеличивая действительные и мнимые дефекты избранного Учредительного Собрания, отразившего народную волю не точно и не во всероссийском масштабе, Пешехонов все же приходил к заключению, что, сколь ни несовершенно Учредительное Собрание, «но ведь ничего лучшего у нас нет и в ближайшее время быть не может. Нужно этим, как ни как представительным и всероссийским, собранием воспользоваться... Да, я думаю, что им можно воспользоваться, но не для переустройства России по мысли и воле народной, для чего оно не годится, а для санкции государственной власти», такая санкция «поможет упрочению этой власти и сделает для неё обязательным новое обращение к первоисточникам народной воли».

Такой вывод, при всем его внутреннем противоречии с исходной критикой Пешехонова, — стоило ли так настойчиво разоблачать и дисквалифицировать «как ни как представительное и всероссийское собрание», раз заведомо известно, что «ничего лучшего у нас нет и в ближайшее время быть не может» и «воспользоваться» им все равно придется, — был по существу уже не так далек от позиции, защищавшейся и Бюро эсэровской фракции У. С. и эсэровским ЦК. В цитированных уже нами «Тезисах» определенно указывалось, что «По возобновлении своих занятий У. С. должно сосредоточить своё внимание на деле защиты страны и восстановления её политической и экономической независимости, согласно с этой основной задачей, и установлении государственной власти и разрешении тех задач социально-политического строительства, которые, по обстоятельствам срочности, требуют немедленного осуществления. Вместе с тем, Учредительное Собрание должно приложить все усилия к тому,

своему Учредительное Собрание могло бы только скомпрометировать себя и самую идею Учредительного Собрания. Разгон же Учредительного Собрания, по крайней мере, не скомпрометировал идеи» («За три года», стр. 12 и 13).

чтобы в кратчайший срок был созван новый орган народного представительства, дабы народы России могли возможно скорее вновь выразить свою волю» (Тезис 7-ой).

Более подробное обоснование и развитие этот тезис получил в статьях «Судьбы Учредительного Собрания» и «Задачи Учредительного Собрания», напечатанных в тех же сборниках «Народовластие» №№ 1 и 2 за подписью М. Вишняка. Здесь подчеркивалось, что «Важно в принципе признать, что избранное в конце прошлого года У. С. должно до *минимума* ограничить свою деятельность во времени и по содержанию. Деятельность Учредительного Собрания должна замкнуться пределами безусловно-необходимого и направлять все усилия к тому, чтобы в кратчайший срок был созван новый орган народного представительства... Насущное и безотлагательное не может ждать выборов в новый орган народного представительства: оно должно быть осуществлено уже избранным Учредительным Собранием. То же, что хоть сколько-нибудь терпит отлагательство, неминуемо должно быть отложено до грядущего законодательного собрания... От политической мудрости большинства нынешнего У. С. будет зависеть, где пройдет грань в самоограничении Учредительного Собрания».

«Как бы низко ни расценивать реальную силу Учредительного Собрания», — писал тот же автор в московском «Возрождении» от 8. VI. 1918, — целесообразно ли в создавшихся условиях пренебрегать той долей авторитета, которую У. С. за собой несет, несмотря ни на какие превратности судьбы, как олицетворение *единства* России и необходимая *опора* власти.

Являются ли «демократические доктрины и лозунги» лишь «мамоной», несовместимой со служением «божественному принципу отечества и культуре» или, наоборот, наиболее прочным выражением политической культуры и сознательного отношения к отечеству; и может ли, и должно ли, Учредительное Собрание играть роль в борьбе против большевиков только как идея или и как конкретно данная реальность, — было не отвлеченным только разномыслием и разногласием спорщиков-доктринеров. То было существо реального расхождения между отдельными политическими группами и отрядами антибольшевистского лагеря. На этом пункте заострились все сношения и переговоры, обрывались безнадежно одни связи (с «Национальным Центром») и устанавливались другие, с Союзом Возрождения. Неполная договоренность именно в этом, как многим

казалось, доктринерском вопросе, имела самые печальные практические последствия.

Такой недоговоренностью была отмечена «Платформа» Союза Возрождения России. Она была очень краткой. Это и естественно, ибо участникам этого «персонального» объединения дороже всего были практические цели, хотелось, возможно, бесспорнее охарактеризовать задачи объединения. Платформа устанавливала в общем виде — «Задачу воссоздания разложенной ныне русской государственности Союз будет стремиться выполнить в согласии с народной волей, выраженной путем всеобщего и равного голосования. В соответствии с этим Союз считает необходимым, чтобы та новая власть, которая должна будет возникнуть в борьбе за свободу и целостность России и которой он будет оказывать поддержку, опиралась по мере своего создания на органы местного самоуправления, а с освобождением русской территории от врага собрала Учредительное Собрание, которое и должно будет установить формы государственной жизни России».

Платформа не уточняла, на какие органы местного самоуправления должны опереться новая власть и какое Учредительное Собрание должно быть ею создано, — имеющие быть избранными или уже избранные, но большевиками незаконно распущенные и упраздненные.

Вспоминая «Из недалекого прошлого» историю образования Союза Возрождения, один из его основателей и виднейших руководителей В. А. Мякотин писал: «Созыв разогнанного большевиками Учредительного Собрания 1917 года основатели «Союза Возрождения России» признавали совершенно ненужным и даже невозможным, так как это собрание, избранное при крайне ненормальных условиях, проявило полную неспособность к государственным делам, и не могло более, по убеждению основателей Союза, иметь никакого авторитета в стране». Авторитет уверяет, что «с общего согласия было решено отказаться от всяких проектов какого-либо восстановления первого Учредительного Собрания. Поэтому в платформе «Союза Возрождения» шла речь о выборах нового Учредительного Собрания, Собрание же 1917 года оставалось совершенно в стороне, как пройденный уже этап, к которому незачем возвращаться» («На чужой стороне». — Историко-литературные сборники под редакцией С. П. Мельгунова при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. 1923. Т. II, 182).

Как уже указано, в платформе Союза, вопреки утверждению Мякотина, речь о выборах *нового* Учредительного Собрания *не* шла. Не шла, правда, и речь о восстановлении распущенного Учредительного Собрания. Этот пункт в платформе был обойден молчанием, что вряд ли объяснимо простой случайностью или упущением, а скорее практической потребностью, вынуждавшей отдать предпочтение более «общей» и даже «каучуковой» формуле перед формулой отчетливой, но грозившей немедленным расколом или даже распадом с трудом налаживавшегося объединения.

Имеются и другие, и не только априорные, основания, опровергающие не столько свидетельство, сколько толкование Мякотиним платформы Союза Возрождения.

Мы уже приводили заключение, к которому приходил ближайший тогда единомышленник и соредактор Мякотина по «Русскому Богатству» Пешехонов. Он тоже был одним из основателей и виднейших руководителей «Союза Возрождения». Несмотря, однако, на все свои оговорки и сомнения, Пешехонов, все же, в отличие от Мякотина, признавал пригодность «как ни как представительного и всероссийского собрания», если не для переустройства России, то для санкции имеющей создаться государственной власти.

Как раз на этом пункте сорвалась ведь и попытка общепартийного, а не персонального только, соглашения между центральными комитетами к.-д., н.-с., и с.-р. «Соглашение не состоялось, так как социалисты–революционеры настаивали на признании законным Учредительного Собрания, разогнанного большевиками 6 января, а к.-д. полагали, что оно потеряло юридическую силу», читаем мы у П. Н. Милюкова в «Россия на переломе». Там же приводится и текст документа, который передал русским организациями французский посол Нуланс²⁵⁰, настаивая на сближении оставшихся верными союзнической ориентации «Союза Возрождения» и «Национального Центра». В этой «вербальной ноте» тоже говорилось, что «Учредительное Собрание старого состава соберется, но только на два-три заседания и без большевистских членов в каком-нибудь городке Восточной России, чтобы дать санкцию власти временной, но сильной и способной к действию, как военной диктатуре или триумvirату. Когда эта власть будет создана, Учредительное Собрание должно объявить себя распущенным. Впоследствии, по освобождении русской территории и возвращении страны к нормальной жизни, временная власть должна

будет созвать на новых основаниях новое Собрание, которое должно высказаться по поводу окончательного правительства России». (См. Т. II, стр. 17 и 41).

Милоков правильно замечает, что в таком соглашении было много недоговоренного. Справедливо и его предположение, что «эти примирительные формулы» были Нулансу «очевидно сообщены левыми партиями». Совершенно очевидно, что союзники, озабоченные больше всего своими интересами, — восстановлением противогерманского фронта, и меньше всего — положением России, ведущие переговоры о своем беззастенчиво с обеими сторонами одновременно, с антибольшевиками и с большевиками, стилизовали свою «вербальную ноту» в меру собственного разумения. Поэтому только и могла появиться в «формуле левых партий» столь нелепая и внутренне чуждая им вещь, как «военная диктатура». Ещё более очевидно, что «левые партии», вводящие в формулу, которую они сообщают иностранным дипломатам, упоминание об Учредительном Собрании старого состава, не стали бы его скрывать и не могли бы от этого требования отойти и в «Союзе Возрождения», в который отдельные эсэры вступили с ведома партийного ЦК и почти с благословения Бюро с.-р-ской фракции У. С.

Это и не имело смысла скрывать, да и не могло быть скрыто. Тем менее могло это остаться секретом от членов Бюро, которое находилось не только в курсе всей «внешней» и «внутренней» политики эсэров и Междупартийного совета, но в известной степени направляло эту политику. Между тем, никто из членов Бюро, даже из тех, кто входил в «Союз Возрождения», никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из эсэров доказывал или соглашался с тем, что Учредительное Собрание 17 года должно «остаться в стороне, как пройденный уже этап, к которому незачем возвращаться». Не слышали этого ни редакторы сборников «Народовластие» (Аргунов, Вишняк, Розенблюм), ни редакторы газеты с.-р-ской фракции в Москве «Возрождение» (Бунаков, Вишняк, Коварский²⁵¹, Сорокин).

Входивший в «Союз Возрождения» Аргунов ещё в 1919 г., по свежей памяти, удостоверял, что по мысли членов Союза задачи «уже существующего» Учредительного Собрания должны были быть «крайне скромными: как орган демократии, У. С. должно было ограничиться санкционированием той власти, которая к этому времени создается, затем проведением некоторых неотложных мероприятий, вызывае-

мых потребностями войны и, наконец, выработкой закона о выборах в новое У. С. Необходимо отметить, что при всем вполне определенном отношении к данному У. С., Союз Возрождения России никоим образом не допускал возможности насильственного его упразднения» (См. брошюру «Между двумя большевизмами». Париж, стр. 4).

Решение «отказаться от всяких проектов *какого-либо* восстановления первого Учредительного Собрания», не могло быть принято с согласия эсэров, вошедших в «Союз Возрождения», как бы сдержанно эти последние ни относились к самому восстановлению У. С., как бы ни склонялись они к ограничению его деятельности крайним минимумом. Такая возможность просто исключалась — психологически и политически — всей тогдашней обстановкой. Противоречия тому, что открыто и публично отстаивали эсэры в печати и во всех переговорах, такой отказ лишал бы всякого смысла существования самое Бюро эсэровской фракции и Междупартийный совет. Между тем и Бюро, и Совет даже и не думали о том, чтобы свернуться, а наоборот, всячески старались развить свою деятельность.

Мы и утверждаем поэтому, что руководители Союза Возрождения умышленно — или *инстинктивно* — предпочли общую и не договоренную формулу. Они, очевидно, меньше всего хотели быть доктринарами, предпочитая практическое объединение, хотя бы на неотчетливо сформулированной платформе, совершенно отчетливому расхождению. На спехе и умолчании, если угодно, на двусмысленности построенное соглашение все же казалось им лучшим исходом, нежели явный раскол.

Так порешили в Москве в апреле — мае 18 года. Едва, однако, приняты эти решения, как жизнь стала уже вносить в них свои коррективы. Не предусмотренные элементы стихии внесли изменение в политические чертежи московских Архимедов. Это было воспринято, как нелояльное нарушение достигнутого в Москве соглашения, освобождающее от соглашения и другую сторону.

VII. ФРОНТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Выступление чехословаков. — Стихия и сознательность, импровизация и необходимость в гражданской войне. — Народное восстание на Волге. — Народное восстание в Сибири. — Роль «учредителей» там и тут. — Образование Самарского Комитета Учредительного Собрания. — Борьба за У. С., как борьба за освобождение России от большевиков и внешнего противника. — Безличное основание власти, внепартийной и общенациональной. — Организация управления и вооруженных сил. — Кульминация успеха: взятие Казани и золотого запаса. — Внешняя политика КОМУЧа. — Союзническая политика в Европе и на фронте гражданской войны.

Мы все — невольны или вольно —
Свидетели мятежных лет
Слыхали голос колокольный
И видели багровый свет...

А. Блок

1

С началом весны 18 г. события пошли быстрее. Выступление чехословаков придало им головокружительный, вихревой характер.

Выступление было неожиданно для всех: для большевиков, для противников большевиков, для самих чехов. Именно о нем можно сказать, что оно случилось: никто его не делал и не готовил. И чехи меньше всего хотели «увязнуть» в русской междоусобице и неразберихе, и большевики больше всего хотели удалить из России это чужеродное обоюдоострое тело. Судьба чехов — и Чехии — находилась в прямой зависимости от исхода мировой войны на западном фронте, а не гражданской — в России. И потому их интересы и взоры были обращены туда, на Запад, где эта судьба решалась. Объявив себя, по соглашению с французским командованием, частью автономной чехословацкой армии, формировавшейся во Франции (согласно декрету президента французской республики от 17 декабря 17 г.), чехословаки в России вступили в соглашение с советской властью о разрешении им беспрепятственно уйти кружным путем, через Владивосток, морем во Францию. Оба соглашения — с пред-

ставителем французского командования ген. Табуи и с советским «главкомом» Муравьевым²⁵² — были заключены Масариком в феврале 18 г.

Соглашаясь с большевиками, чехи не могли, разумеется, вступить одновременно в соглашение с противниками большевиков, этим уничтожались бы все надежды и расчеты на лояльное содействие со стороны советской власти передвижению чехословацкого войска. Препятствовали соглашению с антибольшевистским лагерем и соображения политического порядка. К тому времени, кроме добровольческой армии ген. Алексева, проникнутой определенно правыми, противореволюционными настроениями, других форм вооруженного сопротивления большевикам ещё не существовало. Масарик же определенно отстаивал республиканский характер чешского движения, и борьбу за чешскую свободу хотел вести в союзе с социалистами, а не в борьбе против них. По этим обстоятельствам он отказал в просьбе о поддержке добровольческого движения ген. Алексеву²⁵³. Отказал в том же и П. Н. Милюкову письмом от 19 февраля (См. П. Н. Милюков: «Россия на переломе», т. II, прим. к стр. 25).

С течением времени содействие со стороны советской власти все определеннее перерождалось в противодействие. Большевики охотно «маневрировали», но, относясь без «предубеждений» ко всякого рода словам и «клочкам бумаги», не могли считать себя слишком связанными соглашением с «наемниками Антанты». Не справились ещё большевики к тому времени и с самочинством советской власти «на местах». Стало сказываться после Бреста и давление немцев, настаивавших перед большевиками на разоружении чехов. Уйдя с боем, на переправах через Днепр, из занятой немцами Украины, чехи уже в марте должны были заплатить командовавшему советскими войсками Антонову-Овсеенко — будущему «полпреду» в Чехословакии — пулеметами и орудиями за дальнейшее продвижение. Такого рода выкупной платеж сделался после этого обычной нормой.

14 мая, по случайному поводу, на вокзале в Челябинске произошло вооруженное столкновение между чехами и австрийскими военнопленными. Это столкновение привело чехословаков в столкновение и с челябинским советом. Совет арестовал чешских солдат, а затем и делегацию, требовавшую освобождения арестованных. Товарищи

последних освободили их силой и вооружились захваченным у челябинских красногвардейцев и на местном складе оружием. Москва ответила арестом представителей российского Отделения «отбочки» чехословацкого Национального Совета — Максы и Чермака. Последовали телеграммы — приказы, сводившие на нет все прежние соглашения.

23 мая «Заведующий оперативным отделом народного комиссариата по военным делам» Аралов телеграфировал пензенскому совдепу: — «В подтверждение раньше данного приказа (в котором говорилось: «сделайте все от вас зависящее для поддержки организации чехословацких коммунистов» и вступления «чехословаков, находящихся в поездах, в ряды советской красной армии») предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса, как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские и рабочие артели». А ещё через два дня сам «наркомвоенмор», в присущем ему состоянии крайней революционной запальчивости и раздражения, опубликовал один из своих «исторических» приказов, дорого обошедшейся и Советам, — что было бы в конце уже не так скверно, — и России.

Троцкий обязывал «все совдепы железных дорог от Пензы до Омска» *разоружить* чехословаков. «Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных... Всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно присылаются в тыл чехословаков надежные силы, которым поручено проучить мятежников. С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти, будет поступлено, как с братьями. Им будет оказана всяческая поддержка. Всем железнодорожникам сообщить, что ни один вагон чехословаков не должен продвигаться на восток. Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам с продвижением их на восток, будет сурово караться».

При самом «соглашательском» отношении к советской власти — выбора больше не оставалось. Приказ Троцкого клал предел всем

сомнениям и иллюзиям при самом лояльном отношении к советской власти и крайнем нежелании вмешиваться в русские дела. Депеша Троцкого как бы провоцировала чехословаков на вооруженное выступление против большевиков или — на сдачу на милость и усмотрение сидевшего в Москве графа Мирбаха²⁵⁴. Не чехи бросили жребий. Он был за них вынут правительством гражданской войны в России, РКП. Имели свою долю «заслуги» в «превращении расстояния между советским правительством и чехословацкой добровольческой армией в пропасть» и чешские коммунисты. Как писал впоследствии Яр. Папоушек о «Причинах чехословацкого выступления в 1918 году», — чешские коммунисты в Москве, «вместо того, чтобы перекинуть мост через пропасть, старались в личных целях сделать мирное соглашение невозможным» («Воля России» № 8–9 за 1928 г., стр. 304, 321, 340 и др.).

Как ни хотелось чехословакам выйти из огня гражданской войны, полыхавшего в России, как ни отталкивались от неё и как ни сопротивлялись, большевики все же толкнули их в противобольшевистский лагерь, заставили их отражать нападение на чехословацкие поезда у Мариановки (близ Омска), в Мариинске, Ново-Николаевске — 25 мая, в Иркутске — 26, в Златоусте — 27-го и т. д.

Уже шли форменные сражения, в которых чехословаки насчитывали десятки убитых и до сотни раненых, а политические руководители войска, невзирая ни на что, упорно продолжали отстаивать прежнюю свою позицию лояльности в отношении к Советам и невмешательства в гражданскую войну. «У советского правительства всюду очень много врагов, которые стремятся соблазнить (!) нас выступить в их пользу и низвергнуть существующее правительство, пишет «Чехословацкий Ежедневник» от 28 мая. Но это не является нашей задачей; наша цель — это далекий западный фронт, где мы будем биться с немецким империализмом». И в сообщении «всем, всем, всем», разосланном из Челябинска от того же 28 мая, за подписью Б. Павлу и Рихтера, заявляется, что чехословаки «отстаивают на местах гражданскую власть Советов. Чехословаки не хотят вмешиваться во внутренние дела русского народа».

* Только воображение Троцкого, распаленное демагогией и ощущением собственной своей оплошности, могло увидеть в выступлении чехословаков осуществление «дьявольского, злого, точно рассчитанного плана». — Суть

События опередили эти планы и желания. Вопреки им, чехословакам *пришлось* вмешаться в русские дела и упразднить и гражданскую власть Советов. Им пришлось биться не на «далеком западном фронте», а тут же, на «восточном», поволжском фронте, прежде всего, с советской властью и лишь косвенно и непосредственно — с немецким империализмом.

2

К моменту выступления против большевиков чехословацкий корпус был разбросан на огромной магистрали в 8 тысяч верст, соединявшей Пензу с Владивостоком. В этой разбросанности была и слабость, и сила чехословаков: слабость — в рассеянности отдельных частей и групп, сила — в повсеместном пребывании и возможности единовременного выступления по всем направлениям.

Те, кто твердят о национальном характере Октября, о том, что большевизм и есть единственно подлинная революционная стихия подавляющего большинства русского народа, есть проявление специфической «русскости», не должны все-таки упускать из виду, что в мае–июне 1918 года достаточно было демобилизованного корпуса в составе 33.800 человек («штыков» было гораздо меньше, ибо в состав корпуса входили и инвалиды, больные, нестроевые, музыканты, по-

плана, по Троцкому, «состояла в том, что для империалистов Франции, разумеется, было бы желательно иметь лишний чехословацкий корпус, но что для них в 10 раз стало важнее иметь чехословацкий корпус на русской территории против русских же рабочих и крестьян, создав, таким образом, то ядро, вокруг которого можно было бы группировать белогвардейцев, монархистов, все рассыпавшиеся по стране буржуазные элементы» и т. д. (*Л. Троцкий*: «Как вооружалась революция» т. 1, стр. 221. — Речь-доклад на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК V созыва совместно с московским советом раб., кр. и солд. депутатов, профессиональными союзами, фабрично-заводскими комитетами 29 июля 1918 года).

Более поздние большевистские источники, несколько отошедшие от запальчивости Троцкого, отошли и от его точки зрения. В обстоятельной работе *Н. Какурина*: «Как сражалась революция», т. 1, стр. 212, можно прочесть: «Нельзя сказать, чтобы чехословаки особенно стремились принять активное участие в гражданской войне в России. Предшествующая история этого войска свидетельствует о его стремлении уклониться от участия в ней, несмотря на желания контрреволюционеров привлечь их на свою сторону».

вара, писаря, врачи и т. д.)* для того, чтобы буквально в мгновение ока большевистской власти не стало, чтобы она была свергнута на всем протяжении от Пензы до Владивостока. И народ, не поддержавший в своё время Учредительного Собрания, как злорадствовали справа и слева, пальцем не двинул, чтобы поддержать и «свою» рабоче-крестьянскую власть.

Телеграмма Троцкого имела молниеносный эффект. Она привела в движение весь чехословацкий корпус. 29 мая чехи заняли Пензу, Сызрань, Канск; 30-го — Батраки и мост через Волгу; через день — Тайгу, Томск, Петропавловск и т. д. Выступление чехословаков повсеместно вызывает в ответ сочувственную «детонацию» со стороны окружающего населения. Следуют взрывы возмущения, «в два счета» ликвидирующие «власть Советов на местах». Повсюду действуют более или менее однообразно. Организуют новую власть без определенного и конкретного плана, часто импровизируя в меру собственного разума и применительно к обстановке.

Тут-то и дали себя знать плоды длительной и неблагодарной, глухой и невидимой, подпольной работы по подготовке восстания против большевиков, в которой, по признанию даже самых непримиримых противников эсэров, социалисты-революционеры проявили «наибольшую активность» (Гинс) и «брали на себя инициативу» (Деникин). Эта работа и побудила, и облегчила руководителям чехословацкого корпуса выйти из того «внутреннего противоречия», в котором они, по собственному их признанию, очутились: не желая вмешиваться в русские дела и готовые «оставить на местах гражданскую власть Советов», они в то же время хотели «биться с германским империализмом», фактическим в то время союзником Советов. Историк и участник событий того времени, Яр. Папоушек подчеркивает значение, которое имел для политического самоопределения чехов тот факт, что повсюду, где военные отряды Советов терпели поражение, «сейчас же начина-

* Кап. В. Голечек: «Чехословацкое войско в России». Иркутск, 1919. Изд. информационно-просветительного отдела чехословацкого воен. Министерства.

Опровергая «американскую ложь», Троцкий вынужден был признать 22 августа 18 г., что число бывших военнопленных, ставших «солдатами советской армии составляет никак не больше одной двадцатой (!) части всего количества советских войск» («Как вооружалась революция», т. 1, стр. 209).

ли приобретать силу антисоветские элементы, организующие без всякого затруднения новое правительство». Такое развитие событий корпусом «приветствовалось, не только потому, что благодаря такой ситуации значительно упрощалось положение, но и потому, что во главе местных правительств оказывались в начале главным образом социалисты-революционеры, чрезвычайно близкие чехословацкому корпусу, как своим мировоззрением, так и своей союзнической ориентацией».

О том же свидетельствует и другой чех д-р Ф. Штейдлер. «Наши победы стали импульсом к местным антибольшевистским переворотам, под руководством социалистов-революционеров, которые, впрочем, давно до нашего выступления и независимо от него готовились к перевороту... И надо признать, что явно антибольшевистское настроение населения значительно помогало нашим военным успехам (См. «Вольная Сибирь», № 4. Прага, 1928)*.

В анти-большевистском движении, как и в большевистском, сильна была стихия. Соперничая с началом организационно-волевым и сознательным, она для противников большевизма, может быть, была даже более характерна. Чем дальше от столичных очагов разложения, от линии фронта и железных дорог, тем отчетливее проступала стихия. В глубине деревенской России большевизм никогда не был прият. Отталкивание от него никогда не прекращалось, с той видимой для всех разницей, что инстинктивное и пассивное сначала, чем ближе к нашим дням, тем все отчетливее сменялось оно прямым и сознательным противлением. Не надо преуменьшать значение стихийного начала в войне. Не надо, однако, и недооценивать активного, организационно-сознательного участия в ней.

* Даже С. П. Мельгунов, всячески стремящийся дискредитировать и умалить усилия эс-эров в противобольшевистской борьбе, в частности в Сибири, не может отрицать «инициативы и энергии отдельных членов эс-эровской партии»; он вносит лишь некоторое ограничение: далеко не всегда выступление против большевиков в Сибири возглавляли социалисты-революционеры («Трагедия адмирала Колчака». Т. 1, стр. 56 и 57).

Другие гораздо более решительны в своих утверждениях. Так академик Ив. А. Бунин, в первые годы своего пребывания за рубежом, занявшийся тоже активной политикой, со слов некоего Гутмана (А. Гана) печатно утверждал: «чешскими штыками была водворена на Волге власть эсэров, а вовсе не власть народа» («Общее Дело». Париж. 23. XII. 1920 г.).

Одним из авторов сборника, выпущенного в Праге «обществом участников волжского движения», ген. С. А. Щепихиным, бывшим одно время начальником штаба войск волжского фронта, нарисована выразительная картина того, как к лету 18-го года «весь огромный степной район распался на отдельные группы и единства, соответственно своему национальному и экономическому положению». Местные интересы и соображения довели себе. Сопротивление советской власти оказывалось, но оказывалось собственными средствами, каждый на свой риск: «ни общих лозунгов, ни общегосударственных целей никто не ставил, каждый предпочитал отсиживаться или отбиваться по своим медвежьим углам». — «Впервые определенная идеология борьбы с советской властью стала проникать в массы через агитаторов партии социалистов-революционеров... Будучи наиболее мощным организованным целым, эта партия стала скоро тем бродилом, которое произвело сдвиг в настроении наиболее инертных масс крестьянства. Энергия, с которой эсэры вели эту упорную работу по преодолению инертности масс, те приёмы агитации, которые были применяемы, естественно внушали массам представление о силе партии и импонировали им. Отсюда до полного объединения всех разрозненных очагов борьбы — один шаг. По всему Поволжью прошел какой-то ток?.. (См. «Под стягом Учредительного Собрания» в Сборнике I «Гражданская война на Волге в 1918 г». Стр. 171 и 181).

Как ни слабы, а, сравнительно с нуждой, даже ничтожны, были силы, действовавшие со времени разгона Учредительного Собрания, в Поволжье и Сибири, однако, и они наложили свою печать и оказали большое влияние на ход и исход последующих событий. Как ни умалять «роль личности» и, в частности, роль определенных лиц в волжских событиях, вряд ли правильно утверждать, что «на Волге и в приволжских округах вспыхнуло *стихийное, грандиозное* народное восстание», — как, в явное противоречие с другими свидетелями очевидцами и с самим собой, делает это один из видных участников волжского фронта В. И. Лебедев (См. «Волю России» за 1928 г. № 8–9, стр. 201). Это и объективно не так, и звучит, как преувеличение размеров движения и преуменьшение личной роли и ответственности.

Конечно, в известной мере Самара случайно стала и аванпостом, и одним из главных центров вооруженной борьбы против больше-

виков. Как замечает другой участник борьбы И. П. Нестеров, — «ещё никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла в степях Заволжья». Но, с другой стороны, Самара была заранее намечена и сознательно выбрана в качестве аванпоста и центра. Стихийные восстания вспыхивали в Самаре и раньше: то артиллеристы, недовольные дележом казенного имущества и технического материала, выкатят свои пушки против советской пехоты, то «сухопутные моряки», собравшиеся в Самаре, свергнут «революционный комитет» и оставят в обладании большевиков один самарский вокзал. Но к политически осмысленному результату восстание привело лишь под воздействием целесознательных, в подполье готовивших его сил, и, главным образом, эсэров. *Как это было*, — рассказали в «Воле России» за 1928 г. №№ 8–9 и 10–11 организаторы восстания И. М. Брушвит²⁵⁵, П. Д. Климушкин, И. П. Нестеров, вместе с двумя другими членами Учредительного Собрания той же эсэровской фракции Б. К. Фортунатовым и В. К. Вольским²⁵⁶, возглавившие правительство переворота*.

Сибирь, которую объехал Брушвит с целью установления связи, назначила совместное выступление на 15–16 мая. «Мы работали совершенно независимо и даже не знали о том, в каком положении находятся чехи», — свидетельствует Брушвит. И только от приезжего из Москвы, посланца эсэровского ЦК, узнали в Самаре о назревавшем у чехословаков, сгруппировавшихся в Пензе, конфликте с большевиками. «Тогда только постановлено было отправить меня (Брушвита) в Пензу для связи с чехословаками... Тогда только! Таким образом, в русской общественной среде готовились организованно к выступлению против большевиков задолго до прихода чехословаков, причем имелось в виду задержаться на Волге и на Урале».

Попав к чехословакам в Пензу, Брушвит, конечно, стал их убеждать в том, что им не миновать физического столкновения с Советами. И когда его слова оправдались, и чехи, несмотря на все своё оттал-

* Несмотря на неимоверное, почти необозримое количество материала, исторически иногда совершенно никчемного, публикуемого беспрестанно советской властью по истории гражданской войны, — специально по истории борьбы в Самаре нет почти ничего, если не считать попутных замечаний и, конечно, «квалификаций» — по другим «историям»: Интервенции, Колчаковщины и т. д.

кивание, вынуждены были выступить против Советов с оружием в руках, естественно, поднялся и авторитет тех, кто это выступление предвидели и, как могли, к нему готовились. Выступление против Советов, естественно, сблизило чехов с эсэрами по мотивам политической солидарности и технической взаимопомощи.

Брушвит ведал «внешние сношения»: был живой связью сначала с Сибирью, потом с приближавшейся к Самаре пензенской группой чехословаков. Климушкин ведал «деревню», собирал крестьянские съезды, готовил, как умел, «аппарат» на следующий день после свержения большевиков, вел переговоры о содействии с другими местными партийными группами и беспартийными организациями. «Военное дело», сначала только партийную «боевую дружину» и воинские части, сочувствовавшие перевороту, а потом и техническое руководство восстанием рабочих на Иващенко-ских заводах — в 40 верстах от Самары, центре огромнейших запасов патронов и снарядов, — ведал Фортунатов. Здесь, в Иващенкове, впервые было произнесено имя КОМУЧа — Комитета Учредительного Собрания²⁵⁷, именем которого иващенко-ские рабочие захватили город и закрепились на вокзале ещё до прихода чехов.

Вспоминая прошлое, бывший командующий поволжским фронтом — «всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургских и Уральских казачьих войск», — чешский ген. Чечек писал: «Могу с уверенностью сказать, что Иващенко-во спасло нас. Вывезенными оттуда материалами и порохом питались потом вся база Поволжского фронта, Урала и наша армия. Иващенко-во поддерживало нас целых полгода...».

Сколь ни ничтожны были силы эсэров в Самаре, сколь ни «провинциален» был их личный состав, все же они сыграли значительную, едва ли не решающую роль в факте восстания, в его успехе и закреплении успеха. Только они, можно сказать, и сыграли эту роль, ибо все другие круги русской общественности или вовсе умыли руки, или предпочли до времени политику выжидания и воздержания.

Местная организация социал-демократов (меньшевиков) заявила, что «принципиально» она стоит за «активную борьбу с большевиками», но, считаясь с противоположной точкой зрения своего ЦК, она практически «вынуждена воздержаться от активного участия в борьбе». Так же ответила и влиятельная организация рабочих печатного дела, позднее, когда определился исход восстания, как и с.-д.-ская

организация, оказавшая серьезнейшую поддержку перевороту. Лидер самарских к.-д. без гарантии того, что «чехи пробудут на Волге так долго, как этого потребуют наши русские интересы», и сам отказывался от имени местного комитета принимать участие в восстании, и других от этого предостерегал. «Само собой понятно наше сочувствие целиком на вашей стороне и *впоследствии*, когда ситуация изменится и *если* вам (!) удастся убедить чехословаков остаться здесь надолго, мы не откажемся от активного участия в борьбе с большевиками, а пока мы будем пассивны».

Поддержку обещали лишь народные социалисты... Иными словами — эсэры были с самого начала предоставлены самим себе. Помощники и советчики, критики и ректификаторы пришли после, уже на готовое, когда многого нельзя было исправить, а другое, — по праву первого обрешего — и не хотелось уступать. Это надо твердо помнить при оценке государственно-организационной импровизации, создавшейся в Самаре, по крайней мере отчасти, и под давлением внешней, объективной обстановки.

Организаторы восстания меньше всего были «доктринеры». Не было среди них и ученых юристов. В этом, если угодно, можно видеть положительное начало, обусловившее самый успех дела. Ещё и сейчас один из видных участников КОМУЧа и его историк С. Н. Николаев, в интересном очерке, помещенном в том же № 8–9 «Воли России», полагает, что «теоретические размышления о сохранении чистоты и цельности формальных юридических принципов являются скорее обстоятельством разлагающим и губящим живое дело». Как бы то ни было, но критикуя совершенно очевидные недостатки плана государственного преобразования эсэровских Сперанских, собравшихся в Самаре в мае 18 г.²⁵⁸, надо иметь в виду и ту обстановку гражданской войны, при которой «в три дня был не только теоретически разработан весь план управления, но и были приглашены на все ответственные места должностные лица»...

План «управления» был чрезвычайно прост. «Во главе аппарата стоит комитет членов Учредительного Собрания с представителями от местных городских и земских самоуправлений. Во главе армии стоит военный штаб, состоящий из трёх лиц: полк. Галкина (артиллерист, руководивший в подполье беспартийной офицерской организацией), Фортунатова и Боголюбова, а дальше, в нисходящем

порядке, идут министерства, губернские и уездные уполномоченные, начальники милиции и т. д.».

Здесь был принцип — *безличное* основание власти. Не те *физические* лица, которым посчастливилось одержать верх и свергнуть ненавистную власть Советов, признавались носителями власти в силу фактического её захвата, не они несли «в себе» основание власти, а то учреждение, вернее, *учреждения*, которые созданы были единственным источником и «дарителем» власти — народом и его волеизъявлением, обнаружившимся во всеобщем голосовании. Отсюда и «управление» призваны возглавлять, наряду с членами Учредительного Собрания, и «представители от местных городских и земских самоуправлений»*.

Принцип был правильный — единственный, который мог дать правовое основание власти. А необходимость такого основания сознавали и искали его и те, кто в условиях рискованной и нелегальной подготовки восстания не имел ни вкуса, ни досуга «заниматься решением формально юридических вопросов». Иначе обстояло с *практическим* воплощением принципиально правильного начала.

Власть возглавлялась КОМУЧем, как властью верховной и временной — впредь до восстановления Всероссийского Учредительного Собрания и дооктябрьского законодательства и порядка, поправленных большевистской властью. Личный состав не был установлен даже количественно. Численность Комитета была подвижна. Каж-

* По тому же принципу и образцу построена была новая власть и в Архангельске, где и юристы были, и правительство было возглавлено не эсэрами, якобы «левого типа», а таким более чем умеренным и государственно-мыслящим демократом, каким в пору гражданской войны был Н. В. Чайковский. — После свержения советской власти в Архангельске 2-го августа было возведено, что «Отныне носителями Верховной государственной власти в северном крае является Верховное Управление Северной Области в составе: членов Учредительного Собрания, а также представителей земств и городов в этой области». И фактически в правительство вошли, наряду с членами У. С., — преимущественно северных избирательных округов: вятского, архангельского, вологодского, новгородского, — тов. городского головы г. Вологды и зам. председателя городской думы г. Архангельска. Юридическое различие заключалось в том, что члены У. С. входили как бы по личному прямому праву, тогда как гласные — по представительству от соответствующего городского или земского учреждения.

дый член У. С. мог стать членом самарского КОМУЧа, т. е. носителем верховной власти. Для этого достаточно было удовлетворять двум положительным условиям и двум отрицательным: оказавшись в Самаре, заявить о своем желании вступить в состав КОМУЧа и не принадлежать ни к большевистской, ни к лево-эсэровской фракции У. С. Последние исключались на основании соучастия в органах власти, ведшей вооруженную борьбу с органами и защитниками народовластия. И формально «уход» этих фракций из заседания Учредительного Собрания 6-го января приравнивался к «отказу от звания» члена Собрания, по их убеждению, правомерно распущенного властью.

В идее внепартийный и общенациональный, КОМУЧ фактически возник как однопартийно-эсэровский пятичленный орган. Через 4 месяца к 1-му октября, по данным «Вестника Комитета членов Учредительного Собрания», в КОМУЧе было уже 95 человек. Достаточно одного этого факта, чтобы признать правильной характеристику Николаева, — «внутреннее строение новой власти не отличалось ни постоянством формы, ни выдержанностью плана и системы». КОМУЧ являлся одновременно и верховной властью, и властью законодательной, и исполнительной. Власть не была разделена ни по материальному своему содержанию, ни формально, по компетенциям.

Лишь в порядке технической необходимости произведено было суммарное распределение работы между членами КОМУЧа «заведовавшими» отдельными отраслями и фактическими «управляющими» различными «ведомствами». Только к началу августа, с образованием так называемого Совета управляющих ведомствами, произведено было некоторое отделение власти «верховой» КОМУЧа от власти правительственной, наделенной и законодательными функциями, — Совета управляющих ведомствами. Но и это разграничение страдало серьезным пороком. Среди «управляющих» преобладающее большинство составляли члены У. С., в качестве таковых входившие в состав органа «верховой власти» — КОМУЧа и таким образом сами себе подконтрольные*.

* Совет управляющих ведомствами составляли: Роговский (председатель Совета и управляющий госуд. охраной), Климушкин (внут. дел), Былинкин

Были и другие пороки не формально-юридической только структуры новой власти. И среди них едва ли не наиболее серьезным по своему непосредственному впечатлению и массовому действию было присвоение флагу самарского правительства, на котором значилось: «Власть народа — власть Учредительному Собранию», *красного* цвета.

Поскольку эмоции являются одной из самых главных сил именно в гражданской войне, красный символ, *за* который и *под* которым надо было сражаться и умирать по приказу КОМУЧа не только добровольцам, но и мобилизованным для борьбы против большевиков, которые сражались и умирали за *такое же* красное знамя, — вносил, конечно, безысходную тоску и смуту в души бойцов.

3

Коллегиальная, и в своем личном составе подвижная, самарская власть имела много дефектов, организационных и иных. Но если к этим дефектам подойти с сравнительно-исторической точки зрения, и сопоставить их с дефектами единоличной и военной власти, образовавшейся на юге, а потом и на востоке, севере и северо-западе, — самая суровая критика должна, если не замолкнуть, то значительно смягчиться.

Между тем и по сей день, уже в историческом аспекте, постигшую самарскую неудачу даже самые серьезные ученые продолжают объяснять причинами и обстоятельствами мнимыми и несоответствующими реальность. Так, по утверждению историка Милюкова, «для всего хода борьбы» на Волжском фронте «роковое значение» имело то обстоятельство, что там фактически преобладали социалисты–революционеры «левого типа Чернова», а политической программой КОМУЧа будто бы была программа левых с.-р*. Что КОМУЧ действовал в качестве временного держателя власти именем распущенного Учредительного Собрания, и при этом

(юстиции), Филипповский (торговли и промышленности), Лазарев (нар. просвещения), Веденяпин (иностр. дел), Раков (финансы), беспартийный Краснов (государств. контроль), беспартийный полковник Галкин (военн. дел), Нестеров (путей сообщения), Белозеров (почт и телеграфов), Маслов П. Г. (земледелия).

* Г. Гинс противопоставляет «не черновцев» их «товарищам–максималистам (!) из Самарского Комитета и Областной Думы». — Т. 1. стр. 181.

руководствовался «решениями, спешно принятыми в последние минуты единственного заседания Учредительного Собрания 6-го января», — это совершенно верно. Но что «решения» эти составляли целую «программу», и при том «программу левых с.-р.» — этого П. Н. Милюков и не пробовал доказать. Вероятно потому, что это и не может быть доказано.

Среди эсэров оставались, конечно, программно-тактические расхождения и после формального откола левых эсэров после октября. Но резкое расхождение «левых» и «правых» — по признаку «согласительства» с не-социалистическими элементами — обнаружилось позднее. Во время же существования волжского фронта власть — и по личному составу КОМУЧа, и по проводимым им мероприятиям — была, конечно, не левой, а «правой». В частности лидер «левых» В. М. Чернов не только не был никак причастен к самарской власти и волжской борьбе, но и физически очутился в Самаре лишь накануне самоупразднения самарского правительства в итоге государственного совещания в Уфе. Не левыми были «все те же с.-р-ы», благодаря которым, по свидетельству Милюкова, усилилось «влияние русской точки зрения» на чехов и, в частности, удалось убедить их задержаться временно на Волге. Отнюдь не левыми были и те эсэры, в чьих руках «находилась» кооперация, дававшая «деньги на покупку оружия» для борьбы против большевиков, и с которыми приходилось вступать в сношения всем офицерским и иным организациям. Левым нечего было бы делать и во всех «однобоких» правительствах, которые возникали в целях вооруженной борьбы против большевиков в Самаре, Сибири, Архангельске и «в которых с.-р. имели перевес» («Россия на переломе», т. II, стр. 41, 34 и 31).

Ген. Деникин, не только как военачальник, но и как историк, смотрел и того проще. Для него «Комитет Учредительного Собрания — филиал центрального комитета партии с.-р-ов» и «отображение советского (!) правительства, только более тусклое и мелкое, лишенное крупных имен, большевистского размаха и дерзания» (См. «Очерки русской смуты». Берлин. 1924 г. Т. III, стр. 98).

Другой автор, тоже историк, С. П. Мельгунов, несогласный, как и в других пунктах, с Милюковым, пришёл к четвертому мнению: «Комитет У. С. не служил, в конце концов, ни тому, ни другому, ни «партийному», ни «общенациональному» делу» (См. «Трагедия адмирала Колчака». Белград. 1930. Т. I, стр. 119).

Можно и должно критически относиться к волжской эпопее и вообще — к вооруженной борьбе против большевиков. Можно относиться отрицательно к мероприятиям и даже к личному составу правительств, земств, городов, коопераций, и прочих учреждений, в которых в 17 и 18 гг. преобладали эсэры. Вряд ли, однако, допустимо критическое отношение к эсэрам подменять одной квалификацией их «левыми эсэрами» — широко распространенной, и тем не менее объективно неверной. И вообще невозможен исторический подход, не корректируемый *сравнительной* оценкой аналогичных явлений: чтобы исторически объективно оценить волжскую борьбу, необходимо знать и помнить, как протекала и протекла борьба на других фронтах.

Деятельность самарского правительства проникнута была с самого начала служением «единой независимой свободной России», в котором находили сочетание и идея народовластия, и «вера в Россию, в русский народ, в его светлое будущее», где «светлые благородные порывы, честь и совесть» сочетались с задачей восстановления в стране «закона и порядка». Об этом говорилось с первого же дня, когда возведено было о «перевороте, совершенном нами благодаря подходу доблестных чехословацких отрядов», и издан был «Приказ № 1 — О принятии власти Комитетом членов Учредительного Собрания». Приказ № 2 посвящен был организации Народной армии. «Для защиты восстановленных органов истинного народоправства от посягательства подходящих большевистских и немецких банд», Комитет членов У. С. «именем Учредительного Собрания» приказывал военному штабу «в срочном порядке приступить к формированию дисциплинированной и сильной армии». Но очень скоро добровольчество пришлось восполнить принудительным набором родившихся в 1897 и 1898 гг., и произведено было разделение подчиненных и начальников соответствующих чинов. Армия служит народу, нации, а потому беспартийна. Вхождение военнослужащих в политические партии совершенно недопустимо. Вне службы все равноправны и равно обязаны перед родиной, внешним выражением чего служат «гладкие из простого сукна контр-погоны» (из доклада КОМУЧу тов. Управляющего военным ведомством Взорова в августе 18 г.).

Армия была наиболее уязвимым пунктом самарской власти. На 1-ое августа с ней числилось 8.485 добровольцев и 21.888 моби-

лизованных. Она нуждалась во всем: в амуниции, экипировке, винтовках*, артиллерии, инструкторах, деньгах и т. д. В виду хронического безденежья добровольцы получали совершенно ничтожное жалование: на всем готовом 15 руб. — солдаты и офицеры. По отзыву компетентных свидетелей, части Народной армии сражались охотно вблизи своих деревень. И здесь они были беспощадны по отношению к большевикам. Вдали же от родных селений они представляли недостаточно устойчивую силу, значительно уступающую в крепости боевого духа чехословакам. Лучшими частями считались конный отряд Фортунатова и добровольческие отряды рабочих Воткинского и Ижевского заводов.

Вопреки утверждениям многочисленных «историков» — недругов Народной армии, комиссаров и комитетов в армии не существовало. На страже дисциплины стоял военно-полевой суд.

«Часто упрекают, что Народная Армия была слаба потому, что Самара ввела в неё порядки времен Керенского**», — пишет большой недруг не столько Самары, сколько эсэров и КОМУЧа ген. П. П. Петров, бывший начальник оперативного отдела. И тут же прибавляет: «Да, положение о службе в Народной Армии, выработанное наспех в тонах 1917 года лишь для того, чтобы не испугать левые элементы и не затягивать решения, конечно, не отвечало принципам вполне здорового устройства армии. Но ведь это было в 1918 году на Волге, где революционный угар ещё далеко не прошел и где крутое писанное возвращение к обычным старым порядкам могло возбудить разговоры и рознь. Один разговор о погонах сыграл бы большую роль, как сыграл, по-моему, вообще в дальнейшей борьбе». Ген. Петров считает «несомненным, что многое, в чем упрекают КОМУЧ и «Штаб из трёх лиц» совершенно несправедливо, а многое просто искажено или выдуманно противниками «Учредилки», тоже людьми партийными».

* Большевистские источники доводят численность Народной армии до 50–60 тысяч человек. Но и они отмечают, что «вооружения хватало только на 25 тысяч бойцов». см. среди «Воспоминаний и статей участников борьбы с учредилковской (!) и колчаковской контрреволюцией» ст. Какурина в сборнике «Борьба за Урал и Сибирь». Госиздат. 1928 г.

** См., например, мнение ген. И. Г. Акулинина: «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками». «Белое Дело». Летопись белой борьбы. Т. II, стр. 124.

(См. «От Волги до Тихого Океана. В рядах белых». Воспоминания. Рига. 1930. Стр. 49–50).

Комитеты и комиссары в армии были упразднены. Распущены были Советы. Как органы власти, Советы были вовсе упразднены и заменены восстановленными органами местного самоуправления. Волостным Советам было предписано немедленно сдать дела волостным управам. Но Самарский Совет рабочих депутатов не был упразднен. Он был сохранен, как орган «общественного мнения пролетариата». Срок и порядок выборов в новый Совет был установлен рабочей конференцией в июне. В августе Совет начал действовать, а в конце сентября был упразднен. Как отмечает бывший управляющий ведомством труда в Самаре И. Майский²⁵⁹, — впоследствии перебежавший к большевикам и дослужившийся до высоких степеней и звания «полпреда» в Японии и Финляндии, — самарская «буржуазия и офицерство самое слово «Совет» не могли произносить без скрежета зубовного... В этом лежала одна из самых главных причин ссоры между Комитетом и поддерживавшими его вначале правыми элементами». (См. «демократическая контрреволюция», стр. 93. Госиздат. 1923 г.).

Восстановление Совета было бесспорно ошибкой самарского правительства, позднее признанной им и признанной. Подсказана она была неуверенностью в себе, необходимостью иметь за собой рабочий класс, близостью июня 18 г. ко времени, когда Советы играли руководящую роль в русской революции, наконец, общей политической линией — восстанавливать большевиками упраздненное и упразднять лишь то, что введено было большевиками.

Не вступая на путь нового органического правотворчества и отмечая все наносное, имевшее своим происхождением узурпацию власти, самарское правительство денационализировало банки, возобновило деятельность государственных и частных кредитных учреждений, восстановило частную собственность на процентные бумаги, денационализировало и возвратило в частное владение фабрично-заводские предприятия, передало временно, «до издания особого распоряжения», в ведение городского самоуправления захваченные большевиками дома, гостиницы, бани, кинематографы, восстановило институт фабричной и горной инспекции, отменило так называемый рабочий контроль и т. д.

В декларации КОМУЧа от 24 июля говорилось, что, «желая оказать содействие тем лучшим представителям торгово-промышленного класса, которые искренне стремятся к возрождению родины и проникнуты желанием всемерно содействовать восстановлению нормальной хозяйственной жизни», Комитет признает за предпринимателями «право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определенного законом и договором, и увольнять не подчиняющихся этим требованиям, соблюдая соответствующие законные нормы. Предпринимателям предоставляется право увольнять лишних рабочих с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений».

Тому же Майскому, как агенту самарской власти, принадлежало заявление, что «демагогические утверждения, будто Россия переживает социалистическую революцию, на время увлекли пролетариат и лишили его ощущения реальности; он потерял границу между мечтой и действительностью. Теперь жизнь возвращает рабочий класс на землю... Выполняя свой долг перед пролетариатом, революция в праве требовать, чтобы пролетариат в свою очередь выполнил свой долг перед революцией. Учредительное Собрание гарантирует 8 часов рабочего дня, но эти 8 часов они должны хорошо работать... Плохая работа при 8-ми часовом рабочем дне не только страшный ущерб для страны, но и позор для пролетариата. С плохой работой должно быть покончено».

Твердые цены на хлеб были отменены. Земельные комитеты восстановлены, причем им рекомендовалось «принять к точному и неуклонному исполнению первые десять пунктов Основного закона о земле», принятого Учредительным Собранием. Насильственное возвращение имущества воспрещалось и подлежало пресечению и преследованию «самым строгим образом» так же, как и прямой захват.

КОМУЧ не переставал подчеркивать, что руководится «преданностью родине и стремлением к национальному возрождению её, воссозданию боевой мощи, установлению порядка, улучшению экономического состояния страны, охране труда, утверждению демократических принципов в стране. Эти действия направлены также к полному уничтожению советской власти и к единению с союзниками. Комитет считает необходимым ясно, открыто заявить: хотя большинство его

принадлежит к фракции с.-р. Всероссийского Учредительного Собрания, это не значит, что орган власти есть проводник идей одной этой партии» (Декларация от 1 августа).

Это — программа левых эсэров?!

Гораздо ближе к истине утверждение Майского, в обличительных целях доказывавшего в своей книге «Демократическая контрреволюция», что «Программа Комитета являла собой довольно точное воплощение программы обыкновенной буржуазной демократии». Это, может быть, было и худо, может быть, хорошо, но это было так! Это подтверждается и более заинтересованными и более близкими — хронологически и топографически — свидетелями.

На торжественном заседании земско-городских деятелей, общественных организаций, партий и союзов в Симбирске представитель к.-д. Бонч-Осмоловский свидетельствовал, что его партия счастлива оказать поддержку КОМУЧу и Народной армии. Вышедшая в Казани во второй половине августа «Камско-Волжская Речь» писала, что «государственная власть в лице Комитета членов Учредительного Собрания, сменившая в целом ряде городов тиранию партии большевиков, провозгласила на своем знамени *те лозунги, за которые мы раньше боролись*, — воссоздание единой России, власть твердая, национальная, внепартийная, с широким государственным горизонтом... Неуместно разжигать классовую или партийную ненависть, когда дело идет о существовании всей страны»*.

Классовой, и, главное, партийной ненависти КОМУЧу предотвратить, правда, не удалось. Но надо признать, что шла и пришла она не

* Надо ли указывать, что и на противоположном фронте по другим мотивам и в соответствующих выражениях по существу удостоверился тот же факт. — «Деятельность КОМУЧа с самого же начала носила резко реакционный характер», — пишет напр., П. Лисовский в книжке: «На службе капитала. — Эсэро-меньшевистская контрреволюция». 1928. — «Эта политика вызвала бурные симпатии к КОМУЧу со стороны местной буржуазии, которая чувствовала в КОМУЧе свою власть, хотя сама в ней и не была непосредственно представлена». — Другой автор А. Соколов, в сборнике «Колчаковщина» изд. «Истпарт. при Уралобкоме РКП» 1924 г. удостоверяет, что «буржуазия чувствовала, что приходят её времена», что «собравшиеся в Поволжье под флагом Учредительного Собрания контрреволюционные офицерские банды возбуждали меньше подозрений со стороны народных масс» и т. д. Подобных отзывов можно привести сколько угодно».

от КОМУЧа, а с другой стороны. О характере новой власти свидетельствуют не только её мероприятия, но самая её «фразеология»; она не переставала говорить о «родине», «национальном возрождении», «полном уничтожении советской власти» и т. д.; наконец, как уже отмечалось, о том же свидетельствует и личный состав органов власти. Многие из высших руководителей и идеологов волжского движения впоследствии сильно «полевели», кое-кто даже переметнулся прямо к большевикам, но это случилось впоследствии: *тогда*, летом 18 года, подавляющее большинство находилось едва ли не на крайнем правом фланге русской демократической и социалистической общественности.

И характерно, что одни противники КОМУЧа обличали его в слабости и «керенщине», в то время как другие обвиняли его как раз в противоположном, осуждали — не только слева, что неудивительно, но и справа, — за чрезмерную суровость, за слишком решительную расправу с реакционными заговорщиками, с бастующими и восставшими (в том же Иващенкове) рабочими, с крестьянами, не выполнявшими приказа о мобилизации, за обстрел артиллерийским огнем деревни, отказавшейся подчиниться приказу о явке новобранцев и т. п.

Но большевикам ли этим возмущаться? Реакционерам ли справа об этом печаловаться?

4

В первое время самарский фронт имел успех за успехом. Энтузиазм восполнял недостаточное умение и подготовленность. Недостатки технические и организационные искупались натиском и героизмом, глубокой, часто слепой верой в правоту и удачу своего, народного дела; презрением к силам неправого врага.

Уже через неделю, 15 июня, первое ядро добровольческой Народной армии совместно с ротой чехословаков с боем отняли у большевиков г. Ставрополь. Ещё через день была занята Сызрань. Чрезвычайно важный в стратегическом отношении, центр расположения советских войск, Симбирск был взят небольшим отрядом в 283 человек после тяжелого и рискованного перехода 150 верст в трое суток, днем и ночью. По составленному заранее плану была сдана КОМУЧу Уфа подполковником генерального штаба Ф. Е. Ма-

хиным, занявшим командный пост в советской армии с ведома эсэровского ЦК.

Объем освобождаемой от большевистской власти территории увеличивался чуть ли не с каждым днем. Успехи подняли дух и окрылили надеждами боровшихся против большевиков на других фронтах. Они же вызывали растерянность и тревогу, временами — панику в советском лагере. В смежных местностях с напряженным волнением следили за перемещением линии фронта. Как правило, истомившееся под властью большевиков, население ждало освобождения, а сопротивлявшаяся ему власть даже и не скрывала своей уверенности, что освобождение от неё неминуемо. Смена власти почти всюду происходила безболезненно. «Советская» власть уходила — приходила власть «учредилоская», «учредителей», КОМУЧа. Оказывавшиеся при этом налицо члены Учредительного Собрания, преимущественно, местного происхождения или избрания, всячески содействовали признанию «самарской» власти, как власти центральной и руководящей.

Кульминационным пунктом в успехах было взятие Народной армией и чехословаками Казани 7-го августа.

«Нам казалось», — писал впоследствии известный Лацис²⁶⁰, орудовавший в Казани в качестве председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией «на чехословацком фронте», — «что Казань сдавать нельзя, что сдача Казани равняется открытию доступов к Москве, что наша армия, разбитая под Казанью, покатится до Нижнего*, и неприятель, таким образом, тесным кольцом окружит нас с востока и севера».

Вспоминая в 1929 г., уже на положении изгнанника на берегах Босфора, своё славное прошлое, «Месяц в Свияжске» — кульминационный момент своих трудов и дней по укреплению «диктатуры пролетариата», Троцкий писал: «Весна и лето 1918 г. были из ряда вон тяжёлым временем. Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпается, не за что ухватиться, не на что опереться. Вставал вопрос: хватит ли вообще у истощенной, разоренной, отчаявшейся

* Под непосредственным впечатлением от падения Казани «совдеп» в Нижнем Новгороде большинством лишь в два голоса отклонил предложение о немедленной сдаче Нижнего Народной армии и признании власти КОМУЧа.

страны жизненных соков для поддержания нового режима и спасения своей независимости?.. Всюду гноились заговоры... Все осыпалось, не за что было зацепиться, положение казалось непоправимым... Судьба революции в наиболее критические моменты зависела от одного батальона (!), от одной роты (!!), от стойкости одного комиссара (!!!), *т. е. висела на волоске*. И так изо дня в день» (Л. Троцкий. «Моя Жизнь», т. II, стр. 123–126).

Прибыв на театр военных действий, Троцкий угрожал и соблазнял: «Если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар, вторым — командир. Мужественные, храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули». (Приказ Предс. ВВС и Наркомвоенмора № 18). Подстрекая — «утопить чешских наемников и офицеров-громил на Волге и раздавить их преступный мятеж против рабоче-крестьянской революции», он доказывал, что «если мы вырвем Казань, то этим разобьем неприятельский фронт. Симбирск и Самара падут сами собой. Англо-французский ничтожный десант не будет нам страшен. Немцу незачем будет наступать, раз нового фронта не образуется в России»*.

И тем не менее Казань была сдана — точнее — взята. Взят был ключ, отпиравший экономический и стратегический доступ к бассейну средней и нижней Волги, к воротам Урала и Сибири, вместе со всем находившимся там российским золотым запасом** номинальной стоимостью в 657 миллионов р. (по курсу 18 г. около 6½ миллиардов р.), запасами платины, серебра, кредитных знаков, военного снаряжения, интендантского снабжения и т. д. Взяты были с налету, порывом, отвагой и энтузиазмом. Ни рабочие, ни крестьяне и не думали поддержать падавшую «рабоче-крестьянскую власть», как, впрочем, не торопились они и позднее на помощь КОМУЧу. Бытописатель Казани того времени правильно замечает: «Самая быстрота сдачи, сопровождаемая или злорадством, или равнодушием, должна

* «Как вооружалась революция». Т. 1. стр. 234 и 245. Изд. Высш. Военного революционного совета 1923 года.

** Троцкий разъяснил эту потерю так: «Захват золота был произведен по приказанию французских, английских, японских и американских капиталистов. Русский народ после октябрьской революции отказался платить заграничным ростовщикам по займам, заключенным царями» (Там же, стр. 261).

была у новой власти возбуждать немалую тревогу. Большевистская власть ушла из Казани, но разбуженный революцией социальный утопизм далеко ещё не был изжит ни рабочими, ни крестьянами. Оставалось... предъявление к власти повышенных требований и ожидание от неё социального чуда» (См. у *В. Архангельского*: «Казань во время борьбы с большевиками». «Воля России» №№ 8–9 и 9–10 за 1928 г.).

Отсутствие личной ответственности за судьбы России и активного содействия приветствуемой новой власти было характерно не для одной только Казани. Оно было гораздо более распространённым, за небольшими исключениями, почти что *всеобщим* в эпоху гражданской войны. Оно было характерно не для низовых только, менее культурных слоев. В ещё большей мере «шкурничеством» и «рвачеством» были заражены состоятельные «средне-высшие» классы. Они стремились поймать «момент», использовать «конъюнктуру» и, вернув убытки, а, где можно, и наверстать упущенное, бежать. Давали знать и мстили за себя веками взращивавшиеся навыки пассивного и «верноподданнического» отношения к власти. Грехи старой России тяготели и над новой. «Русского обывателя» — жаловалась самарская «Земля и Воля» — «нужно обязательно принудить, призвать или напомнить, чтобы он лениво и неохотно пошёл защищать своё гибнущее отечество, свою свободу, кровь, честь и своё достоинство»...

Со взятием Казани, к началу августа, боевой фронт с лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию!» протянулся через Симбирск, Сызрань, Хвалынский, Вольск. У Балашова он переходил на левый берег Волги и через Николаевский уезд соединялся с фронтом Уральских казаков, тянувшихся от Николаевска на Александров-Гай. Оренбург и Орск защищались казачьим ополчением и башкирами под общим руководством атамана оренбургского казачьего войска полковника Дутова²⁶¹ (у ген. *В. Г. Болдырева*, верховного главнокомандующего при Директории: «Директория, Колчак, Интервенты», стр. 29. Сибкрайиздат. 1925).

Фактически к тому времени была освобождена от советской власти значительно большая часть российской территории: не говоря о юге, юго-западе и севере, — все среднее Поволжье, Урал и Сибирь. Волжский, почти 800-верстный фронт держался совместными усилиями Народной армии, казачьих уральских и орен-

бургских войск и чехословаков. С последними КОМУЧу удалось установить самые лучшие и дружеские отношения, организационно закреплённые назначением командующим всеми русскими войсками чешского полковника Чечека. С оренбургским казачьим войском самарская власть была связана личной унией через войскового атамана Дутова, вошедшего в состав КОМУЧа и пользовавшегося всяческой, и прежде всего финансовой, поддержкой Самары. Наконец, в отношении к Уральскому войску публичный обмен заявлениями удостоверил, что позиции уральского правительства «совершенно тождественны с той, которую занимает Комитет членов Учредительного Собрания в области основных принципов и заданий».

В этом запротоколированном обмене мнениями в заседании КОМУЧа 26 июля получили оформление и некоторые из тех положений, которым впоследствии суждено было стать пунктами серьёзных расхождений и осложнений для КОМУЧа.

«Мы мыслим себе Комитет, как *эмбрион* Учредительного Собрания, — формулировал точку зрения КОМУЧа его председатель Вольский, — а не как областной орган. В силу этого все члены Учредительного Собрания (за исключением большевиков и левых эсеров) могут быть здесь в Комитете. Но... в Комитете могут быть только члены Учредительного Собрания... Временная Верховная власть естественно должна сосредоточиться в Комитете членов У. С., и этот орган, как *единственный в России правомочный орган*, должен быть признан нормальным органом, исполняющим общенациональные государственные задачи». От верховной власти, на которую КОМУЧ притязал, нераздельно он отличал власть правительственную — Всероссийское Правительство, которое должно было быть составлено «независимо от партийности или вхождения в состав У. С.» в началах представительства от областных правительств: самарского, сибирского, уральского. Представитель последнего Фомичев, со своей стороны, признал «тождественность» общих принципиальных позиций и «приемлемость» намеченного КОМУЧем пути. Соглашение было достигнуто и относительно того минимума членов КОМУЧа, при котором он мог бы себя считать «в числе» для создания центрального правительства. Кворум был определен в 150 членов У. С.

Дружественные отношения удалось установить и с местными инородческими организациями: с временным народным советом Алаш Орды (киргизами), Башкурдистаном и татарами Поволжья или внутренней России.

За тюрко-татарами и мусульманами признаны были права культурно-национальной автономии: право открывать всевозможные школы, строить свою религиозную жизнь, вестить общественное призрение, просвещение и культуру и создать орган национально-го самоуправления, правомочный устанавливать и взимать специальные налоги для удовлетворения национально-культурных нужд. Словом, — полный комплекс, так называемых, прав меньшинств. В отношении кайсак-киргизского народа Алаш был признан, до окончательного утверждения Учредительным Собранием, автономной областью с тем, что дела общегосударственного значения, касающиеся ведомств военного, иностранных дел, путей сообщения и продовольствия, оставались в ведении центральной власти, а до её создания — КОМУЧа.

КОМУЧ твердо стоял на единственно правильной позиции в национальном вопросе, что «для создания единой, свободной, сильной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя, необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих её народностей, одушевленных сознанием, что каждой из них будут гарантированы условия самостоятельной автономно-творческой деятельности». Прежде, чем встать на гибельный и для них, и для России, путь сепаратизма, народы Кавказа торжественно заявили: «Разгон Учредительного Собрания оборвал последнюю связь, которая могла бы объединить всю Россию и всероссийскую революционную демократию» (См. Декларацию Закавказского Краевого Центра от 12. 1. 1918 г. в «Документах и материалах по внешней политике Закавказья и Грузии»). Этот взгляд разделял и КОМУЧ. *Борясь за Учредительное Собрание, он боролся за единство России, и, борясь за единство России, за объединение «в неразрывном союзе народов и областей в пределах, установленных федеральной конституцией, суверенных», как гласила формула Учредительного Собрания, — КОМУЧ и те народности, которые собрались для борьбы против большевиков на Волге, не могли не бороться и за Всероссийское Учредительное Собрание.*

5

Менее успешной была внешняя политика КОМУЧа. Причины лежали не столько в нем, сколько во вне, в «союзниках».

Союзники долго, очень долго, упуская все сроки, технически и психологически колебались в выборе «лошади», на которую поставят свою союзническую ставку. Они колебались в своем отношении к большевикам, как возможным все-таки противникам гогенцоллерновской Германии, и анти-большевикам. Положение чрезвычайно осложнялось недоверием союзников друг к другу, их взаимным соперничеством и ревностью*. Разнобой среди них был необычайный, — ничуть не меньший, чем в русском анти-большевистском лагере. И не только разные миссии сталкивались друг с другом. Столкновения происходили и внутри миссий отдельных держав. И не военные только расходились, как обыкновенно, с дипломатами. Дипломаты никак не могли согласиться между собой, даже внутри каждой миссии. И в то время, как уполномоченные, напр. французской и американской миссий капитан Садуль и полковник Робинс держались «соглашательской» по отношению к Советам линии, главы этих миссий, послы Франции и Соединенных Штатов, Нуланс и Фрэнсис, не верили в успех этой линии и возможность соглашения с Советами. Двойную игру охотно играла, конечно, и советская власть, кокетничавшая одновременно и с союзниками, и с германцами. Ленин вел «многообещающие переговоры» с Робинсоном и де-Люберсаком, а Троцкий не переставал вести душевные беседы с Садулем и генералом Лавернем, с американским генералом Джэдсоном и Робинсом, с англичанином Локартом²⁶² и с чехами**.

* Ср., напр., описание напряженнейших отношений и нескрываемой вражды, царивших между японцами — «германцами востока» и англичанами, англичанами и французами, американцами и японцами и т. д. у *Дж. Уорда*: «Союзная интервенция в Сибири в 1918–19 гг.».

** Ещё 26 февраля Нуланс телеграфировал Троцкому: «при вашем сопротивлении Германии можете рассчитывать на военную и финансовую помощь Франции». А Садуль ещё 7 мая переслал А. Тома заверения Троцкого в том, что «нельзя более отрицать доброй воли Советов совместно работать с Антантой».

Фрэнсис, взывавший к русскому народу оказать сопротивление Германии и большевикам, обещая со своей стороны, общесоюзническую помощь, — до начала мая 18 г. вообще был решительным противником союзнической интервенции в России. Свою перемену взгляда Фрэнсис датирует 2-м мая.

И, потому, один из младших агентов французской миссии имел впоследствии все основания написать: «Многие представители союзников, упуская из виду целое и общий интерес цивилизованного мира, не видели ничего, кроме дурно понятого интереса собственной страны. Как простодушный солдатик во время боя, они считали, что «чемоданы», которые падают на соседний сектор, не имеют никакого значения. И такие «чемоданы» сыпались градом по всему участку, занятому Антантой, к великой радости советского правительства»*.

Республиканцы и демократы у себя, представители французской, английской, даже американской миссий становились, за немногими исключениями, проводниками реакционных влияний в России. В этом сказывалось не только непонимание происшедшего и окружавшего, но и высокомерие, часто даже нескрываемое презрение к огромной и дикой, полуазиатской стране, на знавшей в течение веков иной власти, кроме деспотической, и потому от века определенной сносить любое насилие и издевательство. Вдали от места действия руководители союзнической политики прислушивались к разным точкам зрения, но соображывались они только со своими интересами и возможностями России. Это явственно ощущали не левые только обличители Антанты. В этом признавались сами союзнические представители.

Так сыгравший весьма серьезную и, на наш взгляд, чрезвычайно плачевную роль в России английский представитель полковник

См. исключительно интересную дипломатическую переписку между Фрэнсисом и Робинсом за время между 11 марта и 14 мая в *Russian American Relations 1917–1920*. — *Documents and Papers*. New York. Особенно №№ 72, 105, 109 и др.

Весьма осведомленный во внешней политике чехов Папоушек сообщает, что ещё в конце марта английское правительство обращалось к французскому и чешскому Национальному совету и, ссылаясь на то, что и Троцкий хотел бы, чтобы чехословацкая армия осталась в России, — просило, чтобы Национальный Совет дал своё согласие на использование чехословацкого войска в России для оккупации в Сибири Омского округа или базы у северного моря (Архангельск или Мурманск) или, наконец, Восточной Сибири совместно с Семеновым. «Начиная с этого момента дискуссия между союзниками и советскими деятелями о применении чехословацкого войска уже не прекращалась».

* *Capitaine Guinet*: «En mission à travers la Russie de Lénine». Paris, 1921. P. 321.

Уорд определенно признал, что союзники предприняли интервенцию исключительно в «своих собственных целях» и мало того, что не выполнили формально данных ими обещаний и взятых на себя обязательств. «Мы сделали нечто худшее, чем это. Неисполнение обещания — только отрицательное преступление. Союзники удалились в другую крайность: их помощь приняла характер прямой, преднамеренной обструкции». Уорд говорит даже о прямом «дезертирстве» по отношению к русскому народу и уверяет, что, будь он правителем, он стал бы «просить богов избавить его от двуличных союзников и чересчур осторожных друзей» («Союзная Интервенция», стр. 26 и 170).

Там, где шла реальная борьба, союзники не скупилась на самые щедрые обещания, уверяя, что всяческая помощь не только будет оказана, но уже идет и с востока, через Владивосток, и с севера, через Мурманск, Архангельск, Вятку. Обещания эти, ни в какой мере не выполнялись. И прав был наблюдавший действия союзников на месте французский военный агент при чешском Национальном совете, уже упоминавшийся нами Гинэ, когда писал: «Антанта вела войну без убеждений, желая казаться нейтральной, и вела её так плохо, что вскоре победители германцев вынуждены были отступать перед красногвардейцами». Вечные колебания и промедления, посылка ничтожного числа солдат «маленькими пакетами» вводили лишь в заблуждение тех, кто реально держал фронт, поддерживали в них лишь иллюзии и миражи. И, может быть, лучше было бы, если бы союзники не оказывали антибольшевистскому лагерю никакой помощи, нежели ту призрачную и ничтожную, которую они фактически оказали на деле, а не на словах. Ибо предоставленный собственным силам антибольшевистский лагерь не обольщался бы беспочвенными мечтаниями, не вынуждался бы вместе с тем и считаться, а иногда и подчиняться чужеземным политикам и стратегам. Рассчитывая только на себя, антибольшевистское движение, может быть, пошло бы менее опрометчивыми и безответственными путями, проявило бы больше активности и больше умения действовать, если не солидарно, то хотя бы согласованно.

Союзническая стратегия и политика только проэцировались на Россию. Устанавливалась и решалась же она за тысячи верст от русского театра действий, в союзнических столицах. И там унаследованные от прежних времен военные и дипломатические представители

России весьма, конечно, мало были склонны оказывать содействие «социалистическому» правительству Самары. Гораздо более расположены были они отстаивать и представлять другие правительства. И их симпатии и взгляды определенно сказывались в тех нотах и депешах, которые получала Самара.

На месте реальной борьбы, в Самаре, капитан французской службы Бард заявлял по поручению посла Нуланса и начальника военной миссии генерала Лаверна, что они «благодарят Комитет Учредительного Собрания за ту громадную работу, которую сделал и делает Комитет в интересах общесоюзнического дела, и выражают уверенность, что союзники не замедлят оказать Комитету самую существенную финансовую и материальную помощь». (Журнал Заседания КОМУЧа № 17 от 28 июля). А из Парижа министр иностранных дел слал депешу «господину Веденяпину»²⁶³, в которой значилось: «Был счастлив узнать от Маклакова о создании правительства, имеющего целью воссоединить Россию и восстановить нормальные условия жизни. Как только вы докажете нам, что у вас в руках реальная власть, что вас слушаются в России, что вокруг вас группируются силы, — это произведет огромное впечатление. Таким образом, ключ к вашей значительности за границей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более, что последние отнюдь не несомненны. Все здесь полагают, что только У. С. может реорганизовать российское государство. Но невозможно отождествлять У. С. с его Комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет самый принцип легальности... Вот почему ваше происхождение от У. С. не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила. Таким образом, необходимо вашей уступчивостью, вашей реальной силой, дать нам доказательства признания вас страной. Такое доказательство вызовет здесь общее облегчение. Желая вам всяческого успеха. Готовый помогать вам всеми силами. — *Пишон*»²⁶⁴.

В этой характерной телеграмме есть пункт, носящий явные следы русского влияния и внутренних русских споров. Это — указание на незаконность власти, черпающей свой авторитет из усеченного У. С., — без большевиков и левых эсэров. Это указание совершенно в духе и стиле русских законников, правосознание коих отказывалось мириться с правопоражением коммунистов и левых эсэ-

ров* и в то же время, как видно будет из дальнейшего, более чем снисходительно относилось к произвольному самозарождению и самопровозглашению власти единоличного диктатора буквально из ничего, — уже без всякой тени оснований не только законных, но и моральных.

Между тем шедшая на Волге борьба направлена была не только против большевиков, но и против общего с союзниками внешнего врага. Троцкий в Москве, Скоропадский²⁶⁵ в Киеве, Краснов²⁶⁶ в Новочеркасске находились в прямом соглашении с Германией**. Даже добровольческая армия Деникина, опиралась на охраняемый Красновым и его соглашением с немцами Дон, пользовалась в борьбе против большевиков благами этого соглашения, правда, не открыто, а прикровенно. И только фронт Учредительного Собрания с начала и до конца, явно и внутри себя, остался верен союзнической ориентации. Не только все официальные декларации и воззвания это подтверждали. Это подтверждается и частными сношениями эсэров, так сказать, по партийной линии.

В телеграмме, подписанной Веденяпиным, уже не в качестве управляющего ведомством иностранных дел, а в качестве члена эсэровского ЦК, по поручению последнего, 2-го ноября, и адресованной в Стокгольм делегированному с.-р.-ской фракцией членов У. С. для участия на международной социалистической конференции В. В. Сухомлину²⁶⁷, говорилось: «Последними своими соглашениями большевики окончательно сделали из нашей страны часть Германии, помогающую немцам разрешить продовольственные затруднения. В порядке компенсации большевики пользуются всяческим содействием немцев в гражданской войне. Главную силу красной армии составляют германские и мадьярские военнопленные, латыши и даже китайцы. Много немецких

* При обсуждении отношения к распущенному Учредительному Собранию в ЦК к.-д.-ской партии: «Не было разногласий и в том, что без коммунистов и левых эсэров Учредительное Собрание, как выразитель воли всего населения, перестает существовать», — рассказывает Л. А. Кроль: «За три года». Стр. 12.

** В Москве сидел полномочный посол Германии граф Мирбах, в Новочеркасске — представители германского командования ротмистры Фрейберг и Энгельс, в Ростове-на-Дону — майор Кахенгаузен, в Киеве — ген. Эйхгорн и Мумм.

инструкторов... Антибольшевистский фронт не может быть отделен от фронта противогерманского. Всякое запоздание с союзнической помощью, военной, финансовой и продовольственной объективно будет равнозначно измене по отношению к нам и к чехам. Мы просим поэтому воздействовать на общественное мнение в союзных странах».

Можно считать такую безусловную преданность общему делу с союзниками неправильной, — свидетельством романтической верности данному слову, а не политической дальновидности и гибкости. Можно считать самую вооруженную борьбу с большевиками никчемной, заранее осужденной на неудачу «авантюрой», как её и называли официальные социал-демократы меньшевики, во главе с Мартовым и Даном²⁶⁸, — «эсэровской авантюрой». Но чего сказать никак нельзя, ни при каких оговорках, это — что левый фланг антибольшевистского лагеря поднял вооруженную борьбу не во имя интересов России, как он, конечно, понимал эти интересы, а в своекорыстных, партийных, или программно-тактических целях. В пылу злободневной полемики, в своей предвзятости не всегда считавшейся с действительностью, это ещё можно было утверждать. Но в историческом аспекте такое утверждение никак не может быть оправдано.

Участники волжской борьбы были демократы, социалисты, революционеры. Но это не мешало им быть и патриотами. Если бы они относились равнодушно к интересам и судьбе России, к восстановлению ее государственного и международного значения, им не стоило бы и рисковать — физически и морально — политическим соучастием в кровавом братоубийстве. Это очевидно и а priori. Это следует и из политики, заявлений и мероприятий, которые проводил КОМУЧ. Много можно поставить на минус КОМУЧа, — и ошибки, и прегрешения, неумение и переоценку своих и чужих сил и т. д. Одного нельзя ему поставить в укор, хотя бы при малейшем беспристрастии, — недостаточное якобы радение о судьбах отечества, недостаточную любовь и заботу о будущем России, её чести и достоинстве.

Прочтите «Записи», сделанные «в период описываемых событий» одним из наиболее активных бойцов, организаторов и пропагандистов волжского фронта и власти КОМУЧа. О чем думает, о чем мечтает наедине с собой этот «чрезвычайный» уполномоченный КОМУЧа «с неограниченными полномочиями как по гражданской, так и по во-

енной части», бравший Сызрань, Симбирск и — в прямое нарушение военного приказа — Казань?*

Вл. Лебедев думает и говорит только об «оскорблении России», о «больших силах нации», о том, как «зажечь пламя патриотизма во всей России и заставить союзников считаться с нами, как с великим государством», о Народной армии, «борющейся во имя России и только во имя её», о «страшном, все выжигающем слове Россия. Нет того дела, на которое не пойдешь за него. Из-за него и из-за слова Москва». «Взятие Москвы — да это колоссальный электрический разряд по всей нашей родине. Это конец большевистской власти, это конец германской ориентации, это самый могущественный призыв к борьбе с германцами, это колоссальный подъем патриотизма по всей России» и т. д.

Или — «О, какое безумное, бешеное чувство злобы и ненависти загорается в сердце против тех, кто ценой сговора с Вильгельмом²⁶⁹ пришли к власти, тех, кто при помощи военнопленных, латышей и китайцев бросили одну часть народа в братоубийственную войну против другой... В Киеве Милуков переменил ориентацию на германскую и всюду приходится слышать о том, что в случае победы над большевиками его, как и большевиков, и Краснова, и Скоропадского придется судить за государственную измену». — Наконец, уже не политика, а явная лирика, наивная, восторженная, но патриотически

* «Записи» в «Воле России» включают в себя «Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири», изданные В. И. Лебедевым ещё в 1919 г. в Нью-Йорке под заголовком: «Борьба русской демократии против большевиков». Между «Записями» и «Записками» есть существенное фактическое разногласие. В «Записках» рассказывается, как автор послал на аэроплане из Симбирска в Самару капитана французской службы Барда, чтобы испросить разрешение наступать на Казань, и как «главнокомандующий Чечек по заслушании Барда и дал разрешение на взятие Казани» (стр. 34). А из «Записей», в которых воспроизводятся подлинные личные разговоры и ленты разговоров по прямому проводу, следует с неопровержимостью, что Чечек не только такого разрешения не дал, а отдал приказ обратного содержания. Между тем руководители операции — Степанов, Фортунатов и Капель — «за самоваром (на пароходе во время рейса) решили по-моему, главным образом, настоянию не подчиняться». Лебедев убедил своих спутников в том, что «есть положения и моменты, когда прямая обязанность военного патриота и революционера не исполнять приказа... Пусть нас судит Россия и История, пусть нас расстреляют, — но после взятия Казани. Казань должна быть взята».

чистая. «Сегодня ночью был заключен настоящий союз. Степанов и Капель после моих речей о будущих походах подали друг другу руки и дали слово идти на Москву... здесь снова решалась судьба России... Здесь из мечтаний о Москве выросла железная решимость дойти до Москвы. Как чудесно жить на свете... это уже не жизнь, — это подлинное горение и сгорание. Как прекрасна Волга и несущаяся по ней мощная, организованная человеческая волна, эти три батальона русских чешских энтузиастов... Приходит известие, что Казань свободна. Что с нами? Мы больше не люди... Какое счастье!.. Какие минуты, это уже ни жизнь!.. Это восторг, это безумие!.. Григорьев плачет, Капель и Степанов в слезах» (См. в «Воле России» №№ 8–9 за 1928 г., стр. 116, 124, 139, 150–154).

Как во всех дневниках, и в «Записях» Лебедева избыточествует «ячество». Но за неизбежными: «я» сказал, «я» приказал, «я» потребовал и т. д., нельзя же все-таки не видеть подлинных дум и мук о России, за Россию, подтвержденных и личной жертвенностью на деле, а не словесным лишь изобличением *post factum* недостаточной жертвенности других. Эти настроения, родственные юношеским настроениям Герцена и Огарева²⁷⁰ на Воробьевых горах, может быть, ещё в большей мере близки карамзинским настроениям. В них не мало от Карамзинской «Бедной Лизы», — этого не скроешь! Но есть в них нечто и от карамзинской «Истории государства Российского», — это тоже бесспорно!..

Нынешний единомышленник Лебедева и соредатор по журналу может обличать «политический романтизм» боровшихся на Волге. Может заключать в иронические кавычки «национальный» характер поднятого тогдашними руководителями партии с.-р. восстания. Может доказывать задним числом «иллюзорность восстановления фронта» на том основании, что, как стало известно впоследствии, «историей не было отмерено достаточно времени, ибо судьба войны уже решалась на западном и салоникском фронтах» (См. у В. В. Сухомлина в «Воле России» в №№ 10–11 за 1928 г.). Он может считать «совершенно несомненным, что ошибочными были некоторые из лозунгов, с которыми партия пошла к восставшим и в особенности политическое руководство движением» (См. ст. В. Сухомлина в «Социалист-Революционер» № 3. Париж. 1931). Но исторически он, конечно, не прав. Гораздо более близки к тому, что было, к исторической правде и к тому, что может быть объективно оправдано, те, кто были «политическими романтиками» на Волге, да и сейчас остались верными девизу: «лучше по-

ражение — чем измена». Это «лучше» во многих отношениях. В частности, — и в «интересах России», о которой хлопочет и Сухомлин, почему-то твердо убежденный в том, что «моральные чувства» никак «не котируются на арене международной политики» и вообще не являются ни «реальными фактами», ни «реальной силой».

Нет, с исторической точки зрения Сухомлин никак не более прав, чем Милюков, убежденный, что «роковое значение для всего хода борьбы» на Волге имело то обстоятельство, что перевес здесь получили эсэры «левого типа Чернова»*. Такие «типы» в волжской борьбе не принимали никакого или почти никакого участия**.

Роковое значение имели совсем другого порядка обстоятельства и своим плацдармом они имели Сибирь.

* Не разделявший тактики эсэров на Волге М. Л. Коган-Бернштейн вышел тогда же из состава ЦК. Направляясь в Саратов к Чернову, с целью побудить его скорее появиться в Самаре, Коган-Бернштейн, при переходе на советскую сторону через линию фронта, был схвачен и расстрелян большевиками.

** В «Последних Новостях» от 10.VII.1930 г. П. Н. Милюков признал «хорошо обоснованными и убедительными» возражения, представленные М. В. Вишняком «тем, кто видел в самарской власти засилье левых эсэров». Милюков признал, что «противники судили о самарских эсэрах по прошлому» в «отсутствии сведений» и «показаний свидетелей». Однако, соглашаясь с тем, что в «Самаре власть была в руках не левых, а “правых” с.-р., настроенных государственно и патриотически», Милюков полагает, что «положение дела на самарском фронте представляется приблизительно таким же, как на других фронтах. Демократическая программа остается на бумаге, а в действительности сказываются грехи старой России».

Но в таком ограничительном смысле можно ли признать суждение П. Н. Милюкова правильным? Достаточно поставить вопрос: если самарский фронт на самом деле «приблизительно» был таким же, как и другие фронты, чем объяснить ту ожесточенную и ни с чем не сравнимую кампанию, которую вели именно против этого фронта представители и защитники всех других фронтов и методов вооруженной борьбы против большевиков? Не объясняется ли это в значительной мере как раз тем, что Самара, в отличие от всех других фронтов, свою демократическую программу не оставляла «на бумаге», а в меру возможности проводила и воплощала в жизнь? Не этим ли, главным образом, и вызвано по адресу Самары столь страстное и единодушное возмущение со стороны «осважников» на всех фронтах былой борьбы? Не опровергается ли утверждение Милюкова противоположного смысла укоризной, направленной против КОМУЧ-а его страстным недоброжелателем Мельгуновым? Ведь Мельгунов ставил КОМУЧ-у в вину как раз его стремление «облекать репрессии в одежду формальной законности»!

VIII. ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Государственное Совецание в Уфе. — Два крыла. — Смена властей в Сибири. — Борьба Омска с Самарой. — Взаимные упрёки и притязания. — Средняя позиция. — Медиаторы из Союза Возрождения. — Московские проекты и уфимская реальность. — Вынужденное соглашение и содержание компромисса. — Избрание пятичленной Директории. — Её права и обязанности. — Условия созыва Учредительного Собрания первого созыва. — Конец КОМУЧа. — Съезд членов Учредительного Собрания, как «государственно-правовой орган».

1

Как уже упоминалось, в конце января 18 г. на нелегальном собрании членов сибирской Областной Думы создано было Временное Сибирское Правительство и «Западносибирский Комиссариат» для организации борьбы против «большевистских палачей» и «скорейшего возобновления работ Всероссийского Учредительного Собрания».

По личному своему составу и правительству, и комиссариат были «однобоки»: и тут, и там, как почти во всех общественных и политических организациях и учреждениях России 17-го года, преобладали эсэры. Как записал впоследствии П. Н. Милюков, со слов Гришина-Алмазова, будущего противника и эсэров, и сибирского правительства, — Гришин убеждал право-настроенных офицеров поддерживать, в лице сибирского правительства, идею власти, «имеющей хоть какие-нибудь признаки законности» (См. «Россия на переломе», т. II, стр. 32).

Эти «убеждения» не имели большого успеха. Только постепенно, на тяжком опыте быстротечных и сменявшихся властей, пришлось Сибири оценить значение «хоть каких-нибудь признаков законности». Пусть сибирское правительство первого призыва существовало «больше как лозунг, чем как реальная величина», по выражению недруга этого правительства и историографа Гинса. Но именно оно вдохновляло и руководило борьбой против большевиков в начальный, наиболее рискованный период, когда исход событий ещё не определился.

В то время как на юге и на юго-востоке организация борьбы сосредотачивалась вокруг определенных лиц и имен генералов и атаманов, Корнилова, Алексеева, Деникина, Каледина, Краснова, Дутова, — в Сибири, как и на Волге, противобольшевистские силы объединялись вокруг *идеи* народовластия и восстановления работ Учредительного Собрания. Организационная работа здесь была особого порядка, требовала исключительного напряжения. Не случайно именно в Народной Армии на Волге участие интеллигентной молодежи и даже пожилых общественных деятелей пропорционально было особенно значительным. Гришин-Алмазов и П. Михайлов, описывает Гинс, «изъездили все города Сибири и повсюду вносили систему и единство плана в кустарно формировавшиеся организации. В этом деле требовалось много смелости, в виду подозрительной бдительности большевиков, не раз попадавших на следы организации, а ещё более — такта, в виду разнородности политического состава организаций».

И Гинс не может отрицать, что для свержения большевистской власти, которое надо было готовить в подполье, эсэры были «незаменимы». Но как администраторы, они, за малыми исключениями, были, по его мнению, негодны*. Иными словами, и в *историческом* аспекте Гинс поддерживает версию, широко распространенную по партийно-политическим соображениям в 18-м году и сейчас не совсем оставленную: пусть эсэры, незаменимые «спецы» по свержению, сделают своё дело, а затем на их место придут другие, более пригодные «администраторы и работники» и будут делать *свое* дело — править страной.

* В явное противоречие с собой Гинс признает, что «когда прибыл (в Омск) Павел Михайлович..., наличность власти стала ощутительнее. Этот бледный человек, с горящими черными глазами, работал день и ночь. Он немедленно созвал совещание из всех общественных деятелей, выяснил положение финансов, продовольственное, нужды железных дорог». — «Член Учредительного Собрания Фомин, несмотря на свою молодость (28 лет), проявил большую распорядительность и такт». — «Западносибирский комиссариат руководился преимущественно деловыми соображениями. Это был правильный путь. Отсутствие партийности сразу дало себя чувствовать и в ходе дела, и в общественных отношениях». (См. т. I, стр. 87, 89, 90). — Наши частые ссылки на Гинса, Мельгунова и др. объясняются отнюдь не литературными или историческими достоинствами этих трудов, а исключительно тем, что мы предпочитаем, где возможно, приводить отзывы тех, кого и самый ожесточенный противник первого Учредительного Собрания не заподозрит в пристрастии или каком-либо сочувствии к нему или к эсэрам.

Здесь был источник многих недоразумений и непримиримых противоречий внутри антибольшевистского фронта на Волге* и в Сибири. Борьбе социалистов против большевиков сочувствовали, её поощряли и ей даже помогали, поскольку социалисты вели разрушительную работу. Но поскольку «мавр», успешно закончив дело свержения большевиков и в Сибири, и на Волге, претендовал и на положительную работу и водительство по закреплению достигнутых успехов, постольку правыми «государственно-мыслящими» элементами русского общества и, в особенности, высшим офицерством эти претензии встречались враждебно, как подсказанные партийными интересами или личным влечением к власти.

Пока члены нелегального сибирского правительства и западно-сибирского комиссариата занимались подготовкой восстания против большевиков, никто не возражал и против численного перевеса эсэров. С января по июнь 18 г. никто не поднимал вопроса о том, что выборы произошли в чрезвычайном порядке, при далеко неполном составе сибирской Областной Думы, — 18 членов её к тому времени были уже арестованы большевиками, — на «частной квартире», «исподтишка». Только *после* одержанной над большевиками победы возник вопрос о «первородном грехе сибирского правительства — фикции выборности» (Гинс); о том, что у некоторых избранных в обстановке большевистского террора не испросили предварительного согласия на избрание; что правые члены правительства «недовольны

* Председатель самарского союза промышленников Неклютин (позднее министр снабжения и продовольствия адмирала Колчака), говорил ещё в Самаре «полушутя — полусерьезно»: «Мы понимаем разницу между вами и большевиками. Но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не устраивает... Мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции... Мы будем до поры до времени вас немного поддерживать, немного вас подталкивать, а когда вы своё дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»... (См. «Гражданская война на Волге в 1918 г.» Сборник I, стр. 63).

Сибирские к.-д. отказывали в содействии активной борьбе против большевиков не только эсэрам, но и представителям добровольческой Армии. Прибывшей в Омск в марте 18 г. делегации, во главе с генералом Флугом, они заявили по примеру самарских к.-д., о которых упоминалось в предыдущей главе, что считают безнадежным выступать против Советов без поддержки со стороны союзников и, в частности, Японии (См. «Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г.» в «Архиве русской революции» № 9, стр. 251 и 271).

компанией более левых (в частности, «дальневосточными» членами правительства, очутившимися, во главе с евреем и эсэром Дербером, в Харбине); что сибирское правительство «намеревается отстаивать, в сущности, эсэровские партийные позиции» и т. д.

Этих, довольно-таки жалких мотивов, скрепленных обычными для критического времени поисками власти сильной и авторитетной, оказалось достаточно для того, чтобы темпераментный и самоуверенный «патриот» рискнул в меру собственного разума повернуть по своему колесо сибирских событий.

По почину Ив. Михайлова²⁷¹, и формально без особого сопротивления со стороны западносибирского комиссариата, 17/30 июня особой «грамотой» был провозглашен переход власти на всей территории Сибири к пяти членам сибирского правительства, случайно очутившимся в освобожденной от большевиков западной Сибири. Этим прямым нарушением постановлений сибирской Областной Думы и узурпацией прав и власти — и Думы в целом, и правительства в его 15-ти членном составе — в пользу пяти случайных его сочленов, оказавшихся на территории западной Сибири: Вологодского, И. Михайлова, Патушинского, Крутовского, Шатилова — пролагался путь ко всем позднейшим узурпациям и захватам власти, ставшим вскоре в Сибири бытовым явлением.

Ибо если можно было 17/30 июня отстранить от власти своих же коллег и тех членов западносибирского комиссариата, которые получили свои полномочия от всего состава правительства и фактически подготовили и осуществили антибольшевистский переворот, создав самую возможность антибольшевистской власти, почему нельзя было двумя месяцами позднее, 21 сентября, устранить от власти не угодивших Михайлову членов нового пятичленного правительства — Шатилова и Крутовского?! Если можно было присвоить себе «всю полноту государственной власти на всей территории Сибири», как значится в грамоте» 21 сентября, почему бы 18 ноября не упразднить власть Временного Всероссийского Правительства (так называемой Уфимской Директории)²⁷² и простым «постановлением» сначала «принять на себя всю полноту верховной государственной власти», а затем с той же легкостью «передать временное осуществление» её одному лицу, адмиралу Колчаку, «присвоив ему наименование Верховного Правителя»?!

Логика, право и, главное, психология были те же. Теми же были и приёмы, обозначившиеся уже при первом захвате — или переходе —

власти. Управляющий делами сначала западно-сибирского комиссариата, а потом и нового правительства Гинс удостоверяет, что в телеграмме, которую новое правительство, по вступлении во власть, послало Дерберу²⁷³, захват власти мотивировался «подымавшей голову реакцией, авантюристами, в смелых головах которых бессилие и неавторитетность комиссариата порождает замыслы захвата власти. В действительности таких замыслов тогда не было» (Гинс, I, стр. 97, — если, конечно не считать самого Михайлова и его единомышленников, этот «замысел» уже осуществивших при криках, что на захват власти покушаются другие).

И Гинс не отрицает наличия в данном случае *переворота*. Он лишь считает, что «переворот произошел слишком рано». И он признает «политическую немощность» самозванного правительства. И даже сочувствующий перевороту Мельгунов не находил для его «исторического» оправдания более сильных оснований, чем — «неавторитетность ли Комиссариата и неопределенность его полномочий или просто (!) желание принять непосредственное участие во власти побудили, наконец, членов правительства, избранных 28 января, взять бразды правления в свои «руки». «Это было правительство, созданное жизнью (?), идущее мимо нежизненных фикций и формальностей (!)» («Трагедия адмирала Колчака», т. I, стр. 84–85).

Совершенно очевидно, что *так* может быть оправдан любой переворот и всякий захват власти.

Антибольшевистское движение и власть в Сибири имели приблизительно те же корни и те же задания, что движение и власть на Волге. И в Сибири некоторые общественные круги, «автономисты» и «беспартийные», активно боролись против восстановления полномочий Всероссийского Учредительного Собрания, отстаивая учреждение единоличной военной диктатуры, но серьезнейшее отличие Сибири состояло в том, что там власть уже в июне 18 г. стала открыто на пусть силы. В новом сибирском правительстве большинство составляли сторонники диктатуры, не отказавшиеся, правда, опереться и на «общественное признание». В декларации сибирского правительства, оглашенной перед сибирской Областной Думой 15 августа в Томске, говорилось: «Временное Сибирское Правительство действует, как власть суверенная, с полномочиями, почерпаемыми не только от Областной Думы, совет министров избравшей, но также (!) из создавшегося переворотом фактического положения вещей

и единодушного признания правительства со стороны всех кругов населения общественных организаций. В обстановке, при которой совет министров принял на себя тяжёлое бремя управления, он не мог поступить иначе, как объявить себя суверенной, ни от кого не зависящей властью».

Для самарского же правительства его *право* на власть стояло вне сомнений не потому только, что оно стремилось к возможно более полному осуществлению идеи народоправства, но и потому, что оно в себе видело производное от избранного населением Учредительного Собрания, права которого оспаривались как раз теми, против кого и велась вооруженная борьба. Силы Народной Армии должны были лишь поддержать и подкрепить авторитет КОМУЧа, дать ему возможность практически осуществить свою власть, а отнюдь не служить её юридическим базисом*.

В этом психологически и политически разном отношении к власти вообще и своей в частности заложены были корни всех последующих разногласий, в конечном счете доведших до открытого столкновения и насильственного переворота.

* Когда уже из эмигрантского далека А. Кулишер считает антитезу *между правом КОМУЧа и голым насилием* сибирской власти «в корне неверной», это доказывает лишь живучесть политических страстей и предрассудков в самых, казалось бы, критических умах. Ибо единственный аргумент, который при этом приводит Кулишер, — ниже всякой критики: он обращает право в простой итог случайного успеха. По мнению Кулишера, — «если бы идея *права* учредительного собрания существовала, как живая и действенная идея в народных массах или хотя бы среди самих членов учредительного собрания, то не было бы убудочных Комучей» и «съездов членов учредительного собрания», а было бы само Собрание, которое сумело бы (?) открыться и взять власть в свои руки, как умели это делать «охвостья» разных парламентов в гражданских войнах в Европе и даже в Китае» (См. «Последние Новости». Париж. 19. III. 1931).

Здесь не только явное *petitio principii*: считается якобы установленным то самое, что требует ещё доказательств (*как* именно «само Собрание» могло взять власть в свои руки?). Здесь и другое: если «идею права» ставить в прямую и исключительную зависимость от фактического умения и успеха, отпадает и необходимость, и самая возможность обсуждать вопрос с точки зрения права и не-права. Отрицая право за «убудочным» КОМУЧем не потому даже, что КОМУЧ был «убудочным», а потому лишь, что он не победил, — рассуждение Кулишера переносит вопрос о праве в область столкновения физических сил и фактов. Победил ведь повсюду большевизм. Значит ли это, что и право на его стороне?

2

От непосредственного удара со стороны советских войск Сибирь была заслонена волжским фронтом, который держали у Екатеринбурга чехи, в центре — Народная Армия и на левом, южном фланге — оренбургские казаки. Это обстоятельство благоприятствовало лучшей организации сибирской вооруженной силы. Оно же открывало для сибирского правительства свободу политического маневра. Позволяло ему изображать из себя мудрое правительство, собирающее силы впрок для будущего, в интересах якобы самостоятельного сибирского государства.

Фронт давил на самарскую власть, связывал её по рукам, заставлял подчиняться посторонним влияниям, — в частности уступать давлением тыловой Сибири, не знавшей непосредственной угрозы фронта. И крайние противники КОМУЧа и Народной армии не в силах отрицать, что «отсрочка набора сибирской армии и возможность некоторой подготовки мобилизации явились результатом самоотверженной борьбы на берегах Волги, так называемой. Народной армии» (Гинс). Принимая на себя удары большевиков, КОМУЧ одновременно обеспечивал Сибири возможность организационной подготовки тех силовых кадров, которые вскоре стали насаждать на Самару. Время определенно работало в пользу Сибири и против КОМУЧа. Давление Сибири, её политические претензии и интриги возрастали в прямой зависимости от неудач на фронте, в меру неудач Народной Армии, недостаточно снабжаемой, в частности, и по вине и оплошности сибирского правительства.

Считая себя «эмбрионом» всероссийской власти, самарское правительство и КОМУЧ требовали своего признания со стороны омского правительства Вологодского²⁷⁴ и Михайлова. Оспаривая эти притязания, омское правительство ссылалось на провозглашенную им 4 июля 18 г. «государственную независимость Сибири» и всячески отстаивало расширение сфер своего влияния не только морально-политического, но и территориального. Сибирское правительство способствовало укреплению самостоятельности нового уральского правительства в Екатеринбурге. Изменив прежние административные границы, оно присоединило к Сибири «челябинский округ», в составе уездов Челябинского, Златоустовского и Троицкого. Оно повело настоящую таможенную войну с Самарой, образуя таможенные

заставы, взимая пошлины, реквизируя товары, шедшие в Россию, даже свободную от большевиков, отказывая в выдаче кредитных билетов, в которых остро нуждалась, несмотря на свои запасы золота и серебра, Самара*.

Правда, для войны, даже для таможенной, — как и для брака, по французской поговорке, нужны по меньше мере двое, две стороны. И таможенную войну вел не только Омск, но и Самара**.

Пусть предвзятым было отношение не только Омска к Самаре, но и Самары к Омску. Пусть требования Самары были претенциозны, и даже не Омск, а Самара начала враждебные действия! Между Омском и Самарой была, однако, громадная и все искупающая разница: Самара вела войну против большевиков, тогда как Омск только готовился к такой войне за волжской завесой. «Два центра — Самара и Омск — две власти с государственным аппаратом, но с той огромной разницей, пишет свидетель и участник волжской борьбы, не слишком расположенный к КОМУЧу генерал Щепихин, — что самарская власть на фронте была окрещена боевым огнем, её формирования, как сухой хворост, быстро сгорали в непрерывных боях» («Гражданская война на Волге в 1918 г.», т. I. Стр. 202–203). И другой военный деятель самарского фронта, начальник оперативного отдела И. П. Петров, ещё менее Щепихина расположенный к эсэрам, из эмигрантского далека обзвывая весь путь борьбы, проделанный им от Волги до Тихого океана, вынужден признать исключительное значение поволжского фронта, который «прикрывал работу Сибири и Урала, дал значитель-

* А. А. Аргунов сообщает, что у него имелась телеграмма за подписью министра финансов сибирского правительства, все того же Ив. Михайлова, в которой правительство соглашалось дать Самаре заем, но под одним условием, — чтобы Самара прислала в Омск весь золотой запас, взятый Народной Армией у большевиков в Казани. «Кратко и откровенно», — замечает Аргунов («Между двумя большевидами». Париж. 1919. Стр. 32).

** Таможенная война продолжалась и после объединения всей территории и власти в руках адмирала Колчака, как «верховного правителя». По свидетельству военного министра при Колчаке, генерала Будберга, командующий сибирской армией «захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские, — все то, чего нет в западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это западная армия прижимает сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы» (См. в «Дневнике барона А. Будберга», запись 8–9 мая 1919 года. — «Архив Русской Революции», т. XIV, стр. 237).

ную материальную часть для борьбы уральцам, Оренбургу, Уфе; наконец, дал золотой запас в 650 000 000 рублей. Для нас, участников борьбы на Волге в рядах так называемой Народной Армии, самарские дни, когда мы были «детьми Учредилки», как пелось в «Самарском шарабане», несмотря на печальный конец, являлись самыми отрадными воспоминаниями в течение последующих лет борьбы. Это было время юности движения, со всеми радостями, а работали, как умели, лишь бы иметь успех на фронте («От Волги до Тихого океана». В рядах Белых. Воспоминания. Рига. 1930. Стр. 47–48)*.

Для успеха военных операций Самара добивалась от Омска передачи ей грузов, направлявшихся в адреса европейской России и случайно скопившихся на сибирских железных дорогах. Нуждами фронта вызывались и запретительные мероприятия Самары по вывозу мануфактуры, нефти и т. д. Особое положение Самары, боевые позиции, ею занятые в *общем* интересе, могли оправдать и её претензии, и её домогательства. А Омск? Какие общие интересы отстаивал Омск, когда, оспаривая притязания КОМУЧа играть роль всероссийского центра, он на основании своих политико-юридических возражений отказывал фронту в необходимом для успеха борьбы против большевиков снабжении? Не играл ли он объективно, хотя бы и вопреки своей воле, в руки большевикам?

Судьбы большевизма и антибольшевистского движения фактически решались летом 18 года на поволжском фронте. И защищая линию фронта против большевиков, добиваясь у Омска «необходимой

* И не характерно ли, что в «исторической» работе, почти целых два тома посвятив обличению Самарской власти, КОМУЧа и Директории, С. П. Мельгунов не то что не оценил, но даже не упомянул об этом основополагающем для истории гражданской войны *факте*? В то время, как «национально» и «государственно» мыслящий Омск боролся против «партийного дела» Самары, Самара боролась не только с Омском, но и с большевистской Москвой: «Фронт Учредительного Собрания» был не только идеологической категорией, он был фронтом в самом прямом и военном смысле этого слова. Даже Гинс относит на счет «самоотверженности» Народной армии полученную Сибирью возможность в течение всего лета 18 г. «организоваться и подготовить военные силы», — направленные ею в первую очередь не против большевиков, а против тех, кто держали и возглавляли поволжский фронт!

Впрочем, и Мельгунов признает, что сибирский «тыл погубил и фронт, и все дело возрождения России» (т. III, стр. 154). Но относит он эту «пагубу» ко времени, когда всю политическую и военно-стратегическую сцену занял адмирал Колчак, а в «тылу» оказались эс-эры под псевдонимом «социалистов-земцев».

координации в действии», Самара отстаивала — и против Москвы и против Омска — идею «*общности борьбы за единое государство, целую Россию*», — как говорилось в обращении КОМУЧа к сибирскому правительству от 14 августа 1918 г.

Трения и напряженные отношения между отдельными «территориями» и правительствами на анти-большевистском фронте доходили до «переговоров относительно того, кто кого будет поддерживать на случай войны одной области с другой», — как свидетельствует председатель российской «отбочки» чехословацкого национального совета Б. Павлу. «Башкирские солдаты, когда им приходилось переходить для военных действий с одной стороны Урала на другую, должны были раньше обезоружиться на прежней территории и вновь вооружиться в той области, в которую вступали. Эгоизм и непонимание общегосударственных задач доходили до пределов недопустимого» («Чехословацкий Ежедневник» от 18 сент. 18 г.).

После долгих и мучительных сношений, «нот» и депеш, декларации и протестов, непосредственных и через посредство авторитетных и нейтральных лиц и учреждений, русских и иностранных, удалось, наконец, добиться того, что представители враждующих Самары и Омска согласились сойтись и попытаться наметить общее соглашение. Такая встреча на рельсах — двух поездов, самарского и омского, — произошла в Челябинске. И 16 июля при содействии и под давлением заинтересованных в соглашении чехословацкого совета, французской миссии и «Союза Возрождения России», стороны согласились, в конце концов, на том, что необходимо созвать новое, более обширное совещание из представителей *всех* правительств и общественно-политических организаций, действующих на территории, освобожденной от власти большевиков.

На новом совещании в Челябинске 20 августа установлены были время, место и состав Государственного Совещания, которое и открылось в Уфе 8 сентября 18 года.

3

Созыв Уфимского Совещания явился в результате соглашения. Но самое совещание сделалось пунктом пересечения бесконечного числа противоборствующих страстей и влияний. И следы этой борьбы, предварительного компромисса и последующих, часто не

искренних, а только вынужденных уступок отразились и на вышедшей из Уфимского совещания власти. Коалиционно-компромиссное Временное Всероссийское Правительство, в принципе покоящееся на всеобщем признании и доверии, стало возбуждать сомнения в своей устойчивости на следующий же день после его избрания. И, конечно, в первую очередь со стороны тех, для кого физическая сила была и оставалась главной основой и опорой и власти, и права.

Собравшиеся в Уфе последовали призыву председательствовавшего на совещании Н. Д. Авксентьева, «употребили нечеловеческие усилия, дали Аннибалову клятву не уйти, не уехать из Уфы, не построив единой государственности российской, возглавляемой единым российским правительством». Однако далеко не все оказались убежденными в целесообразности самого метода образования власти путем общественного признания и соглашения. И сдержав «Аннибалову клятву», даже скрепив подписью и «торжественным обещанием» свою верность новой власти, многие тут же затаили против неё и недоверие, и вражду.

В Уфе было немного лиц с всероссийским именем, но представлены на совещании были почти все направления российской антибольшевистской общественности: правительства самарское, омское и Северного Урала; представители правительств Башкирии, Алаша, Туркестана, национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири и временного Эстонского правительства; казачьих войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Иркутского, Семиреченского, Енисейского, Астраханского; политических партий — с.-р., с.-д., н.-с., к.-д., «Единство», Съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья; Союза Возрождения России. Всего — 23 группировки, на которые распадались свыше полутора ста участников совещания, значительнейший сектор коего — до 70 человек — составляли члены Учредительного Собрания, входившие и не входившие в состав КОМУЧа. Но численное соотношение не имело решающего значения, так как заранее было условлено, что постановления будут приниматься не большинством голосов, а по общему соглашению. Можно было согласиться или разойтись; третье — майоризация несогласных — не имела смысла и соглашением исключалась.

Над множеством сложных и острых разногласий, разделявших совещание, доминировало основное — в отношении к Учредительному Собранию первого созыва, большевиками распущенному, а властью,

возглавлявшей волжский фронт против большевиков, всячески отстаиваемому. К этому вопросу сводился и спор об ответственности будущей власти в период до созыва Учредительного Собрания и о формах этой ответственности: перед кем? Периодически или непременно? Этот вопрос отбрасывал свою тень на споры и о численном и личном составе будущего правительства.

На совещании образовались два крыла. *Левое*, предводительствуемое эс-эрами и КОМУЧем и отстаивавшее начала народовластия и, вместе с ними, право на власть боровшегося против большевиков Учредительного Собрания: к этому крылу примыкали по преимуществу национальные группировки, официальное представительство Р. С.-Д. Р. П. (меньшевики) и съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья. И *правое* крыло, ядром и главой которого была делегация Сибирского правительства, а главную «реальную» силу составляло представительство семи казачьих войск. Это крыло больше всего интересовалось организацией «сильной» власти и потому отстаивало полную независимость будущего правительства от какого бы то ни было контролирующего органа. Оно всячески стремилось удлинить срок безответственного осуществления власти и решительно отказывалось признавать полномочия Учредительного Собрания первого созыва, не отвечавшего, по мнению правого крыла Уфимского совещания, воле народа ещё до того, как большевики его распустили.

Представлявший партию к.-д. Л. А. Кроль²⁷⁵ довел до сведения совещания официальное мнение ЦК партии, согласно которому ЦК находит, что «наилучшей формой для осуществления сильной, решительной, быстрой и энергичной власти была бы временная единоличная верховная власть. К великому несчастью для России, если революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверять и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания» (См. «За три года», стр. 101). Но огласивши это мнение, член ЦК партии народной свободы и сам не рискнул его поддержать. И для него, очутившегося на крайнем правом фланге уфимского совещания, эти «директивы» ЦК, привезенные Пепеляевым из Москвы, были неприемлемы: «в спасительность диктатуры я не только не верил, но и считал её губительной для дела». Кроль правильно рассчитал: «практически, при сложившейся обстановке, предлагать

Государственному совещанию диктатуру, как форму правления, было безнадежно. Выступать с такой формулой означало бесцельно повредить своей политической репутации и уменьшить возможное своё влияние налево».

Вне того и другого крыла оказались не участвовавшие в прямом и постоянном столкновении главных действующих сил — Самары и Омска. Не обладая уже решительно никакими прерогативами власти, даже не претендуя ни на что, кроме морального авторитета представлявшегося ими общественного мнения, разное — и, потому, непартийный Союз Возрождения России играл роль примирителя и арбитра. Именно ему, как своеобразной «третьей силе», к которой временами примыкали представители Уральского правительства и народно-социалистической партии, пожалуй, больше всего и обязано уфимское совещание тем, что закончилось оно все же соглашением, а не разрывом.

Умеренные социалисты — Авксентьев, Аргунов и особенно «действовавшая за кулисами» бабушка Брешко-Брешковская вносили примирительный дух и способствовали сговору, — удостоверяет Гинс. Он свидетельствует, что их настроение, как и настроение других «умеренных эс-эров было вовсе не боевое, а наоборот, искренне примирительное» (1., 211 и 222). Это свидетельство тем более характерно, что тот же автор, как отмечалось выше, именует эсэров и сибирской областной Думы, и самарского Комитета без дальнейшего — «максималистами».

Согласить Самару, которая имела все основания считать фронт Учредительного Собрания не своим только «партийным», но и общероссийским делом, требующим безоговорочной поддержки со стороны всех анти-большевистских сил, и Сибирь, над которой «не капало», и которая, поэтому, и не спешила навстречу самарским домогательствам «партийных» «максималистов», — было необычайно трудно. Уже во время совещания некоторые догадывались о том, что впоследствии было подтверждено фактически и документально.

Считая на словах и во вне необходимым скорейшее создание единой центральной власти, сибирское правительство про себя и на деле всячески тормозило совещание и саботировало его попытку создать такую власть. Начать с того, что оно послало на Государственное совещание не своих руководителей, а второстепенные персонажи, игравшие роль простых исполнителей чужих предначертаний. За-

ставив уже собравшееся в условленный срок совещание дожидаться омских делегатов, омское правительство лихорадочно спешило заручиться лишними козырями для своей политической игры в Уфе.

В ожидании благоприятных результатов от своей поездки на восток, куда глава омского правительства Вологодский вместе с Гинсом отправились для ликвидации восточносибирских правительств эсэра Дербера и генерала Хорвата²⁷⁶ и получения от них признания омского правительства за правительство всесибирское, Вологодский, по свидетельству Гинса, «дал в качестве «секретной инструкции» указания делегатам в Уфу не *особенно торопиться* с организацией власти». Делегатам рекомендовалось тщательно разрабатывать все формальные и процессуальные вопросы — «юридическую регламентацию взаимоотношений членов Директории между собой, условий их выхода и замены, соотношения их с министрами, порядка законодательства и т. д.», — «добившись с *этой целью перерыва работ общего собрания*» (т. I, стр. 212). То же подтверждает в своих воспоминаниях и представлявший на уфимском совещании омское правительство И. И. Серебренников (См. «Сибирский Архив, 1, стр. 11). О том же, на основании копий с телеграмм, бывших в его руках, как «чрезвычайного уполномоченного» по расследованию убийства Новоселова²⁷⁷ и ареста Крутовского, Шатилова и Якушева свидетельствует А. А. Аргуннов: «За подписью то Михайлова, то Вологодского, то от них обоих в Уфу, на имя сибирской делегации, летели телеграммы, в которых рекомендовалось делегатам держать твердо «правую» позицию и не идти на уступки в виду того, что сибирское правительство накануне признания его союзниками; в одной из последних телеграмм рекомендовалось прямо идти даже «на разрыв» уфимского совещания и указывалось при этом, что это необходимо сделать в виду того, что левое крыло (т. е. эс-эры) уфимского совещания ослаблено взятием большевиками Казани, Симбирска и угрожающим положением Самары». В одной из телеграмм «своим» в Омск, Вологодский указывает, что союзники, с которыми он вел переговоры о признании омского правительства за правительство Сибири, видят в появлении всероссийской власти «новую досадную комбинацию» (См. «Между двумя большевизмами», стр. 31).

Гибельность этой коварной тактики и пагубность инструкций, которые давались «государственно-мыслящими» русскими патриотами, становятся особенно очевидными, если учесть ухудшившее-

ся как раз ко времени Государственного совещания положения на фронте. Севернее Уфы обозначился прорыв, требовавший большого напряжения для ликвидации. А 11 сентября, накануне появления в Уфе сибирской делегации, пала Казань. Государственное совещание²⁷⁸ открылось в очень тревожный момент, представитель чехословацкого совета и войска выразил чувства многих, когда закончил своё приветствие совещанию словами: «Нам всем были даны уже два предостережения. Мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения!».

Для двустороннего процесса объединения КОМУЧ оказался на положении стороны «наименее благоприятствуемой» обстоятельствами. Сибирское же правительство, выжидавшее благоприятной «конъюнктуры» и дождавшееся неудач на фронте, оказалось в положении стороны «наиболее благоприятствуемой».

Защищая восстановление прав Учредительного Собрания, КОМУЧ защищал не только свои «партийные» интересы и права, не только идею народовластия в её реальном, исторически единственно данном воплощении, — но и *метод восстановления России*, существенно различный с методом большевизма, единственно ему противостоящий качественно. И не-большевиками осуществлявшийся метод большевистских насилий сохранял полностью свои ядовитые свойства. И потому преодоление большевизма КОМУЧ видел в замере большевистского метода устройства государства иными методами, методами права. Прав поэтому большой недруг КОМУЧа С. П. Мельгунов, когда отмечает стремление КОМУЧа «облекать репрессии в одежду формальной законности». Гораздо менее прав этот на редкость пристрастный историк, когда такое похвальное стремление ставит КОМУЧу в вину, полагая, что «проще было без надобности (?) не создавать демократического декорума» и, раз фактически имели место два случая самосуда, — «едва ли надо было издавать специальный приказ о самосудах, как это делало самарское правительство (См. «Трагедия адмирала Колчака», т. I, стр. 124, 126, 132).

КОМУЧ заранее шел на ограничение компетенции имеющего обратиться Учредительного Собрания первого созыва. Он заранее отказывался от постановки вопросов, которые требовали законодательного разрешения в мирное время, ограничивая Учредительное Собрание разрешением задач организации обороны, освобождением и внешней независимостью страны и возможно более скорыми пере-

выборами в Новое Учредительное или Законодательное Собрание. Он, вместе с ЦК партии с.-р., заранее соглашался установить численный состав Собрания — кворум, — при наличии которого только и допустимо реальное восстановление работ распущенного Учредительного Собрания. Парируя распространенное обвинение в том, что эс-эры хотят узурпировать права Учредительного Собрания, как целого, в пользу отдельной части Собрания, по преимуществу эс-эровской, делегация ЦК партии давала связывающее членов партии обязательство только при определенных условиях считать Учредительное Собрание «в числе», или в законном составе.

За вычетом недоизбранного числа членов Учредительного Собрания и членов большевистской и лево-эсеровской фракции, ушедших из Учредительного Собрания 6-го января, общий состав У. С. был признан уменьшившимся вдвое, т. е. до 400 человек, а кворум — равным половине общего числа членов У. С., избранных и оставшихся верными своему званию, т. е. 200 человек. Такой кворум был установлен для 1-го января. И он понижался до трети общего состава, т. е. спускался до 170 членов У. С., для 1-го февраля, признанного предельным сроком возобновления работ Учредительного Собрания первого созыва. Так намечались «минимум» личного состава и «максимум» отсрочки для восстановления Учредительного Собрания. Этим не исключалась, однако, возможность того, что, собравшись в установленном числе и в указанный срок, члены Учредительного Собрания признали бы себя «не в числе» или некомпетентными, просрочившими свои полномочия и т. п.

Этот план был, конечно, компромиссным и несовершенным. Но он давал удовлетворение «учредиловцам» принципиальным признанием полномочий Учредительного Собрания первого созыва и подведением правовой базы под их борьбу за власть. Этот план, с другой стороны, открывал обнадеживающие перспективы и противникам возобновления работ Учредительного Собрания и подотчетности ему новой власти. Кроль откровенно рассказывал о «новом направлении», которое приняла его мысль в связи с предложением эс-эров. «На государственном совещании присутствует всего 70 членов Учредительного Собрания*. Это — все, что удалось собрать, и то с больши-

* По данным «Вестника Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания» №№ 67 и 70, на 1-ое октября 1918 г. насчитывалось 95 членов Учредительного Собрания, вступивших в КОМУЧ. Здесь не значатся члены У. С.,

ми трудностями. Собрать ещё 180¹³⁰ человек, находящихся большей частью в советской России, откуда выезд весьма затруднителен, задача вообще трудная. А в короткий срок — неосуществимая». То же подтверждает и Серебренников: «Сибиряки *надеялись*, что нужного количества членов У. С. к 1 января не наберется, и что за пять месяцев много может утечь воды, так или иначе определится исход борьбы с большевиками, и вообще там видно будет, что делать».

Противники КОМУЧа готовы были принять план в явном расчете и тайной надежде, что практически он не реализуется. Кворум в короткий срок «неосуществим», а пока что и в течение ряда месяцев новая власть может действовать бесконтрольно или «без помех», как выражался Кроль.

На этом соглашение в Уфе, в конце концов, и осталось, — вынужденное для обеих сторон.

Центральная власть создавалась, но она была «вымучена» двойным давлением. С одной стороны, — большевистским наступлением, заставившим эвакуировать Симбирск, угрожавшим Самаре и приведшим в Уфу большие скопления беженцев, и, с другой стороны, — воздействием иностранных миссий, одновременно «нажимавших» на Омск и на Самару. Под угрозой приближавшейся линии фронта поддались прежде всего казаки, сначала уральские и оренбургские, а за ними и сибирские — главная «реальная сила» омского правительства. И на левом фланге верх одержало более примирительное и «соглашательское», правое течение. «Напряженная атмосфера разрядилась», вспоминает Серебренников, после его заявления в согласительной комиссии Государственного совещания о том, что «идя навстречу

не вступившие в состав Комитета: Авксентьев, Аргунов, Брешко-Брешковская, Л. Кроль, Моисеенко, В. Павлов и др. (полный список воспроизведен в № 8–9 «Воли России». Париж. 1928).

Один из самых мрачных реакционеров и изуверов гражданской войны, бывший одно время «главоверхом» при Колчаке — «верховном правителе», генерал К. В. Сахаров, возмущаясь «апломбом» и «самодовольством» «учредивцев», не стеснявшихся называть себя «избранниками Русского народа», насчитывает среди них «более шестидесяти процентов иудеев» (См. «Белая Сибирь», стр. 161. Мюнхен. 1923). — Не будем спорить с «оценочными» эмоциями генерала Сахарова. Но, чтобы показать фактическую приблизительность его утверждений, укажем, что на 95 «учредивцев» на Волге приходилось всего 6 «иудеев», т. е. 6%, а не «более 60%», как с преувеличением в 10 раз утверждает Сахаров.

общему желанию заложить фундамент российской государственности, сибирское правительство соглашается на то, чтобы Директория была ответственна перед существующим Учредительным Собранием, но на известных условиях».

После 15 дней и ночей спора 23-х общественных группировок, делавших каждая свои заявления и имевших каждая своё *liberum veto*²⁷⁹, т. е. возможность взорвать все совещание по своему усмотрению, уфимское совещание свою задачу все-таки выполнило. На основании «Акта об образовании верховной власти», скрепленного подписями всех участвовавших в совещании, вместо 19 автономных правительств создавалась единая центральная власть, приветствуемая англичанами (Ольстеном и Ноксом), французами (Пишоном и Буржуа), чехословацким национальным советом (Павлу) и бывшим русским посланником в Риме Гирсом.

«В единодушном стремлении к спасению страны, воссозданию её единства и обеспечению её независимости» «вся полнота верховной власти на всем пространстве государства российского» вручена была 23 сентября 1918 г. Временному Российскому Правительству в составе пяти лиц: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, генерала В. Г. Болдырева²⁸⁰, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского²⁸¹. Этот основной список кандидатов был предложен и поддержан правым крылом совещания — делегацией сибирского правительства, партии к.-д., конференции казачьих войск и присоединившегося к ним в данном случае Союза Возрождения (за исключением Вологодского, все остальные кандидаты были членами Союза Возрождения). Не участвовавшие в Уфимском совещании Астров, Вологодский и Чайковский избраны были заочно. И временно, до вступления в должность этих «известных стране» лиц, были избраны для замещения Астрова — В. А. Виноградов, Вологодского — В. В. Сапожников и Чайковского — В. М. Зензинов. Своих заместителей имели и Авксентьев — А. А. Аргунова и Болдырев — генерала М. В. Алексева. Замещение эн-эса Чайковского более левым, эс-эром Зензиновым встретило ожесточенное сопротивление со стороны правого крыла и было «последней уступкой», на которую пошли сибиряки, по свидетельству Серебренникова, в расчете на скорое появление Чайковского и, «главным образом под влиянием полученной сибирской делегацией информации об известных омских событиях 21 сентября», т. е. об

убийстве Новоселова и аресте Крутовского, Шатилова и Якушева (стр. 13–14)*.

Избранная «пятерка» признана была Уфимским совещанием «единственным носителем Верховной власти на всем пространстве государства российского» до созыва Всероссийского Учредительного Собрания. Все функции верховной власти, отправляемые временно областными правительствами, должны были быть переданы Всероссийскому Правительству, как только оно того потребует. Установление пределов компетенции областных правительств на началах широкой автономии п. 3-ий «общих положений» предоставлял «мудрости» временного всероссийского правительства. Особо были выделены в «Акте» «Обязанности правительства в отношении Всероссийского Учредительного Собрания». Правительству вменялось в непременную обязанность «неуклонное наблюдение, чтобы в деятельности всех подчиненных временному правительству органов не было допущено ничего могущего клониться к умалению прав Учредительного Собрания или к замедлению в возобновлении его работ».

Видимо, не вполне доверяя «неустанному наблюдению» правительства в этой области, КОМУЧ настоял на том, чтобы «обеспечение приезда членов Учредительного Собрания и ускорение и подготовка занятий Учредительного Собрания настоящего состава» было поручено — в качестве *единственного* предмета ведения — Съезду членов

* П. Милюков считает, что «состав правительства был выбран отчасти, как было намечено в Москве, но с тем важным различием, что вместо трёх лиц, из которых только один социалист, было выбрано пять лиц, и из них три социалиста» («Россия на переломе» т. 4, 47). — Подсчет Милюкова фактически неверен, потому что Вологодский в сентябре 18 г. мог быть причислен к социалистам и тем более эс-эрам, вероятно не с большим основанием, чем, например, Гр. Алексинский к большевикам или Ив. П. Алексинский к эн-эсам. Если Вологодский и был когда-то социалистом, — во время Уфимского совещания он, вероятно, и сам не причислил себя к ним.

А. Аргунов, знавший лучше других личный состав партии с.-р. свидетельствует, что Вологодский «не был никогда членом партии с.-р.», что «не мешало ему, будучи «сочувствующим», строить на партии свою карьеру, когда она была в расцвете сил и популярности». — Л. Кроль отмечает, что эс-эры относились к кандидатуре Вологодского, как эс-эра, «с насмешкой: они его своим и не думали считать». — Сам Вологодский, утверждая в интервью в «Сибирской Жизни» от 14 января 19 г., что он «когда-то принадлежал к партии с.-р.», относительно настоящего заверяет только в своей демократичности: «в душе (!) я остался таким же демократом, как и прочие (?) русские демократы».

У. С., как особому «государственно-правовому органу». Этому органу правительство обязывалось оказывать «всемерное содействие», а, по объявлении Учредительным Собранием своих работ возобновленными, правительство обязывалось представить У. С. отчет о своей деятельности и подчиниться, «как единственной в стране верховной власти».

Так разрешался вопрос и об ответственности нового правительства. Новый «государственно-правовой орган» не был наделен властью контролирующей и, тем менее, правом свергать правительство выражением ему недоверия. В период до созыва Учредительного Собрания — 1 января или 1 февраля — правительство оставалось несвязанным в осуществлении своих полномочий.

4

О достигнутом с такими большими трудами соглашении в Уфе можно сказать, что — не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; даже не одно, а *два* несчастья: потеря морального авторитета сибирским правительством в связи с арестами и убийством 21 сентября и потеря фактической власти самарским правительством после отобрания большевиками Симбирска. Что равнодействующая или средняя линия намечена была в общем правильно, следует из того, что каждая из сторон могла искренне считать себя и победительницей, и побежденной.

Вместе с левым крылом КОМУЧа и Святицким²⁸², утверждавшим, что «дата 23 сентября 1918 года навсегда останется в русской истории датой печальной и невыгодной для демократии политической сделки» («К истории Всероссийского Учредительного Собрания». Москва 1921 г.). Майский мог доказывать впоследствии, эс-эры понесли «огромное поражение», тогда как Зензинов и Серебренников, принадлежавшие в Уфе к противоположным лагерям, могли согласно находить, что — «победили эс-эры». В историческом аспекте, когда оперируют с результатами, легко проявлять свою дальновидность. И *после* того, как Директория «не удалась», и Мельгунову просто сказать, что Государственное совещание «в основе своей было до некоторой степени ошибкой», и его антагонисту эс-эру С. П. Постникову²⁸³ легко было узреть «трагедию» совещания в том, что «социалисты не поняли, что люди старого порядка не могут быть их союзниками

даже в борьбе против большевиков», и, проглядев «безнадежность» своей «коалиционной тактики», зря «просчитались» (См. «Воля России», №№ 8–9 за 1929 г.), — «проуфили» Учредительное Собрание, как выражались впоследствии отрেকшиеся и от партии с.р., и от Учредительного Собрания Святицкий и Буревой²⁸⁴.

Но в исторической обстановке, которая дана была российской анти-большевистской демократии в сентября 18 г. благополучный исход Уфимского совещания был, конечно, большой политической удачей. Найденные компромисс и соглашение самым своим фактом, если и не внушали чрезмерных ожиданий, все же объективно свидетельствовали о росте политической зрелости и ответственности русской общественности.

Объясняя, почему делегаты Союза Возрождения выдвинули на Государственном совещании «компромиссную формулу безответственной власти на определенный срок», избранный членом Директории генерал Болдырев писал 30 сентября своему потенциальному заместителю — начальнику штаба южного фронта генералу Алексееву: «Мы исходили из того убеждения: если новая власть укрепитя за период безответственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желание идти против такой власти. И тогда будущее покажет дальнейший ход государственной жизни России. Если же этой власти не удастся справиться с теми исключительными по трудности условиями работы, тогда становится безразличным, — будет ли она безответственной или нет»...

Обратилась к генералам Алексееву и Деникину и Директория в целом с извещением об образовании единой и центральной власти Временного Всероссийского Правительства, с выражением «восхищения» одиннадцатимесячной борьбой добровольческой армии против большевиков, с надеждой «в скором времени принять на территории освобожденной России усталых бойцов, которые найдут здесь и отдых, и справедливую оценку своих трудов», и с уверенностью, что «государственная мудрость и высокие гражданские качества руководителей и горячая любовь офицеров и солдат к родине укажут Добровольческой армии единый с правительством путь»...

Меру этой «государственной мудрости» и уровень «высоких гражданских качеств» и патриотической любви теперь можно точно определить, если знать, что «искреннее поздравление» Алексеева, к тому времени уже скончавшегося, с избранием в заместители члена

Директории, показалось Деникину и его тогдашнему окружению «несколько нескромным и обидным в отношении его памяти»; а притязания Директории быть властью всероссийской — совершенно необоснованными. Деникин отказался признать Директорию всероссийской властью, как «ответственную и направляемую Учредительным Собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства... и не пользующимся ни малейшим нравственным авторитетом»... В этом духе были составлены и «инструкции», отправленные в Сибирь командированным генералом Алексеевым ещё в начале 18 года генералу Флугу и полковнику Лебедеву. — Оказалось впоследствии, добросовестно досказывает Деникин всю историю помощи, оказанной Югом объединению, достигнутому в Уфе, что один делегат Добровольческой армии, генерал Флуг стал военным министром «Всероссийского правительства» Хорвата в Харбине, а другой делегат — полковник Лебедев очутился в Омске и «принял видное участие в ноябрьском перевороте и непостижимым образом, не имея никакого командного стажа, стал вскоре начальником штаба верховного главнокомандующего, адмирала Колчака» (См. «Очерки русской смуты». Т. 3, стр. 259).

Участие в «выполнении стратегической задачи, данной Уфой», Добровольческая армия не могла принять, так как сама «в эти дни истекала кровью на полях Ставрополя», — но партийно-политическую предвзятость, узость и высокомерие командование вооруженными силами юга России было не в силах подавить в себе даже «в эти дни».

И не только чуждый политики, но не перестававший делать её «солдат» Деникин, а и испытанные политические и общественные деятели.

В решительную оппозицию к Директории стал и избранный в Директорию бывший московский городской голова, к.д. и член Национального Центра и Союза Возрождения Н. А. Астров. Ознакомившись со стенограммой Уфимского совещания, Астров отказался от вступления в состав Директории. Правда, отказ этот был опубликован лишь 13/26 ноября 18 г., т. е. через неделю после того, как Директория уже прекратила своё существование. Тем не менее мотивы отказа — в виду нарушения московского соглашения Национального Центра с Союзом Возрождения и внутреннего соглашения членов последнего — сохранили своё значение, как широко распространенный взгляд

на необязательность Уфимского соглашения даже для тех, кто его вырабатывал и принимал.

Умеренные круги русской общественности, решительно отвергавшие все формально-юридические основания и претензии «эс-эровских» защитников восстановления прав Учредительного Собрания, цепко держались за закругленность форм, за строгое соблюдение даже буквы своего соглашения, за своеобразный «общественно-договорной» *легитимизм*. Московское «соглашение» — или «схема» — представлялись им настолько незыблемыми и неприкосновенными, что они считали себя в праве оспорить соглашение, принятое совершенно другими людьми и группами в совершенно иной и непредвиденной, конечно, обстановке, на том только основании, что это другое и новое соглашение не во всех пунктах совпадало с тем, которое выработано было за несколько месяцев до того в Москве и до которого подавляющему большинству собравшихся в Уфе не было решительно никакого дела.

Говорить поэтому о *нарушении* Уфимским совещанием постановлений, принятых в Москве, — легитимистски претенциозно, формально неправильно и жизненно неубедительно.

Если в Москве Национальный Центр и договаривался о чем-то со своими сочленами, входившими в Союз Возрождения и в него не входившими, — этот «договор» мог связывать только договорившихся. На Уфимском же совещании Национальный Центр вовсе не участвовал. Союз Возрождения, как известно, подбирал своих сочленов по личному признаку, а не на началах представительства групп или партий. Руководившие же Уфимским совещанием лица и группы, — в частности Центральный Комитет и Бюро фракции членов Учредительного Собрания эс-эров, — не участвуя в Союзе Возрождения, не принимали участи и в московском соглашении. К Союзу Возрождения они в Москве относились только терпимо*. К национальному же Центру, как организации правой, эс-эры и в Москве, и в Сибири относились одинаково отрицательно. Но главное все же — не в этом. Главное — если и закону в силу изменившейся обстановки и «по нужде» бывает «перемена», то тем более — соглашению. Московское соглашение —

* Говорить поэтому об «измене эс-эровского Центрального Комитета Союзу Возрождения», — как это делает советский историк В. Владимирова (цит. сочин., стр. 324), никак не приходится.

«res inter alios acta» — не могло обязывать участников уфимского совещания к этому соглашению совершенно непричастных, а оговорка о «rebus sic stantibus», лежащая в основе всякого договора, молчаливо презюмировалась, конечно, и неписаным соглашением в Москве.

Члены особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России, и Н. И. Астров в их числе, вольны были думать, что Учредительного Собрания старого состава «вообще не существует и строить на нем всероссийскую власть — значит и себя и других вводить в величайшее заблуждение». Но это ни в какой мере не было ни обязательно, ни убедительно для участников Государственного совещания в Уфе. Больше того: именно *это мнение* и было «величайшим заблуждением», так как оно наглядно опровергалось *фактом* существования фронта Учредительного Собрания и самарского правительства. Эти факты учитывали не одни только эс-эры с эс-деками и «мусульманскими правительствами», как несколько пренебрежительно регистрирует историк Мельгунов. И близкий к последнему Ф. З. Чембулов, оценивая, в качестве официального представителя трудовой народно-социалистической партии, сложившуюся обстановку, не мог не отметить публично перед всем совещанием «великую заслугу Комитета Учредительного Собрания», взявшего на себя почин воссоздания нашей рассыпанной государственности» (См. «Русский Исторический Архив». Прага. 1929. Сборник I, стр. 92).

И разве не характерно, что как раз делегат Союза Возрождения, которым был генерал Болдырев, явился автором того компромисса, который, будучи принят совещанием, привел в конечном счете все стороны к соглашению, а не к разрыву. Болдырев пояснил в согласительной комиссии, почему он отступил от своего первоначального «непризнания Учредительного Собрания настоящего созыва»: — потому что «группе членов Учредительного Собрания удалось возглавить собой движение, изыскивающее способы возрождения России» (стр. 130 стенограммы). Фактическая обстановка — военная, политическая, психологическая — заставила Болдырева, лично весьма мало расположенного к эс-эрам и к КОМУЧу, предложить совещанию признать, что «никем не отрицаются заслуги Учредительного Собрания настоящего созыва», — того самого, которое для Астрова в его екатеринодарском далеке «вовсе не существовало». Обстановка понудила к этому Болдырева, *несмотря* на то, что он склонен был понимать «недоговоренную» и «каучуковую платформу Союза Возрождения в

том же смысле, что и Мякотин, Астров и другие, т. е. что в основе её лежит соглашение о созыве нового Учредительного Собрания, а не уже существующего, как это считали само собою разумеющимся входившие в Союз Возрождения в Москве эс-эры: Авксентьев, Аргунов, Бунаков, Вишняк, Моисеенко²⁸⁵ и др.

И когда сейчас, уже из исторического далека, Мельгунов вновь повторяет вопрос Деникина и Астрова: «кто в сущности уполномочил Болдырева идти на компромисс от имени коалиционной группировки?» — ответ на вопрос прост и неотразим: *жизнь! Та обстановка*, которая сложилась в Заволжье к осени 18 года, и которую, конечно, никакая «группировка» не была в состоянии предусмотреть заранее во всех подробностях.

Самый факт возникновения фронта Учредительного Собрания, во имя которого боролись и умирали, как и факт появления власти КОМУЧа, которую признавали и которой подчинялись, свидетельствовали неопровержимо о том, как и «не желая отрываться от действительности», Пфули и Вейротеры²⁸⁶ русской гражданской войны фатально отрывались от этой действительности теми схемами и диспозициями, которые вырабатывались ими впрок, и отступать от которых они ни в каком случае не позволяли другим, но не себе.

IX. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДИРЕКТОРИИ

Омская обстановка. — Реальная сила и сила идей. — «Учредителовцы» на севере, на юге и на востоке. — Переворот 2-го августа в Архангельске. — Убийство Б. Н. Моисеенко в Омске. — Воззвание с.-р.-овского ЦК и правые заговорщики. — За несколько часов до международного признания власти Директории. — Переворот 18 ноября. — Арест членов Директории в Омске. — Аресты членов Учредительного Собрания в Екатеринбурге и Самаре. — Убийства «учредителовцев» в Омске и на Байкале. — Конец Всероссийского Учредительного Собрания первого призыва.

1

Директории отпущен был очень короткий срок жизни — меньше двух месяцев. С первого же дня её существования недруги стали метать жребий о её ризах... С таким трудом налаженный компромисс, как и самый авторитет новой власти, стали подрывать, хотя и в разных целях и несравнимыми средствами, — но с обоих крайних флангов одновременно.

За совершенно ничтожными исключениями почти все, что стояло по правую сторону от Директории, свои расчеты связывало с так называемой «реальной силой», — в частности, с прославленной в Сибири буйной вольницей и атаманщиной, которая и знать и слышать не хотела ни о каких общественных сговорах и мирных соглашениях и, проникнутая патриотической уверенностью в возможность восстановления России только силой огня и меча, проявляла нескрываемое презрение и отталкивание от не единичной, и в большинстве своем глубоко штатской, власти.

Своей резиденцией Директория избрала после недолгих, но мучительных колебаний — Омск. Этот выбор оказался роковым. Диктовался он, однако, многими мотивами. Желанием действовать из более центрального, а не прифронтового пункта, какими были Уфа или Екатеринбург. Может быть, опасением — и оно хорошо иллюстрирует отношение к новой власти со стороны сибирской «общественности», — «как бы Омск не постарался сдать большевикам Екатеринбург вместе с Директорией», «не будет ли более разумным для единства борющейся с большевиками стороны избавиться от такой части, как

Урал, и отдать её большевикам», — как передает слова и настроения омского лидера к.-д. Жардецкого член ЦК той же партии Л. Кроль (См. «За три года», стр. 151 и 140). Играло некоторую роль, вероятно, и желание покончить с неопределенностью и выяснить положение. «Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съест или он нами подавится», — говорил тому же Кролю Авксентьев. И, главное и несомненное, — к такому решению толкала необходимость возможно скорее получить в свои руки правительственный аппарат, лучше всего, казалось, налаженный в Омске.

Каковы бы ни были мотивы, — не омский «волк» не подавился Директорией, а в лице испытанного специалиста по устройству заговоров, арестов и проч. полк. Волкова и не менее его прославленных атаманов Красильникова и Катанаева²⁸⁷, вдохновляемых и поощряемых сибирской «общественностью», правыми к.-д., торгово-промышленными и монархическими кругами, — сам Директорию «съел». Облеченные «всей полнотой верховной власти на всем пространстве государства российского» оказались в Омске пленниками своего аппарата, которому пришёл на помощь глава этого аппарата и сибирского правительства член Директории Вологодский.

Как уже упоминалось, судьбу областных правительств Уфимское государственное совещание предоставило «мудрости» избранного совещанием Всероссийского правительства. Связанный ближайшим образом с самарским правительством, КОМУЧ самоупростился уже в самом начале октября. Новый «государственно-правовой» орган — Съезд членов Всероссийского Учредительного Собрания избрал своей резиденцией Екатеринбург. Самарское же правительство оставило для завершения текущих дел нескольких «управляющих ведомствами», объединенных в Совет управляющих.

Иначе сложились отношения с омским правительством. Добиться от административного совета самоупражнения оказалось несравненно труднее и сложнее.

Административный совет в Омске отказался признать безоговорочно власть избранного в Уфе всероссийского правительства. Он вступил на путь условного признания и стал с ним договариваться, как якобы равноправная в споре сторона, о порядке своей ликвидации под условием, что до того окончательно будет ликвидирована сибирская Областная Дума, и о кандидатах в члены правительства, которое Директория, в качестве коллегиального носителя верховной

власти, формировала при себе. Договорившись один раз на Уфимском совещании, сибирское правительство стало вторично договариваться в Омске с избранной Уфимским совещанием Директорией. Совместно с административным советом сибирское правительство предъявило Директории тезисы по вопросу об упразднении и восстановлении областных правительств. Сибирское правительство соглашалось на ликвидацию его, как правительства областного, но *под условием*, — чтобы «формирование совета министров определялось совместно всероссийским правительством (т. е. Директорией) и сибирским правительством *по обоюдному соглашению*», — вспоминает без особого раскаяния и возмущения представлявший сибирское правительство на Уфимском совещании И. И. Серебренников («Сибирский Архив», I. стр. 17).

Так умирившие в качестве членов Сибирского правительства воскресали к новой жизни, уже в качестве членов всероссийского правительства, те же Сапожников, Старынкевич, Серебренников, Гаттенберг, Зефилов и т. д., которые впоследствии сами же санкционировали свержение «верховой власти», при которой состояли, сохранив свои посты и при «верховном правителе» — Колчаке.

Насколько далека была Директория от того, чтобы руководиться партийными «левыми» симпатиями, показывает, в частности, тот факт, что она по собственной инициативе предложила пост военного министра адмиралу Колчаку...

Уступая давлению и ультиматумам, Директория вынуждена была согласиться на включение в состав своего совета министров «штатского Наполеона», по выражению Болдырева, Ив. Михайлова, несмотря на связанные с его именем арест и убийство Новосёлова и прочие деяния. В захваченном у Зензинова после ареста «Дневнике», обильно — и бесцеремонно — использованном Гинсом, под 29 октября 18 года занесено: «Авксентьев и я заявили о своей готовности уйти в отставку (если сибирское правительство будет настаивать на включение в состав всероссийского правительства Ив. Михайлова, а не Роговского), благодаря чему всероссийское правительство рассыплется. Вместе с гибелью всероссийского правительства потерпит крах последняя попытка создания единой центральной власти и неизбежна будет гражданская война. Но вместе с тем, при вхождении Михайлова, этого символа и действительного руководителя всей «сибирщины», — какой смысл имеет нахождение в составе

всероссийского правительства представительства демократии? Вот трагический вопрос, из которого необходимо найти выход». Под давлением своих товарищей эс-эров: Аргунова, Ракова²⁸⁸, Роговского²⁸⁹, Кругликова²⁹⁰, Мазина, Пумпянского²⁹¹, Архангельского²⁹², которые «соглашались на вхождение Михайлова, лишь бы только не распадалась всероссийская власть», Авксентьев с Зензиновым уступили, — «хотя и понимали прекрасно, что Михайлов окажется для всероссийского правительства роковым человеком, что он погубит всероссийскую власть», записал Зензинов за три недели до того, как событие это произошло.

Председательствовать в этом, по существу том же сибирском, переименованном во всероссийское, правительстве поручено было прежнему председателю сибирского правительства, члену Директории Вологодскому.

Однако и эти уступки, приближавшие Директорию, в отступление от уфимского соглашения, почти к капитуляции перед правым сектором совещания, возглавлявшимся и в Уфе теми же сибиряками, — оказались недостаточны. Они не удовлетворяли правую «общественность», а только вызывали с её стороны новые домогательства и новый напор на Директорию, как «ставленницу эс-эров» и «эс-эровского» Учредительного Собрания.

За три с лишним недели до свержения Директории на собрании омских к.-д. участник заговора, впоследствии расстрелянный одновременно с адмиралом Колчаком, В. Н. Пепеляев²⁹³ характеризовал Уфимское совещание, как «победу антигосударственных элементов», а в принятой резолюции те же омские кадеты вновь высказались в пользу «единоличной диктатуры», считая очередной задачей своей партии содействие «освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов (завоевания февральской революции, вся власть Учредительному Собранию и т. д.), каковые являются в данных условиях пагубными фикциями, самообманом и обманом». — На объединенном заседании губернских комитетов партии к.-д. будущий защитник полковника Волкова и атаманов Красильникова и Катанаева присяжный поверенный Жардецкий огласил 29 пунктов, при помощи которых омский «блок» решил «известить» Директорию, предъявляя ей одно требование за другим. Одновременно с этим к.-д.-ские делегаты в Уфе объявлены были «партийными предателями и изменниками» (См. «За три года», стр. 151–152).

Уфимское ответвление московского «Национального Центра» — так называемый «Всероссийский Национальный Союз», во главе с Белоруссовым и Савинковым²⁹⁴, объявил диктатуру «формой организации власти», наиболее отвечающей моменту и целям «объединения и упорядочения России». Открыто усиливалась и монархическая пропаганда. При обсуждении в сибирской областной Думе предложения об окончательном прекращении её занятий — для защиты этого предложения в Томск выезжал Авксентьев — левое, социалистическое *большинство* Думы вняло предложению, а справа из уст проф. Вейнберга раздалось неожиданное заявление, что сибирское население «жаждет царя». На улицах и в кабаках офицеры распевали «Боже царя храни». Скандальное пение царского гимна произошло и на официальном рауте в честь прибывшего английского отряда: полупьяные офицеры, предводительствуемые все тем же «командиром партизанского отряда» воинским старшиной Красильниковым, под наведенными револьверами, заставили оркестр играть гимн, а собравшихся стоять и слушать.

Время от времени на улицах Омска находили трупы офицеров, неизвестно кем и почему — с провокационной целью или в отместку — убитых. Среди бела дня, 24 октября, внезапно исчез член Учредительного Собрания и «Союза Возрождения» и секретарь уфимского совещания, правый с.-р. Б. Н. Моисеенко. Он был завлечен в автомобиль на одной из главных улиц Омска, увезен, замучен и убит. Совершенно так же, как это случилось при похищении генерала Кутепова²⁹⁵ 12 лет спустя... Париж 30 года имел свой аналог или прецедент в Омске 18-го г.

Среди версий, которые пытались объяснить «загадочное» похищение Моисеенко, «стоустая молва», по выражению Мельгунова, распространила и ту, что Моисеенко — «жертва организации, поставившей себе целью уничтожить членов У. С., дабы оно не могло собраться в прежнем (нужном? — М. В.) числе». Эту версию Мельгунов считает неубедительной и недосказанной. Для него — «скорее всего это было уголовное преступление на почве, конечно, грабежа». Для Мельгунова даже «следы истязаний», обнаруженные на трупе, брошенном в Иртыш, — но не *найденном* — «лишь подтверждают версию о грабеже». («Трагедия адмирала Колчака, II, стр. 65).

Большее, на что готов идти историк Мельгунов в своей не столько исторической, сколько партийно-политической тяжбе с эс-эрами,

это, — что «во всяком случае, история гибели Моисеенко никем не выяснена». Но и это его утверждение несправедливо и фактически неверно, поскольку Мельгунов цитирует, но ни одним словом не опровергает показаний, приведенных Д. Ф. Раковым в его брошюре «В застенках Колчака».

На основании негласного расследования, произведенного Ан. Сперанским, и другого «безусловно достоверного источника», Раков ещё в 19 году утверждал, что Моисеенко пал первой жертвой монархической, строго законспирированной организации, имевшей повсюду свои разветвления, а среди своих задач — и «физическое уничтожение» членов Учредительного Собрания. В Омске эта организация именovala себя, в целях конспирации, Михайловским обществом охоты и рыболовства. В организацию входили все деятели «союза землевладельцев», а из военных: генерал Розанов, капитан Крашенинников, ген. Лебедев, Белов, Иванов-Ринов, Красильников, Анненков, Семенов, Калмыков и др. Раков приводит и фактический состав самого преступления. Схваченный около 6 часов на улице близ Коммерческого клуба, Моисеенко был отвезен на одну из офицерских квартир, по-видимому, на квартиру капитана Крашенинникова (сына известного председателя петербургской судебной палаты), с которым Ракову одно время довелось сидеть рядом на гарнизонной гауптвахте г. Омска. От Моисеенко добивались узнать, где касса съезда членов Учредительного Собрания (не отсюда ли и сохранившаяся до сего времени легенда об «уголовном преступлении на почве, конечно (!), грабежа?»). При этом его пытали. «Пытка продолжалась часов шесть-семь. Наконец, его замученного, просто задушили, а труп бросили в Иртыш» («В застенках Колчака», стр. 19–20).

Сколь ни загадочно похищение Моисеенко, как ни не выяснена полностью эта история, — в свете *последующих*, тоже до конца не выясненных убийств и расправы с членами Учредительного Собрания, версия, откидываемая без дальнейшего Мельгуновым, приобретает все признаки убедительности.

Во всяком случае, и Мельгунов не в силах оспорить записи в Дневнике генерала Болдырева по 26 октября: «В городе убийство. Без вести пропал Б. Н. Моисеенко»; и рядом — «В помещении, где происходят заседания Директории, был какой-то офицер, посланный будто бы Розановым собрать адреса членов Учредительного Собрания. Произведенным дознанием выяснилось, что офицер этот член какой-то

военной организации, руководимой капитаном Головиным, имеющей связь со штабом Сибирской армии. Розанов заявил, что это провокация».

2

С перемещением Директории в Омск она не только попадала в «осиное гнездо» сибирской атаманщины и вместе с тем в зависимость от своего же собственного «аппарата» и окружающей её общественности, но и выходила из всякого влияния и даже непосредственного общения с теми, кто заменил КОМУЧ, т. е. со Съездом членов У. С., обосновавшимся в Екатеринбурге.

Этот левый контрагент Уфимского совещания, естественно, не склонен был отказаться от своих политических целей без борьбы и заявил свои претензии в первую очередь единомышленникам, вошедшим в состав Директории, — Авксентьеву и Зензинову. Каждая лишняя уступка Директории омскому давлению воспринималась в Екатеринбурге очень болезненно, усиливая впечатление, что Директория делает дело не всего коллектива, избравшего его в Уфе, а только одной его правой части, что она «не наша». Однако уподобить КОМУЧ Омску и сказать о них одинаково, что они не были склонны считаться с вынесенными Уфимским Съездом решениями, — как это говорит П. Н. Милюков в своем некрологе о Л. А. Кроле («Последние Новости» от 24. IV. 1931 г.), — совершенно неосновательно.

Никакой текущей политической работой Съезд не был занят. Он существовал для будущего, осуществляя своё единственное назначение — изыскивать меры и средства для переброски членов Учредительного Собрания из советской России на территорию, подвластную Директории. Это связано было с огромными трудностями и требовало ресурсов, которыми Съезд не располагал. За время пребывания в Екатеринбурге удалось перевести через фронт всего одного члена Учредительного Собрания. Самый «съезд» находился в текущем состоянии: его участники то и дело отлучались в Томск, Омск и Самару для текущей работы в правительственных, земско-городских и партийных учреждениях.

Недовольство действиями — бездействием и попустительством — Директории осложнялось ощущением бесцельности компромисса, заключенного в Уфе в расчете на двустороннюю и обязательность

уступок и жертв. Упало настроение у рядовых участников Уфимского совещания. Изменилось настроение и отношение и в руководящем партийном органе эс-эров. С появлением за Волгой В. М. Чернова и Н. И. Ракитникова и численно, и по своему влиянию, усилился левый сектор эс-эровского ЦК, и раньше противившийся или по меньшей мере опасливо относившийся к «соглашению с буржуазией» в Уфе. Не аннулируя и не отказываясь от принятых в Уфе постановлений, ЦК обратился 22 октября «Ко всем партийным организациям» с воззванием, которое позднее, после переворота 18 ноября, противники Директории справа использовали в качестве морально-исторического оправдания факта свержения Директории, якобы только предупредившего свержение Директории и захват власти, подготовлявшиеся слева, эс-эрами (См. Официальное сообщение информационного отдела штаба верховного главнокомандующего от 21. XI. 1918 г., в котором «самочинный арест» членов Директории ставился в прямую и «несомненную связь названных членов Директории с политическими деятелями, ведущими антигосударственную деятельность и работу по агитации в молодой русской армии с целью её разложения и создания чисто партийного войска в соответствии с пущенной в Уфе прокламацией комитета партии социалистов-революционеров». — Перепечатано в Сборнике документов: «Государственный переворот адмирала Колчака», изданном В. Зензиновым. Париж, 1919 г.).

В этом, имевшем исторические последствия, воззвании говорилось между прочим, что «главная победа партии на Уфимском совещании, выразившаяся в признании последним правомочности Учредительного Собрания настоящего созыва, грозит стать чисто номинальной в виду того, что своими последними заявлениями руководящие круги казачества и кадетские сторонники сибирской ориентации как бы совершенно игнорируют все принятые ими на себя в Уфе общеполитические обязательства». Перечислив «промахи» и «проявления слабости и нерешительности» Директории: территориальное разлучение со Съездом членов У. С., передача важнейших общегосударственных функций соответствующим министерствам сибирского правительства, подтверждение роспуска сибирской областной Думы, безнаказанность вдохновителей замышляемого в Омске контрреволюционного заговора, восстановление погон и дисциплины старого типа, попытка ликвидации агитационно-культурно-просветительной работы в армии и целый ряд личных назначений, отдающих армию в

руки реакционных генералов и атаманов, — воззвание продолжает: «*Несмотря на эти промахи и проявление слабости и нерешительности, партия с.-р., в соответствии с принятыми ею на себя в Уфе обязательствами, продолжает всемерно поддерживать центральное правительство в его борьбе с комиссаро-державием и готова оказать ему такую же всемерную поддержку в борьбе с реакционно-авантюристическими группами*, в руки которых местами попала областная власть и которая стремится сделать власть всероссийского временного правительства чисто номинальной. Партия с.-р. далее готова оказать временному правительству *всемерную поддержку в деле отстаивания демократической свободы и независимости России и установления нормальных отношений с союзниками* при условиях, обеспечивающих страну от того, чтобы занятие её территории иностранными войсками не имело своим последствием ограничение её суверенитета».

Далее следовало то, что, по мнению генерала Болдырева, занесённому им в дневник, — «с точки зрения партии, может быть, и следовало делать, но о чём целесообразнее было помолчать»: «Независимо от сил и готовности временного правительства данного состава энергично действовать во всех указанных направлениях, центром тяжести своей тактики партия с.-р. должна сделать соби́рание собственных и примыкающих к ней демократических сил вокруг Учредительного Собрания и его преддверия — Съезда членов У. С.».

Ещё менее осторожным, по выражению Болдырева, было, наконец, указание, что «в предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта. Работа по соби́ранию, сплочению, всестороннему политическому инструктированию и чисто военная мобилизация сил партии должна явиться основой деятельности Центрального Комитета, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния». (Полностью воззвание приведено в статье С. Н. Николаева «Конец КОМУЧа» в № 45 «Современных Записок»).

По части «предвидения» воззвание оказалось более чем дальновидным: заговор против Директории и переворот 18 ноября произошел

как «по писанному»... ещё 22. X. в воззвании эс-эровского ЦК. Но по части практической подготовки к предотвращению «предвиденного» сделано ничего не было: отчасти за краткостью отпущенного историей времени, а отчасти и вследствие самого факта оглашения во всеобщее сведение эс-эровского прогноза и мер, которыми ЦК рассчитывал предотвратить готовившийся переворот. Болдырев правильно занес в свой дневник от 7 ноября: «в сущности, это были пока только слова, клочок бумаги, и не в них весь вред неосторожно появившейся прокламации. Вред в том, что она оказалась сильным козырем в руках сибирского правительства: недаром с таким торжеством объявил об ней в Директории Вологодский... И это в то время, когда следственная комиссия Аргунова не могла напасть на истинных виновников действительных событий 21–22 сентября. Михайлов и Ко действовали энергично, оставаясь, тем не менее, формально неуязвимыми, а ЦК с.-р. выдавал себя с головой».

Правые круги омской общественности усиленно распространяли эс-эровское воззвание. Именно от этих кругов дошел текст воззвания в первых числах ноября и до членов Директории, принадлежавших к партии с.-р. Для того, чтобы отвратить от Директории в целом и от отдельных её сочленов нависшую над ними угрозу, Директория единодушно постановила поручить министру юстиции в качестве генерал-прокурора расследовать это дело. Одновременно и столь же единодушно поручено было Болдыреву, уезжавшему на фронт, «принимать самые суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри её каких-либо партийных вооруженных организаций» (Сборник Зензинова, стр. 193). Эс-эровскому ЦК члены Директории с.-р-ы заявили о «совершенной недопустимости подобного рода обращений, грозящих самыми печальными последствиями»*.

* Отошедший впоследствии от партии с.-р. Н. В. Святицкий в своём «Очерке событий на Востоке России в сентябре–декабре 1918 г.» указывает, что ещё при разработке «Положения» о съезде членов Всероссийского Учредительного Собрания, 26 сентября он, Святицкий, «особенно настаивал на предоставлении съезду права иметь свою, т. е. организованную самим съездом и состоящую исключительно под его властью воинскую охрану». Однако уже тогда Авксентьев и Зензинов «резко запротестовали» против такого специального батальона, заявив, что «в государстве всякие воинские части могут состоять в непосредственном распоряжении только самого правительства» (См. «К Истории Всероссийского Учредительного Собрания». Москва. 1921, стр. 17).

Это не предотвратило того, что «всем государственно-мыслящим элементам, как в обществе, так и в правительстве, очевидно стало, что посредством социалистической части Директории готовит и действует Центральный Комитет партии с.-р., руководимый противогосударственной его группой», которая в своем обращении призывает не к чему иному, как к «вооруженной борьбе с верховной властью», т. е. Директорией, — как гласило более позднее официальное сообщение правительства адмирала Колчака, выпущенное в феврале 19 г. (См. Сборник документов, стр. 37 и 172).

При этом следует вообще иметь в виду, что за все время своего существования Директория всегда выступала солидарно и едино. В случаях же расхождений разграничительная линия в подавляющем большинстве случаев проходила не между «левой» или «социалистической» частью Директории и «частью не-социалистической» — это разграничение доктринерское и вымышленное, а между *четырьмя* и *одним* — Вологодским. Бывали, конечно, и другие сочетания. Но, как правило, к.-д. Виноградов чаще генерала Болдырева соглашался с Авксентьевым и Зензиновым. «Он то голосовал вместе с Авксентьевым и Зензиновым, то вместе с Болдыревым и Вологодским, то начинал настаивать на своем», — свидетельствует в своих «личных воспоминаниях» о «С.-Р. и Колчаковском перевороте» Ю. Ключников (См. сменовеховскую газету «Накануне» № 7 от 2. IV. 1922 г. Берлин). Случалось и «социалистической части» разделяться на ся, и решение принималось «всеми против Н. Д. Авксентьева», как регистрировал Зензинов в своем дневнике.

Существование особой «социалистической части Директории» есть миф, пущенный в оборот противниками Директории и подерживаемый и сейчас в работах, называющихся «историческими» и якобы стремящихся «только констатировать факты». Ещё менее «историков» связанные фактами беллетристы, естественно, более свободны в своих утверждениях. Так И. А. Бунин, вероятно, и по сей день убеждён, что «усилия Самарского правительства, равно как и последовавшей за ним Директории, устремлялись исключительно к созданию единого социалистического фронта и к компромиссам с большевиками» («Общее Дело». Париж. 23. XII. 1920 г.).

Можно резко осуждать — и осудить — действия большинства эс-эровского ЦК, не отдавшего себе твердого отчета в том, что Директория, исторически единственно данная и последняя попытка

демократического возглавления борьбы с большевиками, и потому требует к себе сугубо бережного и сочувственного отношения. Можно признать недальновидным, бестактным и политически вредным воззвание, выпущенное и опубликованное эс-эровским ЦК и тогда же встретившее резкий печатный протест со стороны правого крыла «Съезда» во главе с Е. Е. Лазаревым, Д. С. Розенблумом²⁹⁶, С. М. Лотошниковым, В. В. Подвицким²⁹⁷, В. Е. Павловым, Н. П. Огановским²⁹⁸ и др. (См. *К. Буревой*: Распад. Москва. 1923 г., стр. 36). Но как бы ни был суров приговор, по отношению к эс-эровскому ЦК, все же, и при самом инквизиционном процессе, ему нельзя вменить ничего большего, чем обнаружение умысла, или, говоря технически-юридическим языком, — даже не покушение на переворот, а лишь *приготовление* к нему. И совершенно очевидно, что с этим деянием* совершенно несравнимо законченное преступление или полный состав государственного переворота с физическим насилием над носителями верховной власти, каким было событие 17–18 ноября 18 г. Только при безоговорочно отрицательном отношении к физическим и моральным участникам переворота 18 ноября допустимо вообще какое-либо осуждение тактики левых «учредиловцев», — тактики политически вредной, но историей, увы, оправданной.

Ибо что можно возразить Зензинову, когда уже из зарубежного и исторического далека он писал: «правы, увы, оказались те из социалистов, которые... предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убеждённые в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие» (См. газету «Воля России» № 67 за 1920 г.)?!

Пусть Директория недостаточно учитывала тот удар в спину, который ей готовили «Черновцы». Но нанесли непоправимый удар — не только Директории, но и всему делу борьбы с большевиками — ведь не «черновцы», а «колчаковцы»! И этого тоже «со страниц истории изъять нельзя».

* Через несколько дней после того, как расследование дела об эс-эровском воззвании было поручено генерал-прокурору, Зензинов, в присутствии Авксентьева, осведомился у Старынкевича, в каком положении дело? Тот ответил: «все это дело раздуто, и, по-видимому, никакого состава преступления в обращении ЦК найдено не будет» (См. Сборник документов, стр. 93). — То же подтвердил впоследствии в своем парижском докладе и Ключников: «прокламации нельзя приписывать решающее значение» (у С. Мельгунова, ч. II, стр. 91).

Нельзя изъять и другого. Пусть подрывную работу против власти вели и правые, и левые: правые против Директории, левые позднее — против верховного правителя. Но была между теми и другими та громадная разница, что «правые», в самом широком смысле этого слова, совместили свою борьбу против власти с предательством, тогда как «профессиональные подрыватели» находились в открытой вражде и борьбе против власти верховного правителя с первого же дня её образования. Надо помнить, что Колчак и все его министры до того, как стать министрами верховного правителя, были и оставались на службе министрами Директории. И в Архангельске, как и в Омске, переворотчики были не только вне тех сил, на которые опиралась власть «верховного управления северной области», но и в самом правительстве и главном командовании.

3

Омский переворот явился поворотным пунктом в истории гражданской войны. После 18 ноября 18 г. по иному переставились участвовавшие в борьбе против большевиков силы, по иному и надолго установились отношения между партиями, до того более или менее согласно выступавшими против советской власти.

П. Н. Милюков в общем правильно резюмирует последствия переворота, когда пишет: «после изгнания Авксентьева умеренная часть с.-р. совершенно стушеввалась, а среди к.-д после ухода Виноградова, окончательно возобладали правые настроения. Элементы возможного умеренного центра были отброшены переворотом 18 ноября к противоположным полюсам политической жизни. На сцену выступили крайние фланги, немедленно вступившие друг с другом в самую острую борьбу» («Россия на переломе», т. II, 53). В выигрыше от того оказались одни только большевики.

Барон Будберг, одно время управлявший военным ведомством при верховном правителе, назвал, в своем чрезвычайно поучительном «Дневнике», сибирских эс-эров «бесплатными сотрудниками для большевиков». Если смотреть спокойнее в историческую глубину и хронологическую даль*, нельзя не видеть, что роль таких «бесплат-

* Под 3 мая 19 г. А. Будберг записывает в свой «Дневник»: «Мальчики думают, что из того, что они убили и замучили несколько сот и тысяч большевиков и

ных сотрудников для большевиков» до сибирских эс-эров, подкапывавшихся под режим Колчака, успешно выполнили физические и моральные участники заговора против Директории, и, в первую очередь, «министры–переворотчики», — «Михайловская пятерка», выдвинувшая адмирала на пост Верховного правителя и составившая его верховный совет, «форменную олигархию», по характеристике того же Будберга.

Это настолько очевидно, что защитники переворота с общеисторической точки зрения сделали отчаянную попытку оправдать переворот, доказав, что переворот вообще никем не был *произведён*, а *«произошёл»* как бы *сам собой*, в порядке «полустихийного движения», при котором «является второстепенным уже сама организация действий»...

Эту гипотезу выдвинул С. П. Мельгунов первоначально в своей, как всегда обширной и, как всегда, односторонней монографии о Н. В. Чайковском в годы гражданской войны. Он развил её подробнее в части 2-й своей «Трагедии адмирала Колчака».

Сам Колчак подтвердил, что за несколько часов до переворота с ним, военным министром Директории, вели беседу о «единоличной власти» его непосредственные подчиненные, моральные и физические участники переворота, — полк. Лебедев, Волков, Катанаев, генер. Андогский, Сурин. И Мельгунов отмечает «странность» того, что не только с министром разговаривают его подчиненные, но и он ведет с ними разговор о возможности упразднения той власти, которой якобы лояльно служит, и о личной своей кандидатуре на пост будущего держателя «единоличной власти». Этот неопровержимый и для Мельгунова *факт* он пытается парировать или ослабить рассуждением: это «было бы» странно, «при нормальных условиях», в «мексиканской» же обстановке Омска такой разговор представляется ничуть не странным, а почти нормальным.

замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей... Мальчики не понимают, что если они без разбора и удерживая насилие, порят, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские самодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников». — Проходит ровно 3 месяца и Будберг констатирует 3-го августа: «ныне население нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше»...

Вопреки очевидности и бесчисленному ряду свидетельств, иногда ближайших к заговорщикам лиц*, Мельгунов доказывает отсутствие

* Г. Гинс определенно называет погибшего вместе с Колчаком В. Н. Пепелева «одним из участников переворота». — Другой «бывший министр колчаковского переворота», как характеризует Мельгунов Сукина, свидетельствовал перед ним, что на совещании, подготавливавшем переворот, принимали участие: Волков, Красильников, Лебедев, Андогский и Михайлов. Но для отрицающего наличность заговора Мельгунова «совершенно очевидно», что Сукин «передает только один из многочисленных слухов» и больше ничего. — Капитан, впоследствии полковник, Щепин, признался Мельгунову, что был непосредственным участником переворота вместе с Андогским, Сыромятниковым и Михайловым и что в переворот был посвящен член английской военной миссии Нельсон. Мельгунов видел даже «послужной список» Щепина, в котором значилось, что в качестве «начальника особого отряда, капитан Щепин принял отряд 17 ноября, сдал его 19». Но и документ не убеждает его в справедливости слов собеседника. — Сам Колчак удостоверил, что в «самый момент переворота» он знал, что «инициаторами и фактическими исполнителями» переворота были начальник гарнизона Волков, Катанаев и Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Знал он и про участие в перевороте «некоторых членов совета министров». «Я знаю, и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие почти вся ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены правительства». — «Я сказал, — подтверждает Колчак в другом месте, — что никогда не допущу кары над лицами, потому что, раз они это сделали, я принял все последствия» (См. «Протоколы допроса адмирала Колчака» в т. X-м «Архива Русской Революции», стр. 295–296).

Не будем приводить многочисленных других свидетельств иностранцев — иногда очевидцев, а иногда и попустителей и соучастников переворота, — в общем согласно подтверждающих наличность и заговора и заговорщиков. Все эти свидетельства Мельгунов устраняет рядом произвольных догадок и интерпретаций. Так, например, Черчилль²⁹⁹ в разгар успехов Колчака открыто заявил в палате общин, что Колчака и его правительство «вызвали к жизни» англичане. Мельгунов не может с этим примириться и категорическое утверждение руководителя военной политики Англии он пытается ослабить вопросом: «Не следует ли однако понимать эти слова в том смысле, что Великобритания оказала реальную помощь правительству Колчака?» (Ч. II, стр. 113).

Заявление Черчилля приобретает особое значение при сопоставлении его с «пророческими предсказаниями» А. Ф. Керенского. Находясь в Лондоне в сентябре 18 года, Керенский писал Чайковскому: «эпизод, который случился с вами в Архангельске, при первом удобном случае повторится в Омске и Самаре. Это я категорически утверждаю» (письмо сохранилось в архиве Н. В. Чайковского). Одновременно с этим Керенский предупреждал Авксентьева в письме, до адресата не дошедшем и воспроизведенном большевистскими историками (напр., Владимировой, стр. 368), что против Директории собираются «в широких размерах повторить *coup d'Etat* в Архангельске, совершенный с ведома и по предварительному соглашению с английскими военными властями», что к делу причастен генерал английской службы Нокс и срочно необходимо при-

заговора или, точнее, отсутствие заговорщиков, ибо «никаких конкретных данных никто из противников покойного Колчака и мемуаристов до сих пор нигде не провёл». Это требование указать чуть ли не систему револьверов, при помощи коих «социалистическая часть» Директории была схвачена и увезена, иначе, за отсутствием «конкретных данных», признать, что не было ни заговора, ни заговорщиков, — встретило возражения даже со стороны лиц, политически близких Мельгунову. И «не причисляющий себя к «противникам» покойного Колчака» А. С. Изгоев³⁰⁰ с полным основанием указал, что «напрасно Мельгунов требует «конкретных данных». Он не может не понимать, что при такого рода переворотах не ведутся ежедневно протоколы». И дальше: «Адмирал Колчак знал о перевороте. Его передвижения свидетельствуют об этом. Производство переворота, когда генерал Болдырев был на фронте, не случайно. Колчак взял на себя всю ответственность за переворот и, конечно, на его показания на иркутском суде нельзя смотреть, как на чистосердечную исповедь»...

Как бы то ни было, раньше или позднее осознал Колчак свою роль в перевороте, но Колчак отлично понимал, что он не только санкционирует «преступный акт» — арест членов Директории и прерыв её деятельности, но и соучаствует в преступлении. «Если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками», — говорил он в зените своих успехов, в феврале 19 года (Л. Кроль, стр. 167).

18 ноября, «вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства», совет министров при этом правительстве «с согласия наличных членов Времен-

нять меры «к выяснению всех заговорщиков в России» (См. Сборник статей А. Керенского: «Издадека», стр. 132). — Сам Нокс утверждает, что «переворот, приведший Колчака к власти, был совершен сибирским правительством» и, будто бы, только «Англия об этом не знала» — *Slavonic Review*. London. 1925. III.). А в личном письме к Мельгунову Нокс признает, что о «готовящемся coup d'Etat он узнал за 2–3 дня до 18 ноября от генерала Сахарова в Маньчжурии»; в то же время Нокс допускает, что «некоторые члены его миссии (напр., полковник Нельсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот» (Мельгунов, ч. II, стр. 113). — Мельгунов прав только в одном: «официально Нокс, конечно, не «санкционировал» переворота, но неофициально он, не только сочувствовал ему, но и содействовал, как мог, и *до* и *после*. Отсюда и народная легенда об «аглицком адмирале Кильчаке», которую приводит из солдатского письма Будберг.

ного Всероссийского Правительства», т. е. при наличии и согласия *одного* Вологодского, принял на себя всю полноту верховной государственной власти и тут же передал её «временное осуществление» произведенному в адмиралы и получившему наименование «верховного правителя» военному и морскому министру Директории вице-адмиралу А. В. Колчаку. Одновременно с арестом «социалистической части» Директории, уже по прямому приказу верховного правителя послана была экспедиция в Екатеринбург для разгона Съезда членов Учредительного Собрания. Дело, начатое большевиками в Петрограде, в ночь на 7-ое января, получало своё завершение в ноябрьские дни в Омске, Екатеринбурге и Уфе. И не случайно сорвалось с уст Колчака признание: «Если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон Учредительного Собрания является их заслугой, — это надо поставить им в плюс» (Протоколы, стр. 250)*.

* Примерно такова же психология и сподвижников Колчака. Командующий, а потом и главнокомандующий при верховном правителе генерал *К. В. Сахаров* весь свой опыт гражданской войны свел к поразительному умозаключению: «Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена впустую вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты» (см. его «Белая Сибирь». Стр. 161. Мюнхен, 1923). Правда, Будберг характеризует Сахарова, как «бетонноголового», «держиморду аракчеевского типа, более всего пригодного быть командиром дисциплинарного батальона» и проч., но это уже не индивидуальный, а родовой признак, присущий в той или иной мере почти всем «белым большевикам», как называет Будберг наиболее видных «колчаковцев»: «вундернаштаверха» Д. А. Лебедева, генералов Андогского, Дитерихса, Иванова-Ринова (перекинувшегося впоследствии к большевикам и оказавшегося на роли вербовщика для Красной Армии китайского генерала Фенга), Хрещатицкого, атамана Калмыкова, Семенова, бывшего тоже главнокомандующим при Колчаке и т. п.

Новейший историк-иностранец, не заинтересованный в том или ином партийном освещении вопроса, устанавливает, что именно атаман Семенов и был причиной гибели Колчака. Французскому генералу Жанену, может быть, и удалось бы спасти армию Колчака и самого адмирала, если бы тот не допустил безумной ошибки, обратившись за содействием к Семенову. Отряды Семенова наводили такой ужас на население, что Жанен «был лишен возможности совершить хоть один шаг, который мог бы произвести впечатление поддержки семеновских банд» (См. статью Фрид. Зибурга, имевшего возможность ознакомиться с историей гибели Колчака по первоисточникам, — в *Frankfurter Zeitung* за февраль 1931 г.). То же объяснение дает и генерал-квартирмейстер Колчака, генерал Зенкович, непосредственный свидетель задержания адмиральского поезда. Он удостоверяет, что соглашение между генералом Жаненом и Полити-

Колчак сдержал своё слово, — «не допустил кары» над лицами, которым он был обязан своим возвышением. Участники переворота были не только оправданы судом, они получили и триумф, и повышение по службе. Полковника Лебедева Колчак назначил начальником штаба, полковника Сыромятникова — временно испр. обязанности «наштаверха», полковника Волкова — генерал-губернатором в Иркутске с производством в генералы; полковые старшины Красильников (30 лет) и Катанаев (28 лет) — чин полковника и назначение на более высокие должности в Красноярск и Иркутск; получили «генерал-губернаторства» Уфимское и Екатеринбургское и полковник Круглевский с генералом Бангерским, совершившие лихой набег на членов Учредительного Собрания, один в Уфе, а другой в Екатеринбурге. При аресте членов Учредительного Собрания в Екатеринбурге от случайной пули погиб эс-эр Моксунов, член уральского областного комитета, спускавшийся по лестнице в гостинице. И только вмешательству чехословаков и их настойчивости обязаны были арестованные «учредителовцы» В. М. Чернов, В. К. Вольский, И. С. Алкин, Н. В. Святицкий, В. И. Алмазов, Г. Ф. Алюнов, К. С. Буревой, И. Е. Вольный, В. П. Владыкин, Л. Я. Герштейн и Н. И. Ракитников³⁰¹ тем, что все же избежали смерти и получили возможность покинуть пределы негостеприимного Екатеринбурга...

Из областных правительств, постановлением от 2-го ноября Директорией формально упразднённых, но фактически продолжавших существовать, — один лишь Уфимский Совет управляющих ведомствами выступил решительно в защиту прав свергнутой Директории. Совет обратился 19 ноября в Омске с протестующей телеграммой на имя Вологодского, в которой отказывался признать узурпаторскую власть и выражал готовность выслать свои добровольческие части против «реакционных банд Анненкова и Красильникова»: «не желая создавать нового фронта междоусобной войны, С. У. В. предлагает вам немедленно освободить арестованных членов Временного Правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Всероссийского правительства». В противном случае Совет

ческим Центом в Иркутске о беспрепятственном пропуске адмирала Колчака было уже достигнуто, но его сорвали «недоразумения с войском Семенова и зверства, им произведенные» (См. «Белое Дело», т. II, стр. 149).

управляющих ведомствами, в лице Филипповского³⁰², Климушкина, Нестерова и Веденяпина, обещал Вологодскому объявить его «врагом народа», довести об этом до сведения союзных правительств и предложить всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры на защиту Учредительного Собрания, выделить необходимые силы для подавления преступного мятежа.

Телеграмма в копиях была сообщена Колчаку, Чехо-совету, Оренбургскому и Уральскому правительствам и войсковым кругам, правительствам Башкирии и Алаш-орды и генералу Болдыреву. Соответствующие депеши были посланы в Лондон, Париж, Рим, Вашингтон, Токио, Прагу — министрам иностранных дел и дипломатическим представителям иностранных держав в Омске и Екатеринбурге. Но реальных сил в непосредственном распоряжении Совета управляющих ведомствами было очень немного. Главные кадры русско-чешского батальона, конного отряда Фортунатова, отряда имени У. С. и добровольческих частей Народной армии находились далеко — держали фронт. В самой Уфе насчитывалось едва 800 плохо вооруженных человек, расположенных внять призыву Совета управляющих ведомствами, в ближайшие же дни вынужденного уже сосредоточить свои силы и внимание не на подачу помощи другим и ликвидацию переворота в Омске, а на элементарное самосохранение и ограждение находившихся в Уфе членов У. С. от нового нападения со стороны посланного адмиралом Колчаком отряда Круглевского.

28 ноября Совет управляющих ведомствами вынес постановление о передаче государственного золотого запаса России под охрану чехословаков. Тем временем отряд Круглевского, рядом удачных маневров предупредив возможность сопротивления, арестовал 2-го декабря 25 человек, в том числе членов Учредительного Собрания: В. Н. Филипповского, И. П. Нестерова, Н. Н. Иванова, В. В. Подвицкого, С. М. Лотошникова, В. Е. Павлова, С. Н. Николаева, Ф. Ф. Федоровича, И. В. Васильева, К. Т. Почекуева, В. А. Алексеевского, В. П. Владыкина и служащих Съезда и Совета управляющих: Барсова, Марковецкого, И. Девятова, Брудерера и др., и повез их на расправу в Омск. И в Уфе, как и в Екатеринбурге, только чехи предупредили кровопролитие. Отсроченное на 20 суток, оно было перенесено с берегов Уфы на берег Иртыша в Омск. Темной ночью с 22 на 23 декабря были умучены «взятые» из тюрьмы 9 человек, в их числе член Учредительного Собрания — Нил Фомин.

4

Для ночного набега на членов Учредительного Собрания у верховного правителя нашлось более чем нужно средств и охотников. Но против залегшего в Чите атамана Семенова, не пропускавшего оружия, обуви и прочее для фронта и державшего в руках общее движение по забайкальской железно-дорожной нитке, верховный правитель был совершенно бессилён. «Мы — рабы положения», — признавался он. «Я своими жалкими средствами что же мог сделать?» не более мощен был верховный правитель и в отношении других атаманов — Красильникова, Анненкова и т. д.* И, раб положения, он

* «Мы сами насаждаем большевизм грабежами и насилием», доносили по начальству подчинённые Колчаку чины, характеризуя подавление атаманом Красильниковым повстанческого движения в Енисейской губернии. А двумя месяцами позже уже сам командующий войсками иркутского военного округа генерал Артемьев докладывал военному министру Колчака: «Атаман Красильников... занимается исключительно пьянством и безобразием, тем же занимаются его офицеры; солдаты производят самочинные обыски с целью грабежа, насилуют женщин. Все население жаждет большевизма».

При этом надо иметь в виду, что красильниковский отряд считался ещё красой и гордостью той «реальной силы», на которую вынужден был опереться Колчак, после того, как она свергла власть бессильной Директории: генерал Иностранцев считал красильниковскую бригаду, как военную силу, *лучшей* бригадой. — Почитатели и апологеты установившегося после Директории режима признают, что Красильникова и его сообщников следовало бы, конечно, предать суду, — «но для адмирала и для его правительства это было бы совершенно невозможно. Пришлось бы пойти на конфликт с казачеством... Это угрожало большой опасностью для едва укрепившейся власти и ещё не известно, чем бы такой конфликт окончился» (у Мельгунова, ч. III, стр. 54, 213 и др.).

Не менее славны были подвиги атамана Анненкова при подавлении повстанческого движения в Слангородском и Кузнецком районах. Расстрелянные и выпоротые насчитывались там *тысячами*. «Безобразничают и насильничают анненковские гусары и уланы», — заносит в дневник Будберг.

Свой план был у генерала Сахарова: «полное использование атамана Семенова при поддержке японцев; отправка золотого запаса в Читу (атаману Семенову) под надежную охрану; затем планомерное, систематическое уничтожение эс-эровской измены»; арест и предание военно-полевому суду не только «всех руководителей заговора в тылу, но и всех партийных эс-эров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке». По утверждению Сахарова, адмирал Колчак «остановился» на этом плане, «но он категорически отказался отправить золото в Читу». В этом сказалась, по выражению того же Сахарова, «отрыжка старой ссоры» между Колчаком и Семеновым... (См. «Гражданская война в Сибири и Северной области». Мемуары. Госиздат. 1927. Стр. 98 и 101).

обращался за помощью к иностранцам, в первую очередь — к англичанам.

Замыслившие на свой страх и риск насильственно прервать деятельность Директории, может быть, и «руководились любовью к родине», как значилось в официальном сообщении министра юстиции Старынкевича. Но целей своих эти «патриоты» не достигли, — они достигли противоположного не только в отношении внутри-русского преодоления большевиков, но и в отношении охраны внешних интересов России перед Европой и связанного с этим признания Европой антибольшевистского правительства правительством России.

Русский дипломатический представитель в Лондоне К. Д. Набоков, ничего общего не имевший с социалистами и после краха Директории продолжавший и при Колчаке представлять русские интересы в Лондоне, считал именно Директорию «первой, серьёзной организацией для борьбы с большевиками». Только с приходом к власти избранного на уфимском совещании правительства, приблизительно в середине октября 18 г., поверенному в русских делах в Лондоне официально «вновь было предоставлено право посылать шифрованные телеграммы в Омск и своим коллегам за границей». И больше того. «Хотя местные (английские) агенты в Сибири доносили, что Директория не прочна, что между с.-р-ами и «военной партией» идут раздоры, тем не менее решено было признать Директорию, и 17 ноября (т. е. буквально за несколько часов до выступления Красильникова, Волкова и Ко! — М. В.) была даже заготовлена в этом смысле телеграмма в Омск. Переворот 18-го ноября — роспуск Директории и провозглашение Колчака верховным правителем — заставили правительство задержать телеграмму. Когда я 19-го числа пришёл к лорду Роберту Сесилю, — рассказывает К. Набоков, — он сказал мне: «Мы были готовы признать Директорию. Она насильственно смещена. Кто может поручиться, что не произойдет через три недели того же самого с Колчаком? При таких условиях нам очень трудно принять решение. Подождём, посмотрим». (К. Д. Набоков: «Испытания Дипломата». Стокгольм. 1921. Стр. 231 и 244).

И Англия стала выжидать, дождавшись. — правда, не через три недели, а примерно, через год с небольшим, — не «того же самого» буквально, но тоже насильственного свержения и правительства Колчака. Англии, как и всей Европе, сравнительно не трудно было

выжидать. Труднее было России. Её интересы оказались не представлены и не ограждены на устроившей Европу на долгие годы мирной конференции в Версале. И самые жестокие критики Директории, как и самые необузданные почитатели верховного правителя, не могут никак опровергнуть этот прискорбный факт. Сумев предупредить признание Англией боровшейся с большевиками Директории — правительством России, русские патриоты дождались того, что правительством России Англия признала власть ВКП.

Противники «эс-эровского» Учредительного Собрания и недоброжелатели и самарского фронта, и Уфимского совещания, и Директории, ретроспективно исторически оправдывая своё предвзято-партийное отношение, ставят в укор российской демократии и прежде всего «учредилловцам» — эс-эрам, что всю свою практику в борьбе против большевиков они строили в расчете на «третью силу», фактически не существующую и вообще в разгар гражданской войны невозможную. Измышленная доктринерами и создававшаяся искусственно «третья сила» фатально якобы делала дело большевиков, разрушая то национально-государственное дело, которое — плохо или хорошо — пытались делать другие, патриоты и люди дела, а не прекрасноречивых слов.

Нетрудно показать обратимость этого рассуждения против тех, кто его выдвигает. Ибо если попытки создать «третью силу» фактически не удавались, то ведь не только потому, что они срывались, но и потому, что их срывали как раз те, кто никак не хотел претерпеть, чтобы строительство России — «плохо или хорошо» — возглавили не они, а другие, «третья сила». Если до переворота и в ближайшее время после него ещё можно было спорить о благотворности «усиления» власти во что бы то ни стало, хотя бы ценой насилия над всем левым флангом, ведущим вооруженную борьбу с большевиками, то теперь, из исторического далека, как будто бы уже не может быть сомнений, какие пагубные последствия, не только с демократической точки зрения, но и с обще-русской патриотической, имел переворот 18-го ноября, — «выкидышный» вариант французского 18-го брюмера.

Задним числом, ко времени составления второго тома своих «Впечатлений и Мыслей», даже панегирист адмирала Колчака и страстный ненавистник «учредителейцев» Гинс спохватился и сообразил: «Какую ответственность взяли на себя люди, которые в ночь на 18 ноября

решили выдвинуть адмирала!» (т. II, стр. 369). Более дальновидным это было ясно тогда же, в часы и дни переворота.

По прямому проводу из Челябинска генерал Болдырев, «как солдат и гражданин», «честно и открыто» предупреждал Колчака: «И здесь, и на фронте я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушавшего все, что было с таким трудом создано за последний месяц. Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя может быть и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания... Нанесён непоправимый удар идее суверенности народа в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного Главнокомандующего и со стороны войск русских, и со стороны союзников... Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова, ни устно, ни письменно не обращался к войскам и все ждал, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу» (разговор по прямому проводу у В. Г. Болдырева, стр. 112).

В ответ на эти мужественные и патриотические слова, адмирал Колчак мог только повторить клеветническое измышление официального сообщения: «Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мной преданы полемому суду» и т. д. Ещё через два дня, при личном свидании с верховным правителем в Омске, Болдырев дал совершенно отчетливую формулу: «Вы подписали чужой вексель, да ещё фальшивый, расплата по нему может погубить не только власть, но и дело, начатое в Сибири»...

В свете последующих событий вещим трагизмом звучат и слова редактора челябинской «Власти Народа» от 22 ноября Евгения Маевского, — месяцем позже нашедшего мученическую смерть (вместе с Фоминым и другими) от рук разнузданной омской военщины. Маевский писал: «Ужас охватывает за несчастную Россию, за её судьбу. Израненная, полуживая, она пробует приподняться, и вдруг злая рука сбивает её снова на землю и в кровь. И злорадствуют большевики — кто-то протягивает им руку помощи, отсрочивая их неминуемую гибель. И злорадствуют и торжествуют все враги России, которые

только ждут, чтобы воспользоваться её беспорядком, её безвластием и наложить на неё свою тяжелую руку...

Нет имени, нет оправдания тому, что произошло в Омске. Покушение на верховную власть, покушение в ответственные и трагические минуты жизни нашей Родины — есть великое преступление. Ничто не может оправдать этого покушения, ничто в богатой переворотами русской истории не может сравниться с тем, что произошло теперь в Омске. Народ никогда не признает этого переворота, он никогда его не простит».

И в одном из последующих №№ «Власть Народа» правильно умо- заключала: «Оправдать омскую авантюру — это значит оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно так же, хотя и в менее голом виде, чем омская, это значит оправдать октябрьский большевистский переворот. Тот, кто утверждает омский переворот, тот не может отрицать октябрьского большевистского переворота. Тот, кто соглашается на омский переворот, тот выбивает сам у себя всякую почву, всякое оправдание для борьбы с большевистской авантюрой».

5

Главная драма в борьбе «учредилловцев» против большевиков разыгралась в Омске. Но «фронт Учредительного Собрания» создан не только на востоке, он существовал и на севере, в Архангельске. Была попытка — слабая и с самого начала оборванная — создать «Комитет Учредительного Собрания» и на юге, на месте действия Добровольческой армии.

В Екатеринодаре, с «пришлой российской демократией», как выразился Деникин в своих «Очерках русской смуты» (т. III, стр. 207), расправились в два счета своими средствами. Борьба «учредилловцев» против пропаганды монархизма Сувориным на Дону и Шульгиным на Кубани³⁰³ слишком резко расходилась с господствовавшими у командования и его политического окружения настроениями. И стоявший во главе юго-восточного Комитета членов Учредительного Собрания и газеты «Сын Отечества» Гр. И. Шрейдер был без дальнейшего арестован и выслан. Явившийся к нему, по поручению Деникина, генерал-лейтенант Вязьмитинов мотивировал арест, как меру предупреждения против покушения, подготовлявшегося на Шрейдера

группой офицеров... При неограниченной власти, которой обладал единолично «царь Антон», как в шутку называли генерала Деникина члены его Особого Совещания, неудивительно, что тюрьма из места заключения преступников могла превратиться в место охранения жизни намеченных преступниками жертв.

На севере «учредиловцы» пустили более глубокие и крепкие корни. И чтобы их уничтожить, понадобились объединенные усилия заговорщиков отечественных и иностранных — англичан.

В результате успешного заговора и восстания против большевиков образовалась в Архангельске 2-го августа 18 г. «верховное управление Северной области» в составе членов Учредительного Собрания преимущественно северных областей и представителей земств и городов Архангельской и Вологодской губерний. Правительство составилось из председателя эн-эса Н. В. Чайковского (члена У. С. от Вятской губ.) и эс-эров: А. А. Иванова (член У. С. от Архангельской губ.), С. С. Маслова (от Вологодской губ.), А. И. Гуковского (от Новгородской губ.), Г. А. Мартюшина (от Казанской губ.), Я. Т. Дедусенко (от Самарской губ.), М. А. Лихача (от Северного фронта), к.-д. П. Ю. Зубова (товарищ городского головы г. Вологды) и правого к.-д. Н. А. Старцева (заместителя председателя архангельской городской Думы).

Мероприятия этого правительства не встречают осуждения со стороны даже такого придиричвого к левым критика, как Мельгунов. И он считает «неосновательной» характеристику, которую дал архангельскому правительству «полевой военный прокурор» Добровольский, утверждавший, что все члены правительства, за исключением Чайковского, принадлежали к «нашим крайним эс-эровским течением» (См. «Борьба за возрождение России» в Северной области», т. II «Архива Русской Революции», перепечатано Госиздатом в «Гражданской войне в Сибири и Северной области», стр. 232–233. 1927). И Мельгунов выражает «сожаление» что генерал Деникин «за отсутствием данных» в момент писания своих «Очерков» повторил ту же неправильную характеристику (См. «Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны». Париж. 1929. Стр. 86).

И все же... И умеренное правительство Чайковского не предупредило «нелепого заговора» (выражение Чайковского) и пагубной авантюры (выражение Мельгунова).

Нашлись и в Архангельске, как в Омске, недовольные левым составом правительства и характером его деятельности, и среди них в

первую очередь — некий капитан 2-го ранга Г. Е. Чаплин, работавший «под англичанина», по его собственному выражению, по свержению большевиков и назначенный новой властью «командующим всеми морскими и сухопутными вооруженными силами верховного управления». Если верить Чаплину, — а ему можно верить только условно* — он на первом же заседании нового правительства заявил, что «не считает для себя достаточно авторитетным звание члена «Учредилки», избранного в период смуты под явным давлением большевиков»... Во всяком случае вскоре «чувство долга» и, как полагается, патриотизм подсказали ему образ действия. Предваряя момент, «когда союзники, потеряв терпение, уберут правительство и создадут власть, угодную им, превратив область во временную колонию Антанты», Чаплин решил создать власть, «угодную» ему. «Поэтому я пришёл к твёрдому решению: правительство ликвидировать и поставить во главе вооруженных сил области генерала, имя которого было бы, если не популярным, то хотя бы всероссийски известным».

Добыв список генералов, живущих в Англии, Франции и Финляндии, Чаплин не задумался в выборе: он «немедленно указал на генерала Гурко». Когда же союзники признали Гурко «неприемлемым, как слишком правого», Чаплин на началах «чистой лотереи», но, по его мнению, очень счастливо, наметил генерала Миллера³⁰⁴.

* В воспоминаниях капитана Чаплина: «Два переворота на севере» переворот против большевиков приравнивается к перевороту против правительства Чайковского. Он не один раз заставляет вспомнить рассказ бессмертного Ивана Александровича, с той, впрочем, разницей, что Чаплин, в отличие от Хлестакова, подчеркивает — «как старый кадровый офицер, я никогда ни писателем, ни литератором не был... — Чаплин сообщает, что Н. В. Чайковский приехал в Архангельск как бы на все уже готовое — приготовленное Чаплиным — «дней за пять до переворота»... «по поручению Уфимской Директории, в состав которой входил генерал Алексеев»... — Несообразность этого, как и других, сообщений станет наглядной, если вспомнить, что переворот в Архангельске произошел 2-го августа, а Уфимская Директория была избрана лишь 23 сентября! С другой стороны, генерал Алексеев в Уфимскую Директорию не вошел. А 25 сентября скончался в Екатеринодаре. Чаплин описывает, как он разговаривал с союзными послами: «Я объявил послам, что согласен с ними говорить лишь при условии создания правительства без участия в нем Лихача, Маслова и Дедусенко». И рядом с этим, — напоминание: «Не надо забывать, что область во всем, от вооружения, снабжения и до продовольствия, в те дни всецело зависела от союзников, и с ними волей-неволей приходилось считаться» (См. «Белое Дело». Летопись белой борьбы. Т. IV. Стр. 19, 29 и 31).

Не обошлось в данном случае, как в Омске, и без внутреннего предательства — со стороны Старцева. Сыграл свою роль и «случай», заставивший Чаплина выступить раньше предположенного срока. Работавший «под англичанина» Чаплин узнал 6-го сентября от своего единомышленника английского генерала Пуля, что союзные послы рекомендовали своим правительствам признать власть «верховного управления северной области». Для патриотического сознания Чаплина эта перспектива показалась столь устрашающей, что он решил действовать немедленно, «иначе признание союзниками верховного управления усложняло вопрос замены власти и делало её невозможной без серьезного конфликта». Чаплин решил арестовать членов правительства и сослать их в Соловецкий монастырь...

Командующему войсками было, конечно, нетрудно привести этот план в исполнение. Арестованные были вскоре освобождены из заключения по требованию союзных послов, но главное Чаплиным было достигнуто. Остались и гибельные последствия его преступления*. В первую очередь оказалась сорванной мобилизация: на призыв унтер-офицеров явилось всего 3 человека, вместо предполагавшихся 300–400. Обострились отношения между солдатами и офицерами, вновь заподозренными в контрреволюции. Повысилось настроение и в рабочей среде, как в отношении к командующим союзникам, «империалистам и интервентам»; вспыхнула всеобщая забастовка.

Капитан Чаплин откровенно рассказал, *как это* бывает — вернее — *делается*, — когда авантюристы-патриоты на собственный страх и риск берут на себя решение судеб антибольшевистской борьбы, возглавляя её избранным — по жребию или в ином порядке — генералом. Мы знаем теперь уже опытным путем, что все эти затеи спасти отечество в порядке индивидуальной дальновидности и решительности заканчивались одинаково плачевно, как бы в силу некоей социологической закономерности, действовавшей одинаково и на востоке, и на севере, и на юге, и на западе (у Юденича и Родзянко).

* Впрочем, и девять лет спустя уже имея перед собой все реальные результаты своей авантюры, Чаплин остается убежден, что для его деяния (ареста «неработоспособного правительства») «довольно трудно подыскать статью закона для отдачи под суд» и формулировки «состава преступления» («Два переворота», стр. 31).

Архангельское действо 6-го сентября было своего рода генеральной репетицией — не только в буквальном смысле, но и в переносном: как репетиция генералов — к омскому действу 18 ноября. Там и тут много общих черт и сходства не только в социально-политической обстановке, но и в психологии заговорщиков и даже в самой технике переворота. Нокс имел своим предтечей — или аналогом — Пуля; Волков с Красильниковым — Чаплина с Гейденом; Иван Михайлов — Старцева; Колчак — Миллера и т. д. Характерно и совпадение: члены Директории были арестованы как раз в тот момент, когда только что приехавшие в Омск бывшие члены архангельского правительства — Дедусенко, Лихач и Маслов — рассказывали, на квартире у Роговского, об обстоятельствах, сопровождавших архангельский переворот.

Неудивительно, что под непосредственным и живым впечатлением от переворота в Омске, Чайковский, «как член всероссийского временного правительства (Директории) и председатель временного правительства Северной области», негодуя телеграфировал Колчаку, Вологодскому и представителям союзных правительств: «Отказываюсь подчиниться диктаторской власти... Вы, командиры сибирских войск, назначенные верховной властью и члены областного сибирского правительства, осмеливаетесь захватить власть в свои руки, вы убиваете принцип преемственности законной власти, единственного носителя его — Учредительного Собрания, вы нарушаете государственную дисциплину, вы мараете русское оружие политически насилием. Таким же образом вы препятствуете воссозданию России, вы лишаете Россию возможности участвовать в международном конгрессе мира, вы поднимаете большевистское знамя гражданской войны. Заклинаю вас: опомнитесь! Немедленно сложите власть! Восстановите Директорию! Спасите Россию от позора, клятвопреступности, моральной беспринципности, политического младенчества! Сила, не освещенная правом, обречена на гибель!».

Этот голос остался, конечно, не услышанным.

6

Власть, возглавлявшая антибольшевистское демократическое движение именем Учредительного Собрания и в целях обеспечения его созыва, была сломлена. Всероссийское Учредительное Собрание первого созыва окончательно приказало жить. Немногие уцелевшие

от ареста члены Учредительного Собрания вынуждены были, хотя бы на ближайшее время, уйти в подполье. Каждый стал искать для себя и за себя выход из положения.

Формально единственный правильный выход — борьба на два фронта против обеих диктатур, Ленина и Колчака, — фактически сводился к реальной борьбе на том *или* другом фронте, либо против Ленина, либо против Колчака. Выбор часто определялся простым местонахождением не приемлющих ни той, ни другой диктатуры.

На территории, очутившейся под властью Колчака, самые активные борцы против большевиков под впечатлением предательского удара в тылу радикально меняют свою политическую ориентацию. В личном порядке переходят на сторону большевиков члены Учредительного Собрания Фортунатов, Пумпянский, эстонец Сельяма, председатель башкирского правительства Валидов³⁰⁵. Другие гибнут, но не сдаются: помимо уже упомянутых, умученных членов Учредительного Собрания с.-р. Моисеенко, Фомина, Б. Маркова и П. Михайлова*, погиб Д. Сургучев в Златоусте, К. Т. Почекуев — под Омском, спасаясь от угрозы полевого суда.

* Товарищи по партии, Учредительному Собранию и Западносибирскому комиссариату, Бор. Марков и Павел Михайлов были умерщвлены 5-го января 20 г. в числе 31 заложника, взятых генералом Сычевым. «Предварительные данные официального расследования об инквизиции, совершенной со средневековой жестокостью на Байкале, рисуют картину, которая должна вызвать в каждом из нас не только чувство отвращения, но и внутреннего протеста против столь варварской политической мести», — писал «Чехословацкий Ежедневник» в № 17 от 21. I. 1920 г. «Два палача (одним был известный по Екатеринбургской и Омской деятельности, англичанин по происхождению, Гранд) с помощью двух других ничтожеств из семеновских войск расправились с несчастными. Орудиями инквизиции служили нагайки, поленья и железные ломы для скалывания льда. Жертв разделяли и замучивали. Их вещи тотчас же делили между собой семеновские офицеры, надзиравшие за убийством. Из них особенно проявил себя предсмертным мучительством жертв войсковой старшина Сипайло». — По данным Комиссии Политического Центра, расследовавшей при участии представителей французской, британской, чешской и японской военных миссий, — «зверское убийство на Байкале (заложников) было произведено по распоряжению начальника читинской контр-разведки Черепанова». — Ср. также «Каторга и Ссылка» № 4. Стр. 196. Госиздат. Москва. 1922.

Это бесчеловечное избиение заложников послужило одним из психологических и политических оснований к требованию Политического Центра союзникам о выдаче ему «Верховного правителя». Как замечает бывший депутат Парижа и член французской военной миссии в Сибири, офицер Ла-

Наконец, несколько членов Учредительного Собрания, убегая от омского диктатора, решили вступить в соглашение с диктатором московским. Гражданская война, вспыхнувшая внутри антибольшевистского лагеря, отнимала, по их мнению, последний смысл у войны с большевиками и ставила вопрос о ликвидации последней. А после перемирия на западном фронте, объявленного за неделю до омского переворота, отпадал и другой, патриотический мотив, вызвавший восстание против большевиков: отпадала угроза завоевания немцами. Принимая чаемое и желаемое за действительное и возможное, Вольский, Буревой, Святицкий и Шмелев, — к которым впоследствии присоединился Ракитников, — решили, что для совместной борьбы с реакцией и вмешательством иностранцев большевики не могут не согласиться на образование однородного социалистического правительства, до новых выборов в Учредительное Собрание ответственного перед собранным в Москве Учредительным Собранием первого созыва. Чтобы усилить вес и авторитет это фантастического плана, досужая молва произвольно и не основательно к названным, мало что говорившим именам, придала и громкое, для многих символическое, имя Чернова.

Не слишком добросовестные противники поспешили возвестить, что в переговоры с большевиками вступила партия с.-р и Съезд «Учредителей». Об этом дважды сообщил и советский нарком Чичерин, союзным правительствам в «нотах», в которых все члены делегации были возведены в члены эс-эровского ЦК, и торжествующе подчеркивалось, что партия с.-р., «эта наиболее непримиримая противница большевиков, ныне раскаялась во всех былых прегрешениях и отказалась от лозунга Учредительного Собрания». О том же позорном конце партии с.-р и «охвостья» Учредительного Собрания на разных концах России, в Омске и в Одессе, с одинаковым

зис, — «адмирал Колчак сделался жертвой жестокости своих подчиненных, выдавших 31 социал-революционера атаману Семенову. Негодующее население Иркутска требовало выдачи Колчака временному правительству для суда над ним».

Можно и должно возмущаться актом выдачи беззащитного правителя теми, кому он доверился, и кто его заверил в своем покровительстве. Не надо, однако, упускать последовательности событий и спокойно проходить мимо не менее возмутительной выдачи и расправы с другими заложниками — в числе 31 была и женщина: Вера Ермолаева — учинённой подвластными Колчаку.

чувством удовлетворения возвести столь разные тогда ещё люди и деятели, как Ю. В. Ключников и А. В. Пешехонов. В телеграмме в Лондон и Париж за № 94 от 23 ноября Ключников оповещал, что «Комитет членов Учредительного Собрания стал проявлять склонность к ориентировке в сторону большевиков». Свергнутая же Директория, «в числе коей Авксентьев и Зензинов, входят в Центральный Комитет социалистов-революционеров», не предпринимала нужных мер противодействия. Основываясь на советском радио и «полученных непосредственно с востока» сведениях, и Пешехонов утверждал, что переговоры с советской властью «были начаты президиумом Съезда членов Учредительного Собрания» и велись «ответственными органами» партии с.-р.*

Здесь все было неверно. Авксентьев и не входил в эс-эровский ЦК последнего состава, а Зензинов, вступив в состав Директории, вышел из партийного ЦК. С роспуском КОМУЧа до переворота 18 ноября никакого «Комитета» членов Учредительного Собрания не существовало; тем менее мог он ориентироваться в сторону большевиков. Специальный Комитет возник после переворота в Омске. Его избрал Съезд для «ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории,

* Во имя «великого имени Учредительного Собрания» А. В. Пешехонов беспощадно клеймил «учредиловцев», или, по другой терминологии «черновцев», мало чем отличавшихся, на взгляд многих, от большевиков. «Тех же шей, да пожиге влей» — вот и вся, как я когда-то выразился, разница... Как же квалифицировать поведение «учредиловцев»? Не должны ли мы назвать его изменой?.. Изменой тому делу, которому они служили, тому знамени, под которым они собирали свои силы... Конечно, это — измена, самая подлинная измена, все объективные признаки таковой налицо. Однако и за всем тем я не считаю возможным удовлетвориться этой квалификацией. Ибо в глубине своей души они народовластиею никогда не служили, этим знаменем они только прикрывались, — других и, быть может, себя им обманывали... «Что задумал, делай скорей!» — сказал Христос Иуде... И «измену» учредиловцев я встретил с чувством своего рода душевного облегчения: наконец-то! Так же я отнесусь и ко всем другим «изменам», какие ещё будут», — обещал Пешехонов в начале 19 года, ещё не предвидя своей собственной измены.

Не ограничивая никак и ничем своих категорических и необоснованных суждений, он пророчил: «Все с.-р. будут обрызганы грязью, по которой «учредиловцы» шли до большевистской Москвы, и все они будут запятнаны кровью, которая будет пролита с.-р-ами во славу советской власти» (См. Двухнедельный журнал «Грядущий День» № 1. Март 1919 г. Одесса).

освобожденной от большевиков», и состоял он из: Чернова, Вольского, Федоровича, Брушвита, Фомина, Алкина и Иванова; иначе говоря, из 7-ми членного Комитета *один* только Вольский «проявил склонность к ориентировке в сторону большевиков». Наконец, «ответственные органы» партии, в лице московского и одесского Бюро эс-эровского ЦК, формально отмежевались и резко осудили самочинные действия Вольского и Ко, считая, что они «не способствуют объединению демократии, а препятствуют ему»*. Выйдя из партии, диссиденты образовали группу «Народ».

Историческая Немезида отомстила одинаковым образом и Ключникову, и Пешехонову, заставив их обоих проделать то самое, за что они с таким граждански-патриотическим негодованием клеймили других. Сменив вехи, Ключников быстрее, Пешехонов более замедленным темпом, — оба они отправились в большевистскую Каноссу замаливать свои бывшие прегрешения: Ключников — у Колчака, Пешехонов — у Деникина и — в демократической общественности.

Немезида отомстила высшей местью и тем, кто свою личную и якобы сильную власть противопоставил народовластию и власти, избранной многоголовым и неустойчивым собранием. Восставшие против власти Учредительного Собрания первого созыва, почти на следующий же день после переворота вынуждены были начать за-верять, что задача их «заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на котором была бы высказана воля народа» (ответ Колчака на запрос уральцев: какие цели ставит себе верховный правитель: — см. «Допрос», стр. 185).

Ещё через несколько дней Учредительное Собрание уже сменяется Национальным, так как слово Учредительное «слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни

* Ещё 10 декабря 18 г. эс-эровский ЦК предостерегал против «соглашательства» с большевиками, как возможной реакции на омский переворот и диктатуру адмирала Колчака. В резолюции подчеркивалось, что борьба против большевизма может прекратиться только тогда, когда его приверженцы капитулируют и согласятся сдать власть свободно избранному Учредительному Собранию. Пока на это надежд нет, мир с большевиками означал бы отказ от основных начал народоправства и руководящих принципов партии. — Перепечатано во многих изданиях, в частности, — в екатеринбургской газете «Горный Край» от 25. I. 1919 г. и нью-йоркской «Struggling Russia» от 26. IV. 19 г.

развала страны, дал слишком односторонний партийный состав... Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я и говорю о созыве Национального Собрания, где народ, в лице своих полномочных представителей, установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России» (заявление Колчака представителям печати 28 ноября). Ещё через несколько времени Национальное Собрание сливается с Учредительным, и Комиссия для разработки вопроса о выборах «всероссийского представительного собрания учредительного характера» (под председательством Белорукова) мирно уживается рядом с недвусмысленными угрозами колчаковских генералов: «Пусть доберется до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное Собрание!» (у Кроля: «За три года», стр. 167).

И на юге генерал Деникин «твердо стоял» на том, что никто не в праве предрешать ни будущей формы правления, ни даже того, — «будет ли собрано Учредительное или Национальное Собрание, или Земский Собор, или, наконец, может быть, воля народа выльется в такой форме, которую мы теперь и не предвидим» (См. «Из воспоминаний» генерала Лукомского, т. VI «Архива Русской Революции», стр. 141). Впрочем, и Деникин не слишком долго защищал свой агностицизм и предельное предрешенство. В составленной и подписанной Деникиным, «в значительной степени по настоянию представителей союзного командования», политической программе Добровольческой армии целью её борьбы ставилось — «довести Россию до Национального Собрания» (Там же).

Адмиралу Колчаку пришлось все-таки ещё раз столкнуться с требованием созыва Учредительного Собрания первого состава, — исходившим на этот раз уже от Верховного Совета союзников в Париже.

За подписью Клемансо³⁰⁶, Ллойд Джорджа³⁰⁷, Орландо³⁰⁸ и Сайонжи³⁰⁹ была послана 26 мая 19 г. нота, в которой, среди условий, на которых союзные и присоединившиеся к ним державы соглашались продолжать помощь, оказываемую Колчаку, значилось на первом месте: «Как только адмирал Колчак достигнет Москвы, он тотчас же созывает Учредительное Собрание, избранное свободным, закрытым и демократическим голосованием, в качестве высшей законодательной власти для России, перед которой должно быть ответственно правительство России. Если же к тому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен, адмирал Колчак созывает Учредительное Собрание, избранное в 1917 г., чтобы оно заседало, пока не

станут возможны новые выборы» (См. Winston S. Churchill. С. Н. М. Р.: «The World Crisis. The Aftermath». Р. 181).

От себя Черчилль телеграфировал 28 мая дополнительно генералу Ноксу, предлагая ему употребить все его влияние на то, чтобы побудить адмирала Колчака «подчеркнуть полностью широкие основания для выборов в Учредительное Собрание и установления демократической свободы, которые декретирует будущее правительство России» (там же, стр. 246). Колчак внял дружественному совету, щедро наобещал и созыв Учредительного Собрания, и готовность «не удерживать власти ни на один день больше того, что потребуют интересы страны» и проч.* Но своему отношению к Учредительному Собранию 17 г., «выбранному при насильственном режиме большевиков, и большинство (?) членов которого в настоящее время действительно находятся в их рядах», Колчак остался верен до конца.

Формально к идее нового Учредительного Собрания вынуждены были, в конце концов, апеллировать все русские генералы и адмиралы, принявшие на себя «всю полноту власти» — в Омске, Архангельске, Екатеринодаре, Крыму, Пскове. Подлинное же их отношение к Собранию, воля которого не совпала бы с волей того или иного диктатора-победителя, легко предугадать по общей их политической линии — подавления гражданских свобод и самостоятельности населения.

* Двумя месяцами позже адмирал Колчак выпустил воззвание, уже совершенно «демагогическое», по выражению не то членов Комиссии по подготовке «Всероссийского Представительного Собрания учредительного характера», не то С. Мельгунова (См. т. III, стр. 305). В нем возвещалось, что «уничтожив самодержавие большевиков-комиссаров, вы, крестьяне и солдаты, тотчас же начнете выборы в У. С. Я вам обещаю это перед лицом всей России и целого света».

Х. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причины поражения демократии и фронта Учредительного Собрания. — За что боролась «третья сила»? — Обвинители и хулители. — Победители и отступники. — 6 января в Петрограде и 18 ноября в Омске. — Историческое оправдание и политические выводы. — Совещание членов Учредительного Собрания в Париже и Исполнительная Комиссия. — Завтрашний день русской истории.

1

Как и чем объяснить неудачу анти-большевистского движения, поднятого левым флангом русской демократии под флагом и лозунгом восстановления прав и занятий распущенного большевиками Всероссийского Учредительного Собрания? Почему снова произошел «срыв» или претерпела крах «всероссийская» власть в Омске в ноябре 18 г., как годом раньше в Петербурге, Москве и по всей России?

Там и тут были общие причины, были и причины специальные и особые. Были причины, лежавшие *вне* тех сил, которые подняли восстание против большевиков и руководили им в первой, решающей стадии. Но были и причины внутренние, определившие неуспех.

Был прежде всего порок воли, недостаточно активное утверждение «воли к власти» и «революционного дерзания»; может быть, чрезмерная приверженность к праву и справедливости; влечение, со стороны расцениваемое, как недуг, — к возможно менее кровопролитной ликвидации междоусобия. Отсюда и линия сговора с другими, вместо собственного самоутверждения; «соглашательство» во что бы то ни стало и погоня за «честной коалицией» даже тогда, когда от коалиционных настроений и даже чести остались только слова без реального содержания и смысла. Отсюда ставка на «мудрость», сознательность и жертвенность народа, который добровольно примет на себя и понесет все тяготы гражданской борьбы, поднятой в *его* интересах и *во имя* его. С этим связывалась неизбежно и переоценка роли слова и убеждения, как едва ли не главной функции и меры воздействия государственной власти. В этом сказывалось и некоторое неумение, за отсутствием опыта, управлять государственным аппаратом, и определенное понимание задач управления.

Относиться к такому пониманию можно по-разному, но отрицать его не приходится, как невозможно отрицать и то, что сравнительно с другими властями, власть самарская, а потом и «всероссийская», образовавшаяся в Уфе, была и более гуманной и более честной властью, верившей не только в своё слово, но и в чужое, и до конца дней своих «наивно» признававшей святость клятвы и присяги. При общем озверении в пору гражданской войны, естественно, что именно такая «прекраснодушная» власть обрекалась на роль первой и наиболее легкой жертвы. Но и те, кто, злоупотребив доверием, путем предательства и насилия, во имя фиктивной цели — якобы более энергичной борьбы с большевиками — одержали верх над этой властью, только на время, и сравнительно очень короткое, избегли участи, уготованной им непревзойденными профессионалами гражданской войны.

Более чем неосновательны и вымышлены все попреки «учредивцев» в том, что они влеклись «похотью» к власти и боролись только в личных интересах, за восстановление своего, «эс-эровского» Учредительного Собрания. Их можно скорее обвинять в ослабленной воли к власти, а никак не в обратном. Столь же неосновательны утверждения, будто самарская власть, как позднее и Директория, претендуя на всероссийское своё значение, шли путем не общенационального объединения под своей эгидой разных классов и групп в их противостоянии большевистской тирании, — а преследовали якобы свои, узко-партийные интересы. Они, может быть, переоценивали потребность в безотлагательном образовании *всероссийской* власти в то время, когда основная толща населения не возвысилась до сознания её необходимости и жила местными, своими, а не общими, интересами, — но и только.

Тут давали себя знать силы, лежавшие вне тех кругов, которые подняли и вдохновляли восстание против большевиков во имя утверждения прав народа.

Оба социальных фланга — имущих и неимущих, от высшего офицерства и до низших слоев города и деревни, — одинаково близоруко расценивали свои интересы и одинаково оказались далеки от подлинных нужд страны и государства. Корыстные вожеления имущих верхов, уклоняющихся систематически от финансово-экономического бремени, питали вражду ко *всякой* сущей власти во имя власти мифической и грядущей. На этом питательном бульоне всходили семена реакции. А на другом фланге неимущие низы, не успевшие ещё изжить до конца демагогические посулы большевиков,

в «соглашательстве с буржуазией», не скрывавшей своих реакционных устремлений, находили достаточное оправдание для собственной инерции и выжидательно-критической позиции. Верхи были активно враждебны социалистам. Низы, в своем большинстве, в лучшем случае, пассивно-благожелательны, отсиживаясь и выжидая, какая сторона возьмет верх.

Гражданская борьба наглядно показала, что низы, как и верхи, руководились не столько общенациональным сознанием, сколько мотивами классового и социально-политического прядка. И единственное, что отличало одни от других, это — *фразеология*: фальшивая, патристически-национальная у верхов и более чем откровенная у низов.

Верхи вели борьбу не только политическую. И не только против большевиков вели они свою борьбу. Они вели и *социальную* борьбу против захватчиков — крестьян и рабочих; и *национальную* против захвативших в свои руки судьбы России «инородцев»; и партийно-политическую — против всех социалистов. Словом, они боролись против всех сил — и стихий — русской революции. Со своей стороны и низы, поскольку они осмысливали анти-большевистское движение, не ограничивали его одним голым низвержением насильнической власти, а приносили в борьбу и общие, вековые цели социального, политического и национального раскрепощения. Из исторического далека легко видеть, почему в 1918 г. победило не анти-большевистское движение, расколотое множеством и различием целей, которые преследовали каждый из его отрядов, а победили большевики, сильные единством своего руководства и цели — волей к самосохранению во что бы то ни стало.

Поволжско-сибирское движение, поднятое «учредилловцами», имело много дефектов. Оно допустило много ошибок, выяснившихся только позднее, вольных и невольных упущений и даже, может быть, преступлений. Но сравнительно с другими фронтами и возглавлявшими их властями оно было наиболее *почвенным*, наиболее *свободолюбивым*, наиболее *отвечавшим историческим нуждам России*. Если за всем тем оно все-таки потерпело крушение, как позднее и другие фронты, объяснение этому приходится искать в некоторой его преждевременности, в том, что, вспыхнув досрочно, оно и угасло прежде, чем победило.

Организационно недостаточно подготовленное, форсируемое не в меру горячими патриотами и противниками большевистской ти-

рании, оно разразилось не без участия «случая» — неожиданного и никем непредвиденного выступления чехословаков. Это выступление было слишком серьезно и в то же время достаточно реально, чтобы не воспользоваться им во имя доктринерских соображений и необходимости выждать, пока не будет подготовлена более благоприятная обстановка, симпровизированное историей чехословацкое выступление вызвало и русскую импровизацию. Зревшее и подготовлявшееся в тиши, анти-большевистское движение детонировало и перешло к действию раньше срока положенного историей и психологией народа.

То, что случилось, имело, конечно, достаточные основания к тому, чтобы случиться. Но из того, что что-либо случилось, отнюдь, конечно, не следует, что и «все другие комбинации» были невозможны. Можно не разделять радостного ощущения Герцена по случаю того, что «история не имеет libretto», ибо иначе она была бы «неинтересной, скучной, смешной», сделалась бы «театральной пьесой с заранее известной развязкой». Но нельзя не согласиться с ним, когда он говорит: «в истории все импровизация, все воля, все *ex tempore*, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль, куда хотят, куда только есть дорога, а где её нет, там её сперва проложит гений»...

Этим святым беспокойством были исполнены люди, поднявшие восстание против большевиков летом 18 года. И в этом их морально-политическое оправдание. «Учредилowцам» не удалось проложить дорогу к освобождению России. России все ещё приходится ждать своего «гения». Это не умаляет «вызова бойцам», который раздался из их уст по всей России, на севере и на востоке, в Архангельске, в Заволжье и в Сибири.

2

Если попытаться ответить на укоризненно-самобичующий вопрос — восклицание поэтессы Гиппиус:

«Наша надежда и воздыхание
Учредительное Собрание —
Что мы с ним сделали?!»

— придется прежде всего уточнить, кто такие эти «мы», погубившие «молитву» и «мечту» наших дедов и героев.

«Мы» — это *все*, — все политические партии, классы и народы российские!..

Одни «губили» активно, другие пассивно. Одни — изменяя прошлому и предавая Учредительное Собрание, другие — не считаясь с ним, единственно данным реально, прекраснოდуществуя или переоценивая свои силы и одновременно недооценивая силы врага, силы тлена и разложения, — в экономии мира играющие не меньшую роль, чем силы сцепления и добра.

Народ не поддержал Учредительного Собрания, — значит ли это, что У. С. было исторически обречено и должно быть, теперь и раньше, осуждено и морально–политически?

«Историософски» это можно утверждать, только стоя на почве приятия и оправдания *всей* истории без изъятия, со всеми её преступлениями и злодеяниями без исключения. Если *всё* действительное *разумно* и разумно *только* в действительности сущее, — о, тогда, конечно, и разгон Всероссийского Учредительного Собрания тоже разумен, как разумны и октябрьский переворот, и Брест-литовский мир, и надругательства над церковью и религиями, семьями и т. д. Больше того — *только* большевизм и разумен, только *он* в таком случае и приемлем, ибо он единственный торжествующий, только *его* народ — пусть пассивно! — и «поддержал»!...

«Народ и не думал о поддержке тех, кто считали себя его избранниками, а на деле были теньями уже исчерпанного периода революции», — писал Троцкий через несколько лет после «Разгона Учредительного Собрания» («Правда» от 20.IV. 1924), — ещё не предвидя того «глуповатого бессилия», коим вскоре обернется его собственная «напыщенная» сила. И тот же мотив — на другом полюсе русской общественности. «Как смеее вы называть себя избранниками народа, исконными выразителями его воли, если он пальцем не шевельнул, когда выгнали вас из Таврического дворца?!.. Царствие ваше окончилось. Сгиньте, окаянные, сгиньте навсегда!.. Россия проклянет вскоре имена ваши...», — писали правые большевики в феврале 1918 года в «газете патриотической и отнюдь не контрреволюционной», как значилось на аншлаге московского «Фонаря». Этот мотив повторяют и позднее люди самых разных политических направлений*.

* Славящийся своим народолюбием В. Шульгин полагает, что в отличие от своего обыкновения, народ, не поддержав Учредительного Собрания, «в данном случае — проявил «здравый смысл». (Возрождение) от 24. VII. 1927). А правый следственник большевизма евразиец Л. Карсавин идет ещё дальше: он

На наш взгляд, народ — отнюдь не «богоносец»; он носитель не одного только праведного начала. И в истории отнюдь не предусмотрена и обеспечена одна только «гармония». Народ — всякий народ — способен и падать, и очень низко, и ошибаться — и очень глубоко. Расхождение между разумным и нелепо-стихийным, между целесообразным и случайным, светлым и темным — для истории извечно. Воспринимать это расхождение можно по-разному — трагически или эпически, — но, как факт, оно неустранимо и неумолимо. Можно считать «страшным» для «свободолюбия» народа, — что он остался «немым», когда «пришёл матрос и разогнал Учредительное Собрание». Но нельзя при этом забывать, что народ остался «нем», безмолвен и недвижим или, во всяком случае, недостаточно активен и при *всех других* попытках преодоления большевистского насилия, во *всех других* случаях поругания его веры, государства, семьи, хозяйства.

Нельзя приговор и осуждение Учредительного Собрания видеть в том, что его не поддержал народ, — не осуждая одновременно с тем и самого себя и всех других, — в частности все другие учреждения, методы и попытки борьбы с большевизмом, оказавшиеся ведь не более счастливыми, чем «контрреволюционное большинство» Учредительного Собрания или «полубольшевики», — эс-эров называют ведь по-разному. Все герои исторических неудач могут одинаково печалиться и негодовать. Злорадствовать им, одинаково, не дано! Радоваться может только «третий», празднующий победу над всеми. Кто оставляет за собой право судить и победителя, — не может осуждать побежденного за один только факт поражения.

Поражение Учредительного Собрания было не частным и личным, — оно было *общим и всероссийским*. Свобода, равенство и право оказались вновь сняты с исторического порядка дня России более чем на 1½ десятка лет. Вновь началось хождение по политическим мукам великой в этом отношении неудачницы России. Это было в духе, в стиле и в традиции русской истории, в которой ещё Герцен отмечал «странную вещь, что почти все наши грёзы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда торжеством».

считает, что эс-эровское Учредительное Собрание вообще «никакой народной воли не выражало..., а угнетавший от имени интернационала русских людей Ленин кое-что выразил, как, с другой стороны, и генерал Корнилов» («Евразийский Временник». Кн. V. 38. 1927).

Да, Учредительное Собрание и его большинство — партия социалистов-революционеров — потерпели поражение. Но в их лице и вместе с ними поражение было нанесено и всей России. Мало кто из прежних и нынешних обвинителей Учредительного Собрания сумел осознать и этот факт. Мало кто сумел возвыситься над своей партийной предвзятостью. Отрицательное отношение к Учредительному Собранию только на том основании, что Собрание «эс-эровское», установилось ещё до того, как оно стало действовать и за свои действия удостоилось разгона.

«Мы против Учредительного Собрания, мы сделаем так, что это Собрание не состоится, и большевики идут рядом с нами», — говорил в конце декабря 17 года некий жандармский полковник другой видной особе из министерства внутренних дел царского времени. Этот «план правых», — по описанию А. А. Демьянова в «Руле» от 10. V. 1923 г. — был таков: помочь большевикам свалить Учредительное Собрание, а затем, когда У. С. будет «ликвидировано», то тут-то и провозгласить *pronunciamento*; во главе власти поставить диктатора с программой восстановления старого дореволюционного правительства». Не одни только жандармские полковники и не только крайние правые круги предвкушали разгон Учредительного Собрания. Генерал Лукомский³¹⁰ вспоминает, как в конце 17 года, т. е. опять-таки до разгона Учредительного Собрания, в политическом совещании при генерале Алексееве, в которое входили в качестве сочленов генералы Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Милюков, князь Григорий Трубецкой, Федоров и Струве, — «все высказались единодушно, что об Учредительном Собрании 1917 года не может быть речи, что выборы в это Собрание были произведены под давлением большевиков и что состав этого Собрания не может быть выразителем мнения России» («Архив Русской Революции», Т. V. 143. 1922)*.

* Вожди складывавшейся как раз в это время Добровольческой Армии не могли, однако, не учесть факта разгона Учредительного Собрания большевиками. И учитывая агитационно-политическую эффективность лозунгов, штаб Добровольческой Армии, в первом своем оповещении о возникновении Армии, 9 января 1918 года, т. е. через два дня после роспуска Учредительного Собрания, подчеркнул, что целью своей она ставит борьбу с большевиками и «защиту (!) Учредительного Собрания». — Двусмысленную формулировку находим мы и в той «корниловской программе», которую пропагандировала впоследствии командированная в Сибирь «делегация» генерала Флуга. Под п. 8 в ней значи-

Естественно, что после обозначившейся неудачи Учредительного Собрания издевательства над «смердящим Лазарем» стали принимать ещё более резкие формы. Не довольствуясь личными выпадами против «неисправимых фантазеров», «ничего не забывших и ничему не научившихся», не способных «расстаться со старыми фетишами, как дикарь со старым амулетом», пытающихся «гальванизировать трупы и воскрешать мертворожденных» (См. московский еженедельник «Накануне» с участием В. Я. Брюсова, Белорусского, Ключникова, Струве, Устрялова и др. от 1. IV. 1918 г.), — обличать стали Учредительное Собрание, как *таковое*.

Какое, казалось бы, дело бывшему толстовцу, позднее монархисту, потом раскаявшемуся экс-монархисту и поныне нераскаянному антисемиту Ивану Наживину до Учредительного Собрания? Во всяком случае, как ни мало привлекательно оно в его глазах, — меньшинство, разогнавшее «контрреволюционное большинство», казалось бы, ещё того менее достойно его симпатий. Однако... «Вот разогнали эти матросы Учредительное Собрание и в этом огромная (!), неоспоримая (!!) заслуга большевиков перед родиной (!!!)» («Что же нам делать?». Изд. «Русская Культура». 1919). И тот же по существу комплимент по адресу большевиков повторил и «Верховный правитель» адмирал Колчак!

Здесь сказалась психология, которая с Брандовской категоричностью, теоретически не приемля «среднего» зла или сравнительного блага, довольно быстро и покорно примиряется практически со злом большим и крайним. Так многие из офицеров, которые отказывали в поддержке Учредительного Собрания за его якобы «соглашательство» с большевиками, — как до того они отказывали в защите и Временному Правительству, и московской городской думе, когда те перешли к вооруженной борьбе с большевиками, — потом послушно поддерживали и защищали большевиков. Эти офицеры даже в свои собственные, военные, не эс-эровские организации шли не без внутреннего сопротивления и, когда шли, шли сотнями, в лучшем случае — тысячами. И они же по первому зову являлись десятками

лось: «сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь». И рядом с этим — «Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране» (См. «Архив Русской Революции». Берлин. 1923. Т. IX. Стр. 286).

тысяч на регистрацию к большевикам, чтобы вслед за тем уйти на расстрел или на муку и унижения «концлагерей».

В «Архиве русской революции» напечатаны интересные воспоминания С. В. Милицына, в дореволюционное время помощника обер-секретаря сената, а в январские дни Учредительного Собрания — председателя ротного комитета Преображенского полка и председателя объединенного комитета от представителей полков преображенского, семеновского, финляндского, волынского, петербургского и московского, — т. е. тех самых частей, от настроения и активности коих фактически зависела судьба Учредительного Собрания. «Приходили депутации эс-эров Учредительного Собрания и просили полк выступить на защиту народа и Собрания. Говорились громкие речи и делались кем-то подозрительные попытки вывести полк на улицу. Так, к нам несколько раз звонили, что семеновский полк уже выступил и ведет бой с латышами, а в семеновском сообщали, что миллионные казармы окружены теми же латышами, а у Кирочной идёт перестрелка с красногвардейцами и литовцами... Я слушал и думал: вот во что вылилась давнишняя мечта всех наших свободолюбцев об Учредительном Собрании? Толпа, идущая приветствовать это Собрание, расстреливается не царскими полицейскими, а русскими рабочими, и народ молчит и не встает на защиту своих избранников. Какая же цена этому народу и какое у него может быть будущее?... У Милицына был свой план действий — «Пусть пока эти две партии бьются! Наша задача объединить и организовать убежденных противников большевизма, такие среди солдат есть, и их мы не должны уступать ни большевикам, ни социалистам-революционерам... Никаких партийных программ, никаких реставрационных затей. Цель одна — если представится возможным, — взять власть в солдатские руки и восстановить порядок. На это солдаты могут пойти. Им не чужда мысль, что пора винтовки для себя использовать... В душе мы думали, что логически приведем к военной диктатуре, хотя бы только скрытой» (Т. II. Стр. 180, 184 и 185).

В Петрограде и в Ростове на/Д настроения военных «активистов» были более или менее созвучны. Их тактика была — дать «додраться» большевикам с полу-большевиками, эс-эрами, оставаясь равнодушными и держа «нейтралитет» в отношении обоих противников. *Ни* с большевиками, по примеру жандармов, *ни* с межеумочным Учредительным Собранием! А своим собственным, *третьим* путем!

Но третьи пути далеко не всегда даются историей. И потому и случилось, что русские патриоты и государственники, не желавшие поддерживать Всероссийское Собрание даже в борьбе против большевиков, вынуждены были поддерживать мероприятия английских, немецких, японских и даже греческих военачальников, не справляясь ни с убеждениями, ни с целями иностранных противников большевизма. Третий путь — или сторона — только видимо сохранял нейтралитет в отношении к обоим борющимся лагерям. Фактически он отдавал преимущество большевикам, уже овладевшим властью, перед Учредительным Собранием, которому ещё лишь предстояло низвергнуть большевистский режим и овладеть властью.

Не будем останавливаться подробнее на всех обвинениях и издевке над Учредительным Собранием, исходивших и исходящих от его явных противников справа и слева, от сторонников диктатуры личной или коллективной. Далеко, к сожалению, не все благополучно в этом отношении было и в демократическом лагере русской общественности, — демократию восполнившей социализмом. И там недооценили того, что не в множественности путей — спасение: что бывают исторические моменты, когда реально даны только *два пути*.

Роль большинства в Учредительном Собрании отнюдь, конечно, не была безупречна, дальновидна и во всем целесообразна. По истечении «земской давности», из исторического далека менее всего имеет смысла утаивать, замалчивать или затушевывать, чьи бы то ни было политические ошибки и прегрешения. Партия эс-эров — и не одна она, конечно! — недооценила физическую устойчивость противника, переоценила его морально-политические устои — революционное происхождение большевизма и социалистическую направленность большевиков. Многим не верилось, а иные и вовсе не допускали, чтобы большевики так-таки и решились на разгон Учредительного Собрания или на расстрел, по царскому образцу, мирной демонстрации трудящихся. Не только Церетели говорил, что «с трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное Собрание. Им ни народ, ни история этого не простили бы. Я убежден, что большевики только пугают». И хотя на следующий день после того, как, не посчитавшись ни с народом, ни с историей, большевики все-таки и мирную демонстрацию расстреляли, и У. С. разогнали, эс-эровское «Дело Народа» и писало: «О, мы совершенно не изумлены

и не захвачены врасплох тиранической тактикой так называемого рабоче-крестьянского правительства. Мы предсказывали ещё в день открытия Учредительного Собрания его неизбежный разгон партией большевиков... Нас поэтому даже не поразил расстрел рабочих, мирно демонстрировавших во имя лозунга: вся власть Учредительному Собранию!» — это была, конечно, только полемическая похвальба, дальновидностью прикрывавшая горечь и растерянность.

Именно тем, что «неизбежность» разгона У. С. и, в особенности, расстрела мирных манифестантов заранее никак не могла быть установлена, и объясняется принятый фракцией эс-эров план кампании. Рассчитывая обойти противника, она оказалась сама обойденной, — это нередко бывает при маневренных операциях. В январские же дни 18 года в Учредительном Собрании иного движения, кроме обходного, — увы, не было дано. Может быть, не было сделано достаточно яркого жеста, не было сказано «исторической фразы», которая примирила бы с Учредительным Собранием летописцев, расценивающих людей, учреждения и события не по внутреннему их существу и драматизму, а исключительно по внешней сценичности, яркости и успеху, — но это уже вопрос иной.

Политические летописцы ждали, почти жаждали *крови* «учредиловцев», — не одних, так других, не большевиков, так полубольшевиков, эс-эров. И они даже не заметили той *пытки удушьем*, которой было подвергнуто Учредительное Собрание, того *томления* и *кошмара*, которые оно избыло. Что «пальба могла ежеминутно начаться», — это признавал и Арцыбашев; он только огорчился, что «её все-таки не было», и кровь пролилась только на улице и на следующий день — в Мариинской больнице, а не в Таврическом дворце («За Свободу». Варшава. 10. III. 1924 г.). Хулители Учредительного Собрания вменяли в вину «учредиловцам» и специально В. М. Чернову, что у них «не достало мужества погибнуть на своем посту» (А. С. Изгоев в «Руле» от 30. XI. 1923), что «и на сей раз лидеры партий умели погибать только на словах» (П. Рысс: «Русский Опыт», стр. 215. Париж. 1921 г.), — как раньше «погибали князь Львов и Керенский» (а позднее, очевидно, генералы Деникин, Врангель, Юденич, Миллер и т. д.). Как будто главное назначение государственного или политического деятеля — смерть? И как будто раньше социалистов-революционеров не обвиняли — и тот же самый Изгоев! — как раз в обратном: в излишней готовности и «умении» умирать, а не жить, бороться и творить!..

Большинство обвинений и претензий, обычно предъявляемых к «эс-эровскому» Учредительному Собранию, либо поверхностны и мелководны, направлены не в сердцевину вопроса, а по «касательной», придавая мелкому, второстепенному и случайному значение решающего, либо упускают из виду *перспективу*, не считаются с *обстановкой* — исторической, политической и психологической, которая была дана России 18 года.

Когда причину неудачи У. С. хотят видеть в пропорциональной системе выборов по спискам и при этом ссылаются на авторитет саратовских крестьян: «Разве мы знали, кого выбирали? Дали нам списки, мы за них голос подавали, а не за людей, которых мы сами выбрать хотели. Если бы мы своих выбрали, кто бы их посмел разогнать!» — «При слабо развитой политической жизни, при полном почти незнакомстве с партийными программами и тем более партийными людьми, выборы по спискам не удовлетворяют сознательной потребности» (См. упоминавшиеся уже воспоминания О. С. Минора, стр. 133), — нельзя не вспомнить судьбы 1-ой Государственной Думы. «Дума народного гнева» была избрана, хотя и ограниченными кадрами избирателей, но по мажоритарной системе. И, тем не менее, её разогнать посмели. Реакцией на разгон Думы явилось лишь выборгское воззвание, составленное, но не приведенное в исполнение. Реакцией же на разгон избранного по спискам Учредительного Собрания явились как ни как волжское и архангельское восстания.

Более серьезными и как будто ранящими являются укоры и обвинения не столько Учредительного Собрания, сколько руководящих кругов фракции с.-р. со стороны бывших её сочленов, — Н. П. Огановского, примкнувшего к партии с.-р. со специальной целью быть выбранным в У. С. (он говорил об этом совершенно откровенно) и Б. Ф. Соколова, не отстававшего от фракции с.-р. в Учредительном Собрании, очевидно только за отсутствием другой, более активной анти-большевистской силы. Бюро фракции с.-р. вменяется, с одной стороны, двусмысленно — демагогическая «викжелистская» политика, желание «перетянуть на свою сторону массы, соблазненные большевистскими посулами», «лицемерие» и даже «трусость» (См. «Дневник члена Учредительного Собрания». *Н. Огановского* в «Голосе Минувшего», № 4–6. Москва. Апрель–июнь 1918. Стр. 146. 157 и др.). А с другой стороны, — пассивная «вялость» и «расплывчатость», отсутствие у эс-эровских «парламентариев» «дерзости, подлинного революционного активизма», опасение

«рискованной» и «сомнительной авантюры», отказ фракции, *как фракции*, от внепарламентской борьбы за Учредительное Собрание, от санкции подготовлявшегося на первый день Рождества 17 года «изъятия» Ленина и заблаговременного назначения на 5-е января *вооруженного* выступления большевиков и т. д. и т. д. (См. Б. Соколова: «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» в «Архиве Русской Революции», Т. XIII. Стр. 27, 39, 44, 47, 55 и др. 1924 г.).

Чтобы ввести в рамки исторической, политической и психологической перспективы все эти обвинения и попреки, одни фактически неверные, другие спорные, все одинаково пристрастные, — достаточно привести собственные признания обвинителей.

В чем виделся Огановскому выход из положения, не для партии с.-р., конечно, — «партия наша пропала» (стр. 161), — а для единомышленных с ним не-мытарей и не-фарисеев? «Гибнет родина, гибнет недавно ещё огромное, могущественное государство, гибнет демократия и все завоевания революции, т. е. земля и воля народные. Но остановить её (эту гибель) у отдельных людей нет сил и средств, остается нам, зрячим, пока молча глядеть, сложа руки на груди. Но да будет! Непреодолимое должно свершиться!» — записывает бывший эн-эс и бывший эс-эр, ставший заслуженным спецом при большевиках, в свой дневник от 12 января 1918 г. А накануне разгона, 4-го января, он делится затаенной мыслью: «Уж очень чудной многим казалась мысль: «неужели вот этот самый Иван Иванович, мой земляк из Нижегородской губ., которого я прекрасно знал, только потому, что он стал «левым», «без пяти минут большевиком», подведет меня, два месяца назад его ближайшего товарища, под расстрел»... А, может быть завтра не будет и крови и начнется лишь нудная партийная грызня, подобная той, которая погубила революцию 1905 года»...

И Б. Соколов, обличая «невооруженную Правду» и «пассивное величие», противопоставленные «активному Ничтожеству» большевиков, сам же отмечает и полное отсутствие материальных средств у бюро фракции, и невозможность для фракции «уйти в подполье», и вскрывшуюся тогда же провокацию Коноплёвой и Семенова, будущих свидетелей в процессе эс-эровских смертников*. Восставая против эс-эровского законничества и парламентаризма, этот любитель риска

* Семенов показывал на процессе почти буквально словами Б. Соколова, что вооруженное выступление с его, провокатора, участием не произошло по-

и авантюр вынужден признать: «В том, как обсуждался порядок дня первого Всероссийского Учредительного Собрания, в его схеме, начертанной Комиссией, в проектах речей было одно общее, что больше всего бросалось в глаза. Это — желание удержать Учредительное Собрание на елико возможной высоте. Не дать его уронить в глазах народных. Не позволить втоптать Великую Идею — Великое Учреждение в грязь... Как бы то ни было, но разработанный Комиссией план был и импозантным, и не лишенным красоты*. Ибо кристаллизация его должна была происходить вокруг Великой Идеи народоправства и подчеркнуть «святенность Учредительного Собрания»... По существу пятое января было завершением героического периода революционной демократии. Ибо готова была фракция во имя народа принести свои жизни на алтарь борьбы. Нет — *соглашательским* нельзя было назвать ни в коем случае поведение фракции». И «биолог-эволюционист», на многое ставший глядеть глазами пореволюционных «Вех», почти пальцем указывает на ту причину, которая побуждала бюро фракции соблюдать сугубую осторожность. «В памяти многих были неудачи московского и петроградского вооруженных выступлений на защиту Временного Правительства. Эти выступления показали бессилие и неорганизованность демократии. Отсюда возникла своего рода боязнь перед новыми вооруженными восстаниями».

Да, эс-эровское большинство было против форсированного открытия военных действий, как оно было против преждевременного восстания на Волге, без достаточной подготовки, организационной или «ходом вещей», — в единственном расчете на стихию, на счастливую звезду или, наконец, на «кривую», которая не может же в конце концов не вывести в правом деле. Ход событий — и до, и после 5-го января — как будто бы неопровержимо подтвердил, что скорее все-таки недооценили меру «бессилия и неорганизованности демократии», нежели её *переоценили*.

тому, что у эс-эров «не хватало мужества и решительности на это выступление» (См. «Известия» от 15. VI. 1922 г.).

* Также и у Огановского: «Излагается и обсуждается прекрасно составленная «программа дня». Но бюро не обманывает себя в том, что её удастся провести полностью. Цель этой программы показать народу, что Учредительное Собрание может дать настоящие законы, которых ждет страна, а не заборные плакаты. Над составлением документов потрудились достаточно, написаны они отчетливо и даже величественно» (стр. 148).

Б. Соколов передает живописную сцену на собрании 1-го и 2-го балтийских экипажей 3-го января. После ряда проникновенных речей какой-то матрос-энтузиаст вскочил на эстраду и закричал:

– «Братцы, товарищи, поклянемся, что не пойдем против народного собрания...

– Клянемся!..

– На колени, товарищи, на колени!»

И вся многотысячная толпа матросов становится на колени и кричит: «Клянемся не идти против Учредительного Собрания». Именно — «не идти против», — справедливо комментирует Б. Соколов. «О том, чтобы идти *за* Учредительное Собрание они даже не думали. Их энтузиазма, их волеизъявления хватило только на то, чтобы быть пассивными»...

В этом было *главное*. И при такой настроенности, когда «люди, говорившие утром «да», вечером говорили «нет», — звать к оружию было, действительно, сомнительной авантюрой. И, считаясь с этой психологией масс, фракция У. С., *как фракция*, к оружию и не звала. Среди них не было — или было немного — любителей гражданской войны. Говоря словами одного из членов — «пятерки», руководившей фракцией в заседании Учредительного Собрания, Е. М. Тимофеева, — словами, сказанными им не в Учредительном Собрании, а 4 года спустя перед революционным трибуналом в Москве от лица всех обвиняемых эс-эров — смертников: «Мы сделали все, чтобы помешать гражданской войне до тех пор, пока Учредительное Собрание не было разогнано... Вы расстреливали рабочих, которые шли по улицам, неся красные знамена и плакаты, и приветствовали Учредительное Собрание. Вот причины, вызвавшие гражданскую войну».

Кто теперь не знает роли, какую в успехе военных операций играет состояние духа сражающихся, их «мораль». Тем большее значение оно имеет в войне гражданской, в которой аналогичное значение имеет и вопрос об «ответственности» за войну, кто её *начал*, кто *первым* открыл огонь. В этом отношении факт разгона Учредительного Собрания, последовавшего за расстрелом мирных демонстрантов в честь У. С., имел решающее значение. Своей наглядностью и показательностью он убеждал всех колеблющихся, развязывал психологию, давал полное морально-политическое оправдание переходу к военным действиям, возлагал неоспоримую ответственность за пролитую кровь на большевиков. Чтобы вспомнить *тогдашние* на-

строения, достаточно привести слова тогдашнего Горького, всегда чуткого ко всякой перемене политической погоды и крепнущему ветру. «5-ое января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, трусливо, как настоящие убийцы... Я спрашиваю «народных» комиссаров, — обращался Горький к своим бывшим и нынешним друзьям, — среди которых должны же быть порядочные и разумные люди, понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции? Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или пускай всё и все погибнут?»

Последующее показало, что не только малосознательные и анархизированные войной и революцией низы были мало расположены активно защищать и идти *за* Учредительное Собрание. Не больше государственного разума и дальновидности проявили и верхи, весьма, казалось бы, понаторелые во всякого рода политических вопросах и проблемах.

Если даже Пешехоновы не только по своим соображениям, но и по мотивам патриотическим и народолюбивым проглядели исторический смысл и политическое значение сохранения Всероссийского Учредительного Собрания, реально единственно данного; если социал-демократы меньшевики уже в конце 18 года поспешили признать на своем «всероссийском совещании», что «в настоящее время лозунг У. С. может быть использован, как знамя и прикрытие прямой контрреволюции», и потому «за исходный пункт» надлежит принять «советский строй, как факт действительности», то, явно, российская демократия ещё не созрела до того, чтобы иметь, — или, что равнозначно: чтобы уметь защищать — своё Учредительное Собрание.

И, может ли быть, что более показательным для отсталости русской политической культуры, чем мнение дальновидного евразийца Карсавина³¹¹ о том, что «особенно опасным в период окончательного падения коммунизма может оказаться «учредительное собрание», ибо нет уверенности, что «найдется второй Железняк» («Евразийский Временник», V, 56. 1927)*.

* Хронологическое первенство этого взгляда должно быть признано за «Свободной Речью» (екатеринодарский орган партии народной свободы), которая ещё 11. V. 1919 г. предупреждала, что если «на свет Божий выйдет собрание, по-

3

Русская общественность недооценила силы, длительности и пагубности большевистского овладения Россией. Отсюда легкомысленная уверенность, что с большевиками ничего не стоит справиться «в два счета», только бы полу-большевики, родные или двоюродные братья большевиков, не мешали и не мешались. Отсюда и убеждение, что «учредилловцы», да и всякое Учредительное Собрание, лишь препона на пути реального преодоления большевиков и большевизма, — нужны дела, а не слова, войны, а не политики, единоначалие, а не многоглаголание.

Русская общественность недооценила факта существования и сохранения хотя бы «символа», хотя бы «охвостья» Всероссийского Учредительного Собрания, для борьбы против большевиков. Она отвернулась от него, не считаясь с тем, что Учредительное Собрание было единственным правовым источником власти, что вне и взамен его может существовать и длиться только хаос, произвол и усмотрение диктаторов коллегиальных или единоличных. Русская общественность из своего столичного далека проглядела то, что в глубине России, «на местах» и на окраинах было самоочевидно. Она недооценила факта существования Учредительного Собрания для сохранения целостности и единства российской державы.

Центробежные волны пронесли по всей русской равнине, докатившись и не пощадив ни Дона, ни Кубани, ни Сибири. Надо помнить даты. 7-го января было «распущено» большевистским декретом Учредительное Собрание, а 12-го января уже провозгласила свою независимость Эстония; 14-го «отделилась», согласно «четверто-

добное первому (Учредит. Собранию), очевидно, с ним придется поступить по примерку матроса Железняка». — Более поздний вариант Маркова 2-го гласил: «Один Железняк разогнал первое Учредительное Собрание, другой разгонит второе» (См. отчет о собрании «Объединения легитимистов» в парижских газетах: «Возрождение» от 12. XII. 1930 г.).

В большевистском литературном журнале «Звезда» № 3 за 1930 г. некий А. Прокофьев опубликовал поэтическое «Слово о матросе Железнике». В нем, между прочим, говорится:

«Чернов поднимает седеющий кок.

Сзади его стоит Железняков.

Ваша исчерпана партитура.

За Железняковым — диктатура.

Стой, эс-эр, не перечь...».

му универсалу», Украина; 13-го февраля самоопределилась Литва; 17-го марта — Закавказье; и 1 апреля выкинула апрельскую шутку Латвия, — присоединившись на время к Германии — победительнице...

Сколь слабым ни было Учредительное Собрание, как бы ни было обосновано критическое и даже отрицательное к нему отношение, нельзя всё же упускать из виду его непримиримости к большевикам. Революционное по своему происхождению и социалистическое по своему личному составу, большинство Учредительного Собрания не поддавалось антидемократическому соблазну и искушению. Оно твердо стояло на почве демократических принципов и отрицания советской диктатуры. Оно претерпело поражение, но оно осталось себе верным. Демократических начал Учредительное Собрание не предало и не нарушило, а большевиков оно вынудило обнаружить окончательно и пред всем миром их *лже*-демократическую личину и *анти*-демократическую сущность. Как сурово ни оценивать Учредительное Собрание по мотивам партийно-политическим, в историю оно войдет, пусть как неудачное, но, тем не менее, стойкое и непримиримое отрицание большевистской тирании.

Так случилось, что противобольшевистское Собрание состояло в своем подавляющем и активном большинстве из социалистов. И этого факта оказалось достаточно для того, чтобы несоциалистическая общественность забыла, что Собрание — противобольшевистское, и по своему происхождению и титулу власти единственное, ни с чем не сравнимое и незаменимое орудие борьбы с советской диктатурой. Когда борьбу против этой диктатуры вместо Учредительного Собрания возглавили «верховный правитель» Колчак, «царь Антон», барон Врангель, «вождь царского корня» великий князь Николай Николаевич и другие менее крупные, но не более задачливые претенденты на звание не то Бонапарта, не то Мономаха, — им на собственном тяжком опыте пришлось оценить отрицательные стороны произвольного и единоличного возглавления междоусобной борьбы, отсутствие легального титула власти и авторитетного народно-представительного органа. Это давало себя остро чувствовать во время борьбы в России; дает себя знать и за её рубежами. Международное общественное мнение искренне возмущалось большевистской деспотией, но оставалось равнодушным, а часто и враждебным ко всем генеральским и великокняжеским мечтам и попыткам свержения Советов. В отри-

цательном отношении западноевропейской демократии и социалистов к большевизму решающую роль сыграл не столько даже факт захвата большевиками власти в октябре, сколько факт разгона ими Учредительного Собрания в январе. И по сей день большевистские сателлиты на Западе перед западноевропейским общественным мнением вынуждены скрывать и искажать подлинные взаимоотношения между большевистской властью и Учредительным Собранием.

Меньшинство Учредительного Собрания готово было в своё время претерпеть «Учредилку», *если и поскольку* она согласилась бы поставить свой штамп на большевистское декретное творчество. И правое крыло противников большевиков тоже готово было мириться с «Учредилкой», *поскольку* связывало с ней преувеличенные надежды на немедленное свержение большевиков и возможность пожать для себя чужие плоды и труды. Когда же «плодов» Учредительное Собрание не принесло, всю горечь своего разочарования правая общественность обратила против не оправдавших её фантастических расчетов «трусливых учредиловцев», «двуличных социалистов» и постылой «четырёхвостки».

Глубоко поучительно, как легко и быстро отвернулись от преодоления большевизма методом военной диктатуры те самые, которые в течение нескольких лет этот именно метод восхваляли и защищали. Как только «белая мечта» обнаружила на деле свою несостоятельность, многие из наиболее видных её идеологов вернулись на покинутые позиции демократии и Учредительного Собрания.

Когда в конце 1920 г. крымская эпопея закончилась эвакуацией за границу генерала Врангеля со всей его армией и правительством, за рубежом приобрел особую остроту вопрос, как оградить интересы, достояние и достоинство России от заинтересованных в расхищении и расчленении России иностранных хищников. Победа большевиков на всех фронтах гражданской войны выдвигала советскую власть, в качестве единственного и единственно-правомочного представителя России. С другой стороны, представительство за Россию и представительство национальных интересов русского народа ещё с дореволюционных времен монополизировали правые круги русского зарубежья. В противовес тем и другим возник план создания *демократического* органа представительства российских интересов, — органа, опирающегося, хотя бы в прошлом, на формальные полномочия народа, на его доверенность и избрание.

Отдельные члены Учредительного Собрания, волей случая или судьбы очутившиеся за границей, выступали и раньше со всевозможными заявлениями и протестами по поводу обозначившегося признания Европой власти большевиков за «законное правительство России» (см., например, протест группы членов У. С. с.-р. от 14. III. 1920 г.). Крушение Крыма ставило тот же вопрос в более общем виде. И 15 декабря 1920 г. от имени инициативной группы членов У. С. с.-р.-ов за подписью Авксентьева, Керенского и Минора опубликовано было в Париже обращение к «рожденной мартовской революцией республиканской демократической России», которой предлагалось поднять за границей свой независимый голос в защиту национальных интересов России. — «Пока Россия лишена государственных органов, по праву за границей её представляющих, не могут молчать члены Всероссийского Учредительного Собрания. Пусть вне У. С. они не представляют воли народа и не в праве действовать на защиту России». Инициативная группа высказывалась, поэтому, за немедленный созыв в Париже частного Совещания членов У. С., «для разработки форм и средств защиты чести, достоинства и достояния государства российского перед лицом народов всего мира впредь до воссоздания в России законной, свободно самим народом признанной, государственной власти».

Эта инициатива встретила сочувствие и поддержку со стороны находившихся за границей эн-эсов, «Союза Возрождения» и меньшинства к.-д.-ской партии, возглавляемого членами Учредительного Собрания Милюковым, Винавером, Коноваловым³¹² и др. От имени парижского комитета партии последние опубликовали заявление в духе «новой тактики», намеченной Милюковым в сторону решительного отказа от какой-либо связи с явными или скрытыми («непредрешающими») монархистами и реставраторами. Заявление предлагало рассматривать «предложенную группой с.-р меру, как первый шаг на пути сближения враждовавших доселе групп русской общественности и образования объединенного фронта для воссоздания новой русской государственности». Оно выражало уверенность, что намеченное Совещание придет к мысли «об образовании постоянно действующего органа, включающего в свой состав, как группы, представленные в среде членов Учредительного Собрания, так и некоторые другие группы, стоящие на почве признания начал мартовской революции 1917 года и могущие придать такому органу

должную авторитетность и компетентность в представительстве новой России за границей».

Частное совещание членов У. С. состоялось в Париже с 8-го по 21-ое января 1921 г. В нем приняли участие 22 члена У. С. с.-р., 1 н.-с., 5 к.-д., 1 октябрист, 3 представителя татарско-мусульманского населения и 1 — казачьего. Приняв ряд резолюций — об отношении иностранных держав к советской власти, о снятии блокады и торговых соглашениях, о концессиях, раздаваемых советской властью иностранцам, об отторжении отдельных частей российской территории, об отношении к окраинным государственным образованиям и национальностям, Совещание выделило из себя девяти-членную Исполнительную Комиссию. На неё было возложено проведение в жизнь постановлений Совещания и изучение вопросов о положении российских граждан, интернированных за границей, военнопленных и беженцев, равно как и охрана российских прав и имуществ на основании норм международного права.

За полтора года своего существования Исполнительная Комиссия Совещания членов У. С. не пропускала ни одного случая, чтобы не выступить публично в органах западноевропейского и американского общественного мнения или перед соответствующими политическими и общественными деятелями с заявлениями, ходатайствами или протестами по поводу тех или иных событий, касающихся внутренних или внешних интересов России (международной конференции в Генуе, польско-советского договора в Риге, помощи голодающим, положения в тюрьмах и террора в России, «препятствий к доставке продовольствия в Кронштадт» и т. д. — см. «Бюллетени Совещания членов Российского Учредительного Собрания» № 1–3).

Однако, задача, поставленная Совещанием, не была достигнута. Ибо не суждено было осуществиться главной надежде и основной психологической и политической предпосылке самого существования Исполнительной Комиссии, не пробудились здоровые силы демократии в России, не создалось организованное движение против большевиков. Вспыхнувшие было восстания матросов в Кронштадте и крестьян Тамбовской и других губерний центральной России были очень скоро подавлены беспощадным террором большевиков и неслыханным даже в анналах России царем — голодом 21-го года.

Жизнедеятельность Комиссии постепенно стала замирать, пока не была ликвидирована и формально в 22-м году.

Всероссийское Учредительное Собрание прекратило своё существование окончательно и бесповоротно, в целях и в своих «Осколках», в России и за рубежом. Но идея Учредительного Собрания, конечно, не умерла. К ней возвращались *справа*, «белые» вожди, — увы, слишком поздно, в последние трагические минуты своего «водительства». И Колчак, и Деникин, и Юденич, и даже Врангель вынуждены были вернуться к постылой для них идее Учредительного Собрания*, — для того, впрочем, чтобы вновь все позабыть к моменту писания своих мемуаров...

Но к той же идее возвращаются — одни раньше, другие позже — и *слева* те, кто искренне или лицемерно вынуждены порвать с диктатурой коммунистической партии, выродившейся в личный режим. И на наших глазах «бывшие члены ВКП», разорвавшие со Сталиным³¹³, но не отделавшиеся ещё от мифа и призрака «советской формы государственного устройства», связывают свои новые надежды с созывом нового Учредительного Собрания. Одни из так называемых, «невозвращенцев» рассчитывают, что Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, «приведёт к советским формам государства» (якобы только извращенным диктатурой Сталина), другие же — что «свободный, демократически избранный съезд вынесет постановление о созыве Учредительного Собрания» (Двухнедельник «Борьба» № 2. Париж от 10. V. 1930 г.).

Всероссийское Учредительное Собрание явно не удалось, — как «не удалась» и февральская революция, как «не удались» и христианство, по свидетельству Достоевского, и вообще вся человеческая история. Среди многих причин этой великой неудачи были и причины идеологического характера. Слишком затянулся самодержавный

* Ср. ноту адмирала Колчака и его воззвания (о которых выше), речь генерала Деникина на казначьем верховном круге в Екатериноударе в январе 1920 г. и самобытный проект врангелевского учредительного собрания в октябре того же 20-го года.

Подчиненный генералу Юденичу генерал М. Родзянко в печатном воззвании к населению указывал: «Про белые войска говорят разный вздор. Объявляю, что подчиненные мне отряды имеют одну цель: свергнуть большевиков и установить в стране народную власть в лице Учредительного Собрания. Все, кто стоит за Учредительное Собрание в России, должны примкнуть к моим войскам» (см. «Великую Россию», основанную В. Шульгиным, 17. VIII. 1919; В. Маклаков: «La Constituante Russe» в La Revue de France. 15. V. 1921; Георгий Покровский: «Деникинщина». Берлин. 1923. Стр. 269 и др.).

период русской истории и народившаяся ещё при самодержавии русская общественность слишком долго развивалась в атмосфере бесправия и произвола, под прямым влиянием отталкивания и вражды к началам самоуправления и народоправства. Отсюда и характерное для русской общественности *условное* признание демократического принципа и его воплощения — Учредительного Собрания, отношение к ним не как к самоценности, а «постольку-поскольку», в зависимости от места, времени и прочих преходящих обстоятельств и соображений партийной тактики и стратегии.

На следующий день после разгона Учредительного Собрания центральный орган партии с.-р. «Дело Народа» писало: «Мы вчера пережили ещё не полномочное Учредительное Собрание. Это только предисловие к Учредительному Собранию». И, действительно, Учредительному Собранию так и не удалось стать ничем большим, как предисловием к грядущему. Учредительное Собрание умерло, но мы не можем не воскликнуть: — *да здравствует Учредительное Собрание!*

Только через Учредительное Собрание может Россия придти к свободе и благосостоянию. Только этим путем, перестав быть советской, Россия не станет и евразийски-великорусской, не сведется к пределам евразийской Великороссии!

«К Учредительному Собранию Россия придет после долгих и тяжелых блужданий по песчаной и безводной пустыне анархии», — почти пророчески писал, ещё до октябрьского переворота, безвременно скончавшийся от советского сыпняка проф. В. М. Гессен. Она придет к нему измученная и обессиленная, растерявшая по пути значительную часть революционных иллюзий. Она придет к нему охваченная стремлением к порядку и жаждой власти. При таких условиях Учредительное Собрание окажется в такой мере авторитетным и могущественным, что о каком бы то ни было противодействии его воле не может быть и речи» («Русское Учредительное Собрание и выборы в него». — Петроград. 1917). — Что в 17-м году проф. Гессену представлялось исключительной возможностью — «не может быть», то в опыте пережитого кажется уже категорической необходимостью — никакого противодействия и *не будет*».

Что идея Учредительного Собрания, в известном смысле, «вечна», и что вне его вообще нет выхода для России — весь вопрос лишь во времени, — поняли и не порвавшие с властью очередного партийного

диктатора большевики «партийцы». Только до времени это своё понимание они держат под спудом.

— Ведешь дневник? — спрашивал Радек³¹⁴ Каменева³¹⁵ в 1921 году. Так запиши, что я тебе скажу! Мы идём к возрождению капитализма и Учредилке! Так будет, потому что иначе и быть не могло. Я был прав» («Известия» от 1. XI. 1927 г.)...

Да, так будет, потому что иначе и быть не могло!

И когда *это* будет, станет ясным и то, что права была демократия, а не те, кто боролись против неё слева и справа. И тогда оправдано будет и Всероссийское Учредительное Собрание первого созыва³¹⁶.

КОММЕНТАРИИ

Книга печатается по изданию: *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж: Современные записки, 1932. — 238 с.

¹ Первая российская Конституанта — Всероссийское Учредительное Собрание, его подготовка, созыв и последующая трагическая судьба, стала символическим событием русской революции 1917 г. В концентрированном виде оно выразило крушение российского старого порядка в ходе Февральской революции и одновременно крушение надежд, связанных с созданием основ демократического республиканского строя; последующую борьбу демократических сил за возвращение к правовому порядку, которая не завершилась до настоящего времени. Место Октябрьской революции в истории России может быть определено в широком и узком смысле. В широком смысле (учитывая все последствия данного события) — это цивилизационная катастрофа: отказ от правового европейского пути развития, ретрадиционализация общества (переход его из XX века в XVII-й, по словам Милюкова); разрушение институтов гражданского общества и политической демократии, созданных Февральской революцией и всем предшествующим развитием, начиная с реформы 1861 г. и даже с Петра Великого. В узком смысле — это государственный переворот, осуществленный вооруженным путем, направленный на ликвидацию демократической власти и установление однопартийной диктатуры. Суть переворота — не допустить созыва Учредительного Собрания, способного установить прочную конституционную основу новой государственности. Более жесткая формула такова — это переворот, направленный на срыв Учредительного собрания и правовых форм социально-политической модернизации.

Значение Учредительного собрания определяется, прежде всего, кругом вопросов, которые потенциально могли и должны были быть вынесены на его решение — принятие новой конституции и основных законов; закрепление фундаментальных прав человека и возможной их правовой защиты (обсуждение российской «Декларации прав человека и гражданина»); сохранение единства государства постимперского периода и выбор конституционно-правовой модели территориально-политического устройства (федеративной, унитарной или автономистской); определение формы правления и структуры политического режима (парламентская, президентская или смешанная республика); принятие избирательного законодательства для формирования постоянных органов власти (пропорциональная, мажоритарная или смешанная системы); наконец, решение ряда вопросов переходного периода — об объеме и продолжительности действия прерогатив Учредительного собрания; порядке его отношений с Временным правительством; передаче полномочий высшим органам кон-

ституционной власти по окончании своей деятельности. Наряду с этим Конституанте пришлось бы решать вопросы, встающие перед всякой суверенной властью в критической ситуации – восстановления правовой преемственности, нарушенной в результате революции; войны и мира; преодоления хозяйственной разрухи; реформ армии и полиции; подавления экстремистских выступлений как левого, так и правого направлений.

С другой стороны, Учредительное собрание получало юридически неограниченную власть для решения этих вопросов. В отношении объема компетенции Конституанты существовали различные позиции: от полного отрицания его необходимости, до наделения его абсолютной властью по образцу самодержавия. Доминирующей стала теория самоограничения конституирующей власти, которая, с одной стороны, признавала ее неограниченный характер, но, с другой, отстаивала идею о том, что Собрание должно само ограничить свою власть во времени. Эта конструкция, предложенная конституционными демократами, исходила из опыта революций прошлого и стремилась противостоять двум крайностям — тирании большинства (имевшей место в период диктатуры якобинского Конвента во Франции) и диктатуре бонапартистского типа (неоднократно приводившей к реставрации монархии). Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Учредительное собрание как политический институт переходного периода // Отечественная история. 2008. № 2. С. 3–29.

² Аристотель считал, что человек, как существо от природы предназначенное к социальной жизни, может достичь полного развития своих способностей только в общегитии, высшей формой которого является государство. Следовательно, общество в известном смысле предшествует человеку, определяя характер его формирования. Этот вывод, основанный на натуралистической трактовке естественного права, определил подход Аристотеля к государству и анализу смены его форм, представленному в его «Политике».

³ Платон являлся создателем теории идеального государства. Согласно его философии первичным и неизменным является мир абстрактных идей, а их воплощением становятся единичные и преходящие вещи. Переноса этот подход на изучение общества, Платон в таких сочинениях, как «Государство» и «Законы» конструировал идеальное государство, построенное на принципах разума, возглавляемое философами, которые должны разработать совершенное законодательство. Выводя совершенное общество из абстрактной идеи блага, Платон представлял его как закрытую, отделенную от внешнего мира, четко иерархизированную социальную корпорацию, функционирующую на основании четко отлаженной системы административного регулирования, принуждения и контроля со стороны жестких законов. В этом обществе реализуется принцип высшей справедливости, поскольку люди, наделенные от природы неодинаковыми способностями, будут заниматься лишь теми общественно-полезными

делами, которых требует от них государство. Платон считал наилучшей формой правления для идеального государства — неограниченную власть мудреца над совершенно пассивной подчиненной массой граждан. Совершенному правлению Платон противопоставлял несовершенное, которое в свою очередь подразделяется на законное и незаконное. В соответствии с числом лиц, находящихся у власти, он выделял следующие формы несовершенного правления: монархия, аристократия и демократия, ограниченная законом, а также их противоположности — тирания, олигархия и неограниченная законом демократия. Основной причиной смены форм правления Платон считал биологическую деградацию правящего класса в результате смешения его с менее достойными людьми из низших слоев общества, последовательное преобладание которых определяет направленность перемен. Наихудшими формами правления являются при этом те, которые представляют крайние начала, т.е. демократия, для которой характерна острая социальная борьба различных классов населения, и тирания, где господствует воля одного человека, причем обе эти формы генетически связаны между собой, поскольку тирания возникает из демократии, доведенной до крайности. В идеях Платона некоторые исследователи усматривают прообраз тоталитарного государства.

⁴ *Цицерон* (Cicero) Марк Туллий (106 — 43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель. Сыграл решающую роль в подавлении антиреспубликанского заговора Катилины. Его речи, сочинения по философии и письма являются высшим достижением римской политической культуры.

⁵ *Полибий* (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — автор «Истории», охватывающей события в Греции, Македонии, Малой Азии и Риме. Разрабатывал концепцию циклической смены форм правления, являлся сторонником смешанной формы правления, воплощение которой находил в римских институтах.

⁶ *Фома Аквинский* (Thomas Aquinas) (1225–1274) — св., один из отцов Церкви, автор классического богословского труда — «Сумма теологии». Оказал влияние на формирование теории естественного права и концепцию легитимного правления.

⁷ *Монархомахи* (monarchomachi) — противники монархии, писатели и публицисты из протестантской среды, выступившие после Варфоломеевской ночи и в ходе религиозных войн во Франции и других странах Европы, выдвинувшие новую трактовку общественного договора и монархической власти. Помимо теологических споров, основным предметом их обсуждения являлась теория общественного договора. Если выразить аргументацию монархомахов одной формулой, то она состоит в следующем: король, отступающий от традиционных правил и норм, есть тиран; тиран, однако, есть незаконный правитель, выступление против которого не только дозволяется, но и необходимо. На этом основании покоились два ключевых положения теории монархомахов: о легитимном правле-

нии и, соответственно, его антитезе — тирании и о легитимном сопротивлении власти. В этой теории формально народ выступает как суверен, обладатель верховной власти, а правитель — как исполнитель его воли, выразитель общих настроений.

⁸ Теория общественного договора — философская теория, объяснявшая возникновение современного гражданского общества и государства заключением договора между индивидами (Тоббс и Локк) или между обществом и властью (Руссо и Монтескье). Несмотря на метафизический характер теории (которая не подтверждается историческими фактами), она оказала преобладающее влияние на становление конституционных систем. Важнейшим выводом из этой теории признавалось существование основного закона — конституции, которая и рассматривалась в качестве письменной фиксации общественного договора. Этим объяснялась и структура конституций, включавших в себя декларации прав человека и гражданина как важнейший элемент договора. В настоящее время договорная теория в измененном смысле используется для описания путей достижения консенсуса в расколотом обществе (теория рационального выбора, консociативная демократия и др.) на основе заключения договора между противостоящими сторонами (общественными движениями, партиями или их лидерами) о верности известным принципам, соблюдении правил и процедур в условиях переходного периода от авторитаризма к демократии. Подробнее см.: *Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе*. М., 1997.

⁹ Суверенитет — верховная власть государства, независимость во внешних и верховенство во внутренних делах. Суверенитет, согласно классическому определению Ж. Бодена, есть абсолютная и постоянная власть государства. Абсолютность суверенитета означает, что власть предоставляется вне каких-либо условий и ограничений. Признаками суверенитета являются: власть давать законы всем вообще и каждому в частности; решать вопросы войны и мира; назначать должностных лиц; право суда в последней инстанции; право помилования. Атрибуты суверенитета неделимы, однако его политическая реализация может быть различна и зависит от формы правления — монархии, аристократии и демократии. Проблема государственного суверенитета постоянно была в центре философии права. Теория гражданского общества, правового государства и суверенитета от Канта и Гегеля до Кельзена и Карре де Мальберга, разработанная европейской либеральной философией права, давала ответ на основные вопросы, поставленные в европейской (особенно германской) правовой мысли периода перехода от абсолютных государств к представительной форме правления и от унитарных государств к федеративным. В литературе рассматриваемого периода наиболее авторитетное изложение теории суверенитета можно найти у Еллинека в его «Общем учении о государстве». Однако в настоящее время в литературе дебатруется вопрос

о том, насколько теории предшествующего времени могут быть использованы для изменившейся реальности, в связи с процессом объединения Европы, в частности: должно ли это объединение иметь статус союза государств, конфедерации или федерации или, возможно, представляет какую-либо новую, оригинальную форму, еще не известную теоретикам права; должны ли в этом объединении преобладать нормы международного права (предполагающие равенство государств-членов независимо от их размеров и мощи) или принципы конституционного права (допускающие возможность различного представительства от регионов в едином наднациональном центре); получит это образование симметричный или асимметричный характер (включая сюда проблемы бюджетного федерализма, представительства от регионов и национальных меньшинств). Наконец, сохраняет значение главный вопрос: как следует интерпретировать понятие суверенитета. На фоне дискуссий о европейской интеграции и перспектив единой европейской конституции выдвигаются концепции пересмотра основных параметров суверенитета — его абсолютности, неделимости и неограниченности. Понятие «ограниченного суверенитета», однако, несет в себе известное противоречие.

¹⁰ *Суарец* (Suarez) Франциск (1548–1617) — испанский философ, схоластик. Опирался на учение естественного права и заложил основы концепции договорных отношений между обществом и властью. Считал, что верховная власть принадлежит народу, а монарх является его делегатом и должен, поэтому, соотносить свои действия с его волей. На этом основывалась идея легитимности правления: по отношению к тирану и узурпатору народ вправе оказать сопротивление, используя все возможные меры вплоть до убийства.

¹¹ Наибольшую известность среди монархологов получили: преемник Кальвина в Женеве — Теодор Беза (1519–1602), автор сочинения «*De jure Magistratuum*» (1576); военачальник и политический писатель, доверенное лицо и дипломат Генриха IV Филипп Дюплесси-Морнэ, автор памфлета — «*Vindiciae contra tyrannos*» (1579), подписанного псевдонимом Stephanius Junius Brutus; профессор в Лозанне, Страсбурге и Базеле Франсуа Отман (1524–1590) — советник Кондэ и историограф, автор «*Tranço Gallia*» (1573); а также Хубер Ланге (1518–1581). В сочинениях монархологов нашли развитие идеи естественного права. Некоторые усматривают в их положениях элементы теории общественного договора. Монархические режимы, нарушающие естественные права подданных (такие, как свобода совести, право частной собственности, отказ в справедливом суде), — рассматривались ими как тиранические и против них допускалось вооруженное сопротивление.

¹² Варфоломеевская ночь — массовое истребление гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея) в Париже, организованное Екатериной Медичи.

- ¹³ *Генрих III* (1551–1589) — французский король с 1574 г. Боролся с Генрихом Наваррским и Гизами. Убит монахом — сторонником партии Гизов.
- ¹⁴ Петиция о правах (Petition of rights) — один из главных источников английской конституции. 7 июня 1628 г. король Карл I подписал поданную ему от обеих палат петицию, в которой были жалобы на произвольный сбор налогов, нарушения неприкосновенности личности граждан, «произвольные» военные суды и военные постой.
- ¹⁵ Habeas corpus act — один из основных конституционных актов Великобритании, принят в 1679 г. Гарантировал процессуальные права граждан, устанавливал правила ареста и привлечения обвиняемого к суду.
- ¹⁶ Билль о правах (Bill of rights) 1689 г. — один из основных законов английской конституции, парламентский акт, завершивший революцию 1688 г. и подтвердивший права и вольности английских граждан.
- ¹⁷ *Локк* (Locke) Джон (1632–1704) — английский философ и политический мыслитель. В «Опыте о человеческом разуме» (1690) разработал эмпирическую теорию познания, отвергавшую существование врожденных идей и обосновывавшую исключительно опытное происхождение человеческого знания. С позиций эмпиризма и сенсуализма развивал учение о первичных и вторичных качествах и конструировал теорию образования общих идей — абстракций. Наряду с Гоббсом стал основателем теории общественного договора, однако дал другую ее интерпретацию. Переход из естественного состояния в гражданское (через заключение общественного договора) связывался им с необходимостью создания объективного и справедливого правосудия. Локк, поэтому, внес определяющий вклад в создание теории гражданского общества и правового государства, обоснование теории разделения властей, парламентаризма и прав человека. Эти идеи изложены им в работе «Два трактата о правлении», где дана критика патриархальной теории государства и подведены итоги Славной революции в Англии 1688 г. Локк рассматривается как один из основоположников либерализма и конституционной демократии.
- ¹⁸ *Монтескье* (Montesquieu) Шарль Луи (1689–1755) — великий французский философ, просветитель, правовед, автор знаменитого труда «О духе законов» (1748), где была выдвинута новая интерпретация естественного права, общественного договора и государства. На основании широких сравнительно-исторических исследований Монтескье разработал типологию обществ в соответствии с рядом критериев как социально-политического, так и естественно-исторического и географического характера. Согласно этой типологии, все общества различаются, во-первых, формой правления, во-вторых, его природой, в-третьих, принципом правления, а также совокупностью параметров, связанных прежде всего с географическим положением страны — ее величиной, климатом, общими свойствами, характером жизни народа, его численностью, благосостоянием, религией, нравами и обычаями. Кроме того, существенное

значение могут иметь, так сказать, субъективные факторы — обстоятельства возникновения государства, роли законодателя, порядок, на котором государство утверждается. Все эти критерии сравнения объединяются единым интегрирующим понятием — «дух законов», которое и вынесено в заглавие его труда. Монтескье признается, поэтому, одним из основателей сравнительного метода и политической науки, важнейший вклад в которую внесла его концепция разделения властей как основного инструмента предотвращения концентрации власти и возникновения тирании.

¹⁹ Декларация независимости США — принята 4 июля 1776 г. Вторым Континентальным конгрессом в период войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. Провозглашала отделение Северо-американских колоний от метрополии — Великобритании, и образование независимого государства — США. Выразила философские идеи естественного права и основанные на них права человека.

²⁰ Классический пример создания нового политического образования — Английской колонии Новой Англии в Северной Америке — на основе заключения договора. Эмигранты-колонисты, известные в английской истории под именем «отцов-пилигримов», еще на пути из Европы в Америку на корабле «Mayflower» (Ландыш) заключили письменный договор об учреждении государства и, по прибытии на место, осуществили его. Данный пример рассматривался некоторыми как своеобразное историческое подтверждение теории общественного договора, в целом имевшей, однако, вполне метафизический характер.

²¹ *Яков I* (James) (1566–1621) — английский король с 1603 г., шотландский король (под именем Якова VI) с 1657 г. Из династии Стюартов, сын Марии Стюарт. Сторонник абсолютизма, в правление которого обострились противоречия между короной и парламентом.

²² *Руссо* (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель и философ, автор знаменитого труда «Об общественном договоре», где дается обоснование принципа народного суверенитета. Общественный договор интерпретируется Руссо (в отличие от Гоббса и Локка) не как договор между индивидами, но как соглашение между обществом и государством. Если государство не выполняет условий договора, нарушая права народа, то последний вправе выступить против монарха и установить непосредственное правление народной воли. Эта доктрина стала обоснованием Французской революции и якобинской диктатуры.

²³ *Пуфендорф* (Pufendorf) Самуил (1631–1694) — немецкий философ права, испытавший влияние Гроция и Гоббса, профессор в Гейдельберге и Берлине, видный представитель теории естественного права, сыгравший существенную роль в его отделении от богословия. Его концепция естественного права и общественного договора базировалась на эмпирическом изучении природы человека и договорных отношений и взаимных

обязанностей между индивидами. В трудах по теории права, немецкому и римскому праву обосновывал абсолютистскую систему государственного устройства. Пользовался популярностью в России XVIII в.

²⁴ *Вольф* (Wolff) Христиан (1679–1754) — немецкий философ-систематик, осуществивший рационалистическое переосмысление категориального аппарата философской науки своего времени. Профессор в университетах Галле и Марбурга (где в числе его учеников был Ломоносов). Его воззрения испытали влияние философии Декарта и Лейбница, от последнего он унаследовал стремление к построению всеобъемлющей системы философского знания, а также ряд идей в области метафизики, логики, теории познания и психологии. Обосновывал разделение теоретического и эмпирического, чистого и прикладного знания. В учении об этике принципы естественной морали считал объективными нормами, вытекающими из самой структуры бытия и не зависящими от воли Бога. Внес существенный вклад в новую интерпретацию теории естественного права, общественного договора и обоснование с этих позиций просвещенного абсолютизма. Подробнее о взглядах Вольфа см.: Staatsdenker im 17. und 18. Jahrhundert. Reichspublizistik. Politik. Naturrecht. Frankfurt am Main, 1987.

²⁵ Филадельфийский Конвент проходил с 14 мая по 17 сентября 1787 г. в закрытом режиме, разработал и принял действующую Конституцию США от имени американского народа. Состав Конвента не был достаточно представительным: из назначенных в него 74 делегатов лишь 55 участвовали в работе, ряд из них покинул Конвент до его закрытия, и только 39 поставили свои подписи под текстом Конституции. Принятая 17 сентября 1787 г. Конституция, текст которой был разработан на основании проекта Дж. Медисона, была передана в Континентальный конгресс, который направил ее законодательным собраниям штатов для ратификации конвентами штатов. Конституция после упорной борьбы федералистов и антифедералистов, была ратифицирована конвентами штатов.

²⁶ Террористы 1793 г. — это якобинцы. Якобинский режим — революционная диктатура, установленная во Франции в результате восстания 31 мая–2 июня 1793 г. Французская конституция 24 июня 1793 г. внешне выступает как самая демократичная в истории французского конституционализма. На практике конституция не вступила в действие, а якобинская диктатура, которой стремились подражать большевики, осуществляла жестокое подавление оппозиции, используя для этого массовый террор. Она была свергнута в результате термидорианского переворота 27/28 июля 1794 г.

²⁷ Вульгата (vulgate) — перевод на латинский язык библии, принятый католической церковью. Здесь: в переносном смысле.

²⁸ *Мирабо* (Mirabeau) Оноре Габриель Рикети (1740–1791) — граф, деятель Французской революции, был избран депутатом в Генеральные штаты 1789 г. от 3-го сословия. Приобрел популярность обличениями абсолю-

тизма. По мере развития революции Мирабо, сторонник конституционной монархии, стал стремиться остановить ее. С 1790 г. — тайный агент королевского двора.

²⁹ *Шатобриан* (Chateaubriand) Франсуа Рене де (1768–1848) — французский писатель, романтик, один из основоположников консерватизма как идеологии, автор книг по вопросам религии, политики, в частности — о конституционном строе периода Реставрации, обосновывал принципы конституционной монархии.

³⁰ *Бруно* (Bruno) Джордано (1548–1600) — итальянский философ-пантеист и поэт. Выступал против учения Аристотеля в его средневековой схоластической интерпретации, развивая неоплатонические идеи о едином начале и мировой душе. Восприняв представления Николая Кузанского и гелиоцентрическую космологию Коперника, выдвигал идею о бесконечности Вселенной и бесчисленном множестве миров в ней. Был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме. Автор трудов «О причине, начале и едином», «О бесконечности вселенной и мирах», «О героическом энтузиазме».

³¹ *Гус* (Hus) Ян (1371–1415) — ректор Пражского университета, идеолог чешской Реформации. Осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

³² *Мюнцер* (Münzer) Томас (ок. 1490–1625) — предводитель Крестьянской войны 1524–1626 гг. в Германии. После подавления восстания казнен.

³³ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. — политический и правовой манифест Французской революции, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г. Провозглашала неотъемлемыми правами человека свободу личности, слова, совести, равенство граждан перед законом, право на сопротивление угнетению. В области конституционного права вводила принципы народного суверенитета и разделения властей, объявляла неприкосновенной частную собственность. Декларация прав человека и гражданина, открывавшая Французскую конституцию 1793 г., включала ряд новых норм, расширявших социальные права и гарантии, в частности, вводивших свободу занятия любым видом трудовой деятельности и предпринимательства (ст. 18), запрет рабства (ст. 18), помощь неимущим (ст. 21), гарантии права на образование (ст. 22).

³⁴ *Сийес* (Sieyès) Эммануэль Жозеф (1748–1836) — французский политический деятель эпохи революции, аббат, член Национального собрания и выдающийся оратор. Приобрел известность брошюрой «Что такое третье сословие?» (1789), в которой отстаивал права этого сословия на власть. В 1797 г. — президент Совета пятисот, в ходе переворота 18 брюмера поддержал Бонапарта и затем стал одним из трех консулов, впоследствии при империи — президентом Сената. Сийес активно участвовал в разработке основных конституций Французской революции, приспособляя их содержание к изменявшейся политической обстановке, что современники рассматривали как проявление цинизма.

³⁵ *Мабли* (Mably) Габриель Бонно де (1709–1785) — французский идеолог равенства и коммунизма.

³⁶ Причиной нестабильности конституционного развития Франции является объективное противоречие двух основных принципов — народного суверенитета и представительного правления. Конституция 1791 г. является одной из наиболее последовательных в реализации обоих принципов — проведении народного суверенитета, представительного правления, а также вытекающих из последнего идей разделения властей и конституционной монархии. Она дает классическую модель договорной конституции, которой в этом смысле обычно противопоставляются октроированные конституции ограниченных монархий XIX в. Однако, несмотря на свою цельность, Конституция 1791 г. была построена на внутренне противоречивых и даже взаимоисключающих основаниях, что обрекало ее на недолговечность в условиях революции. Последующее развитие революционного процесса могло идти лишь по пути разрушения установившегося баланса властей, абсолютизации значения одной из них — законодательной или исполнительной. Первая тенденция наиболее полно реализовалась в якобинской конституции 1793 г. (которая так и не вступила в действие), вторая стала реальностью в конституции Директории 1795 г. и, особенно, в бонапартистской конституции 1799 г. и серии последующих законодательных актов, приведших к установлению единоличной власти Первого консула и империи. В первом случае полностью реализовался потенциал доктрины народного суверенитета, в последнем — принцип представительства, доведенный до логического предела (нация представлена одним лицом — императором). Подобная ситуация затем неоднократно повторялась в истории Франции, ведя к смене республиканских форм правления — монархическими (Вторая империя) или авторитарными. На этом основании можно говорить о цикличности развития французского конституционализма. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.

³⁷ Французская конституция 24 июня 1793 г. внешне выступает как самая демократичная в истории французского конституционализма. Она, следуя учению Руссо, не только провозглашает верховную власть народа, осуществляемую путем всеобщей подачи голосов, но и организует эту верховную власть таким образом, чтобы народ не передавал вполне своих полномочий представительным органам, а участвовал сам в создании законов посредством права вето, которое превращало народ, созданный в первичные собрания, в настоящий сенат Французской республики, согласно пожеланиям радикальных сторонников демократии. Однако Конституция, будучи принята на плебисците, вскоре была приостановлена на неопределенное время под предлогом ведения войны. Одной из причин этого стала недоработанность Конституции с юридической точки зрения, другой — ее практическая неосуществимость в условиях якобинской

диктатуры (Подробнее см.: *Олар А.* Политическая история Французской революции. СПб., 1902).

³⁸ Конституция III года — Конституция Директории 1795 г., принятая после свержения якобинской диктатуры и стремившаяся преодолеть ее последствия. Она отменяла всеобщее избирательное право, восстанавливала систему цензов и вводила более жесткое разделение властей.

³⁹ *Лафайет* (Lafayette) Мари-Жозеф-Поль-Рок-Ив-Жильбер-Матье (1757–1834) — маркиз, французский генерал и политический деятель. В 1776–1784 гг. сражался за свободу американских колоний во главе отряда французских добровольцев. В 1789 г. член Генеральных штатов, предложил первый проект Декларации прав человека; в 1789–1791 гг. начальник национальной гвардии. В 1792–1797 гг. находился в австрийской тюрьме. Впоследствии член палаты депутатов (1818–1821 и 1825–1830), где принадлежал к оппозиции. В 1830 г. принял командование национальной гвардией, содействовавшей призыванию Луи-Филиппа, но, в результате несогласия с его политикой, вышел в отставку. Автор изданной переписки и мемуаров.

⁴⁰ *Боржо Ш.* — французский исследователь Учредительных собраний. Его книга «Учреждение и пересмотр конституций» (М., 1905) выдержала несколько изданий и пользовалась известностью у русских конституционалистов рассматриваемого периода.

⁴¹ *Лабулэ* (de Laboulaye) Эдуард Лефевр (1811–1883) — французский ученый, публицист и политический деятель, профессор истории, академик. В 1871–1876 гг. член Национального собрания, с 1877 г. — сенатор, республиканец, автор трудов по государствоведению, политике и праву.

⁴² Созыв всеобщих Учредительных собраний, становившихся воплощением народного суверенитета, действительно рассматривается как одна из отличительных черт французской конституционной традиции I–IV Республик. Отступление от нее стало возможно лишь при переходе к Пятой республике, когда конституция разрабатывалась экспертами (а не Конституантой) и была вынесена на всенародный референдум генералом де Голлем.

⁴³ *Лефевр* (Lefebvre) Жорж (1874–1959) — французский историк, автор фундаментальных трудов по истории Великой французской революции.

⁴⁴ *Людовик XVI* (1754–1793) — французский король в 1774–1792 гг. Свергнут восстанием 10 августа 1792 г. Осужден Конвентом и казнен.

⁴⁵ Третья республика во Франции существовала наиболее длительное время (1870–1940). Соперничество двух династий — Орлеанской и Бурбонской после падения Второй империи в 1870 г. сделало невозможным выдвижение единого кандидата на престол. Вследствие этого возникла ситуация политической нестабильности, разрешившаяся установлением Третьей

Французской республики в 1870 г. Первоначально предполагалось ввести модель конституционной монархии по британскому образцу, однако затем (при отсутствии единого кандидата на престол) восторжествовала республиканская форма правления, характеризовавшаяся приоритетом парламентской составляющей. Это привело к формированию особого режима ассамблеи, отличительной чертой которого стал сильный парламент (точнее, политические партии) и слабая исполнительная власть. На начальном этапе существования республики тенденция к восстановлению монархии отчетливо проявилась в поиске лидера, способного установить режим личной власти. Это нашло выражение в деятельности первого президента республики — маршала Мак-Магона (Mac-Mahon) Мари-Эдм-Патрис-Мориса, герцога Маджентского. В 1873 г. он был избран президентом республики на 7 лет. Стремился к восстановлению монархии, но после упорной борьбы с палатой депутатов сложил свои полномочия в 1879 г. Тем не менее, 7-летний президентский мандат сохранялся и в дальнейшем. Он существовал и в действующей ныне Пятой республике до 2000 г., когда, в результате поправки к конституции, был заменен 5-летним мандатом.

- ⁴⁶ Конституция Второй испанской республики (1931), представляя собой типичный продукт правовой мысли Европы между двумя мировыми войнами, отличалась социальным и демократическим характером. В условиях общественно-политического раскола и перспективы гражданской войны, уничтожившей республиканский режим, она четко фиксировала ряд тем, оказавшихся наиболее острыми в идеологических и конституционных дебатах. Это — религиозная тема (конституция провозгласила светский характер государства, подорвав традиционные позиции церкви в вопросах свободы культов, образования и разводов); региональная тема (составители конституции, отказавшись от традиционных формул об унитарном и федеративном государстве, вводили новое компромиссное и потому неопределенное понятие «интегрального» государства); социальная тема (отразившаяся в понятии «республики трудящихся всех классов», которое отражало влияние идеологической лексики русской революции). Конституция вводила своеобразную формулу смешанной (парламентско-президентской) формы правления, которая, однако, была ближе к парламентским режимам той эпохи. В ходе ее разработки решалась проблема рационального соотношения властей. Эта конструкция, однако, не исключала феномена двойной легитимности (парламента и президента), что в условиях социального и конституционного кризиса могло привести к обострению конфликта властей. Как и во Франции того же периода (Третья республика), в Испании не была реализована принципиально новая конституционная модель разделения властей. В конечном счете в Конституции 1931 г. был закреплён смешанный порядок выборов президента — Кортесами и своеобразной коллегией выборщиков, что де-

лало легитимность его власти несопоставимой с той, которой располагал парламент. Как и для других парламентских режимов межвоенного периода, для Испании был характерен крайне высокий уровень правительственной нестабильности. Так, между 14 апреля 1931 г., когда было сформировано Временное правительство Республики, и 31 мая 1936 г., когда было сформировано последнее правительство перед началом гражданской войны, в Испании насчитывалось 18 правительств, действовавших в продолжение менее пяти лет.

⁴⁷ *Karpe de Мальберг* (Carré de Malberg) Раймон — известный французский юрист, создатель общей теории государства, рассматривавшей последнее как единое организованное человеческое сообщество, наделенное властью принуждения.

⁴⁸ *Гессен* Владимир Матвеевич (1868–1920) — мыслитель, правовед, общественный деятель, активный участник конституционного движения XIX — начала XX в. Профессор государственного и административного права в различных учебных заведениях. Участник всех основных событий либерального оппозиционного движения: через троюродного брата — И. В. Гессена, установил контакты с земским движением и кружком «Беседа»; входил в состав либеральной организации Союз освобождения, являлся участником земских съездов 1904–1905 гг. Один из авторов проекта Основного закона Российской империи. Участвовал в создании кадетской партии, стал ее членом в 1905 г., а затем вошел в состав ее ЦК (1906). Являлся одним из редакторов и издателей наиболее известных либеральных правовых журналов — «Право» и «Вестник права», автором статей в газете «Речь». Первый номер газеты «Право», вышедшей 8 ноября 1898 г., открывался его программной статьей. Участвовал в важнейших либеральных изданиях, таких как «Великие реформы 1850-х гг. в прошлом и настоящем»; «Конституционное право»; «Судебная реформа»; «Мелкая земская единица», «Политический строй современных государств», которыми закладывались теоретические основы русского либерализма и конституционализма. Был избран депутатом II Государственной думы, входил в ряд комиссий: редакционной (председатель), об отмене военно-полевых судов (председатель), о неприкосновенности личности, по местному управлению и самоуправлению (председатель). Он выступал по законопроекту «Об отмене военно-полевых судов», о Наказе, об амнистии, с докладами об отмене смертной казни, о неприкосновенности личности. После Февральской революции 1917 г. вошел в состав Особого совещания для подготовки проекта положения о выборах в Учредительное собрание, был назначен сенатором. Гессен являлся членом Предпарламента — Временного совета Российской Республики от кадетской партии. После октября 1917 г. был уволен из всех учебных заведений Петрограда, уехал преподавать в Иваново-Вознесенск, где и умер.

Теоретический вклад Гессена прослеживается в таких областях, как философия права; теория правового государства и прав личности; русское конституционное (государственное) право, административное право. Его особенно интересовали вопросы, ставшие актуальными в период конституционной революции начала XX в. — логика правовых изменений, соотношение конституирующей и конституционной власти, институт исключительного (чрезвычайного) положения, политические институты в условиях переходных процессов. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* В. М. Гессен и теория перехода: от авторитаризма к демократии и от демократии к авторитаризму // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4(57). С. 176–188.

⁴⁹ *Нольде* Борис Эммануилович — юрист, специалист по государственному праву, в 1917 г. — член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Позднее — эмигрант, печатался в «Современных записках».

⁵⁰ *Ферреро* Г. — итальянский историк, автор известного труда «Величие и падение Рима» (есть современное русское издание: М., 1998).

⁵¹ *Кельзен* (Kelsen) Ганс — австрийский юрист, в 1917–1940 гг. профессор Венского, Кёльнского, Женевского университетов, с 1942 г. — Калифорнийского университета. Один из основателей нормативизма — направления юридической философии, считающего, что понятие права должно быть ограничено исключительно совокупностью норм, действующих в данный момент. С этих позиций выступал с критикой как теории естественного права, так и тех позитивистских доктрин, которые считали правомерным социологический подход к праву. Разработал концепцию «чистого учения о праве», ставшую одной из магистральных в философии права XX в. Важен практический вклад Кельзена в разработку теории и практики континентальной модели конституционного правосудия, которая лежит в основе работы конституционных судов многих стран Европы. Система правовых норм в континентальной правовой системе (в отличие от англо-саксонской), полагал Кельзен, характеризуется внутренней гомогенностью и взаимосвязанностью, проявляющейся в иерархии уровней правового регулирования, вершину которой составляет Основной закон (конституция). Цельность всей системы и механизм ее функционирования определяется наличием особой и единой высшей инстанции конституционного контроля законов, которой является конституционный суд. Данная концепция, представлявшая собой антитезу американской модели по всем важнейшим параметрам, стала теоретическим основанием европейской системы конституционной юстиции. После крушения коммунизма эта модель была распространена на страны Центральной и Восточной Европы, а также на Россию. См.: *Медушевский А. Н.* Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменения конституций в странах Восточной

Европы // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. М., 1999.

⁵² *Берк* (Burke) Эдмунд (1729–1797) — английский публицист и философ, сторонник вигов, автор сочинений в поддержку независимости Америки и против идей Французской революции, один из основоположников консерватизма как политического течения. См.: Берк Э. Правление, политика и общество. М., 2001.

⁵³ *Де Местр* (De Maistre) Жозеф Мари (1753–1821) — французский писатель и публицист эпохи Реставрации, автор трудов о суверенитете, принципах конституционного права и политическом развитии после наполеоновской Европы. Является одним из основоположников консервативной идеологии и критиком политических теорий просветителей и Французской революции. Считается, что он предсказал Реставрацию монархии во Франции. Консерватизм может быть истолкован как реакция на рационализм Просвещения и связанную с ним практику радикального переустройства общества, в результате которой была разрушена традиционная система старого порядка (абсолютизма, привилегий аристократии и духовенства). Характерными чертами консервативной идеологии признаются: полное неприятие революционной ломки социального строя и легитимирующих ее доктрин общественного договора и народного суверенитета, отрицание рационалистической философии Просвещения, историзм как антитеза абстрактным конструкциям теоретиков естественного права, глубокий пессимизм в отношении природы человека, а также вытекающая из этого апология веры и монархии. О консерватизме и его российских адептах см.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

⁵⁴ Речь идет о консервативных немецких юристах-романтиках конца XVIII — 1-й трети XIX в., создавших философские системы права, в которых подчеркивалось место традиции, сословных отношений и монархической государственности. Взгляды наиболее известного из них Адама Мюллера оказали влияние на доктрину политической романтики XX в. (К. Шмитта).

⁵⁵ *Лепелетье де Сен-Фаржо* (Le Peletier de Saint-Fargeau) Луи-Мишель (1760–1793) — деятель Великой французской революции, якобинец, член Конвента, автор различных законопроектов. Убит роялистом.

⁵⁶ *Гегель* (Hegel) Георг-Вильгельм Фридрих (1770–1831) — великий немецкий философ, создатель целостной философской системы, основоположник гегельянства как направления мировой философии. Создатель учения о диалектике, автор формулы о том, что все действительное разумно, а все разумное — действительно, положенной в основу его философии права. В трудах по философии права дал стройную концепцию гражданского общества и правового государства, подчеркивая роль последнего в разрешении социальных противоречий и осуществлении на-

правленной модернизации. Оказал огромное влияние на философскую и политическую мысль России, в частности — концепцию государственной (юридической) школы русской историографии и теорию конституционализма. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. № 3.

⁵⁷ *Робеспьер* (Robespierre) Максимильен (1758–1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев, в 1793 г. — фактический лидер революционного правительства, осуществлявшего кровавый массовый террор. Его разработка и осуществление велась в Комитете общественного спасения (1793–1795) — одном из комитетов Конвента, который в период якобинской диктатуры фактически играл роль правительства. Робеспьер был свергнут в результате термидорианского переворота 1794 г. и гильотинирован.

⁵⁸ *Ориу* (Hauriou) Морис (1856–1929) — французский юрист, декан юридического факультета университета в Тулузе, основоположник институциональной теории в юриспруденции, автор трудов по публичному и административному праву.

⁵⁹ *Павел* (Paulus) Юлий (III в. н.э.) — знаменитый римский юрист, префект преторианцев при Александре Севере, написал 86 сочинений в 319 книгах, ставших важным источником Дигест. Среди них — «Ad edictum», «Ad Sabinum» и др.

⁶⁰ *Еллинек* (Jellinek) Георг (1851–1911) — немецкий юрист, профессор в Гейдельберге, представитель цивилистической или формально-логической школы публичного права. Стал одним из создателей современной социологии права, в частности концепции государства как юридического отношения и юридического лица. Основные труды посвящены вопросам социально-этического значения права, системе публичных субъективных прав. Главный труд — «Общее учение о государстве» (его русский перевод был опубликован в 1903 г. под редакцией В. М. Гессена и Л. В. Шалланда) — оказал существенное влияние на русскую либерально-конституционную мысль начала XX в. Суть теории Еллинека: перенесение из частного права в публичное основных понятий — юридическое отношение и юридическое лицо. В гражданском праве юридическое лицо — субъект гражданского права. Перенесение данного понятия из частного права в публичное превращало государство в субъект юридических отношений, наделенный правами и обязанностями в рамках договора. Другой стороной договора выступало общество. В качестве общего вывода предполагалось установление консенсуса общества и государства, их конструктивное взаимодействие при сохранении ведущей роли государственной власти в процессе модернизации. В соответствии с этим подходом государство может интерпретироваться как объект права, правоотношение и, наконец, субъект права. Это третье понимание государства как субъекта права (или юридического лица) в наибольшей степени отвечает

представлению о единстве его организации, воли и цели. В русской правовой мысли идеи Еллинека разделяли С. А. Муромцев и Ф. Ф. Кокошкин. Н. М. Коркунов отказывался видеть в государстве юридическое лицо, однако разделял его интерпретацию как юридического отношения. В этом контексте значительное влияние на его взгляды оказала концепция субъективных публичных прав Еллинека. Б. А. Кистяковский являлся одним из русских учеников Еллинека, состоял с ним в переписке, однако считал его взгляды на всеобщее избирательное право и парламентаризм чрезмерно консервативными. Сам Еллинек также был вовлечен в обсуждение российских проблем, в частности, участвовал в рассмотрении проекта Основного закона, разработанного Союзом освобождения. См.: *Еллинек Г. Общее учение о государстве*. СПб., 2004. Подробнее см.: *Медушевский А. Н. Теория государства как юридического лица // Персональность: язык философии в русско-немецком диалоге*. М., 2007. С. 180–195.

- ⁶¹ *Петражицкий* Лев Иосифович (1867–1931) — русско-польский правовед, общественный и политический деятель, создатель психологической теории права. Петражицкий стремился создать целостную науку о праве, в которой все понятия выводились бы дедуктивным путем из единого центрального принципа — человеческой психики (как индивидуальной, так и коллективной). Фактически отождествляя право и нравственность, Петражицкий с этих позиций развивал теорию возрождения естественного права, понимая под ним концентрированное выражение психологических установок общества. Он различал позитивное право (правовые переживания, основанные на представлении о нормативных фактах) и интуитивное право, основанное исключительно на интуитивных представлениях, и видел смысл развития в их меняющемся соотношении: интуитивное право (по современной терминологии — правосознание) может отставать от позитивного (закрепленного в законах и потому неизменного), идти вровень с ним или обгонять его. Интуитивное право носит спонтанный, позитивное — упорядоченный характер, первое тяготеет к динамике, второе — к статике. Если разрыв между интуитивным и позитивным правом становится очень велик, возникает социальная революция, которая восстанавливает их соотношение. Петражицкий выводил своеобразный закон соответствия интуитивного права позитивному, нарушение которого ведет к кризису правовой системы. Главным и единственным принципом классификации правовых явлений он считал отождествление права и психики. Такое простое и вместе с тем радикальное решение одного из важнейших вопросов философии права давало тот архимедов рычаг, с помощью которого можно было пересмотреть весь цикл юридических дисциплин. Данная трактовка представляла право понятием более широким, чем нравственность, а потому оно (право) превращалось в некую политическую идеологию (своего рода панюридизм). Подробнее см.: *Медушевский А. Н. Л. И. Петражицкий и кризис права на-*

чала XX в. // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3(56). С. 191–198.

⁶² *Кокошкин* Федор Федорович (1871–1918) — общественный и политический деятель, правовед, один из лидеров конституционно-демократической партии. Параллельно с научной работой в области государственного (конституционного) права и преподаванием в высшей школе, Кокошкин активно участвовал в земской деятельности: в 1897 г. избран гласным Звенигородского уездного земского собрания; в 1900 г. — гласным Московского губернского земского собрания, а в 1903 г. — членом Московской губернской земской управы, в которой заведовал экономическим отделом. Кокошкин — один из создателей и активных деятелей Союза земцев-конституционалистов и Союза освобождения — либеральных объединений, на основе которых в конце 1905 г. сформировалась конституционно-демократическая партия. Кокошкин — один из ее основателей и член ЦК кадетской партии. В рамках Союза освобождения участвовал в разработке проекта конституции России, в котором использовал опыт французской и особенно германской юриспруденции. В 1906 г. избран депутатом I Государственной думы от Москвы, вместе с С. А. Муромцевым был автором окончательной редакции двух важнейших программных документов российского конституционализма — Проекта Основного закона Российской империи и Проекта избирательного закона. Приобрел репутацию ведущего эксперта партии по конституционным вопросам. Фундаментальные знания в области права и обширный опыт практической деятельности позволили ему занять место товарища секретаря Думы и члена комитета фракции. Кроме того, Кокошкин работал в комиссиях: редакционной, по составлению Наказа (регламента), о неприкосновенности личности, о свободе собраний и комиссии, выработавшей ответный адрес на тронную речь императора Николая II. Участвовал в разработке большинства законопроектов, внесенных или подготовленных ко внесению в Государственную думу кадетской фракцией. После роспуска Думы выступил одним из инициаторов Выборгского воззвания, содержавшего призыв к развертыванию кампании гражданского неповиновения. Кокошкину принадлежат классические труды по теории правового государства, федерализму и национальным отношениям, парламентаризму и бюджетным вопросам, избирательной системе. Им сформулированы ключевые положения программы конституционно-демократической партии. После Февральской революции 1917 г. занял пост государственного контролера, возглавлял Юридическое совещание при Временном правительстве. Однако основной сферой его деятельности стала подготовка документов для созыва Учредительного собрания. 21 мая 1917 г. Кокошкин был назначен председателем Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Позднее избран депутатом Совещания по кадетским спискам

от Москвы. После октябрьского переворота 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, позднее вместе с А. И. Шингаревым переведен в Мариинскую больницу, где вскоре убит матросами и красногвардейцами. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Ф. Ф. Кокошкин и русский конституционализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2 (55). С. 179–184.

⁶³ *Фавр* (Favre) Жюль (1809–1880) — вице-председатель и министр иностранных дел в правительстве национальной обороны (сентябрь 1870 — февраль 1871), в феврале-июле 1871 г. — министр иностранных дел в правительстве Тьера. Заключил Франкфуртский мир 1871 г. с Пруссией.

⁶⁴ *Гамбетта* (Gambetta) Леон (1838–1882) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции, лидер республиканцев. В период франко-прусской войны лидер национального сопротивления (1870–1871).

⁶⁵ *Тьер* (Thiers) Адольф (1797–1877) — французский государственный деятель, историк, глава исполнительной власти с февраля 1871 г., в сентябре 1871–1873 гг. президент Франции, подавил восстание в Париже, известное как Парижская Коммуна.

⁶⁶ Историю французского конституционализма исследователи определяют как историю переворотов в праве. Имеется в виду ряд ситуаций (18 Брюмера и 3 апреля 1814, июль 1870, февраль 1848, октябрь 1870), когда новая конституция принималась в результате революции или государственного переворота без учета существующего на тот момент права. В августе 1792 г. во Франции был установлен демократический режим — фактическое отстранение монарха от власти в результате народного восстания, подготовившего установление республиканского строя. В ноябре 1799 г. (18 брюмера) Наполеон I (Napoléon) Бонапарт (1769–1821) совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, фактически сосредоточившим в своих руках всю полноту власти. В 1804 г. он провозгласил себя императором и установил политическую систему, идеология которой получила название «бонапартизм». Ее характерной чертой являлась двойная легитимность: с одной стороны, режим опирался на принцип народного суверенитета, провозглашенный в ходе Французской революции (народная легитимность подтверждалась рядом плебисцитов); с другой стороны, характеризовался (в имперский период) также восстановлением монархической легитимности. Эти особенности отличали бонапартистский режим как от обычных военных диктатур, так и от традиционных монархий. Легитимирующей формулой являлось «установление императорской власти по воле французского народа».

После падения Наполеона Людовик XVIII (1755–1824) — брат казненного во время Французской революции короля Людовика XVI — возглавил движение по реставрации монархии. В 1814 г. он высадился в Кале, а затем вступил в Париж. Подписал Конституционную хартию 1814 г., вводящую в стране конституционную монархию с выраженными prerogative

королевской власти. Конституционная хартия 4 июня 1814 г. — первый исторический вариант т. н. «октроированной конституции», наиболее четко выражавшей систему монархического конституционализма. Хартия впервые дала синтез новой социальной реальности послереволюционного периода и старых, по существу, политических форм, что нашло отражение в истории ее создания и структуре. В ряду других монархических конституций Европы XIX в. Хартия выступает не только в качестве юридического оформления данной системы во Франции эпохи Реставрации, но и как образец для последующих октроированных монархических конституций, стремившихся совместить новые демократические парламентские институты британского типа с сохранением старой монархической легитимности. Данная модель политической системы с незначительными изменениями сохранилась и после революции 1830 г. и была отвергнута лишь революцией 1848 г.

После провозглашения во Франции республики в 1848 г. Шарль-Людвик Наполеон (1808–1873) был избран в Национальное собрание, а затем стал президентом республики. Но уже 2 декабря 1851 г. он произвел государственный переворот, распустив Национальное собрание и Государственный совет, арестовав всех видных противников и подавив уличное восстание вооруженным путем. Искусно подготовленным плебисцитом 20 декабря 1851 г. он был утвержден президентом на десятилетний срок с практически неограниченными полномочиями. В результате второго плебисцита 2 декабря 1852 г. — провозгласил себя императором французов. Режим Наполеона III (Вторая империя), характеризовавшийся популизмом во внутренней политике и авантюристическим курсом во внешней политике, постепенно утратил популярность из-за коррупционного характера и пал в результате поражения и пленения императора в ходе франко-прусской войны 1870 г. Результатом стал переход Франции к Третьей республике (1870–1940). В целом эти перевороты происходили с разрывом правовой преемственности, поскольку принятие новой конституции никогда не опиралось на положения старой.

⁶⁷ Северо-германский союз — созданное в 1867–1870 гг. федеративное государство к северу от р. Майн под эгидой Пруссии после ее победы в войне с Австрией. Один из этапов объединения Германии. Назначенный канцлером Северо-германского союза в 1867 г. Бисмарк ввел всеобщее голосование, целями которого были, с одной стороны, поддержка его курса на объединение Германии, с другой — удар по консервативному юнкерству, оказывавшему противодействие проведению социальных преобразований.

⁶⁸ *Масарик* (Masaryk) Томаш (1850–1937) — либеральный общественно-политический деятель и философ, президент Чехословакии в 1918–1935 гг. Один из организаторов выступления Чехословацкого корпуса против большевистской диктатуры в 1918 г.

- ⁶⁹ *Венизелос Элефтериос* (1864–1936) — неоднократно премьер-министр Греции в период с 1910 по 1933 г. Инициатор участия страны в антибольшевистской интервенции (1919). Противник реставрации монархии в Греции. С 1935 г. — в эмиграции.
- ⁷⁰ *Миллюков Павел Николаевич* (1859–1943) — ученый-историк, российский политический деятель, лидер конституционно-демократической партии, министр иностранных дел в 1-м составе Временного правительства, сторонник конституционно-монархической формы правления и продолжения войны до победного конца. Его нота союзникам о верности Временного правительства союзническим договорам стала поводом 1-го кризиса Временного правительства и его отставки. После большевистского переворота 25 октября 1917 г. один из организаторов антибольшевистского движения. Затем жил в эмиграции в Париже.
- ⁷¹ *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) — русский политический деятель. Депутат IV Государственной думы, лидер фракции трудовиков. В период Февральской революции 1917 г. Керенский стал одновременно членом Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих депутатов, товарищем его председателя. Являлся министром юстиции во Временном правительстве, затем — военным и морским министром в 1-м коалиционном Временном правительстве. С 8 июля 1917 г. — министр-председатель Временного правительства с сохранением постов военного и морского министра. После подавления выступления генерала Л. Г. Корнилова — верховный главнокомандующий, глава Директории. После большевистского переворота 25 октября бежал из Петрограда к войскам, а затем за границу. Умер в эмиграции в Нью-Йорке.
- ⁷² *Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (псевд. Ильин, Тулин, Карпов и др.) (1870–1924) — организатор переворота 25 октября 1917 г., приведшего к установлению однопартийной диктатуры, Гражданской войне, многомиллионной эмиграции и осуществлению массовых репрессий. Основными новыми элементами в его интерпретации марксизма исследователи признают теоретическое обоснование возможности соединения рабочего и крестьянского движения (что отрицал Маркс), диктатуры пролетариата как реального политического режима, опирающегося исключительно на насилие, а также учение о политической партии «профессиональных революционеров», основанной на беспрекословном подчинении лидеру и способной захватить власть. Вопрос об организационных основах такой партии встал на II съезде РСДРП (1903) и вызвал раскол между большевиками и меньшевиками. Оппоненты Ленина, в частности Мартов и Плеханов, видели в ленинской концепции партии отрицание демократических норм и выраженное стремление к диктатуре бонапартистского типа. Вишняк, как и другие русские демократические деятели, писали о ленинизме как попытке восстановления самодержавия на новых легитимирующих основаниях.

- ⁷³ *Сунь Ят-Сен* (1866–1925) — лидер Синьхайской революции 1911–1913 гг., первый президент Китайской республики (1912), основатель партии Гоминьдан.
- ⁷⁴ *Муссолини* (Mussolini) Бенито (1883–1945) — фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг. Казнен партизанами в 1945 г.
- ⁷⁵ *Пилсудский* (Pilsudski) Юзеф (1867–1935) — деятель правого крыла Польской социалистической партии, маршал, в 1919–1922 гг. начальник государства, в мае 1926 г. осуществил военный переворот и установил фактическую диктатуру. В 1926–1928, 1930 гг. премьер-министр.
- ⁷⁶ *Ататюрк* (Atatürk) Мустафа Кемаль (1881–1938) — лидер национально-освободительной революции в Турции 1918–1923 гг., первый президент Турецкой республики (1923–1938).
- ⁷⁷ Теория конституционных переворотов получила развитие в XX в. в связи с анализом кризиса в праве. Взгляды русских ученых по этой проблеме могут быть поставлены в контекст дискуссии, представленной в трудах Р. Сменда, К. Шмитта и Г. Кельзена в Германии, А. Эсмена, Л. Дюги и Р. Карре де Мальберга во Франции, Г. Ласки в Англии, В. Парето и Д. Дель Веккио в Италии, М. Я. Острогорского в России. Концентрированным выражением этих дискуссий является, вероятно, теория легитимности М. Вебера, продемонстрировавшая возможность разрыва между такими понятиями, как легитимность и легальность (законность), а, следовательно, существование имманентного конфликта между ними, задача разрешения которого является делом политики, но не права. Параллельно юридическим дискуссиям в этот период шло интенсивное изучение практики государственных переворотов, осуществленных Лениным и Троцким в России, Муссолини в Италии, Примо де Риверой в Испании, Салазаром в Португалии, Пилсудским в Польше, не считая опыта переворотов в странах Латинской Америки и Азии. Ключевое значение имел анализ крушения Веймарской республики и прихода к власти национал-социализма в Германии, поскольку он продемонстрировал возможность установления диктатуры без формального разрыва с предшествующей конституцией. В результате, в XX в. сформировалась концепция конституционных переворотов, внесшая вклад в анализ правовой составляющей их осуществления. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Социология права. М., 2006. см. также: Технологии конституционных переворотов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3(56). С. 3–23.
- ⁷⁸ *Сперанский* Михаил Михайлович (1772–1839) — граф, русский государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований, проекта Гражданского уложения, инициатор создания Государственного совета (1810). Вершиной реформаторских проектов Сперанского следует признать его проект 1809 г. — «Введение к Уложению государственных законов». Идея фундаментальных законов, корпус которых составляет основание и структуру полити-

ческой системы, реализуется в проекте Сперанского с возможной полнотой и юридической разработанностью. Прослеживается преемственность данного проекта с предшествующими памятниками русского конституционализма. Однако в нем присутствуют новые либеральные идеи. Речь идет не только о государственных законах, определяющих отношение личности к государству, но и о законах гражданских, определяющих отношение частных лиц между собою. Нашла свое развитие идея правового регулирования положения не только привилегированных, но и зависимых слоев общества («права народа рабочего», трактуемые наряду с правами среднего сословия и дворянства). Особенно большое внимание уделено в проекте механизму политической системы. Представляет несомненный интерес идея различения законодательной, исполнительной и судебной властей, хотя автор не доводит ее до логического конца — разделения властей в рамках конституционной монархии. Первоначально предполагалось постепенное введение реформ: открытие Государственного совета, открытие Государственной думы, преобразование Сената и судопроизводства. Однако данный проект не получил реализации. Был введен лишь один Государственный совет, но далее реформа зашла в тупик. Подготовленный Сперанским первоначально проект Кодекса гражданского права вызвал критику за сходство с Кодексом Наполеона и несоответствие российским условиям. В 1812–1816 гг. Сперанский оказался в ссылке, в 1819–1821 гг. назначен генерал-губернатором Сибири. С 1826 г. возглавлял 2-е отделение, сыграл решающую роль в кодификации законов и подготовке «Полного собрания законов» и «Свода законов» Российской империи. Подробнее о его проектах и идеях см.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XX. М., 2000.

⁷⁹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, русский государственный деятель, председатель Комитета министров с 1903 г. Подписал Портсмутский мир (1905). Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Представил всеподданнейший доклад (от 18 октября 1905), в котором была предложена концепция развития курса политических реформ, направленных на стабилизацию положения в стране путем обеспечения правопорядка, принятия необходимых законодательных и административных нововведений. Необходимым условием успеха реформ признавалась «однородность состава правительства и единство преследуемой им цели». Доклад Витте см.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000.

⁸⁰ Реформы Петра Великого мы оцениваем через призму его политики европеизации, приведшей к радикальному изменению системы ценностей и отказу от ряда стереотипов традиционного русского общества. Основными направлениями этих новаций были: секуляризация духовной жизни, введение новых этических стандартов государственной службы, распространение светского образования и технических знаний, демократи-

зация и рационализация общественных отношений, нравов и поведения, поощрение инициативы и индивидуальной ответственности, эмансипация женщин, широкое привлечение иностранных специалистов к решению важных административных и военных вопросов, распространение западной индивидуалистической культуры в светском обществе. Эпоха Нового времени внесла существенные изменения в сознание и, одновременно, практику государственного управления. В то время, когда в силу экономических, географических, технических и культурных открытий мир все более становился единой цивилизацией, отставание в темпах развития, рационализации являлось угрозой суверенитету государства. Организация государственного устройства передовых стран в этих условиях выступает в качестве модели желательного переустройства. На этой основе возникает необходимость избрать путь догоняющего развития и модернизации. Все эти модификации процесса рационализации — догоняющее развитие, радикальные реформы государственного управления и европеизация — впервые нашли свое наиболее полное выражение в преобразовательной деятельности Петра Великого, а затем в крупнейших реформах его последователей в России. Административные реформы состояли в создании Петром новой системы государственных учреждений — Сената и коллегий (по шведскому образцу), изменении структуры и принципов административно-территориального управления (губернская реформа). Особенность коллегий как административных учреждений заключалась в том, что дела решались в узком кругу большинством голосов. В России коллегии были подчинены Сенату, затем — преобразованы в министерства. Завершением реформ стало создание нового правящего слоя и рационализированной бюрократии, статус которых определялся в сводном документе — Табели о рангах. Сравнительный анализ показывает, что административные реформы Петра, отвечая задачам догоняющего развития и модернизации, были первыми в ряду подобных преобразований Нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах абсолютистских и вообще авторитарных режимов Пруссии, Австрии, Дании, Турции, Египта, Японии и других развивающихся стран Нового и Новейшего времени. Основные точки зрения см.: *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М., 1985; *Медусhevский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.

⁸¹ Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. — попытка революционного военного переворота, осуществленная либеральными офицерами в декабре 1825 г. с целью свержения самодержавия и отмены крепостного права. Движение декабристов было представлено двумя конспиративными организациями — Северным и Южным обществами во главе с П. И. Пестелем и Н. М. Муравьевым. В основе программных документов декабристов — Русской правды П. И. Пестеля и Конституции Н. М. Муравье-

ва лежит отказ от попыток мирного реформационного взаимодействия с властью, идея свержения самодержавия и установления новой формы правления. Работа над этими документами велась в течение ряда лет, что позволило добиться их всестороннего и глубокого осмысления. Программные и конституционные документы декабристов см. в кн.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000.

⁸² *Бутаевич-Петрашевский* Михаил Васильевич (1821–1866) — руководитель общества разночинной революционно-демократической молодежи в 40-е гг. XIX в.

⁸³ Манифест об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г. и Высочайше утвержденное общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861 г. — основные законодательные акты крестьянской реформы. Получив личную свободу, крестьяне по условиям реформы получали также землю (усадебную оседлость и полевой надел на каждую ревизскую душу), за которую должны были выплатить помещикам выкуп (выкупные платежи). Размер выкупных платежей был поставлен в зависимость от того, какой оброк платили крестьяне помещику до реформы. За размер надела, подлежащего выкупу, принимался тот фактический надел, которым крестьяне пользовались до реформы, если при этом они были на оброке (а не на барщине). Этот надел должен был, однако, остаться в пределах тех границ, которые устанавливались общим «Положением» для данного региона: не ниже низшей нормы надела и не выше высшей нормы. Низшая норма составляла $\frac{1}{3}$ высшей нормы. Внутри этой «вилки» крестьяне и помещик договаривались об условиях конкретно и должны были составить об этих условиях уставную грамоту. Выкупом поземельного надела временнообязанные крестьяне превращались в крестьян-собственников. В первые годы после реформы выкуп наделов осуществлялся активно. В 1862–1871 гг. из 10,5 млн ревизских душ временнообязанных крестьян более половины — 6,5 млн выкупили свои наделы. Средства для выкупа земли обеспечило государство. Были выпущены особые выкупные свидетельства, помещики получали по ним деньги от казны, а государство, таким образом, выступало гарантом своевременного получения ими выкупных сумм. Крестьяне же были обязаны погашать полученный кредит в рассрочку на 49,5 лет. Реформа была начата с освобождения помещичьих крестьян, но затем распространена на другие категории зависимого крестьянского сословия — государственных (10 млн душ) и удельных (бывших дворцовых) (1,5 млн душ) крестьян. 26 декабря 1881 г. во всех внутренних губерниях был проведен обязательный выкуп. Это означало, что с 1 января 1883 г. обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались. Создалось единое состояние крестьян-собственников, однородное по своему правовому положению. Земля, отведенная в надел крестьянам, превратилась в их собственность при помощи правительства, предоставившего средства для выкупа.

Для реального проведения реформы требовалось согласие между крестьянами и помещиком о ее условиях, прежде всего — о размере надела (в рамках высшей или низшей нормы для региона). Это соглашение фиксировалось в Уставной грамоте, которая должна была быть составлена в течение года со дня начала реформы. Для разбора споров и разногласий, которые могли возникнуть, устанавливалась должность «мировых посредников», избираемых из местного дворянства. Мировые посредники утверждали уставные грамоты. Спорные дела докладывались уездному мировому съезду — съезду мировых посредников уезда. Руководство крестьянской реформой на местах осуществляли губернские по крестьянским делам присутствия. Они возглавлялись губернаторами.

По условиям реформы помещик мог, идя навстречу крестьянам, уступить им наделы по высшей норме. Но обычно бывало иначе, и оказывалось, что крестьяне получали меньше земли, чем тот надел, которым они пользовались до реформы. То есть они теряли так называемые «отрезки». Положение не устанавливало, как должны изыматься эти «отрезки», и потому у помещика появлялась возможность «отрезать» лучшие или более удобные участки. Иногда получалось так, что «отрезки» обесценивали остающиеся земельные наделы. Проблема «отрезков» стала одной из наиболее конфликтных в отношении крестьян и помещиков. Требования возвращения «отрезков» выступают одним из самых настойчивых крестьянских требований в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

Существо так называемого «аграрного вопроса» и перспективы его решения интерпретировались политическими партиями России различным образом. Левые партии видели это решение в безвозмездном отчуждении земли у владельцев и распределении государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой (проекты партии социалистов-революционеров) или передаче ее государству (проекты «социалистической национализации» большевиков). Либеральный подход к проблеме (выраженный в проектах конституционно-демократической партии) состоял в компромиссном решении: перераспределении земельных ресурсов государством в пользу крестьян при обязательном условии справедливой компенсации имущественных прав землевладельцев. Подробнее о проектах см.: *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005.

⁸⁴ «Русская правда» П. И. Пестеля — основной программный документ Южного общества — была задумана как наказ Временному революционному правительству России. Ее главными идеями были — установление республиканской формы правления в стране, уничтожение крепостного права, сословного строя, провозглашалось равенство перед законом. «Русская правда» в ее основных положениях была обсуждена на Киевском съезде руководителей Южного общества в 1822 г., где решено было представить членам организации годичный срок для размышления над

концепцией конституции. В 1823 г. на следующем съезде руководителей Общества в Киеве по докладу Пестеля документ был принят как программный путем голосования. В подготовке окончательного текста принимали участие и другие руководители Южного общества, в частности С. И. Муравьев-Апостол. Предложения Южного общества были предметом обсуждения декабристского движения в целом, предполагалось проведение нового обсуждения проектов Южного и Северного обществ в целях создания единого конституционного текста. Данное предположение не реализовалось, поскольку декабристы вынуждены были выступить в период междоусобицы после неожиданной смерти Александра I (14 декабря 1825 г. в Петербурге и Черниговского полка на Украине в конце декабря — начале января 1826 г.).

Изданный впервые в годы русской революции 1905–1907 гг., этот документ исследовался с текстологической и источниковедческой точки зрения А. А. Покровским (Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. VII. «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие).

⁸⁵ Основной идеологический документ Северного общества декабристов создан одним из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, членом Верховной думы и правителем Северного общества Н. М. Муравьевым (1796–1843). Он работал над созданием текста Конституции в 1821–1825 гг. В отличие от «Русской правды», Конституция Н. М. Муравьева проектировала в качестве политической системы России конституционную монархию. Особое внимание законодатель уделял проблеме федеративного правления. Конституция провозглашала равенство граждан перед законом, свободу слова, печати и вероисповедания, крепостное право отменялось, но земли помещика объявлялись неприкосновенными. Участие общества в представительных учреждениях ограничивалось высоким имущественным цензом. Конституционный проект Н. М. Муравьева 1825 г. опубликован: *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. Приложение 3. М., 1985. С. 253–288.

⁸⁶ *Рылеев* Кондратий Федорович (1795–1826) — декабрист, член Северного общества и руководитель восстания 14 декабря 1825 г. Автор литературных произведений. Повешен.

⁸⁷ *Трубецкой* Сергей Петрович (1790–1860) — декабрист, князь, полковник, один из руководителей Северного общества. Избран диктатором, но не принял участия в восстании 14 декабря. Сослан на каторгу.

⁸⁸ *Муравьев-Апостол* Сергей Иванович (1796–1826) — декабрист, подполковник, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия. Один из директоров Южного общества. Поднял восстание Черниговского полка. Повешен.

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803–1826) — декабрист, подпоручик. Член Южного общества, один из руководителей восстания Черниговского полка. Повешен.

- ⁸⁹ *Штейнфельд* Владимир Иванович (1783–1862) — декабрист, барон, член Северного общества, сослан на каторгу. Автор «Записок».
- ⁹⁰ *Александр I* (1777–1825) — российский император с 1801 г., старший сын Павла I. В начале правления стремился осуществить либеральные реформы, разрабатывавшиеся Негласным комитетом и М. М. Сперанским, однако, вынужден был отказаться от них и изменить политический курс из-за сопротивления консервативной бюрократии. В последующее время, оставив реформы, занимался в основном вопросами внешней политики. После войны 1812 г. стал одним из руководителей Венского конгресса и Священного союза. Конституционные проекты данного времени опубликованы: Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000.
- ⁹¹ Конституционные проекты декабристов представляют собой синтез учений эпохи Просвещения, современных им передовых идей западной политической мысли и их размышлений над конституционной практикой и событиями конституционного движения Западной Европы и Америки. Сопоставление двух важнейших программ декабристского движения — Пестеля и Муравьева — выступает как центральная проблема изучения идеологии декабристов и более широко — природы социального конфликта общества и государства в России. Противоречие между авторитарными догмами политической концепции Пестеля и планируемыми им либеральными реформами справедливо отмечал Ф. Вентури. Действительно, речь идет не только о противоречии в концепции декабристского движения, но и о более глубоком объективном социальном конфликте, выступающем в новейшее время более рельефно: это вопрос о пути перехода от авторитаризма к демократии в условиях модернизации традиционного аграрного общества. Проект П. И. Пестеля определяется в современной литературе как якобинский и бонапартистский, проект Н. М. Муравьева — как либеральный. В этом смысле они являются отправной точкой двух стратегий революционного движения, получивших развитие в последующий период и представленных в русской общественной мысли вплоть до настоящего времени.
- ⁹² *Николай I* (1796–1855) — российский император с 1825 г., третий сын Павла I, сочетал консервативный и авторитарный политический курс с поиском прагматического решения проблемы крепостного права, создав для этого ряд комитетов по крестьянскому делу и поддержав разработку П. Д. Киселевым ряда проектов аграрной реформы.
- ⁹³ *Зайцевский* Петр Григорьевич (1842–1896) — один из родоначальников русского якобинства, организатор кружка студентов в Московском университете, автор прокламации «Молодая Россия». Осужден и сослан на каторгу.
- ⁹⁴ *Герцен* Александр Иванович (1812–1870) — русский революционер, философ и писатель. В 1853 г. основал Вольную русскую типографию в Лондоне и издавал журнал «Колокол», где выступал за отмену крепостного

права и критиковал политику самодержавия. Стал одним из основателей народничества, сформулировав теорию «русского социализма», согласно которой Россия может избежать стадии буржуазного развития и связанных с ней классовых конфликтов, опираясь на крестьянскую общину и радикальную трансформацию социального строя.

⁹⁵ Общественное движение 60–70-х гг. XIX в., представленное именами А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и М. А. Бакунина — народническое движение, выступавшее за эмансипацию крестьянского населения страны, против развития капитализма по западному образцу, видевшее выход в свержении самодержавия и установлении социализма (интерпретировавшего как развитие начал, присущих крестьянской общине). Включало умеренное (либеральное) и радикальное (революционно-анархическое) направления. Спор народников и марксистов о развитии капитализма в России охватывал следующие вопросы: развивается ли экономический строй России тем же путем, которым шло развитие западных экономически развитых стран или он представляет собой уникальное образование; каковы критерии развития капитализма; можно ли считать экономическую дифференциацию крестьянства пореформенного периода признаком формирования буржуазных отношений; является ли структура экономики однородной или включает различные уклады, в частности, капиталистический; как следует интерпретировать новые явления в экономике, такие, напр., как деформации крестьянской общины или сезонные миграции населения из деревни в город, так называемое «отходничество» — как признак утраты связи с землей в условиях промышленного переворота и урбанизации или вполне традиционное явление хозяйственной жизни. Если народники считали, что эти явления не составляют качественно нового характера, а скорее являются формой приспособления крестьянства к росту товарно-денежных отношений, то марксисты делали более радикальный вывод — о кризисе традиционной аграрной экономики, начале перехода к новой общественной формации и становлению классового конфликта буржуазного общества. Соответственно, первые видели позитивное направление в совершенствовании традиционных институтов (общины), вторые — в радикальном разрушении традиционного социального строя путем эскалации пролетарской «классовой борьбы», дополнении экономического переворота — политическим и последующем насаждении социализма путем установления диктатуры революционной партии. Взгляды идейных основателей и теоретиков народничества (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский) оказали существенное влияние на вождей партии социалистов-революционеров, определив особенности интерпретации ими социальной революции в России.

⁹⁶ *Бакунин* Михаил Александрович (1814–1876) — гегельянец, теоретик народничества и анархизма, участник революции 1848–1849 гг. в Германии.

Автор книги «Государственность и анархия», где давалась жесткая критика современного общества и государственного строя, выдвигалась программа их тотального разрушения.

⁹⁷ *Лавров* Петр Лаврович (1823–1900) — русский философ, социолог и публицист, один из теоретиков народничества. Отстаивал субъективный метод в социологии. Выводил формулу прогресса, заключающуюся во всестороннем развитии личности. Формулировал идею солидарности.

⁹⁸ *Михайловский* Николай Константинович (1842–1901) — критик, публицист и социолог, в 1869–1885 гг. сотрудник и соредактор «Отечественных записок», затем сотрудник «Русской мысли», с начала 1890-х гг. — во главе «Русского богатства». В своих социологических статьях являлся сторонником «субъективного метода» и развивал идеи П. Лаврова. Критически анализировал учения Спенсера, Дарвина и Маркса, доказывал, что прогресс ведет не к росту социальной дифференциации, а, напротив, к гомогенизации общества. Отрицая стихийность в историческом процессе, выдвигал на первый план роль личности в истории. Стремясь выработать целостное мирозерцание, обращался к основаниям общественного альтруизма и борьбе с утилитаризмом, критикуя индивидуализм и отрицание искусства. Оставил значительное число публицистических произведений, в которых подвергал анализу различные стороны общественной жизни своего времени.

⁹⁹ *Аксаков* Константин Сергеевич (1817–1860) — русский публицист, историк, поэт. Один из идеологов славянофильства. Выступал за отмену крепостного права при сохранении самодержавия.

¹⁰⁰ *Маркс* (Marx) Карл (1818–1883) — немецкий экономист и политический деятель, основатель германской социал-демократии и Интернационала. Испытал влияние философии Гегеля, в частности, его диалектического метода, который затем использовал для конструирования собственного учения. Изгнанный из Германии, жил во Франции, Бельгии и Англии. В 1847 г. написал, совместно с Энгельсом, «Манифест коммунистической партии» — краткое изложение социально-политической доктрины, интерпретировавшейся им как «научный социализм» (в отличие от предшествующего «утопического социализма»). Данная доктрина, получившая название экономического (исторического) материализма, включала следующие положения: в основе исторического процесса лежит формирование производственных отношений, образующих экономическую структуру общества — базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка; история всех существовавших обществ есть история борьбы классов за экономическое господство и политическую власть; уничтожение существующего (буржуазного) общества, возможно, в результате социальной революции, которую должен осуществить самый передовой в экономическом отношении класс — пролетариат. Осу-

ществование такого переворота приведет к созданию нового типа общества — коммунистического, где не будет частной собственности, классового деления, семьи, государства и экономической эксплуатации. Переходный период от капиталистического общества к коммунистическому предполагает фазу диктатуры пролетариата. Учение Маркса стало основой коммунистической (социалистической) идеологии, представители ее различных направлений, однако, до настоящего времени продолжают спорить о содержании основных положений марксизма и выясняют, что собственно, представляет из себя коммунизм и каким образом он может быть достигнут. На практике жесткий раскол между этими направлениями был связан с диаметрально противоположным отношением к диктатуре, а также ленинско-сталинской модели ее осуществления. В целом марксистская доктрина рассматривается большинством исследователей как вполне утопическая.

¹⁰¹ *Энгельс* (Engels) Фридрих (1820–1895) — один из основателей, наряду с К. Марксом, коммунистического движения, создатель теории исторического (экономического) материализма. Устранение классовых противоречий в результате коммунистической революции приведет, согласно этой утопической теории, к появлению бесклассового общества, в котором не будет существовать ряд традиционных социальных институтов — семья, собственность и государство. Эта концепция наиболее последовательно изложена в кн.: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

¹⁰² Теория экономического материализма К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895) — историко-социологическая концепция, утверждающая, что в основе исторического процесса лежат явления экономического порядка и, в частности, формы производства. Экономический базис (совокупность отношений производства) определяет, согласно данной концепции, характер социальной структуры, отношений и конфликтов. Этому базису в конечном счете соответствуют юридические и политические отношения и формы общественного сознания, образующие надстройку. Коренные причины социальных перемен и политических переворотов, исходя из этого, следует искать не в сфере идей или праве, но в изменении способа производства и обмена. Данная концепция была положена в основу коммунистической (социалистической) идеологии и коммунистического движения, ставившего своей целью революционное разрушение существующего («капиталистического») общества. Неоднократно подвергалась критике как чрезвычайно схематическое и механистическое объяснение природы социальных отношений и конфликтов. В настоящее время — дискредитировала себя в свете крушения социалистического эксперимента в России. Подробнее о влиянии данной идеологии на русскую мысль и политическую практику см.: Модели общественного переустройства в России. XX в. М., 2004.

- ¹⁰³ *Лассаль* (Lassale) Фердинанд (1825–1864) — немецкий социалист, пропагандист и публицист, в 1863 г. избран президентом основанного им Всеобщего немецкого рабочего союза. Являлся автором ряда брошюр по конституционному вопросу, усматривал в конституции простое выражение расстановки социальных сил данной эпохи. Убит на дуэли.
- ¹⁰⁴ *Бebel* (Bebel) Август (1840–1913) — один из лидеров германской социал-демократической партии и II Интернационала. Выступал с позиций ортодоксального марксизма против реформизма.
- ¹⁰⁵ *Петрункевич* Иван Ильич (1843–1928) — либеральный общественный деятель, юрист, земский деятель, организатор земских съездов 1870-х гг. В 1904–1905 гг. председатель Союза освобождения, один из лидеров кадетов, редактор газеты «Речь» в эмиграции.
- ¹⁰⁶ *Драгоманов* Михаил Петрович (1841–1895) — украинский либеральный общественный деятель, историк и публицист, организатор Киевской громады. С 1876 г. — эмигрант, издатель журнала «Громада». Выступал за культурно-национальную автономию Украины.
- ¹⁰⁷ «Народная воля» — политическая организация революционных народников. «Земля и воля» — революционная народническая организация, основанная в Петербурге в 1876 г. Ее программа включала: подготовку крестьянской революции, национализацию земли, замену государства федерацией общин. Занималась революционной пропагандой и хождением в народ. Разногласия двух группировок, одна из которых была ориентирована на деревню, а другая на политическую деятельность, привели к расколу (1879) на «Народную волю» и «Черный передел».
- ¹⁰⁸ *Александр II* (1818–1881) — российский император с 1855 г., время правления которого вошло в историю как эпоха Великих реформ. Они включали радикальные преобразования всех сторон жизни русского общества. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. освобождала крестьян от крепостной зависимости с земельными наделами. Земская реформа, введенная Земским положением 1 января 1864 г., предоставляла населению губерний и уездов всех сословий посредством выборных представителей осуществлять управление местными хозяйственными делами (сборами, дорогами, образованием, здравоохранением и др.). Городовое положение 1870 г. создавало институты внутреннего городского самоуправления с участием всех сословий. Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., вводили независимое судопроизводство, отделив суд от других институтов государственного управления, гласный и состязательный порядок осуществления правосудия, избираемых населением мировых судей и адвокатуру. Устав о воинской повинности 1874 г. гарантировал равенство всех сословий по отношению к воинской повинности, установив сокращенные сроки службы лишь по критерию образования. Университеты по новому уставу получили самоуправление. Для женщин учреждались специальные Высшие курсы, работавшие

по университетским программам. Печать по правилам 1865 г. получила большую свободу от цензурных ограничений, начали развиваться провинциальные газеты. Эти реформы стимулировали широкое общественное движение, направленное на демократизацию общества посредством развития земского самоуправления и предоставления его представителям места в общегосударственной деятельности. Особенностью Великих реформ следует признать их научную разработку, тщательную юридическую подготовку и планомерное осуществление. В истории России это уникальный пример успешного проведения масштабных социальных преобразований с сохранением социального консенсуса и правовой преемственности. В этом смысле анализ опыта данных реформ имеет непреходящее значение и представляет актуальность для всех обществ переходного типа. См.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. I–VI; *Джанишиев Г. А.* Эпоха Великих реформ. СПб., 1907; *Медушевский А. Н.* Стратегии решения аграрного вопроса в России // Отечественные записки, 2004. № 2.

¹⁰⁹ *Желябов* Андрей Иванович (1851–1881) — из семьи крепостного крестьянина, один из создателей и руководителей «Народной воли».

¹¹⁰ *Александр III* (1845–1894) — российский император с 1881 г., правление которого включало попытку восстановления сословных порядков, подорванных в правление Александра II. Его курс интерпретировался в либеральной публицистике как «контрреформы». Они включали: восстановление предварительной цензуры (1882), введение сословных принципов в начальной и средней школе; отмену автономии университетов (1884); введение института земских начальников (1889); установление правительственной опеки над земским (1890) и городским (1892) самоуправлением.

¹¹¹ *Мартов Л.* (наст. фам. и имя Цедербаум Юлий Осипович) (1873–1923) — деятель российского революционного движения, один из основателей РСДРП, с 1903 г. лидер меньшевиков. В 1917 г. лидер меньшевиков-интернационалистов, член ВЦИК, участник Демократического совещания и член Предпарламента. Полемизировал с Лениным по вопросам теории марксизма и социализма, выступал противником организационных основ большевизма, отрицал ленинскую трактовку диктатуры пролетариата и еще более — практику ее реализации в ходе и после октябрьского переворота 1917 г. С 1920 г. — эмигрант.

¹¹² *Плеханов* Георгий Валентинович (1856–1918) — сначала народник, затем деятель российского и международного социал-демократического движения, его теоретик, один из основателей РСДРП. После II съезда РСДРП (1903) один из лидеров меньшевиков. После Февральской революции 1917 г. выступал в поддержку Временного правительства, но резко осудил большевистский переворот. Наблюдая его последствия, пришел к выводу, что слишком рано начал пропаганду марксизма в России.

- ¹¹³ Группа «Освобождение труда» — первая российская социал-демократическая организация. Была создана в 1883 г. в Женеве под руководством Г. В. Плеханова и начала распространение марксизма в России. Сыграла ключевую роль в критике народничества и подготовке II съезда РСДРП (1903), на котором была распущена.
- ¹¹⁴ *Николай II* (1868–1918) — российский император (1894–1917), сын Александра III, начавший свое царствование с отказа представителям либерального земского движения в праве на «конституционные мечтания». В результате поражения в русско-японской войне и революции 1905–1907 гг., был вынужден изменить политический курс — дать согласие на создание Государственной думы и проведение столыпинской аграрной реформы. Свергнут Февральской революцией 1917 г., расстрелян большевиками. Канонизирован Русской православной церковью.
- ¹¹⁵ Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) прошла ряд этапов формирования. II съезд РСДРП проходил 17.07 — 10.08.1903 г. в Брюсселе-Лондоне. Принял Программу и Устав партии, при обсуждении которых, однако, произошел раскол на большевиков и меньшевиков. В центре спора находился вопрос о диктатуре пролетариата и организационных основах партии. Третий съезд РСДРП состоялся 12–27.04. (25.04–10.05). 1905 г. Проходил в условиях внутривнутрипартийного раскола под контролем большевиков. Главным являлся вопрос о вооруженном восстании и временном правительстве, а также отношении к крестьянскому движению. Меньшевики отказались участвовать в работе съезда, организовав автономную конференцию в Женеве. В дальнейшем пути двух основных направлений в русском социал-демократическом движении разошлись еще больше, сделав их непримиримыми противниками в 1917 г.
- ¹¹⁶ Программные документы партии эсеров за все время ее существования представлены в издании: *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы*. М., 2000–2001. Т. 1–3.
- ¹¹⁷ Союз освобождения — нелегальное политическое объединение либеральной интеллигенции в России 1904–1905 гг., сгруппировавшейся вокруг журнала «Освобождение», издававшегося П. Б. Струве. Его программными целями являлись: конституционная монархия, всеобщее избирательное право, наделение крестьян землей. Позднее многие его члены вошли в конституционно-демократическую партию. В обобщенной форме основы политической программы русского либерализма были впервые выражены в заявлении «От русских конституционалистов» (1902). Среди основных положений выдвинуты именно те, которые были центральными для европейского либерализма эпохи борьбы с абсолютизмом в XVIII–XIX вв. и которые в известной мере остаются актуальными для России нашего времени. Это — политическое представительство населения в постоянном высшем законодательном учреждении, обеспече-

ние элементарных политических и личных прав населения, разработка на этих основах программы русской конституционной партии. Данная программа имела ярко выраженный западнический характер, поскольку предполагала выдвижение требований, которые «во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни как ее элементарнейшие и необходимые предварительные условия». Существо социально-политической модернизации усматривалось в создании гражданского общества, правовым выражением которого становился принцип всеобщего равенства перед законом. Применительно к русским условиям это означало прежде всего уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, с одной стороны, и отмену привилегий дворянства (в области управления, земского представительства и сословного землевладения) — с другой. Кроме того, исключалось какое-либо неравенство прав в зависимости от вероисповедания и национальности. Основным выводом из этой концепции становилось требование гарантий политических и личных свобод. В сфере политических отношений данный порядок закреплялся в концепции правового государства, основным признаком которого признавался контроль общества (в виде бессословного народного представительства) над властью (в виде парламентской монархии).

См.: От русских конституционалистов // Освобождение. Штуттгарт, 1902. № 1. С. 7–12. См. также: Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996; *Шацкило К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985; *Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Российские либералы. М., 2001; Либеральное движение в России. 1902–1905. М., 2001.

- ¹¹⁸ Следует подчеркнуть, что из всех указанных направлений — социал-демократического, социально-революционного и «освободительного» — лишь последнее имело к началу революции разработанный конституционный проект. Данная модель явилась результатом соотнесения мировой теоретической мысли с практикой социально-политических изменений. Именно в ходе крупных политических кризисов на практике сопоставлялись альтернативные модели политической системы — конституционной монархии и республики; концепции однопалатного и двухпалатного парламента; организации государства по принципу федерации или унитарного государства; на началах административной централизации или последовательно осуществляемого принципа региональной автономии и самоуправления; на основе всеобщего избирательного права или его ограничения системой цензов; организации многопартийности или однопартийной политической системы; политической культуры, основанной на конфронтации с властью или диалога с ней.

Особое внимание уделялось в ходе кризиса раскрытию конфликтного потенциала трех основных компонентов российской политической системы — Государственной думы, административной системы правительства и главы государства — монарха. Подробнее см.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. М., 2000; Конституционализм // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. М., 2005.

¹¹⁹ *Сипягин* Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — министр внутренних дел России (1902).

¹²⁰ *Чернов* Виктор Михайлович (1873–1952) — один из основателей партии эсеров, член ее ЦК и признанный теоретик, интернационалист. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета, министр земледелия Временного правительства второго созыва, в 1918 г. — председатель Учредительного собрания, а затем — член антибольшевистских правительств, с 1920 г. — эмигрант. Автор трудов по философии, социологии и аграрному вопросу, публицист.

¹²¹ *Анненский* Николай Федорович (1843–1912) — экономист, публицист, статистик, один из основателей народно-социалистической партии, участник народнического и земского движения, заместитель председателя Союза освобождения, один из руководителей Союза Союзов. В 1905–1907 гг. участник движения либеральной общественности.

¹²² *Пешехонов* Алексей Васильевич (1867–1933) — экономист и публицист, член редакции журнала «Русское богатство». Один из основателей и лидеров трудовой народно-социалистической партии. В 1917 г. министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьского переворота — один из основателей Союза возрождения России. В 1922 г. выслан из России. С 1927 г. советский экономический консультант в странах Прибалтики.

¹²³ *Мякотин* Венедикт Александрович (1867–1937) — председатель ЦК трудовой народно-социалистической партии. В 1918 г. один из создателей Союза возрождения России. Позднее действовал на Юге России в расположении войск генерала А. И. Деникина. В 1922 г. выслан из России.

¹²⁴ *Струве* Петр Бернгардович (1870–1944) — русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из основателей Союза освобождения и лидеров конституционно-демократической партии (член ее ЦК), редактор журналов «Освобождение» и «Русская мысль», участник, наряду с Б. А. Кистяковским, сборника «Вехи». Автор концепции Великой России, стремившейся сочетать идеи национализма и правового государства для обоснования активной внешней политики и продолжения либеральных преобразований внутри страны. После Октябрьской революции 1917 г. — эмигрант во Франции. В переписке Кистяковского со Струве был поставлен ряд теоретических вопросов либерального движения, рецензирования русских либеральных консти-

туционных проектов, а также оценки текущих политических событий русскими и иностранными экспертами.

¹²⁵ *Плеве* Вячеслав Константинович (1846–1904) — действительный статский советник, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор. Директор Департамента полиции, министр внутренних дел. Погиб в результате террористического акта, осуществленного членом Боевой организации партии эсеров Е. С. Сазоновым 15 июля 1904 г.

¹²⁶ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863–1920) — князь, философ и правовед, публицист, общественный и религиозный деятель, профессор Московского университета, один из основателей конституционно-демократической партии и член ее ЦК, вскоре перешедший в партию мирного обновления, член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов. После 1917 г. участник антибольшевистской борьбы на Юге, умер от тифа. Автор трудов по религиозной философии, теории и истории права.

¹²⁷ *Гапон* Георгий Аполлонович (1870–1906) — священник, агент охранного отделения. Инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II и шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Был убит революционерами как провокатор.

¹²⁸ *Короленко* Владимир Галактионович (1853–1921) — писатель и общественный деятель, идеи которого были близки народничеству.

¹²⁹ В ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. возникло два основных конституционных проекта. Ведущая либеральная организация России — Союз освобождения — уже в самом начале революции выступила с проектом конституции. Данный документ может рассматриваться как программа всего либерального движения. Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 г. обсуждал программные вопросы земского движения, в частности — проблему «мелкой земской единицы», построенной на бессословной основе как структурной ячейки всей земской организации, поднимался вопрос о создании общеземского центрального органа из выборных представителей земств. Но одним из главных стал вопрос о проекте Основного закона. На I (ноябрь 1904) и особенно II (апрель 1905) общеземских съездах данный документ оказался в центре политической дискуссии. Проект Основного закона Российской империи разработан двумя основными подразделениями Союза освобождения — Петербургским и Московским, в связи с подготовкой к I (ноябрьскому) общеземскому съезду, причем в его создании принимали участие известные либеральные юристы. Позднее текст проекта был напечатан за границей журналом «Освобождение» и получил не вполне точное название «проекта Струве». Затем проект был напечатан в России и стал предметом обсуждения в либеральных кругах русского общества. Предложенный проект (чего не отрицали и его составители) представлял собой скорее концепцию движения, нежели готовый к принятию документ. В качестве его не-

достатков критики отмечали, в частности, смешение лозунгов и четких юридических формул, отсутствие регламентации некоторых важных социальных и национальных проблем. Кроме того, одни считали проект будущей конституции слишком политизированным, а другие придерживались обратного мнения. В результате этих споров возник второй, новый, проект, получивший в литературе того времени название «проекта С. А. Муромцева». Материалы ноябрьского совещания опубликованы в кн.: Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001; *Медушевский А. Н.* Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9; см. также: Проект Основного закона Российской империи // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. М., 2000.

¹³⁰ Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871–1947) — один из лидеров меньшевиков. После Февральской революции 1917 г. оборонец, член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИК. В 1922 г. выслан за границу.

¹³¹ Рескрипт на имя Булыгина — начало конституционных преобразований в России. Общая концепция отношений народного представительства и монархической власти, начавшая реализовываться в России, вполне укладывалась в ту традиционную схему, которая была намечена еще в проектах так называемого правительственного конституционализма XIX в. Их суть состояла в дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера. Такой курс проводился в ряде законов, составленных Министерством внутренних дел в 1-й половине 1905 г. в ответ на требования либералов. Это — Высочайший манифест 6 августа 1905 г.; Учреждение Государственной думы и Положение о выборах в Государственную думу. Булыгинская дума была задумана исключительно как совещательное учреждение, стоящее значительно ниже Государственного совета и правительства.

¹³² Проект С. А. Муромцева (1850–1910), созданный в июле 1905 г. и ставший теоретической основой последующего конституционного движения в России, составил программную основу политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период. С. А. Муромцев — один из виднейших философов и теоретиков права, признанный глава конституционного движения в России, один из лидеров кадетской партии, председатель I Государственной думы — стремился отразить в проекте позиции земского либерализма. Данный проект, разработанный им при участии Ф. Ф. Кокошкина (1871–1918), другого виднейшего теоретика кадетской партии, лучше, чем предшествующий отразил взгляды умеренной части конституционалистов — т. н. либерального дворянства. Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы другими, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Авторы проекта, придав ему более четкую юридическую форму, сознательно смягчили многие положения

предшествующего конституционного проекта. При этом они руководствовались как общетеоретическими воззрениями, разработанными всей либеральной школой русской юриспруденции, так и соображениями практической политики — стремлением обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству в форме конституционной монархии. Основным условием перехода к правовому государству признавалась Государственная дума как важнейший инструмент политических реформ и установление ее контроля над монархической властью (ответственное министерство). Определенные признаки влияния проекта Муромцева на основное законодательство в период Первой русской революции можно проследить в ряде постановлений Основных законов, прежде всего в главе восьмой — «О правах и обязанностях российских подданных» и главе девятой — «О законах». Подробнее см.: Сергей Андреевич Муромцев. Сб. ст. М., 1911; Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в.; *Медушевский А. Н.* Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001.

¹³³ Программные документы кадетской партии за все время ее существования представлены в издании: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 1997–2000. Т. 1–3.

¹³⁴ *Головин* Федор Александрович (1867/1868 — после 1929) — земский деятель, один из основателей партии конституционных демократов, член ее ЦК, Председатель II Государственной думы, деятель Земгора. В 1917 г. комиссар Временного правительства.

¹³⁵ *Львов* Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, землевладелец, окончил юридический факультет Московского университета, земский деятель, главноуполномоченный общеземских организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам в русско-японской войне, депутат I Государственной думы. С 1914 г. председатель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, один из руководителей Земгора. 2 марта 1917 г. указом Николая II назначен председателем Совета министров. 8 июля 1917 г. ушел в отставку с поста главы Временного правительства. В 1918 г. эмигрировал во Францию.

¹³⁶ *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869–1922) — юрист, член ЦК кадетской партии. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. 23 ноября арестован как член Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Бежал в Крым, в 1918 г. министр юстиции в Крымском краевом правительстве. С 1919 г. в эмиграции.

¹³⁷ *Лучков* Александр Иванович (1862–1936) — лидер партии октябристов. Сторонник конституционной монархии и модернизации российской политической системы в правовых рамках. Один из активных деятелей Февральской революции. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принял от Николая II манифест об отречении. Военный и морской министр

в первом составе Временного правительства, сторонник продолжения войны до победного конца. Предлагал уничтожить двоевластие силовым путем. После Октябрьского переворота 1917 г. один из организаторов Белого движения. Умер в эмиграции в Париже.

¹³⁸ *Гейден* Петр Александрович (1840–1907) — географ, земский деятель и участник земских съездов, один из лидеров партии октябристов (1905) и партии мирного обновления (1906). С 1895 г. президент Вольного экономического общества.

¹³⁹ Российский парламент — Государственная дума — прошел ряд основных этапов своего развития. Первый — связан со становлением этого института в условиях перехода от абсолютизма к конституционной монархии в начале XX в. Решающая фаза становления Думы стала результатом подъема революционного движения и представляла собой вынужденную уступку монархии по отношению к либеральной оппозиции. Таковы Манифест 17 октября 1905 г. и законодательные акты, изданные в его развитие в конце 1905 — начале 1906 г.: закон об изменении положения о выборах в Государственную думу (от 11 декабря 1905); манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы (от 20 февраля 1906). Эти законодательные акты заложили правовую основу I Государственной думы. Выраженная в них концепция отношений представительных учреждений и монарха во многом соответствовала той, которая лежала в основе монархического конституционализма ряда западных стран, прежде всего — Германии. Две палаты парламента — Государственная дума и Государственный совет — наделялись равными правами в области законодательства; теоретически (в случае достижения ими единства) они могли противостоять монарху в вопросах контроля над бюджетом и введения новых законов. Однако прав изменять основополагающие законы, руководить работой правительства и использовать армию им не было дано. Поэтому говорить о введении в России конституционной монархии как законченной формы правления не вполне правомерно ввиду важных преимуществ, отданных монархическому началу. В лучшем случае речь могла идти только о первых элементах дуалистического порядка правления. В этих условиях стал возможен постепенный процесс ограничения роли Государственной думы в политической жизни, продолжавшийся до Февральской революции 1917 г. и крушения монархии.

Государственный совет — высший законосоветательный орган Российской империи, созданный царем Александром I по предложению М. М. Сперанского в 1810 г. Рассматривал внесенные министрами законопроекты до их утверждения царем, сметы и штаты государственных учреждений, а также решал административные и судебные дела, превышающие компетенцию других органов власти. Состоял из четырех департаментов канцелярии, во главе которой стоял государственный

секретарь. Внимание к Государственному совету в русской юридической мысли и, в частности, в работах Градовского и Коркунова было связано со стремлением более четко разграничить устное и письменное распоряжение монарха, указ и закон. Санкция Государственного совета рассматривалась как определенная формализация процесса принятия законов, необходимая для установления отличия их от указов и, тем более, устных распоряжений самодержца. Радикальное изменение статуса Государственного совета произошло в период конституционной революции начала XX в. Манифест 17 октября 1905 г. и законодательные акты, изданные в его развитие в конце 1905 — начале 1906 г. (Манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы от 20 февраля 1906) превратили данный институт из законосовещательного в законодательный. Две палаты парламента — Государственная дума и Государственный совет — наделялись равными правами в области законодательства; теоретически (в случае достижения ими единства) они могли противостоять монарху в вопросах контроля над бюджетом и введения новых законов. Государственный совет в этой конструкции выступал в роли верхней палаты.

В его компетенцию входило рассмотрение законопроектов, принятых Государственной думой, законодательных предположений, инициированных членами Государственного Совета, а также рассмотрение вопросов внутреннего управления, требующих отмены, ограничения, дополнения или разъяснения прежних законов, вопросов внутренней и внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах; ежегодных смет общих государственных приходов и расходов; отчетов Государственного контроля по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Формирование Государственного совета изменилось в 1906 г.: половина членов назначалась императором, другая — избиралась (от православного духовенства, дворянства, земств, Академии наук и университетов, организации торговли и промышленности, Финляндского сейма), причем вводилась ротация одной трети состава в течение каждых трех лет. В результате Государственный совет стал полупредставительным органом и начал выполнять функции верхней палаты, поскольку обсуждал законопроекты, рассмотренные Государственной думой до их утверждения царем. См.: *Медушевский А. Н.* Конституционная монархия в России в сравнительно-историческом освещении // Вопросы истории. 1994. № 8.

¹⁴⁰ С переходом России к новому конституционному строю встал принципиальный вопрос о двух типах конституций — дарованных (октроированных) монархом и завоеванных (договорных), возникающих на основе народного волеизъявления. Отдавая предпочтение второму варианту, либералы ставили проблему учредительной власти, возможности ее формирования в России и функционирования в будущем. Первые либеральные проекты законов об Учредительном собрании появились еще в

1905 г. В данной перспективе интересно обращение к двум практически неизвестным правовым документам, подготовленным С. А. Муромцевым к предполагаемому созыву Учредительного собрания в 1905 г. Первый из них — «Проект подкомиссии бюро»: «Положение о выборах в Учредительное собрание народных представителей». Он дает детальную характеристику всей структуры избирательных учреждений, а также процедур их работы — от участковых до городских, областных, губернских и столичных избирательных комиссий. Второй документ — проект «Положения об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного государственного закона». Данный проект регламентирует состав и порядок избрания Учредительного собрания, порядок его работы, правовой статус депутатов, а также компетенцию данного учреждения по выработке конституции — Основного закона. Согласно этим проектам, Учредительное собрание избирается всем населением страны на основе «всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования», само регламентирует структуру, порядок своей деятельности и избирает председателя, принимая решения большинством голосов. Оно «не может быть распущено до утверждения и обнародования Основного государственного закона, в котором должен быть определен срок созыва установленного названным законом законодательного собрания народных представителей». Проекты конституции могут быть внесены на рассмотрение Учредительного собрания как правительством, так и группой его членов (в 40 чел.), а после его принятия «представляются председателем Совета министров на утверждение императора». Таким образом, проводится мысль о конституционной монархии как наиболее реальной форме правления. Статус депутата — «народного представителя» детально регламентируется по всем линиям возможного давления на него: предусматривается, что он должен быть независим как от исполнительной власти (не может принимать от нее материальные вознаграждения, звания или чины и должности, за исключением должности министра), так и от избирателей (принцип несвязанности наказами), наконец, обладает правом депутатской неприкосновенности (не может быть арестован и предан суду). Вводится фиксированный оклад представителя (10 руб. в сутки), который не может быть произвольно изменен. См.: Положение об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного Государственного Закона. М., 1905; Положение о выборах в Собрание Народных представителей. Проект подкомиссии бюро. М., 1905.

¹⁴¹ Вопрос о том, какая политическая система устанавливалась в России Манифестом 17 октября 1905 г., вызвал дискуссию как у современников, так и у последующих исследователей. Концепция конституционной монархии как внутренне противоречивой переходной формы правления определяла возможные альтернативные пути ее развития. В то же время

открывались различные направления интерпретации данной политической системы. Сторонники трактовки данной системы как конституционной подчеркивали, что сам по себе текст Основных законов 1906 г. не исключал возможности ее эволюции в направлении парламентаризма, путем повседневной борьбы за конституционные ограничения «монархического принципа». По их мнению, период с 1906 по 1917 г. демонстрирует тенденцию к развитию конституционных и парламентских принципов — парламентской культуры, усиления роли Думы и ее участия в разработке и принятии законодательных актов, а главное — в отсутствии для монарха возможности вернуться к дореволюционному положению. Эта эволюция к 1917 г. находилась на своей начальной стадии, была нестабильна, однако, общее направление прослеживается достаточно определенно. Данное движение шло несмотря на существенные изменения избирательного законодательства, обеспечившего в палатах парламента господство политических настроений привилегированных классов. Латентный политический кризис империи, постепенно возраставший как до, так особенно и во время войны, подталкивал большинство членов Думы в направлении парламентаризма и либерализма.

Для сторонников данной концепции Россия после принятия Основных законов 1906 г. стала конституционной, ограниченной, представительной монархией, хотя и наименее развитой в сравнении с другими конституционными монархиями Европы. Исходя из этого анализировались все кризисы в отношениях правительства и Думы, прежде всего роспуск двух первых Дум и изменение избирательного законодательства. Граница между абсолютизмом и конституционным правлением не может, согласно данной точке зрения, быть проведена в зависимости от того, насколько полно осуществляются на практике все принципы новой системы. Конституционное правление существует уже тогда, когда дано национальное представительство, облеченное правом законодательных решений. Это право, дарованное России 17 октября 1905 г., не могло быть отменено правовым путем (что исключалось наличием статей 86 и 87 Основных законов). Согласно данной точке зрения, отстаивавшейся в литературе М. Шефтелем, неверно интерпретировать российскую политическую систему думской монархии как псевдоконституционализм или мнимый конституционализм: этот тезис был выдвинут крайне правыми и крайне левыми политическими силами для достижения своих политических целей — восстановления абсолютизма или его свержения в ходе революции. Рассмотрение российской политической системы приводило ряд ученых (Н. И. Лазаревский) к выводу, что это было начало подлинного конституционализма в России и данная система могла утвердиться в случае правильного курса правящих верхов (См. напр.: *Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976. P. 261–262, 373, 382).*

Противники данного подхода указывали на то, что он является спорным даже с чисто правовой точки зрения, поскольку игнорирует существенные особенности российского государственного права в сравнении с правом других европейских монархий. Достаточно сказать, что сохранение за монархом титула «самодержец» могло быть интерпретируемо в пользу абсолютности его власти, конструкция системы властей была такова, что давала монарху исключительные полномочия и, наконец, весь период с 1881 по 1917 г. Россия жила в состоянии чрезвычайного положения, режим которого стал более жестким после 1907 г. и достиг апогея в годы войны. С правовой точки зрения это позволяло оставлять без внимания многие положения Основных законов, выводя монархию из сферы их контроля. Однако главный их аргумент имел социологический характер: анализ соотношения правовой нормы и действительности, природы политического режима и механизма власти в нем, наконец, поведения бюрократии в ходе острых политических конфликтов убеждал их в мнимоконституционном характере данной системы. Этот тезис был сформулирован наиболее жестко радикальными критиками режима (напр., Лениным). Однако он присутствовал и в либеральной политической мысли. Вопреки взглядам некоторых либеральных юристов последующие аналитики (напр., П. Н. Милоков в своих эмигрантских работах) отмечали, что думская монархия начала XX в. может быть с большим основанием интерпретирована как мнимый конституционализм. Это не означает, тем не менее, что путь конституционных реформ был для нее закрыт.

Таким образом, относительно природы российской государственности после Манифеста 1905 г. единства мнений не было как у современников, так и среди исследователей. Ряд авторов считает, что она может рассматриваться как конституционная монархия дуалистического типа (напр., В. В. Леонтович, М. Шефтель), другие говорят о псевдоконституционализме и даже лжеконституционализме. Проблема дефиниций носит, разумеется, условный характер и во многом зависит от критериев «конституционности». Тем не менее, нам кажется более правильно определить этот политический режим вслед за М. Вебером как «мнимый конституционализм». Данное определение имеет то преимущество, что дает не только и не столько правовую интерпретацию политического режима, но раскрывает реальный механизм власти в нем, который существенно отличался от конституционных монархий Западной Европы.

Нам представляется, что к двум измерениям, выдвинутым ранее (публично-правовому и социологическому анализу), необходимо прибавить третье — функциональное — рассмотрение данного явления в исторической динамике. При таком его анализе становится ясно, что мнимый конституционализм повсюду является нестабильной, внутренне

противоречивой системой, которая может развиваться диаметрально противоположным образом в зависимости от более общих тенденций социально-политического развития. Фактически это — феномен переходного периода. Теоретически данная система, представляя собой сочетание конституционной легитимации власти с сохранением ее авторитарной сути, может стать отправной точкой как конституционного, так и антиконституционного развития. В России начала XX в. ситуация объективно сложилась в пользу второго варианта, однако это не исключало другого результата на исходе того же столетия (*Медушевский А. Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007*).

- ¹⁴² Принятая после Февральской революции 1917 г. концепция Учредительного собрания оказалась главным деструктивным фактором всего демократического переходного процесса: она заблокировала созыв Государственной думы как единственного легитимного носителя власти, не дала возможности своевременно принять демократическую конституцию (пусть переходную и инструментальную, но дающую власти легитимность), добиться консолидации умеренных политических сил, преодолеть двоевластие, обеспечить легитимацию новой власти на основе временной конституции, а также сформировать эффективную и постоянную (а не временную) исполнительную власть, которая была необходима в условиях войны и революционного кризиса. Более того, не было ничего сделано для преодоления вакуума исполнительной власти переходного периода, напротив, была сознательно парализована деятельность старого аппарата исполнительной власти до того, как создан новый.

Следствием избранной ошибочной стратегии демократического переходного периода стали следующие упущенные возможности: 1) утрата политической инициативы в силу господства иллюзорного представления о возможности единства подходов всех политических партий к решению проблемы переходного периода на основе идеи Учредительного собрания; 2) отказ от немедленного созыва Государственной думы и превращения ее в Национальное собрание сразу после акта отречения царя, отказ от принятия временной конституции на пике революционных ожиданий; 3) не были эффективно использованы институты и процедуры договорных механизмов, способные обеспечить коалицию основных политических партий путем взаимных тактических компромиссов с целью отстранения экстремистов и создания работоспособного переходного правительства. Эта возможность, как было показано, теоретически намечена в таких институтах, как Государственное совещание, Демократическое совещание; Предпарламент (Совет Республики) или даже Директория и подтверждается более успешным опытом других демократических переходов в мире; 4) невозможность преодоления двоевластия конституционным путем уже в момент его формирования; 5) пролон-

гирование ситуации неопределенности на длительный срок, что вело к эрозии легитимности демократической власти и делало ее легкой добычей экстремистских сил. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Учредительное собрание и конституционные альтернативы России в 1917 году // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 4–23.

¹⁴³ В литературе рассматриваемого периода отмечалась некорректность акта отказа великого князя Михаила Александровича, что привело к разрыву конституционной преемственности и, в конечном счете, к отрицанию права во имя революционной целесообразности. В. Д. Набоков констатировал, что отказ великого князя (даже если исходить из презумпции его законности) мог быть сделан лишь в пользу верховной власти, т. е. Учредительного собрания, а не в пользу Государственной думы и тем более Временного правительства. Избранное решение проблемы, отмечал Набоков, имело целью торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной думой. В. А. Маклаков вообще считал, что в феврале 1917 г. революции могло не быть, если бы отречение не сопровождалось разрывом правовой преемственности. Михаил Александрович не имел права подписывать манифест 3-го марта даже в том случае, если бы он был монархом, поскольку манифест, вопреки существующей конституции, без согласия Думы, объявлял трон вакантным до созыва Учредительного собрания, устанавливал систему выборов этого Учредительного собрания и передавал до его созыва Временному правительству абсолютную власть, которой не имел сам подписавший акт. Получалось, что акт, подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных законов, становился, в сущности, единственным юридическим основанием власти революционного Временного правительства и наделял его в полном объеме также законодательными полномочиями. «Конституция, — заключал Маклаков, — этим была полностью упразднена; всякая связь между новой властью и старым порядком была разорвана. Это и было уже подлинной революцией, сдачей власти «революционным Советам», что прямой дорогой привело к Октябрю». «Преступным актом 3-го марта, — соглашался С. П. Мельгунов, — все было скомпрометировано — манифест явился сигналом восстания во всей России». Сходна позиция П. Н. Милюкова, считавшего, что ошибки революции происходят из «дефектности в самом источнике, созданном актом 3 марта». Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Учредительное собрание как политический институт переходного периода // Отечественная история. 2008. № 2. С. 3–29.

¹⁴⁴ *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870–1920) — из семьи землевладельца, окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета. Депутат II, III, IV Государственной думы, один из лидеров русских монархических организаций — Совета русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела. Один из участ-

ников убийства Г. Е. Распутина. После Февральской революции 1917 г. — один из деятелей контрреволюционного движения.

¹⁴⁵ *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870–1918) — из казаков, окончил Омский кадетский корпус. В 1907–1911 гг. — военный атташе в Китае, во время Первой мировой войны — начальник дивизии. 2 марта 1917 г. назначен командующим Петроградским военным округом. С 7 июля 1917 г. — командующий Юго-Западным фронтом. 19 июля 1917 г. назначен Главком-верхом. Пытался сместить Временное правительство Керенского и установить военную диктатуру, но потерпел неудачу. Бежал на Юг России, где организовал Добровольческую армию. Погиб во время сражения под Екатеринодаром.

¹⁴⁶ *Некрасов* Николай Виссарионович (1879–1940) — один из лидеров левых кадетов, инженер-технолог, профессор, депутат III и IV Государственной думы. Один из руководителей Земгора. В 1917 г. министр Временного правительства.

¹⁴⁷ *Эберт* (Ebert) Фридрих (1871–1925) — президент Германии с 1919 г., правый лидер социал-демократической партии. Во время Ноябрьской революции 1918 г. принял от Макса Баденского пост рейхсканцлера, стал одним из председателей Совета народных уполномоченных, заключил с генштабом тайное соглашение о введении войск в Берлин для подавления революции.

¹⁴⁸ *Шейдеман* (Scheidemann) Филипп (1865–1939) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии и председателей Совета народных уполномоченных, препятствовавшего радикализации революционного процесса. В 1919 г. — глава правительства.

¹⁴⁹ Состояние русского избирательного корпуса было предметом споров. Вопрос о соотношении сословного и классового принципа актуализировался при обсуждении всеобщего избирательного права. Известно, что в либеральной политической мысли Западной Европы и России были как убежденные сторонники, так и противники данной системы — первые апеллировали к демократическим убеждениям и чувству справедливости, вторые, напротив, подчеркивали опасность быстрого вовлечения в политику неподготовленных масс населения. В связи с этим обсуждались различные модели организации системы народного представительства: по региональному принципу (от земств и городов), по сословному принципу (традиционная система представительства, применявшаяся при выборе депутатов на Земские соборы и в Уложенные комиссии) и, наконец, по классовому принципу (путем введения норм представительства для различных социальных групп), а также допустимость использования ограничительных мер — имущественного или образовательного ценза. Кокошкин — ведущий специалист по этому вопросу, выступал последовательным сторонником системы всеобщего избирательного права в России. Несомненно зная аргументы обеих сторон, он предлагал новое

и вполне оригинальное обоснование целесообразности всеобщего избирательного права для России. Кокошкин подчеркивал необходимость быстрого преодоления сохранившихся элементов традиционализма во всех его проявлениях (региональном, сословном и классовом). Региональный принцип отвергался им как слишком громоздкий — система двухстепенных выборов исказит народную волю; сословно-классовые ограничения путем ценза — как основа будущей нестабильности политического строя. В качестве главного аргумента в защиту всеобщего избирательного права Кокошкин указывал на специфику сословного строя в России, который является скорее созданием правительственной власти, нежели результатом объективных социальных причин. Сословия сложились и были закреплены ради определенной государственной цели — несения податного тягла, выполнения военной и гражданской службы. Задача народного представительства, напротив, состоит в создании бессословного общества (русский эквивалент термину «гражданское общество») с целью обеспечения всем его членам равных политических прав. В противовес марксистскому тезису о неравенстве различных экономических классов, требующем различной нормы представительства от них, Кокошкин настаивает на правовом разрешении социального вопроса. Признавая существование классовой борьбы и ее мощное влияние на общество в целом, он, однако, указывает, что важнейшей задачей является не стимулирование этой борьбы, а ее подавление с целью «приучить классы сдерживать свои эгоистические стремления и подчинять их принципу общего блага, чтобы создать в лице государственной власти силу, стоящую над классами и их взаимной борьбой, способную оценивать интересы классов с общегосударственной точки зрения и с этой же точки зрения примирять и согласовывать их». Таким образом, всеобщее избирательное право есть механизм перехода от традиционалистского общества с жесткой сословно-классовой структурой к бессословному и бесклассовому обществу, в основе функционирования которого лежит принцип личной свободы. Эти идеи впоследствии определили деятельность Кокошкина в качестве председателя Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание в 1917 г. См.: *Кокошкин Ф. Ф.* Об основаниях желательности организации народного представительства в России. М., 1906.

¹⁵⁰ Проблема типологии конституционных монархий имела для русского либерализма практическое значение. Принципиальная проблема заключалась в том, можно ли рассматривать политическую систему, сформировавшуюся в ходе революции как аналог западных конституционных монархий или следует определять ее как лжеконституционализм или, согласно более умеренной формуле, мнимый конституционализм. В соответствии с этим по-разному решался вопрос об отношении к Думе и правительству, возможности участия политических партий в его рабо-

те. Этот вопрос разъединял оппозицию даже в условиях политического кризиса — роспуска Думы правительством. Сторонниками первой точки зрения — признания российской политической системы реально действующим правовым государством в форме конституционной монархии — выступили многие видные теоретики русского либерализма. Анализируя Основные законы 23 апреля 1906 г., они раскрывали главным образом правовую сторону проблемы. Основными источниками «русской конституции» они (например, В. М. Гессен) считали прежде всего западноевропейское законодательство — конституции Бельгии, Австрии, Пруссии, а также созданную по их образцу конституцию Японии 1889 г. Российскими источниками послужили конституционный проект Союза освобождения, а также проект С. А. Муромцева — Ф. Ф. Кокошкина (разумеется, в сильно модифицированном виде), которые в свою очередь испытали определенное влияние западного (бельгийского) конституционализма и были ориентированы не просто на конституционную монархию, но включали в себя элементы парламентской монархии и сильно выраженную приверженность к основным свободам. Можно констатировать также влияние судебной реформы 1864 г. и Судебных уставов, основанных на независимости суда и содержавших умеренные гарантии личной неприкосновенности. Наконец, существенное влияние оказали предшествующие российские Основные законы. Уже сам состав этих источников показывает, что в постреволюционном основном законодательстве конкурировали две тенденции — за сохранение достигнутых норм конституционного характера и против них, за восстановление прежних порядков, возможно, в модифицированном виде. Источником консервативных принципов явились прусская, австрийская и особенно японская конституции, а также Основные законы абсолютистского периода. Наиболее очевидным проявлением этих двух противоположных тенденций стала политическая система, созданная в России манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами 27 апреля 1906 г. С одной стороны, она напоминала конституционные монархии Западной Европы и внешне мало отличалась от них; с другой — имела существенную особенность, связанную с сохранением в законодательстве известного «монархического принципа» — специфической германской публично-правовой конструкции для представления главе государства особого независимого статуса над всеми ветвями власти и контроля над армией. В новом российском законодательстве эта тенденция проступала в сохранении за монархом титула «самодержец» при устранении синонима «неограниченный», ранее ассоциирующийся с ним. Монархический принцип проявился также в определении исполнительной власти как высшей государственной администрации и включении в ее компетенцию крайне широкого круга вопросов, многие из которых были по существу законодательного характера.

Эта двойственность основного законодательства России вызывала дискуссию среди представителей юридической науки того времени, в которой приняли участие такие видные ученые, как М. М. Ковалевский, Б. Э. Нольде, С. А. Котляревский, В. М. Гессен, П. Б. Струве, В. А. Маклаков, П. Н. Милоков, Ф. Ф. Кокошкин, Н. И. Лазаревский. Обсуждая характер манифеста 17 октября 1905 г., Основные законы 1906 г., роспуск правительством первых двух Дум и радикальные изменения избирательного законодательства, они очень четко показали непоследовательность конституционных реформ в России. В то же время, будучи членами политической партии, выступавшей за введение конституционного строя в России, они руководствовались определенной установкой — рассмотрение политической системы страны в перспективе правового государства. Суть этой позиции состояла в том, чтобы активно воздействовать на самодержавие, постепенно трансформируя его в конституционную монархию западного типа. Одним из способов подобного давления была правовая оценка политических заявлений правительства путем их соотнесения с сформировавшимися правовыми нормами европейских конституционных государств. В известном смысле они сознательно интерпретировали только правовые формулы, не касаясь механизмов их реализации. См.: Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.; Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; *Нольде Б.* Законы Основные // Право. 1913; *Гессен В. М.* Теория конституционного государства. М., 1914; *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976. P. 261–262, 373, 382.

¹⁵¹ *Ильин Иван Александрович* (1882–1954) — русский религиозный философ, представитель неогегельянства, в философии Гегеля видел систематическое раскрытие религиозного опыта пантеизма («Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»). С 1922 г. — в эмиграции, где написал ряд трудов, подводящих итоги русской революции и намечающих концепцию переустройства России после коммунизма.

¹⁵² Вопрос о переходе к республиканской форме правления представлялся Ф. Ф. Кокошкину не столь простым, как многим его современникам. Быстрый переход к демократии (всеобщему избирательному праву при республиканской форме правления), справедливо полагал он, может оказаться ловушкой для либеральной конституционной реформы и привести к созданию не «правовой республики», а «республики абсолютной», потому что «бывают и абсолютные республики» (понятие, ставшее прообразом тоталитаризма). Кокошкин усматривал две основные угрозы для либерального конституционализма — со стороны всемогущего представительного собрания, объединяющего законодательную и исполнительную власть (образцом служил политический режим во Франции эпохи Конвента, который привел к «жестокому деспотизму и попранию

всех прав личности»), и со стороны всесильной исполнительной власти республики, осуществляющей свои полномочия через голову законодательного собрания (режим бонапартистского типа). Отметим, что в России XX века реализовались обе эти тенденции: первая в виде так называемой «советской демократии», вторая — в постепенном переходе от однопартийной диктатуры к режиму суперпрезидентской республики. Доклад Кокошкина о государственном строе в России был прочитан на VII съезде конституционно-демократической партии 25 марта 1917 г. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917). М., 2000. С. 368–378. Есть издание в виде брошюры: Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг., 1917.

¹⁵³ Институт, непосредственно готовившим выборы, стало Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание под председательством Ф. Ф. Кокошкина, созданное постановлением Временного правительства 25 марта 1917 г. В состав Особого совещания было решено назначить специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и других сведущих лиц и пригласить политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России. Членами Особого совещания стали: юристы, члены I Государственной думы профессор С. А. Котляревский и Ф. Ф. Кокошкин, член II Государственной думы профессор В. М. Гессен, члены Государственной думы В. А. Маклаков и М. С. Аджемов, академик А. С. Лаппо-Данилевский, магистр государственного права Н. И. Лазаревский, магистр международного права барон Б. Э. Нольде, начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Авинов, член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, А. Я. Гальперн и кандидат прав В. В. Водовозов. Общая направленность в разработке вопроса о выборах (несмотря на представительство разных партий) определялась стремлением профессиональной части авторов «Положения» максимально объективно отразить волю общества, с одной стороны, и, с другой — нейтрализовать по возможности негативное влияние на исход выборов наименее подготовленной части общества (этим объясняется, в частности, дискуссия о возрастном цензе, стремление обеспечить права меньшинств, обсуждение системы контроля и перебаллотировок). Далее, однако, состав Особого совещания размывается: в него включаются представители от партий и национальностей, что не могло не вести к определенной дезорганизации работы и переходу от профессионализма к популизму.

¹⁵⁴ Трудность заключалась в преодолении популистских настроений в созданной при Особом совещании Редакционной комиссии. В прессе отмечалось, что «для первоначальной технической разработки подлежащих ведению совещания вопросов и для составления окончательной редакции вырабатываемых ими проектов в составе совещания образуется

редакционная комиссия, избираемая совещанием из числа его членов». Кроме того, наряду с правительственной, была создана альтернативная Комиссия по Учредительному собранию при Петроградском Совете, деятельность которой, однако, не увенчалась созданием разработанных законопроектов и выразилась в рекомендациях общего характера о проведении выборов.

¹⁵⁵ Одной из обсуждаемых тем стал вопрос: должно ли всеобщее избирательное право корректироваться в направлении защиты национальных меньшинств или представляющих их политических объединений? Для ответа на него предполагалось привлечь в состав Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, «кроме ранее приглашенных», следующих, «намеченных политическими организациями и отдельными национальностями, лиц»: представителей от украинцев и бурят; от Национального белорусского комитета; от литовцев; от армянской группы; от «грузинских политических партий»; от Совета Союза казачьих войск; от эстонских общественных организаций; и даже от сартов (оседлых жителей Сыр-Дарьинской и части Ферганской и Самаркандской областей). Фактически во всех этих случаях речь шла о кооптации новых членов Особого совещания, которая оказывалась возможной не на основе закона, но устного предложения министра юстиции, председателя Юридического совещания или представления председателя Особого совещания.

¹⁵⁶ Ключевая проблема в условиях войны — отношение к участию армии и особых ее групп (в частности, дезертиров) в выборах. Социальная риторика левых партий, близкая визионерству, делала этот момент чрезвычайно опасным. Солдаты, полагал, например, Ф. И. Дан, — сыграют организующую роль: свергнув вместе с рабочими правительство, они «вместе с теми же рабочими создадут Учредительное собрание, способное разрешить в интересах трудящихся все вопросы, способное упрочить в России истинно демократическую республику». В. П. Милютин, усматривая перспективность движения «через демократическую республику к социализму», вообще призывал к слиянию армии и народа через всеобщее вооружение последнего и предлагал «раскрыть глаза тем, кто не видит царства будущего». В самой армии эти идеи трансформировались в радикальное отрицание представительных институтов. «История показала нам, — заявлял Н. В. Крыленко, — что армиями истинно демократическими являются армии повстанческие». Его примеры — «Армия Спартака, армия Крестьянской войны в эпоху Средних веков, армия восставших чехов, наконец, армия в период Крестовых походов — все это армии, проникнутые истинно демократическим духом. Отличительной чертой всех их является то, что все они имели прочную спайку». Ее основа — «общность интересов всех входящих в состав армии». Суммируя принципы новой армии (в стиле таборитов и Кромвеля), Крыленко фактически

отрицал идею представительства: «Принципы эти суть: выборное начало вместо назначения свыше, революционная инициатива снизу вместо повиновения и коллегиальное начало вместо приказа». При такой постановке существо проблемы вообще размывалось: если отождествить армию с повстанцами, а последних с революционным народом, то дезертиры, особенно, при наличии «прочной спайки», начинают выступать как авангард революции.

Революционизация армии и переход власти от Временного правительства к Советам не означали, однако, для радикалов немедленного отказа от выборов в Учредительное собрание. Сообщая о перевороте в Петрограде, победе «рабочей и солдатской революции» и аресте членов Временного правительства и замене его комиссаров новыми — от Всероссийского Съезда советов, военные бюллетени одновременно разъясняли «правила о порядке предвыборной агитации в Учредительное собрание». Вообще информация об Учредительном собрании поступала в войска и пользовалась спросом. Учредительное собрание выступало как основа решения всех вопросов — земельного, национального и миграционного, военного. Тематами обсуждения в разное время становились выборы Конститутанты, процедуры и технологии их проведения. Был опубликован «Проект положения о выборах в Учредительное собрание в армии и флоте», а также разъясняющие его комментарии по избирательному праву. Существенное внимание уделялось обсуждению Положения о выборах, функционированию высших органов государства (в частности Совет республики), разъяснениям официальных лиц (напр., В. М. Чернова) о перспективах Учредительного собрания. «В бюллетенях, — отмечалось в одном из них, — будут помещаться по мере возможности, всевозможные разъяснения, касающиеся работы комиссий по выборам в Учредительное собрание, техники выборов и вообще весь тот материал по выборам, который имеется в комитете». «Вся необъятная Россия покрылась целой сетью комиссий участковых, армейских и т. д.». Обращалось внимание на процедурные вопросы и трудности голосования в воинских частях.

¹⁵⁷ *Лазаревский* Николай Иванович — русский юрист, специалист по государственному праву, принимал активное участие в анализе изменений российского законодательства в период перехода от самодержавия к думской монархии, исследовал переходное и чрезвычайное законодательство. Был одним из ведущих юридических экспертов Временного правительства и сыграл существенную роль в качестве активного деятеля Юридического совещания при Временном правительстве, а также в подготовке ряда документов Учредительного собрания. Расстрелян большевиками по «делу Таганцева». Лазаревский являлся автором трудов по русскому государственному праву, а также комментатором законодательства. См.: Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.

Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России с приложением алфавитного и предметного указателя. Изд. 2-е, перераб. и доп. по 1 янв. 1907 года. Под ред. приват-доцента Н. И. Лазаревского. СПб., 1907.

- ¹⁵⁸ В России 1917 г. существовало объективное противоречие между предельно демократическим порядком формирования Учредительного собрания и уровнем профессионализма, который мог быть обеспечен таким порядком формирования. Это противоречие профессионализма и популизма в концентрированном виде прослеживается на институциональном уровне в противостоянии двух институтов — Юридического совещания и Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, точнее, его Комиссии по выборам, в состав которой вошли представители партий и общественных движений. В компетенцию Юридического совещания входили «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также и иным, по которым такое заключение будет признано Временным правительством необходимым». Согласно положению о Юридическом совещании, на его рассмотрение передавались «вопросы публичного права, возникающие в связи с установлением нового государственного порядка». По предложению управляющего делами Временного правительства, председательствование в Юридическом совещании было возложено на Ф. Ф. Кокошкина.

- ¹⁵⁹ *Астров* Николай Иванович (1868–1934) — член ЦК конституционно-демократической партии. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в деятельности Правого центра, член правления Национального центра и Союза возрождения России. С 1918 г. в Добровольческой армии А. И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал.

- ¹⁶⁰ *Кишкин* Николай Михайлович (1864–1930) — член ЦК конституционно-демократической партии. Заместитель главноуполномоченного и член Главного комитета Всероссийского союза городов. В 1917 г. — комиссар Временного правительства, поддерживал генерала Л. Г. Корнилова. С конца сентября — министр государственного призрения. После Октябрьского переворота заключен в Петропавловскую крепость вместе с другими министрами. В 1919 г. арестован по делу «Тактического центра». С 1923 г. работал в Наркомздраве РСФСР, в дальнейшем неоднократно арестовывался.

- ¹⁶¹ Закон о выборах в Учредительное собрание получил очень высокую оценку М. В. Вишняка: «Мы знаем уже не только план всего здания, мы имеем перед собой не только фундамент, но и контрфорсы, мы видим уже возведенные стены, поперечные балки и стропила, контуры фасада и крыши. И мы вправе сказать, что еще ни одна страна, ни один народ в мире не знал в своей истории избирательного закона, который более

последовательно проводил бы начала народоправства и народовластия и который открывал бы более широкий простор к обнаружению воли народа, чем наш закон о выборах в Учредительное собрание» Вишняк М. В. Закон о выборах в Учредительное собрание. Пг., 1917. С. 28. Подробнее о выборах в Учредительное Собрание и их результатах см.: *Протасов Л. Г.* Всероссийской Учредительное собрание. М., 1997.

- ¹⁶² Главным противоречием всего советского конституционализма, проявившимся уже в первой конституции 1918 г., является стремление в правовых терминах обосновать антиправовой феномен — «диктатуру пролетариата». В связи с этим потребовалось создать особую концепцию этой диктатуры, призванную доказать ее принципиальное отличие от всех прочих исторических форм диктатуры. Главными элементами этой концепции стали: во-первых, парадоксальный тезис о том, что диктатура пролетариата есть высшая форма демократии; во-вторых, представление о ее деперсонифицированном (классовом) характере и, в-третьих, ограничение ее существования определенными историческими рамками переходного периода. В советской конституции 1918 г., представлявшей собой антитезу либерального конституционализма, современники увидели ряд особенностей: идеологический характер; ограниченный, фактически сословный, характер избирательной системы, представляющей наибольшие избирательные права низшим слоям общества (рабочим, солдатам и крестьянам) и исключающей участие в выборах всех прочих социальных слоев; наконец, сосредоточение всей реальной (неконституционной) власти в руках партии, которая в условиях чрезвычайного положения оказалась вне всякого конституционного контроля. Мы определяем такой тип конституционализма как «номинальный», т. е. такой, где конституция не имеет отношения к реальности, а ее основной функцией является не защита прав индивида, но камуфлирование реальной структуры власти. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

- ¹⁶³ Авинов Н. Н. — начальник Главного управления по делам местного хозяйства, секретарь Особого совещания.

- ¹⁶⁴ *Винавер* Максим Моисеевич (1863–1926) — член ЦК конституционно-демократической партии. Депутат Учредительного собрания от Петрограда. Выхал на Юг, где стремился обеспечить консолидацию партийных сил. В 1919 г. министр внешних сношений краевого правительства Крыма. Эмигрант.

- ¹⁶⁵ *Милль* (Mill) Джон-Стюарт (1806–1873) — английский философ и политический мыслитель, представитель эмпиризма, признавал опыт единственным источником всякого познания, а индукцию единственно плодотворным научным методом. Эти идеи представлены в трудах по логике, политической экономии, а также в трактатах по общественно-

политическим вопросам. Является одним из основоположников идеологии классического либерализма. Среди его трудов важное место принадлежит «Системе логики», где дается эмпирическое обоснование логических категорий. В политических трудах отстаивал идеалы парламентаризма, пропорциональной избирательной системы и рациональной бюрократии.

¹⁶⁶ *Родичев* Федор Измаилович (1854–1933) — депутат I–IV Государственной думы, член ЦК конституционно-демократической партии. После Октябрьского переворота 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания. В 1918 г. выехал на Юг. Участник Национального центра. С 1919 г. представлял Добровольческую армию за границей.

¹⁶⁷ *Пасманик* Давид Самуилович (1869–1930) — член Крымского комитета кадетской партии, публицист. В 1917–1919 гг. действовал в Крыму, подерживая линию П. Н. Миллюкова. С 1919 г. в эмиграции.

¹⁶⁸ Временный совет Российской республики (Предпарламент) (ВСРР) — совещательный орган при Временном правительстве. Решение о его создании было принято на расширенном заседании президиума Демократического совещания 20 сентября (3 октября) 1917 г. Предпарламент был образован для выполнения функций представительного учреждения, перед которым до созыва Учредительного собрания должно было нести ответственность Временное правительство. 2/15 октября Временное правительство утвердило положение о Предпарламенте, получившем название ВСРР. Согласно этому документу, Предпарламент мог обсуждать только те вопросы. «по коим Временное правительство признает необходимым иметь заключение совета». В состав Предпарламента, наряду с членами Демократического совета (выделенного из состава Демократического совещания) входили представители политических партий и общественных организаций. Всего в Предпарламенте насчитывалось 555 членов. Заседания Предпарламента открылись 7/20 октября в Маринском дворце. Председателем был избран Н. Д. Авксентьев, секретарем М. В. Вишняк. Большевики демонстративно отказались принимать участие в работе Предпарламента. 24 октября (6 ноября) в Предпарламенте с заявлением о «состоянии восстания» в Петрограде выступил А. Ф. Керенский. Днем 25 октября (7 ноября) войска ВРК окружили Маринский дворец и распустили Предпарламент.

¹⁶⁹ *Троцкий* (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — из семьи богатого еврейского колониста, в революционном движении с 1896 г. В 1905 г. член Президиума, а затем председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. После Февральской революции 1917 г. — председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Один из лидеров Октябрьского переворота. Нарком иностранных дел в первом советском правительстве, а с марта 1918 г. — председатель Высшего военного совета и нарком по военным делам, а с сентября также председатель Рев-

военсовета РСФСР. Потерпел поражение во внутрипартийной борьбе и был выслан за границу. Убит в Мексике по приказу Сталина.

- ¹⁷⁰ Вопрос о содержании предложенного большевиками решения аграрного вопроса и сопоставлении его с эсеровской программой длительное время являлся предметом дискуссии. Сравнительный анализ двух документов — эсеровского проекта «Типового крестьянского наказа (проекта 242-х)» и написанного Лениным «Декрета о земле» от 26 октября 1917 г., позволяет констатировать, во-первых, факт заимствования большевиками эсеровской программы; во-вторых, то, что документ в процессе прохождения претерпел лишь минимальные изменения; в-третьих, сознательное желание Ленина использовать Наказ для легитимации Декрета (отсюда его стремление принять Наказ по возможности в неизменном виде и отвергнуть предлагавшиеся к нему поправки); наконец, последующую трансформацию содержания Декрета путем расширенной трактовки эсеровского тезиса о социализации как национализации (в ее ленинском понимании). Декрет о земле, принятый II съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, включал в себя данный типовой наказ, приняв его (ст. 4) «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований впредь до окончательного их решения Учредительным собранием». Положениям Наказа в принципе не противоречили другие статьи Декрета, суть которого сводилась к отмене помещичьей собственности на землю без всякого выкупа (ст. 1). Декрет ничего не говорил о будущей форме собственности на землю (решение вопроса откладывалось на будущее), предпочитая менее определенную конструкцию о передаче земли в «распоряжение» Советов. Это была, очевидно, тактическая форма, позволявшая в будущем провести концепцию национализации в полном объеме. Тот факт, что типовой наказ предполагалось принять как временную инструкцию по осуществлению земельных преобразований, не вносил ничего принципиально нового в изменение этого положения. Можно констатировать, что типовой наказ (эсеровская программа) как документ, совершенно сырой с правовой точки зрения, позволял Ленину решить три задачи: сконструировать отсутствующую программу по аграрному вопросу, легитимировать ее как выражение воли крестьянства, использовать неясность и размытость положений Наказа для фактического захвата земельной собственности в будущем. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005. С. 360–368.

- ¹⁷¹ *Бухарин* Николай Иванович (1888–1938) — один из лидеров большевиков, в партии с 1906 г. После Октябрьского переворота 1917 г. редактор «Правды», член Политбюро ЦК партии, член Исполкома Коминтерна. В 1918 г. возглавлял группу левых коммунистов. Расстрелян.

- ¹⁷² *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — русский писатель-мистик, с 1920 г. — в эмиграции.

- ¹⁷³ *Долгоруков* Павел Дмитриевич (1866–1927) — князь, член ЦК конституционно-демократической партии. После Октябрьского переворота 1917 г. был избран депутатом Учредительного собрания, однако 28 ноября 1917 г. арестован. В 1918 г. выехал на Юг. Товарищ председателя Национального центра, организатор движения в поддержку Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал.
- ¹⁷⁴ *Шингарев* Андрей Иванович (1869–1918) — из купеческого сословия, активный участник либерального движения, член ЦК конституционно-демократической партии. После Февральской революции 1917 г. — министр земледелия и финансов Временного правительства, занимался также вопросами продовольствия. Убит красноармейцами в тюремной больнице.
- ¹⁷⁵ *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878–1943) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров, руководитель ее правого крыла, вступил в партию и был кооптирован в ЦК в 1905 г. В 1917 г. — сторонник войны до победного конца, член ЦК, председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел третьего состава Временного правительства, председатель Демократического совещания и Предпарламента. После Октябрьского переворота возглавлял Комитет спасения родины и революции, один из руководителей Союза возрождения России, председатель Уфимского государственного совещания, глава Директории. Во время колчаковского переворота был арестован и выслан за границу, где продолжал выступать как публицист. С 1919 г. в эмиграции.
- ¹⁷⁶ *Аргунов* Андрей Александрович (1866–1939) — один из видных эсеровских деятелей, в революционном движении с конца 1880-х гг., один из основателей и руководителей Союза социалистов-революционеров и партии эсеров. В годы Первой мировой войны оборонец. В 1917 г. один из лидеров правого крыла партии, член редакции газеты «Воля народа». Принимал активное участие в борьбе с большевизмом, член Директории. Во время колчаковского переворота был арестован и выслан за границу, где продолжал выступать как публицист.
- ¹⁷⁷ *Лужовский* Александр Исаевич (1865–1925) — видный эсеровский публицист, в 1917 г. — один из лидеров левого крыла партии, член редакции газеты «Воля народа». Резко осудил Октябрьский переворот большевиков 1917 г. В эмиграции входил в редакцию журнала «Современные записки».
- ¹⁷⁸ *Сорокин* Питирим Александрович (1889–1968) — социолог, русский политический деятель, учился в Психоневрологическом институте, а также на юридическом факультете Петербургского университета. С 1905 г. — член партии эсеров. В 1917 г. — один из лидеров правого крыла партии эсеров, член редакции газеты «Воля народа». Был избран депутатом Учредительного собрания. В 1918 г. вышел из партии эсеров и заявил о прекращении политической деятельности. Возглавлял кафедру социологии в Петроградском университете. В 1922 г. выслан из России. Профес-

- сор Гарвардского университета и председатель Американской социологической ассоциации.
- ¹⁷⁹ *Урицкий* Моисей Соломонович (1873–1918) — член большевистской партии с 1917 г. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК. Убит.
- ¹⁸⁰ *Сокольников* (наст. фам. Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) — член большевистской партии с 1905 г., участник Октябрьского переворота 1917, кандидат в члены Политбюро, член ВЦИК и ЦИК СССР, затем нарком финансов и заместитель председателя Госплана. Осужден как троцкист и умер в лагере.
- ¹⁸¹ *Ленин В. И.* Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162–166.
- ¹⁸² *Лютер* (Luther) Мартин (1483–1546) — германский реформатор, сын рудокопа. В 1505 г. вступил в августинский монастырь, в 1507 г. принял священство, в 1508 г. профессор в Виттенберге. 31 октября 1517 г. прибил к дверям дворцовой церкви 95 тезисов против продажи индульгенций Тецелем, в 1520 г. публично сжег папскую буллу об отлучении, в 1521 г. на Вормском сейме твердо стоял за свои убеждения против Карла V, по приказу Фридриха Мудрого был отвезен в Вартбург, где переводил Библию. Осудил крестьянскую войну. Написал много религиозных сочинений, заложивших основу одного из главных христианских вероисповеданий — лютеранства.
- ¹⁸³ *Каледин* Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии, в июне 1917 г. был избран атаманом Донского казачества. После неудачного выступления казаков против большевиков покончил с собой 11 февраля 1918 г.
- ¹⁸⁴ *Гольдман* (Гольдманис) Ян (Янис) (1875–1955) — депутат IV Государственной думы от Курляндской губ. Латыш, евангелически-лютеранского вероисповедания, крестьянин. Входил в Прогрессивную фракцию. После Февральской революции 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы. Член Государственного совещания и Предпарламента. Избран депутатом Учредительного собрания от Лифляндского избирательного округа по списку №1 (Крестьянский союз).
- ¹⁸⁵ *Фишнер* Вера Николаевна (1852–1942) — из дворян, активная участница революционного движения 1870-х гг. После Февральской революции 1917 г. примыкала к правому крылу эсеровской партии. Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Временного совета Российской республики (Предпарламента). С 1818 г. отошла от политики.
- ¹⁸⁶ *Слетова* Анастасия Николаевна (1873–1938) — первая жена В. М. Чернова. В 90-х гг. XIX в. — учительница воскресной школы в Тамбове. Член Аграрно-социалистической лиги. В партии эсеров с 1902 г. Член Учредительного собрания от Тамбовского избирательного округа. В сентябре 1938 г. предана суду Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинградской области. Умерла в тюрьме.

- ¹⁸⁷ *Матвеевская* Ольга Александровна (1882–?). — член Учредительного собрания от Орловского избирательного округа.
- ¹⁸⁸ *Стифидонова* Мария Александровна (1884–1941) — из семьи мелкого служащего. В партии эсеров с 1905 г., получила известность как террористка. После Февральской революции 1917 г. — одна из лидеров левых эсеров; поддержала Октябрьский переворот. Член ЦК партии левых эсеров. Председатель II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Депутат Учредительного собрания, кандидат от большевиков и левых эсеров в председатели Учредительного собрания. Одобрала его закрытие, являлась сторонницей сепаратного мира с Германией. Была не согласна с политикой большевиков в отношении крестьянства. Неоднократно арестовывалась. Расстреляна в 1941 г.
- ¹⁸⁹ *Коллонтай* Александра Михайловна (1872–1952) — член большевистской партии с 1915 г. (ранее примыкала к меньшевикам). Была одним из лидеров женского движения и рабочей оппозиции. В 1921–1922 гг. — секретарь Международного женского секретариата при Исполкоме Коминтерна, затем на дипломатической работе.
- ¹⁹⁰ *Розмирович* Елена Федоровна (1886–1953) — член большевистской партии с 1904 г. В 1918 — 1922 гг. председатель следственной комиссии Верховного трибунала при ВЦИК, жена Н. В. Крыленко.
- ¹⁹¹ *Яковлева* Вера Николаевна (1884–1941) — член большевистской партии с 1904 г. В 1916–1918 гг. — секретарь Московского областного бюро ЦК РСДРП(б). После Октябрьского переворота 1917 г. член коллегии НКВД, секретарь МК РКП(б), занимала также ряд других высших постов. Репрессирована.
- ¹⁹² *Дыбенко* Павел Ефимович (1889–1938) — член большевистской партии с 1912 г., матрос Балтфлота. В 1917 г. председатель Центробалта, член Петроградского ВРК, в 1918 г. нарком по морским делам, в период Гражданской войны — командующий Крымской армией. Расстрелян.
- ¹⁹³ *Стеклов* (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) — участник социал-демократического движения с 1890-х гг. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. С октября 1917 до 1925 г. редактор газеты «Известия».
- ¹⁹⁴ *Козловский* М. Ю. (1876–1927) — юрист-большевик. В 1917 г. член ВЦИК и Особого совещания по созыву Учредительного собрания, в котором резко выступал против его задержки Временным правительством. После Октябрьского переворота председатель следственной комиссии Петроградского ВРК, возглавлял расследование восстания юнкеров в Петрограде.
- ¹⁹⁵ *Лорджипанидзе* Иван Несторович (1889–1937) — член партии эсеров с начала 1900-х гг. В 1917 г. — одесский городской голова, член ВЦИК, депутат Учредительного собрания от Румынского фронта. В 1918 г. министр путей сообщения Грузинской демократической республики.

В 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу.

- ¹⁹⁶ *Лазарев* Егор Егорович (1855–1937) — революционный народник, видный деятель партии эсеров, оборонец. После Февральской революции 1917 г. примыкал к правому крылу партии, депутат Учредительного собрания, министр народного просвещения Комуча. С 1919 г. в эмиграции.
- ¹⁹⁷ *Крыленко* Николай Васильевич (1885–1938) — член большевистской партии с 1904 г., в 1917 г. член Петроградского ВРК, верховный главнокомандующий. С 1918 г. — председатель Верховного трибунала, прокурор, нарком юстиции. Расстрелян.
- ¹⁹⁸ *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875–1933) — один из большевистских лидеров и публицистов. После Октябрьского переворота 1917 г. член ВЦИК и нарком просвещения.
- ¹⁹⁹ *Скворцов-Степанов* Иван Иванович (1870–1928) — большевистский деятель, экономист, нарком финансов в первом советском правительстве.
- ²⁰⁰ *Камков* (наст. фам. Кац) Борис Давидович (1885–1938) — сын земского врача, окончил юридический факультет Гейдельбергского университета. В партии эсеров с 1900-х гг., во время Первой мировой войны интернационалист, участник Циммервальдской конференции (1915). В 1917 г. — один из лидеров левых эсеров, способствовавший их обособлению внутри партии. Председатель президиума партии левых эсеров-интернационалистов. Выступал против Брестского мира, один из участников выступления левых эсеров 6 июля 1918 г. В 1938 г. расстрелян.
- ²⁰¹ *Аванесов* В. А. (1884–1930) — член большевистской партии с 1914 г. В 1917 г. член ВРК в Петрограде, секретарь ВЦИК, с 1920 г. — один из руководителей ВЧК.
- ²⁰² *Свердлов* Яков Михайлович (1885–1919) — член партии большевиков с 1901 г., секретарь ЦК, в 1917 г. член ВРК, председатель большевистской фракции II съезда Советов, с ноября 1917 г. — председатель ВЦИК, председатель комиссии по выработке конституции.
- ²⁰³ *Гоц* Абрам Рафаилович (1882–1940) — сын богатого московского купца, окончил Берлинский университет, в 1904–1905 гг. — один из руководителей Московского комитета партии эсеров. В 1917 г. возглавлял эсеровскую фракцию сначала в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, затем во ВЦИК, товарищ председателя ВЦИК, член Петроградского и Центрального комитетов партии эсеров. После Октябрьского переворота — один из руководителей Комитета спасения родины и революции и восстания юнкеров в Москве. Один из главных обвиняемых на процессе эсеров в 1922 г. Вновь арестован в 1937 г. и умер в лагере Нижний Ингаш Красноярского края.
- ²⁰⁴ *Руднев* Вадим Викторович (1879–1940) — из дворян, учился в Московском и Базельском университетах. В 1905 г. возглавил Московский ко-

митет партии эсеров. В 1917 г. вновь возглавил этот комитет. С июля 1917 г. — московский городской голова. Возглавил Комитет общественной безопасности, который вел борьбу с большевиками в октябре 1917 г. В период Гражданской войны выступал за создание единого демократического фронта против большевиков, возглавлял Союз городов и Земско-городское объединение. С 1919 г. в эмиграции в Париже, где являлся одним из лидеров правых эсеров и редакторов журнала «Современные записки».

²⁰⁵ *Раскольников* (наст. фам. Ильин) Федор Федорович (1892–1939) — член большевистской партии с 1910 г. После Октябрьского переворота 1917 г. лидер революционных матросов Кронштадта. В 1920–1921 гг. — начальник морских сил Балтийского флота, затем в Коминтерне и на дипломатической работе в ряде стран. В 1938 г. стал невозвращенцем, написав обличительное письмо Сталину. Объявлен врагом народа и лишен советского гражданства. Умер (или убит) в Ницце.

²⁰⁶ *Штейнберг* Исаак Захарович (1888–1957) — из купеческой семьи. Учился в Московском и Гейдельбергском университетах, адвокат. Член партии эсеров с 1906 г. После Февральской революции 1917 г. — член ЦК партии левых эсеров, член ВЦИК, нарком юстиции. Противник Брестского мира, из-за несогласия с его заключением вышел в отставку. Был арестован ЧК, но в 1923 г. смог выехать за границу. Представлял партию левых эсеров и Союз эсеров-максималистов в Международном бюро революционно-социалистических партий.

²⁰⁷ *Ельяшевич* Александр Борисович (1884–1967) — приват-доцент, избран на IV съезде партии эсеров в состав ЦК, член Учредительного собрания от Самарского избирательного округа.

²⁰⁸ *Церетели* Ираклий Георгиевич (1881–1959) — из дворян, учился на юридическом факультете Московского и Берлинского университетов. Социал-демократ-меньшевик. Член II Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. — член Исполкома Петросовета, товарищ председателя ВЦИК, министр почт и телеграфов в первом коалиционном Временном правительстве, исполняющий обязанности министра внутренних дел. Выступал в защиту Учредительного собрания. После его разгона — один из создателей Грузинской демократической республики, с падением которой эмигрировал.

²⁰⁹ *Зензинов* Виктор Михайлович (1880–1953) — член ЦК эсеровской партии. Депутат Учредительного собрания. Один из лидеров Союза возрождения России. В сентябре 1918 г. председатель Уфимского государственного совещания, избран в состав Временного Всероссийского правительства (Директории). В ноябре 1918 г. арестован в Омске в ходе переворота адмирала Колчака и выслан за границу.

²¹⁰ *Скобелев* Михаил Иванович (1885–1938) — член РСДРП, с 1903 г. меньшевик, депутат IV Государственной думы. В 1917 г. — министр труда Вре-

менного правительства (с 5 мая по 1 сентября). Член Учредительного собрания. С 1922 г. член РКП(б). В 1938 г. расстрелян.

²¹¹ *Минор* Осип Соломонович (1861–1932) — из семьи московского раввина, учился на юридическом факультете Московского университета и в Демидовском лицее. Участник народовольческого движения 1880-х гг., за что был приговорен к каторге. В 1904–1905 гг. возглавлял Заграничный комитет партии социалистов-революционеров, являлся членом ЦК. После Февральской революции 1917 г. стал одним из лидеров Московского комитета эсеровской партии, редакторов газеты «Труд»; председатель городской Думы. Один из организаторов и руководителей вооруженного сопротивления большевикам в дни Октябрьского переворота. Член Учредительного собрания. В 1919 г. выехал за границу, жил в Париже, примыкал к группе правых эсеров.

²¹² *Фондаминский* (Бунаков) Илья Исидорович (1880–1942) — из богатой купеческой семьи, учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1905 г. — один из руководителей Московского комитета партии эсеров, кооптирован в ее ЦК. Один из лидеров правого крыла партии, последовательный оборонец. На III съезде партии избран в состав ЦК, товарищ председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов, депутат Учредительного собрания, член Союза возрождения России. В 1919 г. выехал во Францию, где входил в эсеровскую группу и являлся участником парижского совещания членов Учредительного собрания. Один из создателей и редакторов журналов «Современные записки», «Новый град» и «Русские записки». Погиб в Освенциме.

²¹³ *Карелин* Владимир Александрович (1891–1938) — один из организаторов партии левых эсеров и член ее ЦК. На II Всероссийском съезде Советов избран в Президиум ВЦИК от левых эсеров, а в декабре 1917 г. вошел в состав СНК РСФСР (нарком государственных имуществ), член ВЦИК 2–4-го созывов. Вследствие несогласия с заключением Брестского мира вышел из состава СНК. Один из организаторов мятежа левых эсеров. Расстрелян.

²¹⁴ *Железняков* Анатолий Григорьевич. (1895–1919) — с 1915 г. матрос Балтфлота. С 1917 г. анархист, член Военно-морского комитета, командовал отрядом во время штурма Зимнего дворца. В январе 1918 г. начальник караула Таврического дворца, затем председатель Революционного штаба Дунайской флотилии, командир полка и бронепоезда.

²¹⁵ *Монтень* (Montaigne) Мишель де (1533–1592) — французский философ, автор известных «Опытов», обсуждавших нравственные проблемы человеческого существования с позиций реализма.

²¹⁶ *Колчак* Александр Васильевич (1873–1920) — адмирал (1918). В октябре 1918 г. прибыл в Омск, где стал военным министром в правительстве Директории. 18 ноября произвел переворот, сверг Директорию и установил личную военную диктатуру, провозгласив себя Верховным

- правителем Российского государства и главноверхом. После разгрома своих войск сложил с себя эти звания в январе 1920 г. Арестован чехословаками и передан Политцентру. Расстрелян 7 февраля 1920 г. по постановлению ВРК.
- ²¹⁷ *Деникин* Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант (1916). В 1917 г. начальник штаба главноверха, командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Участник корниловского восстания. Один из организаторов Добровольческой армии, с апреля 1918 г. ее командующий. Потерпел поражение от Красной армии. С 1920 г. в эмиграции.
- ²¹⁸ *Нокс* (Кнох) Альфред Уильям (1870–1964) — английский генерал. В 1911–1918 гг. военный атташе в России. Один из организаторов установления диктатуры адмирала А. В. Колчака и его советник.
- ²¹⁹ *Врангель* Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант. В 1918–1919 гг. в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России, в 1920 г. главнокомандующий Русской армии в Крыму. С 1920 г. — эмигрант. В 1924–1928 гг. организатор Русского Общевоинского союза.
- ²²⁰ *Родзянко* Михаил Васильевич (1859–1924) — крупный землевладелец, участник съездов земских и городских деятелей. Один из основателей и лидеров партии «Союз 17 Октября». Председатель III и IV Государственной думы. Один из лидеров Прогрессивного блока. В 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы. Участник Государственного совещания, член Совета общественных деятелей. С 1920 г. в эмиграции в Югославии.
- ²²¹ *Юденич* Николай Николаевич (1862–1933) — генерал от инфантерии (1915). В 1917 г. командующий Кавказским фронтом. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем Эстонию. Возглавлял походы на Петроград весной–осенью 1919 г. Потерпел поражение. С 1920 г. в эмиграции.
- ²²² *Ключников* Юрий Вениаминович (1886–1938) — юрист, кадет, министр иностранных дел в Омском правительстве Директории, затем министр иностранных дел при Верховном правителе России адмирале А. В. Колчаке (1918–1919), выслан за границу, один из лидеров «сменовеховства».
- ²²³ *Алексинский* Иван Павлович (1871–1945) — депутат I Государственной думы. В 1917 г. член ЦК трудовой народно-социалистической партии. Входил в Союз возрождения России. В 1918 г. выехал в распоряжение Добровольческой армии. В 1920 г. — бежал за границу.
- ²²⁴ *Марков* (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) — один из лидеров Союза русского народа, Союза Михаила Архангела и крайне правых депутатов в III и IV Государственной думы. По окончании Гражданской войны — эмигрант.
- ²²⁵ Сравнение роспуска Учредительного собрания В. И. Лениным и роспуска Государственной думы П. А. Столыпиным не вполне корректно. Если в первом случае имел место однозначно антиправовой акт, то во втором — ситуация выглядела более сложной. Роспуск Государственной

думы 3 июня 1907 г., получивший в либеральной печати определение «третьеиюньского государственного переворота», привел к существенному изменению избирательного законодательства. Политический кризис, связанный с роспуском Думы, продемонстрировал несовместимость представлений конституционализма и монархической власти о путях реформирования политической системы. Для понимания позиций сторон и их социологической интерпретации, однако, важно понять мотивацию их поведения в условиях кризиса, определявшуюся сформировавшимися ценностными ориентациями. Это событие воспринималось современниками как столкновение двух политических культур или мировоззрений, одно из которых (конституционное) ориентировалось на западную теорию, а другое (монархическое) — скорее на российскую практику и роль государства в ней. Либеральные оппоненты режима квалифицировали эти действия власти как нарушение манифеста 17 октября 1905 г. и на этом основании определяли его как переворот. Между тем, роспуск Думы монархом сам по себе не противоречил основному законодательству страны. Поэтому были возможны различные оценки данного шага с юридической точки зрения. В связи с этим центральное место (особенно после роспуска двух Дум и изменения избирательного законодательства) занимали вопросы теоретического анализа российской государственности в условиях перехода от абсолютизма к демократии, вопросы, связанные со стратегией выживания для самого конституционализма. Квалификация действий властей как переворота, предложенная Ф. Ф. Кокошкиным, основывалась на том, что в манифесте царя о роспуске Думы отсутствовала дата созыва следующей Думы. В то же время оставался открытым вопрос о том, в какой степени действия властей нарушали Основные законы в редакции 1906 г. Те исследователи, которые подчеркивают реальный характер конституционных ограничений власти постреволюционного периода, указывают на спорность термина «переворот». Государственный переворот 3 июня 1907 г., полагают они, не изменил положения, хотя означал насилие над Основными законами. В манифесте, выпущенном по этому поводу, император не ссылаясь на свое право абсолютного властителя, но лишь указывал на свой долг положить конец нетерпимой ситуации, и манифест не отменил ни одного из Основных законов, напротив, они были им определенно подтверждены. В дальнейшем и Дума и правительство избегали заявлений, позволяющих рассматривать этот шаг как прецедент. Справедливо, что Основные законы часто подвергались нарушениям, содержали различные временные положения, дух которых был несовместим с конституционализмом, но сходная ситуация существовала в законодательстве многих других стран в начале их конституционного развития, особенно, крупных империях до самого прекращения их существования. Напротив, роспуск Учредительного собрания Лениным не может опираться на эти

аргументы и вполне однозначно квалифицируется как государственный переворот. См.: Манифест 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», а также Положение о выборах в Государственную думу // Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957; Законодательство о Думе и Государственном совете подробно проанализировано в трудах русских юристов: *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.; *Котляревский С. А.* Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; *Нольде Б.* Законы Основные // Право. 1913; *Гессен В. М.* Теория конституционного государства. М., 1914.

²²⁶ *Мельгунов* Сергей Петрович (1879/80–1956) — русский историк и публицист либерального направления. Редактор журнала «Голос минувшего». После Октябрьского переворота 1917 г. — эмигрант.

²²⁷ *Гувер* (Hoover) Герберт Кларк (1874–1964) — 31-й президент США (1929–1933) от Республиканской партии.

²²⁸ *Кулидж* (Coolidge) Калвин (1872–1933) — 30-й президент США (1923–1929) от Республиканской партии.

²²⁹ *Вильсон* (Wilson) Томас Вудро (1856–1924) — 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии. Инициатор вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу установления мира в Европе — «Четырнадцать пунктов». Ранее — профессор конституционного права, автор известной книги «Государство», где, в частности, ставил под сомнение возможность буквальной интерпретации принципа разделения властей в связи с необходимостью быстрого принятия административных решений в новых условиях мирового развития. Данный труд был переведен в России и пользовался известностью в литературе по конституционному праву.

²³⁰ Долгий парламент в Англии — созван королем Карлом I в 1640 г., но фактически стал законодательным органом, действовавшим на протяжении всей гражданской войны и революции. Разогнан О. Кромвелем в 1653 г.

²³¹ *Кромвель* (Cromwel) Оливер (1599–1658) — английский государственный деятель, лорд-протектор английской республики, происходил из аристократической протестантской семьи, пуританин, в 1628 г. член парламента, в 1610 г. член Долгого парламента, образовал армию индепендентов, победил в ряде сражений монархистов и добился казни короля Карла I (1649), окончил гражданскую войну победой при Ворчестере (1651), после роспуска Долгого парламента (20 апреля 1653) — лорд-протектор Англии. В «Инструменте управления» зафиксированы его основные прерогативы и порядок передачи власти, поэтому некоторые исследователи определяют данный документ как первую писаную конституцию.

²³² *Карл* (Charles) I (1600–1649) — английский король с 1625 г. из династии Стюартов. В ходе революции середины XVII в. стремился отстоять незы-

блемость королевской власти и вступил в войну с войсками парламента. Был низложен и казнен.

²³³ *Монк* (Monk, герцог Albermarle) Джордж (1608–1670) — английский полководец, генерал-лейтенант при Кромвеле. В 1654 г. губернатор Шотландии, 3 февраля 1660 г. вступил в Лондон, в декабре 1648 г. восстановил изгнанных пресвитерианских членов парламента, 8 мая 1660 г. провозгласил Карла II королем.

²³⁴ Пресвитериане — одно из направлений пуританства. Пуритане (*англ.* Puritans, от *лат.* Puritas — чистота) — последователи кальвинизма в Англии XVI–XVII вв., выступавшие за углубление реформации, проведенной «сверху» в форме англиканства, а также против абсолютизма королевской власти. В условиях революции разделились на более умеренное (пресвитериане) и более радикальное (индепенденты) направления. Пресвитериане — умеренное направление среди пуритан в период Английской революции XVII в., в отличие от более радикального (индепенденты). Находились у власти в период 1640–1648 гг. (до Прайдовой чистки).

²³⁵ Индепенденты — радикальное направление пуритан в период Английской революции XVII в. Противостояли умеренному направлению в пуританстве — пресвитерианам. Долгий парламент в Англии — см. комм. 230.

²³⁶ Директория — Временное всероссийское правительство, созданное 23 сентября 1918 г. Уфимским Государственным совещанием в составе Н. Д. Авксентьева (председатель), кадета Н. И. Астрова, генерала В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского, народного социалиста Н. В. Чайковского. Фактически вошли Авксентьев, Болдырев, Вологодский, кадет В. А. Виноградов и эсер В. М. Зензинов. В состав образованного Совета министров вошли члены Административного совета Сибирского правительства во главе с Вологодским, выступавшие за установление военной диктатуры. В октябре 1918 г. Директория переехала из Уфы в Омск. В программу входила ликвидация советской власти, продолжение войны с Германией, воссоединение России и установление жесткой исполнительной власти. Директория перестала существовать в результате переворота, осуществленного адмиралом Колчаком в ночь на 18 ноября 1918 г.

²³⁷ Союз возрождения России создан в марте 1918 г. в Москве. В него входили кадеты, народные социалисты и эсеры (Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, И. И. Бунаков-Фондаминский и др.). Союз ставил своей задачей объединение либеральных и демократических сил в целях свержения советской власти и созыва нового Учредительного собрания.

²³⁸ Правый центр — первое антибольшевистское нелегальное объединение русской либеральной общественности, созданное в марте 1918 г. в Москве под руководством представителей конституционно-демократической партии и монархических групп — Совета общественных деятелей, Торгово-промышленного комитета, Всероссийского союза земельных

собственников и сельских хозяев. Во главе стояли профессор П. И. Новгородцев, А. В. Кривошеин, В. И. Гурко, С. М. Леонтьев. Большинство членов вошло затем в Национальный центр.

²³⁹ Всероссийский Национальный центр (ВНЦ) — ведущая общественно-политическая организация либеральной оппозиции большевистскому режиму в годы Гражданской войны. Инициатива создания ВНЦ принадлежала членам ЦК партии кадетов — Н. И. Астрову, В. А. Степанову и Н. Н. Щепкину. В руководящее ядро ими были приглашены видные общественные и политические деятели — Д. Н. Шипов, М. М. Федоров, П. Б. Струве, А. А. Червен-Водали. Программа ВНЦ включала следующие приоритеты: борьбу с Германией, большевизмом, восстановление единой и неделимой России, верность союзникам, поддержку Добровольческой армии и подготовка условий для создания новой России. На переходный период предполагалось установить военную диктатуру. ВНЦ была разгромлена ВЧК. Подробнее см.: Всероссийский Национальный центр. М., 2001.

²⁴⁰ *Гинс* Георгий Константинович (1887–1971) — управляющий делами Совета министров А. В. Колчака.

²⁴¹ Комитет спасения Родины и революции — политическая организация, созданная в ночь на 26 октября 1917 в Петрограде для борьбы против большевистского режима. Комитет возглавляли эсеры: Н. Д. Авксентьев (председатель), А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, В. М. Чернов и др. В него входили представители Городской думы, ВЦИК Советов первого созыва и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ушедшие со II съезда Советов члены фракций меньшевиков и эсеров, представители Предпарламента, профсоюзов и проч. Позднее Комитет распался и его деятели образовали Союз защиты Учредительного собрания.

²⁴² *Носке* (Noske) Густав (1868–1946) — германский правый социал-демократ, член Совета народных уполномоченных во время Ноябрьской революции 1918 г., в 1919–1920 гг. военный министр.

²⁴³ *Фортунатов* Борис Константинович (1886–1936) — член Учредительного собрания от Самарского избирательного округа. В советское время неоднократно арестовывался.

²⁴⁴ *Бердяев* Николай Александрович (1874–1948) — философ, один из основателей экзистенциализма. Из дворян, учился в кадетском корпусе, затем на естественном и юридическом факультетах Киевского университета. В 1899 г. за участие в революционных кружках был исключен из университета и сослан в Вологодскую губ., где познакомился с представителями радикального революционного движения. По своим взглядам был близок к Союзу освобождения и участвовал в его заграничных съездах. Первоначально поддержал революцию 1905 г., но затем (под впечатлением от эксцессов революционного насилия) отошел от революционного движения и вообще от политики. После 1917 г. в качестве профессора Московского университета (с 1920) выступал с критикой большевистского

режима и был выслан из страны в 1922 г., жил в Германии (1922–1924), затем до конца жизни — во Франции, где основал и издавал религиозно-философский журнал «Путь». В 1947 г. получил звание доктора теологии Кембриджского университета. По своим философским взглядам Бердяев был, несомненно, эклектиком, пройдя через различные интеллектуальные влияния — от исторического материализма к философии Канта и В. Соловьева, и от них — к обоснованию религиозного сознания и экзистенциализму. Эти особенности эволюции взглядов отражены в его итоговой книге — «Самопознание (Опыт философской автобиографии)».

²⁴⁵ *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873–1924) — русско-советский поэт, символист, затем член КПСС с 1920 г.

²⁴⁶ *Белорусов* (Белецкий) А. С. — деятель Национального центра, который направил его в Сибирь. Был назначен на пост председателя комиссии по подготовке Учредительного собрания в Омске.

²⁴⁷ *Кизеветтер* Александр Александрович (1866–1933) — русский историк и либеральный общественный деятель, член конституционно-демократической партии, профессор Московского университета. С. 1922 г. в эмиграции, профессор Пражского университета.

²⁴⁸ *Устрялов* Николай Васильевич (1890–1938) — русский общественный деятель, член конституционно-демократической партии (с 1917). С 1920 г. в эмиграции (Харбин). Один из идеологов «сменовеховства». Полагал, что советский режим под влиянием экономических факторов отошел от коммунизма, претерпел термидорианское перерождение и может эволюционировать в направлении бонапартизма. В 1935 г. вернулся в СССР и был расстрелян.

²⁴⁹ *Новгородцев* Павел Иванович (1866–1924), — либеральный общественный деятель, философ права, профессор, член конституционно-демократической партии и депутат I Государственной думы. Один из создателей философской доктрины и направления общественной мысли, получившего известность как «возрождение естественного права». К этому направлению принадлежали или разделяли его идеи другие крупные русские юристы начала XX в. — В. М. Гессен, Л. И. Петражицкий, С. Н. Трубецкой, отчасти Г. Ф. Шершеневич. Опираясь на философию неокантианства, данное направление стремилось переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить сущему — должное, действующей правовой системе русского самодержавия — концепцию либеральных правовых реформ. Задачу философии права Новгородцев усматривал в том, чтобы «оценивать факты существующего с этической точки зрения», «критически отнестись к действительности и оценить ее с точки зрения идеала», выдвинуть «этический критицизм, в котором и состоит самая сущность естественного права». Программной работой в этом отношении можно считать статью Новгородцева — «Нравственный идеализм в

философии права», опубликованную в сборнике «Проблемы идеализма» (1902).

Новгородцев входил в Союз освобождения (член его Совета) и участвовал в разработке им конституционного проекта — «Проект Основного закона Российской империи». Он являлся одним из основателей конституционно-демократической партии, был кооптирован в состав ее ЦК (1906). Избран депутатом I Государственной думы от Екатеринославской губернии. В качестве члена кадетской фракции Думы принимал участие в следующих комиссиях: о неприкосновенности личности, редакционной, по вопросам гражданского равенства. Участвовал в подготовке и подписании законопроектов: о гражданском равенстве, собраниях, неприкосновенности личности, внесении изменений в ст. 55–57 Учреждения Государственной думы. Подписав Выборгское воззвание, был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав.

После Октябрьского переворота 1917 г. выступил последовательным противником советского режима, входил в основные контрреволюционные организации, стремившиеся отстоять либеральные ценности в условиях формирующейся однопартийной диктатуры — Совет общественных деятелей, Правый центр и Всероссийский национальный центр, где выступал в поддержку восстановления в России сильной государственной власти в форме конституционной монархии или единоличной диктатуры. В известной работе «О путях и задачах русской интеллигенции», написанной в 1918 г., Новгородцев подчеркивал утопизм идеологии большевизма и видел смысл деятельности мыслящих людей в противостоянии ему, подготовке юридических актов переходного периода. В годы революции, Гражданской войны и эмиграции Новгородцевым были написаны философские сочинения, призванные дать объяснение явлению, получившему позднее название тоталитаризм: «Об общественном идеале» (1917); «Демократия на распутье» (1923) и др. статьях эмигрантского периода; «Восстановление святынь» (1923). Его взгляды эволюционировали в направлении религиозных оснований права. Новгородцев сыграл видную роль в становлении научной работы и преподавания в русской эмиграции. При поддержке правительства Чехословакии он организовал Русский юридический факультет при Пражском университете (1922). Новгородцев являлся членом правления Союза русских академических организаций за границей и Русской академической группы в Чехословакии, руководителем и участником ряда других эмигрантских учреждений в этой стране. Подробнее см.: *Медушевский А. Н.* П. И. Новгородцев как теоретик демократии и авторитаризма // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. С. 179–189.

²⁵⁰ Нуланс (Noulens) Жозеф (1864–1939) — французский дипломат. В 1917 г. французский посол в России при Временном правительстве. Был вовлечен в различные проекты свержения большевистской диктатуры.

- ²⁵¹ *Коварский В. Н.* — видный деятель партии эсеров, принадлежал к ее правому крылу.
- ²⁵² *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918) — левый эсер, подполковник (1918). После Февральской революции 1917 г. председатель Центрального исполкома по формированию революционной армии из добровольцев тыла для продолжения войны с Германией. После Октябрьского переворота предложил свои услуги новой власти и был назначен большевиками начальником обороны Петрограда, а затем главнокомандующим войсками, сражавшимися против Керенского-Краснова. Главнокомандующий Восточным фронтом, лидер антибольшевистского восстания в Симбирске 10–11 июля 1918 г. Убит при сопротивлении аресту.
- ²⁵³ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) — генерал-лейтенант. В 1917 г. верховный главнокомандующий. Был снят с должности А. Ф. Керенским. После Октябрьского переворота выехал на Дон, где занимался организацией Добровольческой армии.
- ²⁵⁴ *Мирбах (Mirbach) Вильгельм* (1871–1918) — граф, с апреля 1918 г. посол Германии в Советской России. Убит левыми эсерами 6 июля 1917 г.
- ²⁵⁵ *Брушвит Иван Михайлович* (1879–1946) — эсер, депутат Учредительного собрания от Самарского избирательного округа, входил в Комуч, в эмиграции принадлежал к Пражской группе эсеров.
- ²⁵⁶ *Вольский Владимир Казимирович* (1877–1937) — из дворян, учился в Московском университете. В партии эсеров с 1903 г. Во время войны — интернационалист. После Февральской революции 1917 г. — член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, член Учредительного собрания и председатель президиума Комуча. Расстрелян за принадлежность к «антисоветской» террористической организации.
- ²⁵⁷ Комуч — Комитет членов Учредительного собрания — оформился 8 июня 1918 г. в Самаре после захвата города чехословаками, хотя зародился еще при советской власти (председатель В. К. Вольский; члены — И. М. Брушвит, П. Д. Климушкин, И. П. Нестеров, Б. К. Фортунатов). Объявил себя до созыва Учредительного собрания временной властью и правительством на территории, освобожденной от большевиков. Исполнительная власть была представлена Советом управляющих ведомствами. Комуч провозгласил демократические свободы, восстановил институты местного самоуправления (думы и земства), свободу частной торговли, денационализировал промышленность и банки, ввел 8-часовой рабочий день, сформировал Народную армию. По решению Директории Комуч был распущен, бывшие его члены составили Съезд членов Учредительного собрания.
- ²⁵⁸ Имеется в виду деятельность Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) — см. комм. 257. К концу сентября 1918 г. в состав Комитета входило 96–97 членов Учредительного собрания.

- ²⁵⁹ *Майский* Иван Михайлович (1884–1975) — деятель партии эсеров, в 1918 г. руководитель ведомства труда в Самаре, перешел на сторону большевиков в 1921 г., затем советский дипломат и академик АН СССР.
- ²⁶⁰ *Лацис* Мартын Иванович (1888–1938) — большевик с 1905 г. Во время Октябрьского переворота член ВРК, затем член коллегии ВЧК, председатель Чрезвычайной комиссии и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта. В 1919–1921 гг. председатель Всеукраинского ЧК. Прославился жестокостью. Расстрелян.
- ²⁶¹ *Дутов* Александр Ильич (1879–1921) — генерал-лейтенант. После Февральской революции 1917 г. был избран председателем Совета Союза казачьих войск, с сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачества. В 1918–1919 гг. командовал Оренбургской армией в войсках адмирала А. В. Колчака, в 1920 г. бежал в Китай.
- ²⁶² *Локхарт* (Lockhart) Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970) — английский дипломат. С 1918 г. глава английской миссии при Советском правительстве. Разоблачен как организатор заговора и выслан.
- ²⁶³ *Веденятин* М. А. (1879–1938) — в партии эсеров с начала 1900-х гг., примыкал к ее Боевой организации. Оборонец. На III и IV съездах избирался в ЦК. Член Учредительного собрания и Комуча, в котором управлял ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов. Проходил по процессу эсеров в 1922 г. Арестован в 1937 г. и умер в лагере.
- ²⁶⁴ *Пишон* (Pichon) Стефан (1857–1933) — в 1906–1917 гг. министр иностранных дел Франции.
- ²⁶⁵ *Скоропадский* Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант (1916). В октябре 1917 г. на съезде «вольного казачества» в Чигирине назначен главой военных формирований Центральной рады. В 1918 г. был избран гетманом Украины, провозгласил создание независимой Украинской державы, установив диктатуру.
- ²⁶⁶ *Краснов* Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-лейтенант (1917). Был назначен А. Ф. Керенским командовать войсками, направленными на Петроград для подавления большевиков. В 1918 г. на Дону избран атаманом Донского казачества, создал казачью армию. С 1920 г. в эмиграции. Сотрудничал с немецким командованием накануне и во время Второй мировой войны. Захвачен советскими войсками и казнен.
- ²⁶⁷ *Сухомлин* Василий Васильевич (1885–1963) — из семьи народовольцев. В 1917 г. член редакции газеты «Дело народа». На IV съезде партии эсеров избран в ЦК. В 1918 г. выехал из России и входил в Заграничную делегацию партии эсеров, представляя ее в Социалистическом Интернационале. В 1954 г. возвратился в СССР.
- ²⁶⁸ *Дан* (Гурвич) Ф. И. — см. комм. 130.
- ²⁶⁹ *Вильгельм II* Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг. Внук Вильгельма I. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г.

- ²⁷⁰ *Огарев* Николай Платонович (1813–1877) — революционер, писатель и публицист, соратник А. И. Герцена. С 1856 г. в эмиграции, один из руководителей Вольной русской типографии и издатель «Колокола».
- ²⁷¹ *Михайлов* Иван Андрианович (1891–1942) — сын народовольца, экономист. После Февральской революции 1917 г. служил в Министерстве земледелия, продовольствия и финансов. С декабря 1917 г. товарищ председателя Петроградского союза сибиряков-областников. Эсер, министр финансов Сибирского правительства. Подозревался в организации убийства А. Е. Новоселова. В конце 1919 г. эмигрировал в Харбин, работал в правлении КВЖД.
- ²⁷² *Дербер* Петр Яковлевич (1884–1929) — эсер, председатель Акмолинской областной земской управы, в 1917 г. — член Сибирской областной думы, в 1918 г. возглавил Временное правительство автономной Сибири.
- ²⁷³ Уфимская директория — см. комм. 236.
- ²⁷⁴ *Вологодский* Петр Васильевич (1863–1928) — присяжный поверенный. С января 1918 г. министр иностранных дел во Временном Сибирском правительстве. Председатель Совета министров и министр иностранных дел в Сибирском правительстве, созданном в Томске. Член Уфимской директории, возглавлял ее Совет министров. Способствовал перевороту А. В. Колчака. После переворота 18 ноября 1918 г. до 23 ноября 1919 г. возглавлял Омское правительство, входил в Совет Верховного правителя. С конца 1919 г. в эмиграции.
- ²⁷⁵ *Крль* Лев Афанасьевич (1872–1931) — член ЦК кадетской партии, в 1921 г. участник Уфимского Государственного совещания, член Дальневосточного Демократического союза, в который входили и эсеры.
- ²⁷⁶ *Хорват* Дмитрий Леонидович (1859–1937) — генерал, управляющий КВЖД, возглавлял военный отряд «Дальневосточного комитета активной защиты родины и Учредительного собрания», созданного в Харбине в феврале 1918 г. Признал Временное Сибирское правительство, а затем правительство адмирала А. В. Колчака, став его верховным уполномоченным на Дальнем Востоке. В 1920 г. эмигрировал в Китай.
- ²⁷⁷ Новоселов А. Е. — министр в Омском правительстве П. Я. Дербера, был арестован белыми офицерами по пути в тюрьму и убит.
- ²⁷⁸ Уфимское Государственное совещание — состоялось 8–23 сентября 1918 г. Присутствовало 170 делегатов от Комуча, Временного Сибирского правительства, Уральского временного правительства, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Иркутского, Енисейского, Семиреченского и Астраханского казачества, Туркестанского автономного правительства, тюрко-татарского национального правительства России, а также политических партий, общественных организаций и органов местного самоуправления. Большинство принадлежало эсерам. Председателем совещания был избран Н. Д. Авксентьев. Совещание создало Временное всероссийское правительство (Директорию).

- ²⁷⁹ *Liberum veto* — право свободного вето — принцип, действовавший в Речи Посполитой при выборах в Сейме, когда каждый шляхтич, участвовавший в выборах, мог заблокировать предложенную кандидатуру. Данный принцип, лежавший в основе политического устройства этого государства, вел к расколам и политической нестабильности. В данном случае это понятие используется в качестве метафоры.
- ²⁸⁰ *Болдырев* Василий Георгиевич — генерал-лейтенант В 1917 г. командующий 5-й армией. В 1918 г. один из лидеров Союза возрождения России, член Национального центра, Уфимской директории и главнокомандующий ее войсками. С 1920 г. командовал войсками Временного правительства Приморской областной земской управы во Владивостоке. Был арестован большевиками в 1922 г., но позднее освобожден после заявления о готовности служить им.
- ²⁸¹ *Чайковский* Николай Васильевич (1850–1926) — народник, один из основателей партии эсеров. В 1910 г. вышел из партии. После Февральской революции 1917 г. трудовик. Член ЦК трудовой народно-социалистической партии, член ВЦИК Совета крестьянских депутатов. Один из лидеров правого крыла Демократического совещания и Предпарламента. После Октябрьского переворота 1917 г. противник большевистской власти. Один из основателей Союза возрождения России, член Верховного управления Северной области и южно-русского правительства генерала А. И. Деникина. С начала 1919 г. в эмиграции.
- ²⁸² *Свяцкий* Николай Владимирович (1887–1937) — адвокат, член комиссии ЦК эсеровской партии по выборам в Учредительное собрание, редактор «Партийных известий» Член Учредительного собрания от Харьковского избирательного округа, секретарь Комуча. После Гражданской войны работал в советских учреждениях. Расстрелян.
- ²⁸³ *Постников* Сергей Порфирьевич (1883–1965) — в 1917 г. член редакции газеты «Дело народа» и журнала «Партийные известия». Депутат Учредительного собрания от Воронежского избирательного округа.
- ²⁸⁴ *Буревой* (Сопляков) Константин Степанович (1888–1934) — из крестьян, эсер с 1905 г. В 1917 г. на IV съезде избран в состав ЦК. Член Учредительного собрания от Воронежского избирательного округа, секретарь Комуча, участник Уфимского Государственного совещания, член Съезда депутатов Учредительного собрания. Был арестован колчаковцами в 1918 г. в Екатеринбурге. Вышел из партии эсеров и стал сотрудничать с большевиками, выступал свидетелем на процессе 1922 г. Обвинен в подготовке террористических актов против советских деятелей и расстрелян.
- ²⁸⁵ *Моисеенко* Борис Николаевич (1880–1918) — эсер, боевик, член Учредительного собрания от Юго-Западного фронта, убит белыми офицерами в Омске в 1918 г.
- ²⁸⁶ Пфуль и Вейротер — имена двух немецких стратегов времен войны 1812 г., используемые в данном случае как нарицательные, поскольку их

стратегические планы носили сугубо умозрительный характер. *Пфюль* (Pfuel) Карл-Людвиг-Август (1757–1826) — барон, прусский генерал, после Йенской битвы перешел на русскую службу, составил план военных действий 1812 г.

²⁸⁷ Полковник В. И. Волков, есаул И. Н. Красильников, А. В. Катанаев и др. были непосредственными участниками государственного переворота 18 ноября 1918 г. Они произвели аресты членов Уфимской директории — Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова, Е. Ф. Роговского. Позднее предстали перед судом, но были оправданы. Красильников И. Н. — атаман, один из главных участников колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 г.

²⁸⁸ *Раков* (Осецкий) Дмитрий Федорович (1881–1941) — из крестьян, окончил Коммерческий институт. В 1905–1907 гг. деятель Всероссийского Крестьянского союза в Казанской губернии. В 1918 г. входил в Бюро ЦК. Член Комуча. Был арестован во время колчаковского переворота. В 1922 г. проходил по эсеровскому процессу. В 1937 г. вновь осужден и в 1941 г. расстрелян.

²⁸⁹ *Роговский* Евгений Францевич (1880–1950) — член Учредительного собрания от Алтайского избирательного округа, председатель правительства Комуча, товарищ министра внутренних дел в правительстве Уфимской директории. Эмигрировал.

²⁹⁰ *Кругликов* Анатолий Николаевич (1883–1919) — эсер, член ВЦИК 1-го созыва и Учредительного собрания от Забайкальского избирательного округа.

²⁹¹ *Пумпянский* Николай Петрович (1881–1932) — член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Предпарламента, депутат Учредительного собрания от Забайкальского избирательного округа, член ВЦИК 3-го созыва.

²⁹² *Архангельский* Василий Гаврилович (1869–1948) — депутат II Государственной думы, член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Предпарламента и Учредительного собрания от Самарского избирательного округа. Избран в состав ЦК на III съезде партии эсеров и был кооптирован в него после IV съезда. Эмигрировал.

²⁹³ *Пепеляев* Виктор Николаевич (1884–1920) — кадет, депутат IV Государственной думы. В 1917 г. комиссар Временного правительства в Петроградском градоначальстве, затем в Кронштадте. В 1918 г. входил в Национальный центр и Союз возрождения России. Сторонник установления военной диктатуры. Участвовал в подготовке переворота А. В. Колчака. В правительстве Колчака возглавлял департамент милиции и государственной охраны, с весны 1919 г. — министр внутренних дел и член Совета Верховного правителя. С конца ноября 1919 г. — председатель Совета министров. Расстрелян по постановлению ВРК Иркутска 7 февраля 1920 г.

- ²⁹⁴ *Савинков* Борис Викторович (1879–1925) — деятель партии эсеров, заместитель главы ее Боевой организации, участвовал в организации террористических актов против В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича. В 1917 г. — военный комиссар Временного правительства, товарищ военного министра, военный губернатор Петрограда, содействовал выступлению генерала Л. Г. Корнилова. После Октябрьского переворота — один из организаторов антибольшевистской борьбы. Создатель «Союза защиты Родины и Свободы», организатор восстаний в Ярославле, Муроме и Рыбинске, глава военной миссии сначала Директории, затем правительства А. В. Колчака в Париже. Арестован ОГПУ и погиб на Лубянке.
- ²⁹⁵ *Кутепов* Александр Павлович (1882–1930) — генерал, командир корпуса в армиях генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Эмигрировал в Болгарию, затем во Францию. С 1928 г. председатель Русского Общевоинского союза. Похищен и казнен в СССР.
- ²⁹⁶ *Розенблюм* (Фирсов) Дмитрий Соломонович (1873–1939) — из мещан, избран членом ЦК на III съезде партии эсеров. Член Временного совета Российской республики и Учредительного собрания. Расстрелян.
- ²⁹⁷ *Подвицкий* Виктор Владимирович (1886–1934) — публицист, в партии эсеров с 1900-х гг. Делегат III съезда, член Учредительного собрания от Смоленского избирательного округа. В советское время неоднократно арестовывался.
- ²⁹⁸ *Огановский* Николай Петрович (1874–1938) — из дворян, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, автор трудов по теории аграрных отношений, в которых развивал народнические взгляды, один из лидеров народно-социалистической партии. В 1917 г. член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Распорядительной комиссии Лиги аграрных реформ, Совета Главного земельного комитета Временного правительства. Он являлся участником Государственного и Демократического совещаний, членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Осенью 1917 г. вышел из партии народных социалистов и примкнул к правым эсерам. Депутат Учредительного собрания, сотрудничал с Комучем, товарищ министра земледелия правительства Директории. Позднее — один из авторов Земельного кодекса РСФСР. В 1930 г. арестован и осужден за «вредительскую деятельность». Расстрелян.
- ²⁹⁹ *Черчилль* (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) — до 1904 г. консерватор, затем — либерал, с начала 20-х гг. XX в. — один из лидеров консервативной партии. В 1910–1911 гг. — министр внутренних дел. В 1911–1915 гг. — морской министр, в 1919–1921 гг. — военный министр. Премьер-министр и министр обороны Великобритании в годы Второй мировой войны. В 1951–1955 г. вновь был премьер-министром Великобритании.

- ³⁰⁰ *Изгоев* Александр Соломонович (1872–1935) — публицист, бывший «легальный марксист», член ЦК конституционно-демократической партии, один из авторов сборника «Вехи».
- ³⁰¹ *Ракитников* Николай Иванович (1884–1938) — из крестьянской семьи, окончил Петербургский университет, участник народовольческого движения 1880-х гг., один из основателей и лидеров партии эсеров. После Февральской революции 1917 г. член Временного правительства — товарищ министра земледелия, занимался организацией Главного земельного комитета. После Октябрьского переворота 1917 г. не разделял установки эсеровской партии на продолжение вооруженной борьбы с большевизмом. В 1919 г. отошел от политической деятельности, работал экономистом и статистиком, занимался научной работой. В 1937 г. арестован, в 1938 г. — расстрелян.
- ³⁰² *Филитовский* Василий Николаевич (1882–1940) — старший лейтенант флота, член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, входил в военную комиссию Совета, исполнял обязанности коменданта Таврического дворца. Погиб в лагере на Колыме.
- ³⁰³ *Шульгин* Василий Витальевич (1878–1976) — русский общественный деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла II–IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы. После Гражданской войны в эмиграции. Вернулся в СССР и 1944–1956 гг. провел в тюрьме, автор мемуаров.
- ³⁰⁴ *Миллер* Евгений-Людвиг Карлович (1867–1937) — один из выдающихся белых полководцев периода Гражданской войны. Генерал-губернатор и главком войсками Северной области (1919–1920). С 1920 г. — эмигрант. С 1930 г. председатель Русского Общевоинского союза. Похищен из Парижа и казнен в СССР.
- ³⁰⁵ *Валидов* Ахмед-Заки (1890–1970) — деятель башкирского национального движения, участник Гражданской войны, командовал башкирским кавалерийским корпусом, действовавшим на стороне адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Дутова, затем стал союзником Красной армии.
- ³⁰⁶ *Клемансо* (Clémenceau) Жорж-Бенжамен (1841–1929) — французский политический деятель, глава радикальной партии, выдающийся парламентский оратор, получивший репутацию «крушителя кабинетов». Он был противником буланжизма и иных популистских движений. В качестве публициста выступал по делу Дрейфуса на его стороне.
- ³⁰⁷ *Ллойд-Джордж* (Lloyd George) Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг., один из лидеров либеральной партии. В 1905–1908 гг. — министр торговли, а в 1908–1915 гг. — министр финансов.
- ³⁰⁸ *Орландо* (Orlando) Витторио Эммануэле (1860–1952) — один из лидеров итальянского либерализма, в 1917–1919 гг. премьер-министр, противник фашистского режима, автор классических трудов по теории права и конституционному праву.

- ³⁰⁹ *Сайондзи* Киммоти (1849–1940) — неоднократно премьер-министр Японии в период 1901–1912 гг., с 1912 г. — Гэнро (почетный пожизненный титул, присваивался особо доверенным советникам императора). Возглавлял японскую делегацию на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.
- ³¹⁰ *Лукомский* Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант генштаба (1916). В 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего при генерале Л. Г. Корнилове. После провала его выступления бежал на Дон и участвовал в создании Добровольческой армии и организации ее боевых действий.
- ³¹¹ *Карсавин* Лев Платонович (1882–1952) — историк и религиозный философ. Автор трудов по медиевистике и философии истории. В 1922 г. — выслан за границу, профессор в Каунасе и Вильнюсе.
- ³¹² *Коновалов* Александр Иванович (1875–1848) — лидер партии прогрессистов и Прогрессивного блока в IV Государственной думе, министр торговли и промышленности Временного правительства, после Октябрьского переворота 1917 г. — эмигрант.
- ³¹³ *Сталин* Иосиф Виссарионович (1879–1953) — с 1922 г. генеральный секретарь ЦК КПСС, создатель тоталитарного советского режима, организатор Большого террора, в ходе которого были уничтожены практически все активные деятели русской революции, не успевшие эмигрировать.
- ³¹⁴ *Радек* (наст. фам. Собельсон) Карл (1885–1939) — деятель социал-демократического движения, член РСДРП с 1903 г., большевик с 1917 г. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в Наркомате иностранных дел. Член ЦК и Исполкома Коминтерна. В 1937 г. осужден за причастность к троцкистскому блоку. Убит в лагере.
- ³¹⁵ *Каменев* (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — член РСДРП с 1901 г. Член ЦК, Политбюро, а также ВЦИК и ЦИК СССР, председатель СТО. Расстрелян.
- ³¹⁶ Прогноз о возможности созыва Учредительного собрания до настоящего времени не реализовался. Последний раз эта идея активно обсуждалась в период перестройки в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Однако действующая Конституция 1993 г. была принята без созыва Учредительного собрания.

Библиография

Вишняк М. В. Закон о выборах в Учредительное собрание. Пг., 1917.

Вишняк М. В. Партия социалистов революционеров. Пг., 1917.

Вишняк М. В. Право меньшинств. Париж, 1926.

Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж: «Современные записки», 1931.

Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж: «Современные записки», 1932.

Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Блумингтон, 1957.

Вишняк М. В. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж–Нью-Йорк: Stanford. Hoover Institution Press, 1970.

Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.

Указатель имен

- Аванесов П. А. — 192, 419
Авинов Н. Н. — 157, 167, 172, 409, 413
Авксентьев Н. Д. — 10, 13, 15, 17, 183,
187, 196, 200, 223, 284, 286, 290, 291,
298, 300–303, 305, 308–311, 313,
321, 329, 352, 414, 416, 425, 426, 431,
433
Аксаков К. С. — 108, 388
Александр I — 105, 380, 386, 398
Александр II — 113, 390, 391
Александр III — 114, 115, 132, 391, 392
Алексеев М. В. — 240, 275, 291, 294, 295,
324, 339, 429
Алексеевский В. А. — 157, 317
Алексинский И. П. — 213, 292, 422
Алкин И. С. — 316, 330
Алмазов В. И. — 316
Альтовский А. И. — 228
Алюнов Г. Ф. — 316
Андогский А. И. — 312, 313, 315
Анненков Б. В. — 304, 316, 318
Анненский Н. Ф. — 127, 394
Антонов-Овсенко В. А. — 240
Аралов — 241
Аргунов А. А. — 183, 187, 226, 237, 281,
286, 287, 290–292, 298, 302, 308, 416,
425, 433
Аристотель — 78, 360, 367
Архангельский В. Е. — 226, 262, 302, 433
Арцыбашев М. П. — 343
Астров Н. И. — 161, 291, 295, 297, 298,
412, 425, 426
Ататюрк М. К. — 57, 69, 100, 380
Бакунин М. А. — 107, 108, 110, 387
Бангерский — 316
Банко (лит.) — 73
Барсов — 317
Бебель А. — 109
Белов — 304
Белоруссов-Белецкий А. С. — 230, 231,
303, 331, (340), 427
Берг (Берк) Э. — (93), 373
Бердяев Н. А. — 15, 46, 230, 426, 427
Бестужев-Рюмин М. П. — 105, 385
Бирлинг — 97, 99
Бисмарк О. — 46, 378
Боголюбов — 249
Богучарский В. Я. — 106, 109, 110, 117
Болдырев В. Г. — 262, 291, 294, 297, 298,
301, 304, 307–309, 314, 317, 321,
425, 432
Бонч-Осмоловский А. О. — 258
Боржо Ш. — 88, 90, 369
Брешко-Брешковская Е. К. — 286, 290
Брудерер — 317
Бруно Ж. — 85, 367
Брут С. Ю. — 81
Бруцкус Ю. Д. — 191
Брушвит И. М. — 247, 248, 330, 429
Брюсов В. Я. — 230, 340, 427
Будберг А. — 311, 312, 314, 315, 318
Булыгин А. Г. — 133, 396
Бунин И. А. — 245, 309
Бурбоны — 18
Буревой К. — 294, 310, 316, 328, 432
Буржуа Г. — 291
Буташевич-Петрашевский М. В. — 102,
382
Бухарин Н. И. — 175, 184, 199, 214, 415
Валера де — 100
Валидов А. З. — 327, 435
Вебер М. — 8, 19, 380, 402
Веденяпин М. А. — 252, 268, 269, 317, 430
Вейнберг — 303
Вейротер — 298, 432
Венизелос Э. — 100, 379

- Взоров — 254
Винавер М. М. — 167, 172, 352, 413
Вильгельм II. — 271, 430
Вильсон Т. В. — 216, 424
Виноградов — 291, 309, 311, 425
Витте С. Ю. — 23, 51, 101, 135, 137, 138, 154, 381
Вишняк М. В. — 5–23, 27, 28, 32–37, 40, 42, 44–47, 49–51, 53–55, 57–59, 62–73, 157, 161, 169, 172, 198, 226, 234, 237, 298, 359, 379, 412–414
Владыкин В. П. — 316, 317
Волков В. И. — 300, 302, 312, 313, 316, 319, 326, 433
Волконский Г. — 135, 136
Вологодский П. В. — 225, 277, 280, 287, 291, 292, 300, 302, 308, 309, 315–317, 326, 425, 431
Вольный И. Е. — 316
Вольский В. К. — 247, 316, 328, 330, 429
Вольтер М. Ф. — 67
Вольф Х. — 84, 366
Врангель П. Н. — 212, 343, 350, 351, 354, 422, 434
Вязьмитинов В. Е. — 322

Галкин — 249, 252
Галлер А. — 93
Гамбетта Л. — 98, 377
Гапон Г. А. — 130, 131, 395
Гаттенберг А. Н. — 301
Гегель Г. В. Ф. — 94, 362, 373, 374, 388, 390, 408
Гейден П. А. — 135, 398
Генрих III — 81, 364
Герцен А. И. — 107, 108, 272, 336, 338, 387, 431
Герштейн Л. Я. — 316
Гессен В. М. — 8, 17, 22, 27, 41, 92, 95, 138, 140, 161, 355, 371, 372, 374, 407–409, 424, 427
Гессен С. И. — 35, 36
Гинс Г. К. — 221, 223, 224, 231, 244, 252, 274–276, 278, 280, 282, 286, 287, 301, 313, 320, 426
Гинэ — 267
Гиппиус З. Н. — 207, 336
Гирке О. — 36
Гирш — 157
Головин Ф. А. — 135, 397
Гольдман Я. Ю. — 157, 191, 203, 417
Гонатас — 100
Горький А. М. — 348
Гоц А. Р. — 196, 201, 205, 223, 419, 426
Григорьев В. Н. — 272
Гришин-Алмазов А. Н. — 274, 275
Гувер Г. К. — 216, 424
Гуковский А. И. — 15, 183, 187, 323, 416
Гурвич Г. Д. — 14, (96)
Гурко В. И. — 223, 224, 324, 426
Гус Я. — 85, 367
Гучковы — 135, (397)

Дан Ф. И. — 17, 132, 270, 396, 410, 430
Дантон Ж. Ж. — 20
Дашинский — 152
Девятков И. — 317
Дедусенко Я. Т. — 226, 323, 324, 326
Дель Веккио — 8, 380
Де Местр Ж. М. — 93, 94, 373
Демьянов А. А. — 339
Деникин А. И. — 209, 210, 212, 220, 223, 224, 244, 253, 269, 275, 294, 295, 298, 322, 323, 330, 331, 339, 343, 350, 354, 394, 412, 422, 432, 434
Дербер П. Я. — 225, 277, 278, 287, 431
Джедсон — 265
Добровольский А. А. — 323
Добролюбов Н. А. — 107, 108
Довнар-Запольский М. В. — 105
Долгоруков П. Д. — 182, 195, 416
Драгоманов М. П. — 110, 111, 114, 115, 390
Дутов А. И. — 262, 263, 275, 430
Дыбенко П. Е. — 59, 188, 190, 191, 200, 206, 207, 418
Дюги Л. — 8, 66, 380
Дюплесси-Морнэ — 81, 363

Еллинек Г. — 8, 19, 79, 97, 100, 362, 374, 375

- Ельяшевич А. Б. — 202, 226, 420
 Ефремов Л. А. — 157, 203
- Жардецкий В. А.** — 300, 302
 Железняков А. — (59), 178, 186, 188, 206, 348, 349, 421
 Желябов А. И. — 114, 115, 117, 391
 Жордания Н. — 37
 Жорес Ж. — 18
 Жэз Г. — 97–101
- Зайчневский П. Г. — 106, 386
 Зензинов В. М. — 11, 202, 226, 291, 293, 301, 302, 305, 306, 308–310, 321, 329, 420, 425, 426, 433
 Зефилов Н. С. — 301
 Зиммель Г. — 36
 Зорге Ф. — 109
 Зубов П. Ю. — 323
- Иванов А. А.** — 323
 Иванов Н. Н. — 317
 Иванов-Ринов П. П. — 304, 315
 Изгоев А. С. — 150, 213, 314, 343, 435
 Ильин И. А. — 46, 155, 408
- Кавеньяк Л. Э.** — 39
 Каледин А. М. — 185, 275, 339, 417
 Калмыков И. П. — 304, 315
 Каменев Л. Б. — 356, 436
 Камков Б. Д. — 192, 419
 Каннегисер Л. И. — 183
 Капель В. О. — 271, 272
 Карелин В. А. — 205, 421
 Карл I — 217, 424
 Карр Э. — 52
 Карре де Мальбер Р. — 8, 91, 362, 371, 380
 Карсавин Л. П. — 337, 348, 436
 Катанаев А. В. — 300, 302, 312, 313, 316, 433
 Кельзен (Кельсен) Г. — 19, 93, 362, 372, 380
 Керенский А. Ф. — 40, 55, 100, 150, 159, 161, 175, 184, 196, 200, 255, 313, 314, 343, 352, 379, 414, 429
- Кизеветтер А. А. — 109, 230, 232, 427
 Кишкин Н. М. — 161, 412
 Клеман Ж. — 81
 Клемансо Ж. Б. — 331, 435
 Климушкин П. Д. — 247, 248, 251, 317, 429
 Ключников Ю. В. — 213, 230, 309, 310, 329, 330, 340, 422
 Коварский В. Н. — 226, 237, 429
 Козловский М. Ю. — 157, 191, 418
 Кокошкин Ф. Ф. — 8, 14, 17, 22, 29, 32, 37, 39, 97, 99, 135, 155, 157, 161, 164, 166, 167, 169, 182, 195, 375, 376, 396, 405–409, 412
 Коллонтай А. М. — 188, 191, 207, 418
 Колчак А. В. — 65, 67, 209, 212, 220, 221, 231, 245, 253, 262, 276–278, 281, 282, 288, 290, 295, 301–304, 306, 309, 311–321, 326–328, 330–332, 340, 350, 354, 421–423, 425, 426, 430, 431, 433, 434
 Коновалов А. И. — 352, 436
 Корнилов Л. Г. — 40, 104, 150, 210, 211, 275, 338, 339, 379, 405, 412, 434
 Короленко В. Г. — 131, 395
 Красильников И. Н. — 300, 302–304, 313, 316, 318, 319, 326, 433
 Краснов П. П. — 252, 269, 271, 275, 429, 430
 Крашенинников — 304
 Кроль Л. А. — 178, 195, 231, 232, 269, 285, 289, 290, 292, 300, 305, 314, 331, 431
 Кромвель О. — 54, 57, 217–219, 410, 424, 425
 Крохмаль В. Н. — 10, 157, 172
 Круглевский — 316, 317
 Кругликов А. Н. — 226, 302, 433
 Круговский В. М. — 225, 277, 287, 292
 Крыленко Н. В. — 192, 410, 418, 419
 Кугельман — 109
 Кулидж К. — 216, 424
 Кулишер А. М. — 154, 279
 Кутепов А. П. — 303, 434

- Лабанд П. — 8
Лабулэ Э. Л. — 89, 369
Лаверн — 265, 268
Лавров П. Л. — 107, 109, 114, 387, 388
Лазарев Е. Е. — 192, 252, 310, 419
Лазаревский Н. И. — 27, 157, 161, 401, 408, 409, 411, 412, 424
Ламберт — 218
Ласки Г. — 8, 380
Лассаль Ф. — 109, 390
Лафайет М. Ж. — 88, 369
Лацис М. И. — 260, 430
Лебедев В. И. — 246, 271, 272, 295
Лебедев Д. А. — 315,
Ленин В. И. — 13, 52–55, 57, 59, 60, 62, 69, 73, 100, 173–182, 184, 185, 189, 191, 193, 196, 197, 200, 203–205, 207–209, 214, 217, 219, 220, 231, 232, 265, 327, 338, 345, 379, 380, 391, 402, 415, 417, 422, 423
Ленталь — 218
Лепелетье С.-Ж. де — 94, 373
Лефевр (Лефебр) Ж. — 89, 369
Ливингстон Д. — 90
Линдберг М. Я. — 226
Лихач М. А. — 226, 323, 324, 326
Ллойд Джордж Д. — 331, 435
Логинов — 189
Локарт Р. Г. Б. — 265, 430
Локк Д. — 81, 82, 84, 362, 364, 365
Лордкипанидзе И. Н. — 172, 192, 418
Лотошников С. М. — 226, 310, 317
Лукомский А. С. — 210, 211, 331, 339, 436
Луначарский А. В. — 192, 419
Люберсак де — 265
Людвик XVI — 90, 369, 377
Лютер М. — 184, 417
Львов Г. Е. — 135, 147, 150, 155, 163, 164, 343, 397
Львович-Давидович — 203
Ляцкий Е. А. — 235
Мабли Г. Б. — 86, 368
Магазинер Я. М. — 30
Макбет (лит.) — 73
Маевский Е. — 321
Мазин — 302
Мазон А. — 62
Майский И. М. — 256–258, 293, 430
Маклаков В. А. — 18–20, 22, 138, 157, 166, 268, 354, 404, 408, 409
Максаков В. — 225
Максы — 241
Мартюшин Г. А. — 323
Маслов С. С. — 226, 252, 323, 324, 326
Марковецкий — 317
Маркс К. — 109, 180, 379, 388, 389
Марков Б. Д. — 226, 327
Марков Н. Е. — 213, 422
Мартов Ю. О. (Мартов Л.) — 114, 132, 270, 379, 391
Марч П. К. — 212
Масарик Т. Г. — 100, 378
Матвеевская О. А. — 191, 418
Матьез А. — 13
Махин Ф. Е. — 259, 260
Мезенцев — 110
Мельгунов С. П. — 215, 216, 235, 245, 253, 275, 278, 282, 288, 293, 297, 298, 303, 304, 310, 312–314, 318, 323, 332, 404, 424
Мережковский Д. С. — 181, 415
Милицин С. В. — 341
Миллер Е. К. — 324, 326, 343, 435
Милль Д. С. — 167, 413
Милоков П. Н. — 14, 16, 19, 22, 23, 32, 37, 71, 72, 100, 135, 137, 138, 140, 141, 155–157, 160, 236, 237, 240, 252, 253, 271, 273, 274, 292, 305, 311, 339, 352, 359, 379, 402, 404, 408, 414
Милютин В. П. — 38, 410
Минор О. С. — 199, 204, 344, 352, 421
Мирабо О. Г. Р. — 85, 210, 211, 366, 367
Мирбах В. — 242, 269, 429
Миркин-Гуцевич Б. С. — 14, 46, 63
Михаил Александрович, вел. князь — 147, 156, 404
Михайлов И. А. — (212), 225, 277, 278, 280, 281, 287, 301, 302, 308, 313, 326, 431

- Михайлов П. Я. — (212), 226, 275, 327
 Михайловский Н. К. — 107, 109, 387, 388
 Моисеенко Б. Н. — 290, 298, 299, 303, 304, 327, 432
 Моксунов — 316
 Монк Дж. — 218, 219, 425
 Монтень М. де — 208, 421
 Монтескье Ш. Л. — 82, 85, 86, 362, 364
 Морнэ — 81
 Морэн Г. — 97, 98
 Муравьев М. А. — 240, 429
 Муравьев Н. М. — 7, 103–105, 383, 385
 Муравьев-Апостол С. И. — 105, 385, 386
 Муратов П. — 223, 224
 Муsscолини Б. — 57, 69, 100, 380
 Мюллер А. — 93, 373
 Мюнцер Т. — 66, 85, 367
 Мякотин В. А. — 127, 157, 235, 236, 298, 394

Набоков В. Д. — 10, 135, 156, 161, 397, 404
Набоков К. Д. — 319
 Наполеон I — 46, 57, 377, 381
 Некрасов Н. В. — 151, 405
 Нельсон — 313, 314
 Нестеров И. П. — 247, 252, 317, 429
 Николаев С. Н. — 249, 251, 307, 317
 Николай I — 106, 386
 Николай II — 121, 147, 392, 397
 Николай Николаевич, вел. князь — 350
 Новгородцев П. И. — 8, 86, 231, 232, 426–428
 Новоселов А. Е. — 225, 287, 292, 301, 431
 Нокс А. У. — 212, 291, 313, 314, 326, 332, 422
 Нольде Б. Э. — 14, 92, 100, 157, 161, 169, 172, 372, 408, 409, 424
 Носке Г. — 223, 426
 Нуланс Ж. — 55, 60, 236, 237, 265, 268, 428

Огановский Н. П. — 310, 344–346, 434
Огарев Н. П. — 272, 431
 Олар А. — 13, 14, 46
 Ольстен — 291

 Орlando В. Э. — 331, 435
 Ориу М. — 8, 96, 97, 374
 Острогорский М. Я. — 8, 380

Павел Ю. — 97, 374
 Павлов В. Е. — 290, 310, 317
 Павлу Б. — 242, 283, 291
 Пайпс Р. — 53
 Папоушек Я. — 242, 244, 266
 Парето В. — 8, 380
 Пасманик Д. С. — 169, 414
 Патушинский — 225, 277
 Пепеляев В. Н. — 212, 285, 302, 313, 433
 Пестель П. И. — 103–106, 383–386
 Петерс Я. Х. — 90
 Петр I — 46, 69, 102, 359, 381, 382
 Петражицкий Л. И. — 8, 97, 375, 427
 Петров И. П. — 281
 Петров П. П. — 255
 Петрункевич И. И. — 110, 111, 390
 Пешехонов А. В. — 10, 127, 213, 233, 236, 329, 330, 394
 Пиленко А. — 149
 Пилсудский Ю. — 47, 100, 380
 Пишон С. — 268, 291, 430
 Пластирас — 100
 Платон — 78, 360, 361
 Плеве В. К. — 129, 395, 434
 Плеханов Г. В. — 117, 118, 122–124, 379, 391, 392
 Подвицкий В. В. — 310, 317, 434
 Полибий — 78, 361
 Посадовский — см. Троцкий Л. Д. — 123
 Постников С. П. — 293, 432
 Почекуев К. Т. — 317, 327
 Прайд — 217, 425
 Пуль Ф. К. — 212, 325, 326
 Пумпянский В. П. — 226, 302, 327, 433
 Пуришкевич В. М. — 149, 404
 Пуффендорф С. — 84, 365
 Пфуль К.-Л.-А. — 298, 432, 433

Радек К. — 356, 436
 Размирович Е. Ф. — 191

- Ракитников Н. И. — 306, 316, 328, 435
Раков Д. Ф. — 252, 302, 304, 433
Раскольников Ф. Ф. — (200), 203, 214, 420
Рейснер М. — 30, 42
Ричард — 218
Рихтер — 242
Робеспьер М. — 69, 95, 374
Робинсон — 265, 266
Роговский Е. Ф. — 251, 301, 302, 326, 433
Родзянко М. В. — 212, 354, 422
Родичев Ф. И. — 169, 414
Рожков Н. А. — 30, 38, 39
Розанов С. Н. — 304, 305
Розенблюм Д. С. — 226, 237, 310, 434
Розенталь П. — 91, 155
Романовский И. П. — 339
Романовы — 18, 166
Руднев В. В. — 15, 196, 226, 419
Руссо Ж. Ж. — 83–88, 93, 362, 365, 368
Рылеев К. Ф. — 105, 385
- Савинков Б. В. — 303, 434
Садуль Ж. — 56, 57, 265
Сайонжи К. — 331, 436
Сапожников В. В. — 291, 301
Свердлов Я. М. — 192, 193, 419
Святицкий Н. В. — 12, 155, 157, 178, 179, 293, 294, 308, 316, 328, 432
Северов-Одоевский — 202
Сельяма — 191, 203, 327
Семенов Г. М. — 266, 304, 315, 316, 318, 328, 345
Серебренников И. И. — 225, 287, 290, 291, 293, 301
Сесиль Р. — 319
Сидоров В. — 226
Сийес Э. Ж. — 86–89, 93–95, 367
Сипягин Д. С. — 125, 394
Скворцов-Степанов И. И. — 192, 193, 200, 213, 419
Скобелев М. И. — 202, 420
Скоропадский П. П. — 269, 271, 430
Слащов Я. А. — 213
Слетова А. Н. — 191, 206, 226, 417
Сменд Р. — 8, 380
- Соколов Б. Ф. — 48, 344, 345, 347
Соколов В. В. — 228
Сокольников Г. Я. — 184, 417
Сорокин П. А. — 33, 157, 183, 187, 202, 226, 237, 416
Сперанский М. М. — 101, 249, 304, 380, 381, 386, 398
Спиридонова М. А. — 191, 192, 197, 232, 418
Сталин И. В. — 354, 415, 420, 436
Стамболийский — 69
Старцев М. А. — 323, 325, 326
Старынкевич С. С. — 301, 310, 319
Стахович М. А. — 135
Стеклов Ю. М. — 191, 418
Степанов В. А. — 271, 272
Степун Ф. А. — 15
Струве П. Б. — 22, 128, 132, 140, 222, 230, 339, 340, 392, 394, 395, 408, 426
Стюарты — 18, 424
Суарец Ф. — 80, 363
Суворин Б. А. — 322
Сун-Ян-Сен — 100, 218, 380
Сургучев Д. — 327
Сурин В. И. — 312
Сухомлин В. В. — 269, 272, 273, 430
Сыромятников — 313, 316
- Табуи — 240
Тан В. Г. — 131
Тимашев Н. С. — 14, 63
Тимофеев Е. М. — 203, 226, 347
Токвиль А. — 18, 39, 46
Троцкий Л. Д. — 10, 52, 54, 55, 57, 69, 173, 175, 177, 189, 191, 241–244, 260, 261, 265, 266, 269, 337, 380, 414
Трояновский А. А. — 202
Трубецкой Г. Н. — 339, (427)
Трубецкой Е. Н. — 129, 137, 395, (427)
Трубецкой С. П. — 105, 385, (427)
Турунов А. — 225
Тьер А. — 98, 377
- Уорд — 265, 267
Урицкий М. С. — 177, 183, 187, 207, 417

- Устинов В. М. — 40, 41, 230, 231
 Устрялов Н. В. — 67, 68, 230, 340, 427
- Ф**
 Фавр Ж. — 98, 377
 Федоров М. М. — 339, 426
 Федорович В. Т. — 317, 330
 Ферреро Г. — 93, 372
 Фигнер В. Н. — 191, 417
 Филипповский В. Н. — 252, 317, 435
 Флитвуд — 218
 Флуг В. Е. — 276, 295, 339
 Фома Аквинский — 80, 361
 Фомин Н. В. — 275, 317, 321, 327, 330
 Фондаминский И. И. — 15, 226, 421
 Фортунатов Б. К. — 228, 247–249, 255, 271, 317, 327, 426, 429
 Франсуа — 97
 Фрэнсис — 265, 266
- Х**
 Хилквит М. — 219
 Хорват Д. Л. — 287, 295, 431
 Хорти М. — 69
 Хувер К. — 216
- Ц**
 Цаликов А. Т. — 202
 Цвейг Э. — 86
 Церетели И. Г. — 157, 202, 203, 214, 342, 420
 Цицерон М. Т. — 78, 361
- Ч**
 Чайковский Н. В. — 215, 250, 291, 312, 313, 323, 324, 326, 425, 432
 Чаплин Г. Е. — 212, 324–326
 Чембулов Ф. З. — 297
 Чермак — 241
 Чернов В. М. — 13, 15, 60, 126, 155, 157, 193, 196–198, 200, 203, 206, 207, 223, 226, 232, 252, 253, 273, 306, 316, 328, 330, 343, 349, 394, 411, 417, 426
- Чернышевский Н. Г. — 107, 387
 Черчилль У. — 313, 332, 434
 Чечек — 248, 271
 Чичерин Г. В. — 328
- Ш**
 Шатилов М. Б. — 225, 277, 287, 292
 Шатобриан Ф. Р. — 85, 367
 Швецов С. П. — 192
 Шейдеман А. Л. — 152, 405
 Шингарев А. И. — 182, 195, 377, 416
 Шмелев — 328
 Шмитт К. — 8, 373, 380
 Шрейдер Г. И. — 226, 322
 Штейдлер Ф. — 245
 Штейнберг И. З. — 184, 200, 201, 204, 217, 420
 Штейнгель В. И. — 105, 386
 Шульгин В. В. — 322, 337, 354, 397, 435
- Щ**
 Щепин — 313
 Щепихин С. А. — 246, 281
- Э**
 Эберт Ф. — 151, 405
 Энгельс Ф. — 109, 269, 388, 389
 Эрлих Е. — 97
 Эсмен А. — 8, 380
- Ю**
 Юаньшикай — 54, 218
 Юденич Н. Н. — 212, 325, 343, 354, 422
 Юниус — 154
- Я**
 Яков — 82, 365
 Яковлева В. Н. — 191, 418
 Якушев И. А. — 287, 292
 Ярке — 93

Содержание

Марк Вениаминович Вишняк

А. Н. Медушевский 5

М. В. ВИШНЯК. ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 75

Предисловие 77

I. Проблема учредительной власти в истории политических идей и учреждений.

Идея учредительной власти в историческом развитии. — Американская практика и европейская теория. — Доктрина французской революции. — Конституанта и Конвент. — Дух и стиль 18-го века и современное правосознание в учении об учредительной власти. — Общественное провозглашение, как первичная норма права и как источник учредительной власти. — Внезаконное преобразование государства, как принцип французского публичного права и как факт русской истории. — Учредительное Собрание, как порядок преобразования фактической власти во власть регулярную и правовую. 78

II. Идея Учредительного Собрания в истории общественного самосознания России.

Декабристы: «якобинцы» и «демократы». — Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россия» и «Свобода». — Хилиастические чаяния социального переворота и «счастье» России — в отсталости её политического развития. — Проблески идеи Учредительного Собрания. — Учредительное Собрание в программе «Народной Воли». — Исторические дефекты и заслуги в политической идеологии «Народной Воли». — Её наследники. — «Группа освобождения Труда» и программы 1884 и 1887 гг. 103

III. Идея Учредительного Собрания на перевале XIX-го века.

Политическое пробуждение и новые попытки построения программ. — Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и её отношение к принципам демократии. — Партия Социалистов-Революционеров и её программа. — «Освобождение» и «Союз Освобождения». — Идеология революции и оппозиции. — Программа Конституционно-Демократической партии. — Учредительное Собрание, как основной лозунг революции 1905 г. — Попытка монополизации этого лозунга. — Его модификация. — «Законодательное Собрание с учредительными функциями». — Партии, принявшие требования Учредительного Собрания. — Их отношение к этому требованию. 120

IV. Революция 1917 г. и Всероссийское Учредительное Собрание.

Из мира идей в мир вещей. — Универсальная клятва верности Учредительному Собранию. — Непредрешимость воли будущего хозяина русской земли. — Затяжной характер власти Временного правительства и срок выборов в Учредительное Собрание. — Кто виноват? — Объективные причины отсрочек и запоздания. — Повышенные требования и организационно-технические трудности. — Срок выборов, как пункт партийно-политической борьбы. — Особое Сопещение по изготовлению закона о выборах в У. С. — Отношение к нему и к его задаче со стороны русской общественности. — Основные начала наиболее демократического избирательного закона в мире. — «Мертворожденный» закон в лимитрофных странах. — Русский прецедент и западноевропейская практика после войны. — Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание. — Всероссийская Комиссия по выборам. — «Обеспечение созыва в срок Всероссийского Учредительного Собрания», как один из лозунгов большевистского переворота. — Легкость переворота и расчет на большинство в У. С. — Цифровые итоги. — Победа оппозиции и перемена позиции. — Советы, как единственно возможная форма диктатуры пролетариата. 146

V. Первый и последний день Всероссийского Учредительного Собрания.

На улице и в Таврическом дворце. — Правящее меньшинство и оппозиционное большинство. — Гегемония с.-р.-ов. — Речь председателя. — Планы с.-р.-ов, большевиков и левых с.-р.-ов. — Зверинец и цирк. — 17-ти часовая Голгофа. — За кулисами Таврического дворца. — Уход большевиков и левых с.-р.-ов. — Выступление Железнякова. — Постановления Учредительного Собрания. — «Вчерашний день русской революции» или завтрашний день русской истории? 186

VI. Всероссийское Учредительное Собрание в гражданской войне.

Роль идей в гражданской войне. — Два лагеря по признаку признания и отрицания идеи и факта Учредительного Собрания. — «Осколки» Долгого Парламента в Англии 17-го века. — Положительные и отрицательные стороны с.-р.-ского возглавления вооруженной борьбы против советской власти. — VIII-ой Совет партии С.-р. в Москве и меры «спасения родины и революции». — Восстановление Учредительного Собрания первого созыва или созыв нового У. С.? — Программа и тактика с.-р., н.-с., с.-д., к.-д. и Союза Возрождения. 208

VII. Фронт Учредительного Собрания

Выступление чехословаков. — Стихия и сознательность, импровизация и необходимость в гражданской войне. — Народное восстание на Волге. — Народное восстание в Сибири. — Роль

«учредителей» там и тут. — Образование самарского Комитета Учредительного Собрания. — Борьба за У. С., как борьба за освобождение России от большевиков и внешнего противника. — Безличное основание власти, внепартийной и общенациональной. — Организация управления и вооруженных сил. — Кульминация успеха: взятие Казани и золотого запаса. — Внешняя политика КОМУЧа. — Союзническая политика в Европе и на фронте гражданской войны.239

VIII. Образование временной Всероссийской власти.

Государственное Совещание в Уфе. — Два крыла. — Смена властей в Сибири. — Борьба Омска с Самарой. — Взаимные упреки и притязания. — Средняя позиция. — Медиаторы из Союза Возрождения. — Московские проекты и уфимская реальность. — Вынужденное соглашение и содержание компромисса. — Избрание пятичленной Директории. — Её права и обязанности. — Условия созыва Учредительного Собрания первого созыва. — Конец КОМУЧа. — Съезд членов Учредительного Собрания, как «государственно-правовой орган».274

IX. Жизнь и смерть Директории

Омская обстановка. — Реальная сила и сила идей. — «Учредилловцы» на севере, на юге и на востоке. — Переворот 2-го августа в Архангельске. — Убийство Б. Н. Моисеенко в Омске. — Воззвание с.-р.-овского ЦК и правые заговорщики. — За несколько часов до международного признания власти Директории. — Переворот 18 ноября. — Арест членов Директории в Омске. — Аресты членов Учредительного Собрания в Екатеринбурге и Самаре. — Убийства «учредилловцев» в Омске и на Байкале. — Конец Всероссийского Учредительного Собрания первого созыва.299

X. Заключение

Причины поражения демократии и фронта Учредительного Собрания. — За что боролась «третья сила»? — Обвинители и хулителы. — Победители и отступники. — 6-е января в Петрограде и 18-ое ноября в Омске. — Историческое оправдание и политические выводы. — Совещание членов Учредительного Собрания в Париже и Исполнительная Комиссия. — Завтрашний день русской истории.333

КОММЕНТАРИИ 357

Библиография 438

Указатель имен 440

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Вишняк Марк Вениаминович
Всероссийское Учредительное Собрание

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *И. В. Пучкова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *М. В. Минина*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Корректор *А. Э. Вербицкая*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 643

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

